

**АВТОРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ
АНТОНА ШАНДОРА ЛАВЕЯ**

**ЛАВЕЙ СО СВОИМ ЛИЧНЫМ
МАГИЧЕСКИМ СИМВОЛОМ:
ПЕРЕВЕРНУТАЯ ПЕНТАГРАММА,
ПРОЗВЕННАЯ МОЛНИЕЙ**

**БУДУЩАЯ УБИЙЦА
И СОРАТНИЦА ЧАРЛЬЗА
МЭНСОНА СЬЮЗЕН АТКИНС
В РЕВЮ ЛАВЕЯ**

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ САТАНИСТА

**БЛАНШ
БАРТОН**

**«САТАНА ВСЕГДА БЫЛ САМЫМ
ЛУЧШИМ ДРУГОМ ЦЕРКВИ, ИБО ОН НЕ
ДАВАЛ ЕЙ ВЫЙТИ ИЗ БИЗНЕСА
ВСЕ ЭТИ ГОДЫ!»**

**«В ЧЕЛОВЕКЕ СКРЫТ
ЗВЕРЬ, И ЕГО
НАДО ПРОЯВИТЬ,
А НЕ ИЗГНАТЬ!»**

УЛЬТРА.КУЛЬТУРА

Сканирование dmnfff000
www.rutracker.org

БЛАНШ БАРТОН

**ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
САТАНИСТА**

**АВТОРИЗОВАННАЯ
БИОГРАФИЯ
АНТОНА ШАНДОРА ЛАВЕЯ**

УЛЬТРА.КУЛЬТУРА
ЕКАТЕРИНБУРГ
2006

УДК 2-167.64(73)(092)ЛаВей А.-Ш.
ББК 86д(7Сое)ЛаВей А.-Ш.
Б26

The Secret Life of a Satanist ©
1990, 1992 by Blanche Barton
All Rights Reserved.

Бартон, Бланш.

526 Тайная жизнь сатаниста: Авторизованная биография
Антон ЛаВея / Бланш Бартон; [Пер. с англ. И. Богданова,
Д. Борисов]. – Екатеринбург.: Ультра.Культура, 2006. – 400 с.

Агентство СІР РГБ

Основатель Всемирной Церкви Сатаны, художник и своеобразный мыслитель – у любого богобоязненного (да и не особо богобоязненного) гражданина это имя вызывает легкий трепет. Еще бы, ведь ЛаВею удалось создать единственную на настоящий момент официально зарегистрированную и признанную государством религию, которая почитает дьявола вместо Бога. Но если вчитаться в писания ЛаВея и внимательно изучить его карьеру, становится понятно то, что свое место в пантеоне американской культуры он занимает абсолютно законно, причем место его находится где-то рядом с Барнумом и Дейлом Карнеги. Эта книга о том, как выходец из бедной иммигрантской семьи сумел завладеть воображением нации, которая заявляет о своей верности Господу даже в надписях на денежных знаках.

ББК 86д(7Сое)ЛаВей А.-Ш.

ISBN 5-9681-0081-8

- © И. Богданова, Д. Борисов, перевод с английского, 2003
- © Ультра.Культура, издание на русском языке, 2006
- © К. Иванов, К. Прокофьев, А. Касьяненко, художественное оформление, 2006

Тысячи благодарностей Бертону Вулфу, первопроходцу, за книгу «Мстящий за дьявола».

Еще я хотела бы поблагодарить Билла Денсли и Велору Маккензи за то, что они поддерживали и поощряли как этот проект, так и многие предшествующие. Они всегда верили в меня.

Бланш Бартон

Эта книга посвящается Антону Шандору ЛаВею – строгому критику, требовательному учителю и человеку, который до самой моей смерти останется для меня волнующей тайной.

В человеке скрыт зверь, и его нужно проявить, а не изгнать.

Антон Шандор Лавей

Всемирно-исторические личности... все могут быть названы Героями, так как они вывели свои цели и свое призвание не из спокойного, размеренного хода событий, санкционированного существующим порядком, но из скрытого источника, из того внутреннего Духа, все еще таящегося под поверхностью, что наталкивается на внешний мир, как на оболочку, и разносит его на куски.

Они были практичными, политическими людьми. Но в то же время они были мыслителями, прозревавшими требования времени, видевшими, что было готово для осуществления. Это была сама Истина для их века, для их мира... Это им дано было знать этот новый принцип, необходимый, непосредственно предстоящий шаг прогресса, который должен был совершить их мир; сделать этот шаг своей целью и посвятить свою энергию его осуществлению. Поэтому всемирно-исторические люди – Герои эпохи – должны быть признаны ее ясновидящими; их деяния, их слова украшают время.

Гегель. Философия истории

Слово «герой», по-видимому, никак не подходит протагонисту «черного» фильма, ибо его мир лишен нравственного каркаса, без которого не может родиться традиционный герой. Он был вырван из привычных

координат и является героем лишь в современном смысле этого слова, непрерывно переопределяемого для соответствия экзистенциальному уклону современной беллетристики. Последние пятьдесят лет мы пытались нащупать какой-нибудь термин, который более точно определил бы такого протагониста: хемингуэевский герой; антигерой; герой-бунтарь; не-герой.

Роберт Дж. Порфирио. Выхода нет: экзистенциальные лейтмотивы «черного» фильма // *International Film Quaterly* (осень 1976 года)

Люди выписывают вымышленных персонажей, потому что реальности не существует.

Антон ЛаВей, из беседы с автором

ВСТУПЛЕНИЕ. Каков сей человек?

Невозможно и мечтать о более дьявольском облике. С головой, обритой на манер карнавальных силачей, и черной мефистофельской бородкой, тонкой линией окаймляющей губы, Антон ЛаВея выглядит как настоящий варвар. Его янтарные глаза кажутся скорее львиными, нежели человеческими. Маленькое золотое кольцо в мочке левого уха вызывает в памяти детские образы цыган и пиратов. Многие сказали бы, что именно таким в своих кошмарах видят самого Дьявола.

Мой образ Антона ЛаВея формировался постепенно, на протяжении примерно 10 лет, предшествовавших нашей первой встрече. Мой отец (сам чистокровный сатанист, если на то пошло, хотя он категорически не приемлет никаких теистических ярлыков) воспитывал меня на Киплинге и Лондоне, достаточно щедро приправленных Робертом Льюисом Стивенсоном, чтобы с ранних лет привить мне страсть к потаенному и фантастическому. К 13 годам я успела стать пресыщенным знатоком оккультизма. Я зачитывалась всеми доступными магическими текстами, древними и современными, от

«Albertus Magnus»¹ до «Дневника ведьмы», и чувствовала лишь презрение к содержащейся в них блеклой, бесвязной болтовне.

Поэтому неудивительно, что я в течение долгого времени отказывалась читать «Сатанинскую Библию», ограждая себя от возможного разочарования. В моем сексуально и интеллектуально беспокойном девичестве у меня были свои собственные представления о Сатане, которых, несомненно, не понимала ни одна живая душа, кроме меня. Я заблуждалась. Когда наконец я хрустнула переплетом пресловутой ныне лавеевской книги, по мне пробежала дрожь удовлетворения. На свете жили люди, похожие на меня, и они называли себя сатанистами.

Я прочитала «Мстящего за дьявола» Бертона Вулфа, чтобы выяснить, не был ли это странненький бритоголовый человек всего лишь позером и демагогом, живущим в башне из слоновой кости, ломающим какую-то циничную комедию. Но когда я узнала о Лавее больше, мне стало еще интереснее получить ответы на свои вопросы.

Верховный Жрец Церкви Сатаны выглядит сейчас почти так же, как в 1967 году, когда он завоевал международную известность, отслужив первую в мире публичную сатанинскую свадьбу. Учитывая, как мало новых фотографий появилось за время лавеевского десятилетнего «отдыха» от СМИ (где-то с 1976 по 1986 год), меня можно простить за то, что, когда мы наконец встретились, я ожидала увидеть пузатого дядьку, лысого и добродушного. Лавей не пузат, и уж точно не добродушен. Прошедшие годы лишь сильнее заострили

¹ Albertus Magnus – Альберт Великий, святой; собственно Альберт, граф Бельштадтский (1193?–1280) – немецкий философ-схоласт, учитель Фомы Аквинского и комментатор Аристотеля. *Здесь и далее примеч. пер. и ред.*

черты его лица, и теперь он выглядит так сурово, как никогда раньше. Он стал еще большим циником, еще более горьким мизантропом, яростно непреклонным в своей роли основателя Церкви Сатаны.

Эта книга – попытка краем глаза заглянуть в душу Еретика. Не карикатурного черта или той уютно-зловещей фикции, проклиная которую со своих кафедр, святоши столетиями зарабатывали себе на жизнь. Если бы ЛаВей был козлом отпущения, он был бы лишенным красноречия кривлякой-дилетантом, которого можно было бы втоптать в грязь на ток-шоу, задавить добродетелью и смешать с прахом. Этого вы от него не дождетесь. Он не козел отпущения и не претенциозный самозванный *evocateur*², над которым можно безнаказанно посмеяться за то, что он якобы беседовал с самим Князем Тьмы.

Антон ЛаВей – сложный и во многих своих проявлениях пугающе обманчивый человек. «Ничей цинизм, ничья горечь не оправданны больше, чем мои, – говорит ЛаВей. – Каждый день я все меньше и меньше значения придаю тому, что могут подумать другие». Именно эта «оправданная горечь» побуждает ЛаВея выражать самые темные черты своей натуры. Как и было предсказано Вулфом в заключительной главе написанной им первой биографии ЛаВея, ЛаВей становится все большим затворником и яростным защитником своих достижений. Он предпочитает ограничиваться обществом своих дочерей, нескольких близких друзей, охраняющих его, как церберы, и коллег по профессии.

После того как я наконец смогла взять у ЛаВея интервью в 1984 году, мне стало ясно, что, если я хочу более досконально изучить разум и душу этого Черного Мага, мне придется влиться в его повседневную

²Заклинатель духов (фр.).

жизнь. Так и случилось. Ему была нужна девушка-Пятница, верная секретарша, и, казалось, он был доволен моим энтузиазмом и моей решимостью. Постепенно моей ролью стало организовывать встречи с репортерами, учениками и прихожанами, приводить в порядок путевые заметки, писать пресс-релизы, обрабатывать корреспонденцию, исполнять обязанности начальника в его отсутствие и вообще, по возможности, облегчать ему жизнь. Тем временем я наблюдала и слушала. Слушала истории, шутки, давно забытые мелодии, смотрела фильмы, содержащие зачатки лавеевского сатанизма. И как можно более ненавязчиво начала делать записи.

При первой встрече с Лавеем многих обезоруживают его добродушное остроумие, экстраординарный талант и чуть ли не самоуничижительная манера поведения. Те, кто имеет возможность наблюдать его в течение продолжительного времени, рано или поздно сталкиваются с буйной, brutальной стороной Лавея. Подчас его нетерпимость и гнев создают почти непереносимо гнетущую атмосферу. Это человек, который может часами с восторгом играть забытые песни или общаться с каким-нибудь животным, но станет чудовищно черствым, если почувствует, что это необходимо. Лавей самым идеалистическим образом настроен против охоты и первым остановит автомобиль, чтобы помочь раненому зверю, но заденьте его за живое, и он начнет с энтузиазмом защищать идею ввести вознаграждение за отстрел определенных людей. Он говорит с таким пылом, что в его искренности невозможно усомниться.

Лавей может казаться нерешительным, а в следующее мгновение – наделенным сверхъестественной силой безумца. Он прекрасно владеет огнестрельным оружием и дзюдо, и я видела, как быстро и жестоко он

расправлялся с хулиганами, осмелившимися приблизиться к нему. Однажды на стрельбище я допустила ошибку, подняв тему, которая, как я знала, приводила ЛаВея в ярость. Ответив на мой вопрос с багровым от гнева лицом, он попал точно в «яблочко» с расстояния в 200 футов. Он предпочитает сбрасывать накопившуюся агрессивность, орудуя своим 14-футовым пастушьим хлыстом, которым сбивает пепел с сигареты так же мастерски, как делал это 40 лет назад, когда учился ремеслу погонщика у полковника Тима Маккоя. Окружающий ЛаВея ореол бесстрашия, тайны и интриги делает его похожим не на наших невротичных, задержанных современников, а скорее, на впечатляющих, сложных, вымышленных персонажей Джека Лондона или Сомерсета Моэма.

Церковь Сатаны была создана не за тем, чтобы подчинить миллионы зависимых душ, нуждающихся в развлечениях и организованных еженедельных собраниях для поддержания дисциплины. ЛаВей основал организацию для нонконформистов, тех отчужденных, чувствовавших себя лишенными гражданских прав в наказание за собственную независимость, и с гордостью признали Сатану – первого бунтаря – своим покровителем. ЛаВей хотел, чтобы христианство, которое, с его точки зрения, насаждает тупость и нудное самодовольство, навсегда ушло в прошлое. Пропасть между нашей социальной эволюцией и нашим научным и технологическим прогрессом становилась угрожающе широкой. ЛаВей хотел, чтобы мы получили орудия революции против искусственной «морали», прежде чем гипертрофия интеллекта станет для всех нас фатальной. Создав сатанизм, Антон ЛаВей нанес христианству *coup de grace*³.

³ Смертельный удар, прекращающий страдания и нанесенный из милосердия (фр.).

И все же, несмотря на все его влияние, «боги» нашей медиацентристской культуры по большей части игнорируют ЛаВея. Зайдите в «ню-эйджевский» отдел ближайшего к вам книжного магазина. Вы увидите книги дельцов, которые позаимствовали идеи ЛаВея и приклеили к ним более приятный ярлык, руководствуясь соображениями критической и финансовой выгоды. Даже ученые, которые исследуют «темные», «демонические» или в буквальном смысле «сатанинские» влияния в современном мире, очевидным образом опираясь на философию ЛаВея, сплошь и рядом ограничиваются упоминанием его имени где-нибудь в библиографии. Наконец, существуют самозванные псевдосатанинские группы, заявляющие, что «начинают оттуда, где остановилась Церковь Сатаны», но, как говорит ЛаВей, по-прежнему боящиеся грозного слова на букву С.

По книжным стеллажам и подмосткам ток-шоу проносится впечатляющая череда «экспертов» по сатанизму (обычно работающих в правоохранительных органах, университетах или адвокатских конторах), которые ловко крутят головами, чтобы не столкнуться нос к носу с *подлинным* сатанизмом. Христианские паникеры трясутся руками суют драные экземпляры «Сатанинской Библии» в объективы телекамер, бормоча бессмысленные и ничем не подкрепленные бредни о кровавых жертвоприношениях и чудовищных преступлениях против детей. Зная Антона ЛаВея так долго, как его знаю я, трудно удержаться от вопроса: не является ли патентованная абсурдность христианской истерии частью дьявольского плана по созданию просатанинской реакции? Задумываясь об этом, я понимаю, что Антон ЛаВей, возможно, самый опасный человек во Вселенной.

Аутсайдеру, чужаку всегда не очень-то доверяют. ЛаВею известно, что это неизбежное следствие роли обвинителя: люди не желают слышать то, что он должен

сказать. Но может быть, мы заслужили возрождения
брутального, живущего по собственному кодексу чести
антигероя «черных» фильмов. И в этом новом, сатанин-
ском мире его собственного изобретения следует ожи-
дать, что Дьявол взыщет со своих должников.

ЧАСТЬ I
ПРЕДЫСТОРИЯ

Глава 1. Сатанистами рождаются, а не становятся

Если у богов есть драматическое чутье, они проявили его в темную, ненастную ночь 11 апреля 1930 года – ночь, когда родился Антон Шандор ЛаВей. Пророчески вступивший в мир под знаком Овна (чей символ – рогатый баран), Антон ЛаВей соединил в себе французскую, эльзасскую, немецкую, русскую и румынскую крови. Уже в момент рождения у него были густые шелковистые черные волосы и странные янтарные глаза, выдававшие в нем наследника монголов и потомка цыган. На протяжении жизни необычная внешность заставляла людей принимать его за латиноамериканца, пруссачка, даже за уроженца Востока. Хотя он родился в Чикаго – там, куда сейчас отбрасывает свою тень черное трапециевидное здание, построенное Джоном Хэнкоком, – его родители вскоре переехали в прибрежную зону Сан-Франциско. Тони, как его будут называть в юные годы, провел почти все свое отрочество в близлежащих городках, где никто не мешал ему исследовать обширные девственные болота, ныне застроенные типовыми домами и торговыми центрами.

Августа ЛаВей и ее муж Джо, агент по продаже спиртных напитков, воспитывали Тони так, как воспитывали бы любого смышленного, спокойного мальчишку, стараясь привить ему ценности среднего класса и не навязывая никаких религиозных догм. К семи годам он увлекся историями о сверхъестественном и оккультном, страсть к которым сохранит на всю жизнь. Неспособный по малолетству полностью понять то, о чем он читал, Тони обращался за разъяснениями к своей бабушке по матери, Любе Колтон (урожденной Лупеску-Примаковой; ее отец был цыганом, а мать – еврейкой), которая делилась с ним мистикой своей родной Трансильвании – суевериями, передававшимися из поколения в поколение и воплотившимися в легенде о Дракуле, величайшем вампире всех времен и народов. Собаки, воющие, предчувствуя смерть хозяина, страх, что написанный с тебя портрет может украсть твою душу, зловещий смысл птицы, залетевшей в дом, – все эти сумеречные ужасы были лейтмотивом рассказов бабушки Колтон. Ее воспоминания о кровавых сражениях с турецкими и русскими захватчиками, о раздорах между Венгрией и Румынией воспаляли воображение Тони. Бабушка также любила поговорить об эксцентричности собственной семьи – о своем покойном муже, Борисе Колтоне, троцкисте и прирожденном бунтаре родом из древнего грузинского племени тогаров (от которых получил свое имя Тогар, знаменитый дрессировщик диких животных Евразии), и своем брате, в качестве дрессировщика медведей добравшемся со странствующими цирками от Черного моря до Венгрии. Вскоре юный Тони гораздо сильнее сроднился с персонажами, о которых читал и слышал, чем с кем-либо из мальчиков, которые, как предполагалось, были ему ровней.

Не будучи полностью удовлетворенным историями своей бабушки, Тони начал исследовать корни тех апок-

рифов, что она рассказывала ему. Избежав давления набожной, суеверной среды, он самоучкой пустился в путешествие по мрачнейшим царствам оккультизма. Он запомним читал все, что мог найти по интересующей его теме: классические рассказы об ужасах и привидениях, «Дракулу» Брема Стокера, «Франкенштейна» Мэри Шелли и самое популярное в то время выражение «темной стороны мироздания» – журнал *Weird Tales* («Странные сказки»). К 12 годам Тони успел проштудировать (и был ими разочарован) имевшие широкое хождение оккультные гримуары⁴ вроде «Albertus Magnus» и «Шестой и седьмой книги Моисея». Он обнаружил, что магические трактаты Монтегю Саммерса и Артура Уэйта переполнены бесполезной заумью, и сосредоточился на подлинной магии гипноза и сценических эффектах. Проглотив «Практические уроки гипноза» доктора Уильяма Уэсли, Тони быстро обрел способность весьма успешно применять описанные в книге методы. Оглядываясь на свои отроческие изыскания, Лавей вспоминает: «Я просмотрел все гримуары и нашел в них сплошную чушь. Защищать себя, очертив круг! Когда я начал разрабатывать свои собственные ритуалы, разочаровавшись во всем, что читал, я очерчивал пылающую пентаграмму для вызова этих сил. Потом я наткнулся на [Уильяма] Мортенсена (фотографа, написавшего «Управление взглядом»). И я понял: вот она, магия. Вот то, чего я искал. Но этого не может быть. Это просто маленькая книжица о технике фотографии! У меня внутри разгорелся спор. В конце концов я убедился, что это настоящая магия. В поисках магической истины я полагался больше на художественную литературу. Лавкрафт, «Карнаки» Ходжсона, «Псы Тиндало» Лонга⁵ – вот где я находил пищу

⁴ То есть «магические» книги (фр.); термин имеет несколько уничижительный оттенок.

⁵ Имеются в виду Томас Карнаки, протагонист цикла детективных рассказов англичанина Уильяма Хоупа Ходжсона (1877–1918)

для размышлений, которую не мог обнаружить в так называемых «опасных» книгах о черной магии.

Разве никто раньше не вызывал демонов как своих друзей? Я был убежден, что люди предпринимали такие попытки. Похоже, они делали это на тщательно охраняемом подпольном уровне и, может быть, молчали потому, что получали положительные результаты».

Становилось все более очевидно, что интересы Тони отличаются от интересов среднего подростка. Он никогда особо не увлекался спортом, из-за чего был заклеен «нездоровым». Но он всегда с легкостью заводил друзей, и его дом был полон ребятишек, ожидающих, что Тони придумает что-нибудь увлекательное. Он организовывал «военные отряды» и «тайные общества», но ему это опротивело, так как другие мальчики выбивались из роли или слишком быстро теряли интерес. Очень часто они присасывались к ЛаВею как паразиты. «Они заявлялись ко мне, вдохновленные как черти тем, чем я занимался, устраивали полный кавардак и топали домой». ЛаВей не особенно расстраивался из-за своей неспособности «влиться в коллектив». «Я никогда не был “бунтарем”, потому что никогда не был частью чего-то, против чего стоило бунтовать. Я никогда не был принят ни в какую группу, вот в чем все дело».

Также у Тони не было нужды особо бунтовать против своих родителей, хотя он и чувствовал, что они никогда его по-настоящему не понимали. «Моя мать была

«Карнаки, ловец призраков» (опубликованы отдельной книгой в 1913 году) – сыщик, расследовавший «оккультные» преступления и единодушно признанный критиками первым современным «охотником за привидениями» – и культовый сборник «научно-страшных» рассказов американца Фрэнка Белнэпа Лонга (1903–1994) «Псы Тиндало, Темные Твари» (1946), в заглавном из которых ученый вызывает «научно-магическими» методами чудовищных псов из параллельной вселенной, которые сжирают его.

по-своему непоседой. Она постоянно переставляла мебель или, еще что хуже, решала, что нам по какой-нибудь дурацкой причине нужно переехать в другой дом. Меня бесило, что мной так помыкают, но мой отец относился к числу людей, которые никогда не рыпаются. Люди называли его настоящим принцем. Они оба казались мне людьми довольно нерешительными, у которых ни о чем нет твердого мнения. Еще когда я был мальчиком, они стали следовать моим советам насчет того, какой модели купить машину, насчет всего, где нужно эстетическое чутье. По сути, они позволяли мне делать все, что я захочу, вот только моя мать всегда советовала мне не травмировать руки – “будь паинькой, не дерись” – из-за моей музыки. Разумеется, когда я стал старше, я не слишком много рассказывал им о своих делах, потому что не хотел, чтобы они беспокоились».

Сложности начались с того момента, как ЛаВей пошел в школу. Для Тони школа была тем местом, откуда следовало бежать. Ему никогда не нравилось быть «одним из многих», и он обнаружил, что от его занятий куда больше проку, когда он прогуливает школу, получая таким образом возможность изучать предметы, по-настоящему его интересующие. В отличие от большинства мальчишек Тони не ждал наступления лета. Оно посягало на его долгие, неторопливо текущие, одинокие дни. Улицы заполняли голосистые подростки, ожидающие, что Тони выйдет поиграть с ними в бейсбол или футбол. Он ждал, когда дни вновь станут короче, когда шпана вернется в заточение классов, а он сможет возобновить свои занятия где-нибудь подальше оттуда. Он был в восторге от своего одиночества, и те немногие друзья, которых он допускал в свой мир, были, как и он сам, изгоями.

Хьюи Лонг, Распутин, сэр Бэзил Захарофф, Милтон, Лондон, Ницше, Аль Капоне и другие «сатанисты

de facto»⁶, действовавшие или писавшие из рационального своекорыстия, стали главными учителями ЛаВея. Как ЛаВей впоследствии учил на своих семинарах, предшествовавших созданию Церкви Сатаны, зачастую все, что требуется для обретения влияния, – это эффективная образность. «Вам не нужно знать всю подноготную их жизни, быть экспертом в том, что они сделали или написали. Вымышленные персонажи, такие как Безжалостный Минг, были для меня куда менее важны, чем реально жившие люди. Если я казался не таким, как все, то потому, что *был* не таким, как все. Первым проявлением этой моей черты стал имидж преступника. Меня иронически называли “пачуко”, или “гангстером”, так как я носил шляпу и костюмы в стиле “зут”⁷, а носил я их потому, что это была единственная одежда, в которой я чувствовал себя комфортно. Я не пытался *отличаться* – просто делал то, что было для меня естественным».

Он вспоминает инцидент, связанный с неким мальчиком и птицей, залетевшей к нему на задний двор. ЛаВею тогда было 11 лет от роду. Повинуясь порыву, он выстрелил мальчику в спину из пневматического ружья, когда тот уже собирался разрядить свое ружье в птицу, сидевшую на ветке всего в десяти дюймах от него. Отважный охотник выронил ружье, воля от боли. Это был первый урок «честного спорта», полученный Тони. Его отволокли в полицейский участок, где прочитали длинную лекцию о том, что только трус мог выстрелить другому мальчику в спину и что, в конце концов, «это была всего лишь птичка».

⁶ Фактически, неофициально (лат.), в противоположность de jure – юридически, официально; сатанисты de facto – «неофициальные» сатанисты.

⁷ Пиджак с сильно подложенными плечами и большими отворотами, брюки с широкими штанинами и плотно прилегающими узкими манжетами, стиль 1930–1940-х годов.

В 30-е годы любого мальчика ждала масса приключений. Когда в 1937 году открылся мост Золотые Ворота – инженерное чудо столетия, – ЛаВей одним из первых прошел по нему из конца в конец, пользуясь тем, что мост тогда еще не был открыт для транспорта и пешеходам была предоставлена полная свобода. ЛаВей вспоминает: «Это было потрясающе – одним из первых одолеть мост Золотые Ворота. Конечно, тогда людей было гораздо меньше, и потому так здорово было оказаться на этой огромной дуге, по которой, предположительно, должны были ездить машины. Куда круче, чем в 1987 году, когда движение закрыли на несколько часов в честь 50-летнего юбилея моста. Организаторы не ожидали такого столпотворения. Туда набилось 800 тысяч человек – из-за них не было видно дороги. Под их весом естественный изгиб моста превратился в прямую. Вот был бы праздник, если б он рухнул». Так как Антон присутствовал на открытии, он имел полное право проехаться по мосту на своем «корде» 37-го года выпуска в 25-ю годовщину и ранним утром в день празднования 50-й.

К музыке Тони пристрастился еще в раннем детстве. После того как он, пяти лет от роду, зашел в музыкальный магазин и подобрал мелодию на арфе (!), родители признали за ним талант и не чинили препятствий его музыкальным занятиям. С тех пор ЛаВей учился играть на музыкальных инструментах, требовавших специфической техники. Он узнал разницу между игрой на тромбоне и кларнете, щипковых и смычковых инструментах. Вследствие этого он жаждал сочинять оркестровые аранжировки, в которых участвовали бы несколько инструментов, чье звучание смешивалось бы так, как он слышал у себя в голове.

Обратившись к клавишным, благодаря их широкому диапазону и универсальности, Тони научился играть

на фортепиано, имитируя модуляции других инструментов. Он забавлялся со многими инструментами, чтобы узнать, как они звучат, и нынче может взять почти любой инструмент и сыграть на нем. «Это особенно касается современных синтезаторов: вы должны сперва научиться играть на акустических инструментах, – говорит ЛаВей, – чтобы набить руку и быть способным воссоздать их звучание на клавишных». Даже когда он подростком упражнялся на скрипке, Тони повезло с учителем, который не жалел времени и писал для него оркестровые аранжировки. «Я помню, что он расписал полную оркестровку “Славянского марша” Чайковского, чтобы я мог сыграть ее на скрипке». Изумительно исполнив партию пушки (на большом барабане) в «Увертюре 1812 года», когда ему было девять лет, в пятнадцать ЛаВей стал вторым гобоистом симфонического оркестра сан-францисского балета. «Мне просто нравилось звучание инструмента». Недолгое время он проработал преподавателем игры на аккордеоне, ходя по квартирам соседей; тогда это был очень популярный инструмент, и родители «поощряли» своих детей учиться на нем играть. Несмотря на то что поначалу ЛаВей едва владел инструментом, он умудрялся на неделю опережать своих учеников. «Когда я пришел устраиваться на работу, этот мужик вручил мне аккордеон, и я каким-то чудом, хотя и как попало, сыграл “Сорренто”, оказавшееся его любимым номером. К шестому уроку я уже вовсю шпарил “Танец с саблями” и выдувал мехами “Испанскую леди”. Почти как Дик Контино».

ЛаВей признает, что с самого детства был обязан своим успехом тому, что оказывался в нужном месте в нужное время. Еще карапузом он побывал на чикагской Всемирной ярмарке 1933–1934 годов (той, что называлась «Век прогресса»); в 1935-м родители взяли его на Всемирную выставку в Сан-Диего. Здания и зоо-

парк, построенные специально для этой выставки, до сих пор являются одной из главных туристических достопримечательностей этого города. Тони также посетил нью-йоркскую Всемирную выставку 1939 года, хотя ее знаменитые Трилон и Сфера⁸ произвели на него меньшее впечатление, чем прекрасные разноцветные огни, игравшие над сан-францисской бухтой на другой, менее разрекламированной Всемирной ярмарке, прошедшей в том же году на острове Сокровищ.

Тони открыл для себя новые чары на Всемирной ярмарке 1939–1940 годов, состоявшейся на сан-францисском искусственном острове Сокровищ, насыпанном специально для этого события. Хотя он был всего лишь школьником, он носил «взрослые» шляпы и куртки, и никто не спрашивал, почему ему позволили шляться по ярмарке в одиночестве. В «Голом ранчо» Салли Рэнд, помещавшемся в «веселой» зоне, он стоял и смотрел, как голые по пояс девушки-ковбои крутят лассо и швыряют подковы, и простоял, как минимум, минут двадцать, прежде чем ему указали на дверь. «Наверное, они думали, что я лилипут. Один мой друг, чуть старше меня, провернул точно такой же номер и не попался, но неожиданно заметил среди девушек свою голозадую учительницу из воскресной школы. Он по сей день утверждает, что в то мгновение разочаровался в христианстве и был обращен в сатанизм».

Испытывая врожденное влечение к местам, куда другие люди не ходят, Тони забрел на границу острова с наветренной стороны. Его любопытство было вознаграждено. Он обнаружил выполненную в натуральную величину модель меблированных комнат, расположенную в Федеральном здании, – один из нескольких примеров работы, осуществленной правительством при

⁸ Трилон – двухсотметровая башня – и шестидесятиметровая Сфера были центральными сооружениями комплекса Выставки.

посредстве таких агентств, как WPA, CCC, NRA, TVA⁹ и т. д. и т. п. Целью этой исключительно странной экспозиции было продемонстрировать, как ужасающе убога жизнь в меблированных комнатах и как расчистка трущоб способствует процветанию общества в целом. Самой экспозиции предшествовал показ «Одной трети нации», фильма начала 30-х годов, показывавшего плачевные условия, в которых в то время существовали многие американцы. После фильма посетителя проводили по скрупулезно обставленным декорациям, наглядно изображавшим эти самые условия. Комнаты обшарпаны и замусорены, грязное белье гниет в корзинах, обои в цветочках чем-то заляпаны, отслаиваются, тускло освещенную квартиру загромождает полуразвалившаяся мебель. Звуки надземки и кашель туберкулезника, загибающегося в воображаемой соседней комнате, звучат из спрятанных колонок. Тони испытал дрожь вуайеристского удовольствия, будто легально вломился в чужую квартиру.

Загипнотизированный цельностью воссозданной перед ним обстановки, он постиг важный метод магии и внушения. В малый объем пространства экспозиции невозможно было втиснуть всю квартиру со всей ее грязью, но то, что было на виду, тем не менее вызывало ощущение законченности. Тони обнаружил, что не обязательно показывать весь предмет целиком, достаточно сделать несколько правильных намеков, чтобы сознание зрителя (или участника) могло восстановить недостающие элементы. Он был настолько заворожен уменьшенной копией Чикаго, что построил миниатюрный город у себя в спальне. Это приобретенное в юном возрасте практическое знание эмпирического внуше-

⁹ Вероятнее всего, за аббревиатурами стоят «Управление федеральных проектов», «Центральный суд по уголовным делам», «Национальная стрелковая ассоциация», «Телевизионная ассоциация».

ния в сочетании с приемами сенсорной проекции, которые он совершенствовал долгие годы, привело Тони к созданию андроидов и ритуалов Церкви Сатаны.

Когда началась Вторая мировая война, у ЛаВея развился интерес к военному оружию, технике и обмундированию. Он часами просиживал в библиотеке, медитируя над текстами о военных кораблях, артиллерии и армиях. ЛаВей собирал информацию о дирижаблях – о «Гинденбурге», «Цеппелине», «Шенандоа», «Акроне», «Маконе». (Много лет спустя ЛаВей внес свой вклад в написание и экранизацию книги Майкла Муни «Гинденбург».) «Боевые корабли Джейна», каталог флотских боеприпасов, выпускаемый с 1897 года Фредом Т. Джейном, был основным источником сведений. В нем содержалась реклама пушек, торпед – всего, в чем нуждалась страна, чтобы вести войну, – от ведущих мировых производителей оружия, таких как Крупп и Викерс. Тони решил, что должен иметь экземпляр каталога, и начал копить мелочь на 20-долларовую покупку.

«Кажется, если ты хочешь начать войну, – думал ЛаВей, – ты можешь купить для этого армию или флот. Смотри: вот этот парень, Фрэнсис Бэннермен, покупает остров на реке Гудзон и запасает в своем замке столько оружия, что его хватит для уничтожения всего мира. Если где-нибудь вспыхнет война, он вооружит любую сторону, лишь бы у нее были деньги на покупку его запасов. Это так примитивно. Военачальники заказывают для своих армий или флотов достаточное количество оружия из арсенала Бэннермена и таким образом решают участь миллионов людей. Для этих изготовителей боеприпасов все это просто-напросто коммерция. Целые нации поднимаются на войну, исходя из предположения, что одна сторона воюет против другой. Но вот объявляются эти поставщики оружия прямо посреди схватки, даже в тех местах, где люди сражаются за

идеологию, и они продают за наличные армии и флоты врагам, намеренным разгромить ту самую страну, в которой они, поставщики, проживают».

В средней школе Тони решил, что, несмотря на свой всепоглощающий интерес к военному делу, он определенно не хочет посещать обязательные занятия в спортзале или занятия ROTC (Службы подготовки офицеров резерва). В честь французского Иностранного легиона он носил французское кепи (прямо из каталога Бэннермена), которое иногда менял на кожаную пилотскую куртку и белый шелковый шарф, или шляпу солдата Африканского корпуса. Он терпеть не мог своих лишенных чувства драматизма школьных товарищей. Когда ЛаВей ехал в школьном автобусе, по его словам, он ощущал себя «запертым в тюремной камере с варварами-гibbonами». Когда Тони, несмотря на его яростные протесты, заставили ходить в спортзал, он научился лишь презрению к шлепающим друг друга полотенцами, дурашливым юным мужланам, с которыми, как ожидалось, он должен был толкаться и бороться и чьим шуткам должен был смеяться. Как это часто случается с молодыми людьми, наделенными необычно мощными мужскими достоинствами, Тони чувствовал смущение, раздеваясь перед другими мальчиками. В нем развилось отвращение к «латентным гомосексуалистам и похабным типам», с которыми он был вынужден тереться телами в спортзале. Их многозначительные перемигивания и оскорбительные ремарки лишь укрепляли Тони в осознании собственной «инаковости». Хотя одноклассники смотрели на него как на «монстра», Тони считал себя «островком душевного здоровья, окруженным визгливой дикостью дебильных тинейджеров, непрерывно распираемых энергией, подавляемой дома». Он ненавидел командные виды спорта и полагал намазывание кругов на беговой дорожке невероятно без-

дарной тратой времени, чем-то, на что добровольно не согласилось бы никакое животное. Но в таком случае, думал Тони, животные соображают лучше людей.

Тони хотел заниматься дзюдо, но в школах оно не преподавалось. За неимением другого выхода ЛаВей убедил доктора выписать ему справку, освобождающую от занятий в спортзале, и вместо уроков физкультуры и занятий ROTC отдыхал в специальной комнате вместе с другими неатлетическими мальчиками. К счастью, в школе работала молодая, стройная медсестра, не дававшая ЛаВею скучать. Судя по всему, она обожала рассматривать гениталии мальчиков. Если Тони жаловался на недомогание, она приказывала ему снять штаны, в чем бы не заключалась проблема. «Я не знаю, обращалась ли она так же с другими парнями; мне было неловко спрашивать у них». Она всегда целомудренно отворачивалась, чтобы не оскорблять его достоинства, но ЛаВей заметил, что она подсматривает в зеркальце пудреницы, делая вид, что проверяет, не размазалась ли помада.

Лишился хвоста. То есть лишних позвонков в конце позвоночника, образовывавших хватательный хвостовой отросток, имеющийся примерно у одного человека из сотни тысяч. Никогда особо не мешал, пока Тони не достиг половой зрелости. «Начал причинять мне массу проблем лет в 11 или 12. Пару раз я его травмировал. Пришлось научиться садиться боком». Потом он вновь воспалился, причинив ужасную боль. «Однажды ночью меня забрали в срочную хирургию – пришлось его снова дренировать. Как назло, ударили заморозки. Дело было во время войны, и в больнице не было свободных палат. Доктора не хотели рисковать – давать мне общий наркоз и отправлять домой по морозу – так что дали лишь местный. Я прокусил резиновую подстилку, на которой лежал, и погнул стальную перекладину кушетки.

Главными мужскими ролевыми моделями молодого ЛаВея были его дядья. Они совершенно соответствовали маскулинному архетипу 30-х и 40-х годов и оба вдохновляли и воодушевляли Тони. Через одного дядю, владевшего судном, которое во время войны было рекрутировано в противолодочный патруль резерва Береговой охраны, Тони еще ближе познакомился с морем, которое обожал с детства. ЛаВей помнит, что был очарован подводными лодками, и считает особым благословением то, что ему довелось видеть, как самая большая субмарина Соединенных Штатов всплывает на поверхность практически под его ногами. И он помнит «Чайна Клипер» – легендарный самолет компании «Пан Американ», взлетавший из залива Сан-Франциско и совершавший облеты Тихоокеанского побережья, в один из которых ЛаВей смог отправиться на его борту.

Когда весной 1945 года один из дядьев ЛаВея был нанят в качестве гражданского инженера восстанавливать взлетно-посадочные полосы для армии США в Германии, Тони поехал с ним. Дядя только что развелся, а ему была выдана семейная виза для перевозки жены. Юный ЛаВей получил возможность сопровождать его в ее отсутствие. Именно во время этого путешествия он увидел конфискованные нацистские *schauerfilmen* (фильмы ужасов) в берлинском командном пункте. Немецкий переводчик объяснил, что эти фильмы содержали не просто рассказ о вымышленных событиях, но, скорее, символическое, едва замаскированное изображение оккультного склада ума нацистов. Слухи о Черном Ордена дьяволопоклонников как неотъемлемой составляющей Третьего рейха не могли не разжечь интерес ЛаВея. Тони был впечатлен кинематографическими приемами таких фильмов времен Веймарской республики и рейха, как «Кабинет доктора Калигари», «М», «Юный гитлеровец Квекс», «Морганрот» и цикл о док-

торе Мабузе. Гипнотическое освещение и странные, тревожащие ракурсы съемки произвели на ЛаВея неизгладимое впечатление. Через несколько десятилетий он использует эти элементы в ритуалах Церкви Сатаны. Тупые углы, которыми изобилуют экспрессионистские фильмы, подсказали ЛаВею идею, которую он в конце концов воплотил в своем «Законе Трапецоида». Не менее волнующей для юного ЛаВея была возможность поиграть на киношном органе в Брайтоне. Будучи в Северной Африке, в День Победы союзных войск в Европе¹⁰, он даже получил шанс посетить штаб-квартиру Иностранного легиона в Сиди-бель-Аббисе в Марокко – «надо ли говорить, что первым делом я обзавелся легионерским кепи и шляпой солдата Африканского корпуса?»

Занимаясь своими эклектичными штудиями, Тони открыл для себя трех мужчин, которые, с его точки зрения, воистину применяли орудия Дьявола в своих интересах: это были Распутин, Калиостро и сэр Бэзил Захарофф.

Григорий Ефимович Распутин родился в 1872 году в селе Покровское, в Сибири. Присоединившись в 1904 году к религиозной секте «хлыстов», он принял философию, разделяемую маркизом де Садом: «Греши, чтобы ты мог быть прощен». По ночам, в лесу на отшибе деревни, он собирал у костров молоденьких девушек, говоря им: «Во мне воплощена частица Высшего Существа. Только через меня вы можете спастись; и способ вашего спасения таков: вы должны объединиться со мной душою и телом». Высказывая подобные идеи, воскуря фимиам и возбуждая своих ведьм до состояния лихорадки, он до рассвета предавался оргиастическому разгулу. В конце концов он привлек внимание

¹⁰ Празднуется 8 мая.

царского двора, который он подчинил себе, наслав свои свенгальские¹¹ чары на царицу. Она пришла к убеждению, что Распутин (чье имя произошло либо от слова «распутный», либо от слова «распутье», то есть «перекресток», каковым термином называли деревню, в которой он родился, и ее жителей¹²) был единственным человеком, который мог вылечить ее больного ребенка. Таким образом, начав довольно скромно, Распутин смог стать самым влиятельным человеком в дореволюционной России.

Граф Александр Калиостро утверждал, что ему 5557 лет и что он был другом царицы Савской, Клеопатры и дюжины других могущественных дам истории. Этот маг XVIII столетия говорил, что научился тайнам демонстрации чудес, лечения болезней и продления жизни у этих близких знакомых своего прошлого. Подданные посещаемых им королевских дворов не успевали раскупать его колдовские зелья. Калиостро был всеобщим любимцем, его благосклонности добивались императоры, кардиналы, королевы и даже Папа Римский, пока наконец не выяснилось, что он – не более чем обычный итальянец из глубинки, малограмотный мошенник. Те, кто подпали под его влияние, пришли в ярость от собственной наивности и осудили Калиостро как еретика; он умер в тюрьме через четыре года после заключения, и его смерть никого особо не огорчила.

Но главным образцом в жизни ЛаВея стал сэр Бэзил Захарофф – вплоть до того, что много лет спустя

¹¹ Свенгали – имя главного персонажа романа Джорджа Дюморье «Трильби» (1894), ставшее нарицательным для обозначения человека, контролирующего чей-либо разум со зловещими намерениями. В романе он музыкант, обладающий магическим действием на людей. Натурщицу Трильби он сделал знаменитой певицей, однако после его смерти она лишилась голоса.

¹² Эти спорные изыски в области русской этимологии остаются на совести госпожи Бартон.

ЛаВей поместил в начале «Сатанинской ведьмы» посвящение Захароффу как человеку, знавшему, как использовать женские чары в своих интересах. Внук ЛаВея, родившийся в 1978 году, получил в его честь имя Стэнтон Захарофф. Захарофф был самым успешным и значимым военным купцом истории; его оружием велись англо-бурская, русско-японская, балканские и Первая мировая войны. Опять-таки рожденный в нищете, Захарофф стал тем, кого слушались короли и парламенты, и в конце концов был произведен в рыцари Британской империи. Однако в «Торговце смертью» – биографии, написанной Маккормиком, – Захарофф подытожил свою философию так: «Я устраивал войны, чтобы продавать оружие обеим сторонам... Я продавал боеприпасы всем, кто хотел их купить. Я был русским в России, греком – в Греции и французом – в Париже».

Захарофф прибегал к любым бесчестным приемам, которые мог измыслить, чтобы добиться желаемых результатов. Взятками и трюками он выводил из игры соперничавших с ним военных купцов. Он пускал сплетни, чтобы посеять вражду меж друзьями, и использовал чары обольстительных женщин, чтобы соблазнить или сокрушить тех, кто ему мешал. Фабрика сенсационных новостей для приведения людей в воинственный раж, убивая через наемников противодействующих ему чиновников, когда это было необходимо, Захарофф управлял ходом сражений, стоило лишь начаться войне. Ради того чтобы сражения бушевали вовсю и больше денег тратилось на оружие, могли быть пожертвованы миллионы юношеских жизней. ЛаВей заужал Захароффа еще глубже, когда открыл, что даже после смерти Захароффа те, кто пытались разоблачить его махинации или критиковать его, теряли работу, здоровье и даже умирали, как будто Захарофф простирали руки из могилы, чтобы и дальше подчинять земной план своему

влиянию. Судя по всем описаниям, сэр Бэзил в юности выглядел вылитым ЛаВеєм. В захароффском имении на юге Франции – в Шато Баленкур – была задрапированная черным сатанистская часовня, спрятанная в стене замка. Синий сумрачный грот глубоко под землей, куда лодки в форме лебеда могли заплывать через замаскированный туннель, служил местом тайных свиданий. С точки зрения ЛаВея, истинными черными магами были именно эти люди, а не гипотетические «злыдни», которых пытали и сжигали на кострах. Захарофф, Распутин и Калиостро были сатанистами, которых ЛаВей мог уважать и попытаться превзойти.

Так как Тони все глубже и глубже погружался в жизнь магов и оккультную литературу, он чувствовал себя все дальше и дальше от своих сверстников и все более неуместными казались ему обязательные школьные занятия. Вдохновленный примером Захароффа, ЛаВей возжелал соединить элегантность и безжалостность в одном и том же молодом лице. Он начал заниматься дзюдо в студии Дьюка Мура в Сан-Франциско, поднявшись к концу 1946 года на несколько разрядов. Он нашел дзюдо гораздо более удовлетворительным, чем устоявшийся американский идеал «техничного бокса». Когда чересчур агрессивные мальчишки принялись шмякаться на пол в результате озадачивающих маневров Тони, он был прозван «подлым япошкой» и обвинен в том, что дерется «нечестно». У ЛаВея развился вкус к тому, чтобы ставить в тупик людей с ограниченными представлениями. В том же году, как он стал вторым гобоистом оркестра сан-францисского балета, Тони окончательно забросил среднюю школу, уйдя на предпоследнем году обучения. Он отрастил длинные волосы, начал носить кожаные куртки и костюмы в стиле «зут» и тусоваться в бильярдных сомнительной репутации, чувствуя дух товарищества среди картежников,

сутенеров, проституток, жуликов и «бильярдных акул». «Они говорили мне, что умение двигать кием говорит о впустую растроченной молодости». Тони наслаждался несообразностью: он занимался живописью, изучал магию и философию, играл классическую музыку, но в то же время вел себя, выглядел и мыслил как обычный громила.

В бытность на Восточном побережье у юного Тони была возможность совершать регулярные вояжи до Стиплчейз-парка, где он пристрастился зарабатывать деньги на своем понимании человеческих слабостей. Он заметил, что мужчины большими группами собираются вокруг места, получившего прозвище «Театр-вентилятор», где ни о чем таком не подозревавшие девушки попадали в неожиданный порыв ветра из подворотни, отчего их юбки вздувались сверху, обнажая ножки и нижнее белье (или отсутствие такового). Для того чтобы мужчинам было удобно смотреть, не стоя весь день на своих двоих, там был поставлен ряд сидений. Однажды какой-то мужик с досадой на лице наклонился к Тони и предложил ему четверть доллара, если он посторожит его место, пока сам мужик сбегает до уборной. Лавей с радостью согласился. После этого Тони зарабатывал на карманные расходы, предлагая свои услуги всякий раз, когда кто-нибудь из «публики» принимался нервно озираться. Он подходил и предлагал: «Посидеть за вас за четверть доллара, мистер?»

Новые жизненные уроки были преподаны Тони «бизнесменами» преступного мира в недавно выстроенном Лас-Вегасе, куда он поехал после войны с братом отца, Биллом Лавеем, и где помогал ему в бизнесе. Растущая столица азартных игр была тогда просто крохотным оазисом посреди пустыни. Билл поставлял отличный чистый спирт для винокуров Аль Капоне во времена сухого закона в Чикаго и возобновил старые связи

после войны, во время которой был владельцем преуспевающего предприятия, производившего самолетные шасси и патрульные шлюпки. Билл вошел в дело к Багси Сигелу, расширившему «Фламинго» для Мейера Лански. Когда Тони сидел со своим дядей в игорных притонах и ночных клубах, «лейтенанты» Сигела вроде Эла Гринберга и Мо Седвея защищали перед впечатлительным ЛаВеем свои собственные интересы, доказывая ему, что каждый продажен, вне зависимости от высоты своего положения. «Все сплошной рэкет, включая церковь. Крутой признает эти факты и живет соответственно. Дурак продолжает рубиться за Бога и Отечество. Ловкач придумывает, как рэкетировать самому, чтобы не сдохнуть рабом бесчестных политиков и боссов. Он отвергает жизнь миллионов, задушенных рутинной в офисах и на заводах, – каждое утро вставать в восемь ноль-ноль, гнить над убийственно тупой работой, жрать обед, когда скажут, приволакивать кости домой каждый вечер к пяти, и за все это получать гроши, которых хватает лишь на продление этого жалкого прозябания».

На ЛаВея произвели впечатление эти преступники, выживавшие вне «системы» за счет эксплуатации естественных человеческих слабостей и пороков. Он рассматривал их как неотесанных клонов Захароффа, за действиями которых стоят свои убеждения и философия. А также Тони понимал, что эти люди часто убивают друг друга и что широкая общественность по-настоящему помнит лишь тех, чья смерть была достаточно кровавой, чтобы замарать газеты. Но Тони не был разочарован ни этим фактом, ни тем, что его дядя в конце концов отсидел от звонка до звонка за уклонение от уплаты налогов в федеральной тюрьме на острове Макнил. Они выживали, несмотря ни на что, тем способом, который выбрали сами; это было самое главное. Сложись обстоятельства хоть немного иначе, и Тони вполне мог сам

оказаться вовлеченным в рэкет. Когда ЛаВей вырос, он не перестал восхищаться этими сатанистами-практиками. Самым обескураживающим аспектом дружбы с этими пресыщенными бурной жизнью «стариками» было то, что в 50-х и 60-х годах большинство их умерло. Оставшись в одиночестве, ЛаВей должен был создать/обнаружить новых сотоварищей.

«Не так уж много народа родилось в один год со мной, так что мне трудно найти людей, разделяющих мои ценности и знания в том, что касается музыки, кино, воспоминаний – всех тех вещей, из которых слагается прошлое личности. Наверное, именно поэтому в юности меня тянуло к товарищам старше меня – я был голоден до того прошлого, которое пропустил. А с другой стороны, меня притягивало к людям намного младше меня, ведь их привлекает это утраченное знание, которое я теперь заключаю в себе. Моим миром был мир конца 30-х – начала 40-х. Моя кристаллизация свершилась в эпоху *film noir*¹³, сразу после войны – в эту странно-жуткую сумеречную эру. Разве удивительно, что я таков, каков есть? Сатурн доминировал в тот период, когда я достиг своей зрелости. Мои воспоминания тянутся из того допотопного мира, что был до войны. Все эти воспоминания моего детства и ранней юности отражаются в том, кто я, что я такое, в том, что я начал. Фильмы, изображавшие мои ролевые модели, – это были американские *films noirs*, где у крутых, как яйца, антигероев чувства и привязанности были на самом деле глубже и прочней, чем у “приемлемых” людей».

ЛаВей до сих пор неустанно играет и пропагандирует свою любимую музыку – это «Девушка в ситцах»,

¹³ Букв. «черный фильм» (*фр.*); жанр кинематографа, из которого выросли многие современные жанры, в том числе триллер и криминальная драма. Весьма подробно «черный фильм» рассмотрен далее в книге (см. главу 12 «Ад на бобинах»).

«По сентиментальным причинам», «Деревенский пацан», «Весь день напролет», «Либо это любовь, либо нет», «Чем чаще я вижу тебя», «Влюбленный зря», «Мне интересно знать», «Соблазн», «Пленник любви», «Золотые сережки», «Я помню тебя». Сейчас, когда влияние ЛаВея распространяется вновь, воскрешаются более ранние, оригинальные записи того, что он любит классифицировать как «высокопарную музыку».

К 16 годам у ЛаВея начали складываться вполне определенные идеи относительно женщин, а также магии и истинной власти. Его сексуальные исследования не прекращались с того памятного ему дня, когда маленькая девочка заманила его, пятилетнего, в свою спальню на ее дне рождения. Ее мать пришла туда к ним и отругала дочку за то, что та бросила гостей, и обиженная прелестница обмочила штанишки. ЛаВей признает, что этого опыта хватило, чтобы он двинулся по отчетливо фетишистской сексуальной тропе. Дела приняли еще худший оборот, когда ЛаВею было примерно 11 лет и он зарабатывал лишнюю мелочь, собирая пустые бутылки вокруг танцевального павильона, стоявшего на открытом воздухе. Однажды, засунув руку глубоко под фундамент, он обнаружил дыру, случайно оказавшуюся в аккурат под дамской уборной. На самом деле это была брешь между полом и передом унитаза, сквозь которую наблюдательный мальчик мог лицезреть, как из первого ряда, любую девушку, которая присела бы там. Тони проследил за тем, чтобы со всеми удобствами располагаться в обнаруженной «ложе» всякий раз, как засекал, что интересная женщина отправляется облегчиться. У ЛаВея тогда уже были свои четкие представления о сексуальности, и у него развилась фиксация на актрисе по имени Айрис Эдриан, архетипе пухленькой блондинки-хористки, выдувающей пузыри из жвачки и снимающейся в фильмах категории «Б». Он пришел к мне-

нию, что в Голливуде все устроено шиворот-навыворот, так как самые прелестные девушки всегда оказывались задвинуты в массовку. (ЛаВею впоследствии предстояло причислить мисс Эдриан к числу своих близких друзей).

К несчастью, из-за того, что внешность ЛаВея уже начала становиться решительно зловещей, большинство девушек, с которыми он гулял, были вынуждены встречать его «за углом», чтобы родители не увидели, с какого пошиба парнями их дочери водят компанию. Первое романтическое увлечение ЛаВея закончилось для него горькой болью, и, чувствуя себя преданным и обреченным из-за своей «инаковости», он решил либо вступить в Иностранный легион, либо стать циркачом. Где-нибудь он обязательно найдет или создаст место, которое ему подойдет. Осознавая, что его «стигма» становится все очевиднее, ЛаВей покинул дом в поисках приключений и вскоре нашел подходящую выставочную площадку для своих маргинальных качеств.

Глава 2. Никогда не помогай лилипуту тащить слоновью лохань

Разговорившись в бильярдной с молодым человеком, который раньше работал на цирк Клайда Битти, Тони ЛаВей был заинтригован цирковым стилем жизни и его возможностями. Весной 1947 года он подписал контракт и был принят [к Битти] разнорабочим и помощником дрессировщика; его обязанностью было кормить и поить больших кошек. Он мгновенно установил контакт со львами и тиграми, обнаружив, что чувствует себя более комфортно и раскованно рядом с большими кошками, чем на улицах города или в любых местах, где собираются люди.

Ждать пришлось недолго, и Битти, все сильнее убеждаясь в страсти ЛаВея к большим кошкам, начал делиться с ним секретами ремесла. Вскоре Тони пошел по стопам своего двоюродного дедушки Ласло (который путешествовал с цирком по России и Венгрии). Он изучил механику номера Битти – как использовать палку, хлыст, револьвер и стул (которым имитируется открытая пасть; здесь подойдет любой «открытый» предмет – можно сунуть льву в морду шляпу, чтобы он

отшатнулся). Тони мог заставить кошку прыгнуть сквозь обруч, улечься на спину – и спустя короткое время 17-летний ЛаВей управлял одновременно восемью нубийскими львами и четырьмя бенгальскими тиграми в запертой клетке, под аккорды вездесущих биттиевских пасодоблей. «Ты никогда не учишь кошек “трюкам”, – говорит ЛаВей, – ты всего-навсего выясняешь, что им нравится делать, а потом выстраиваешь вокруг этого номер. Кошки любят прыгать сквозь обруч, садиться на свою “личную тумбу” – все эти штуки, которые используются в стандартных шоу. Вот почему слово “дрессировщик” более уместно, чем “укротитель”. Ты работаешь вместе с кошками, вместо того чтоб пытаться сломить их дух или “укротить” их». Когда Битти намечал «сдвоенное представление» (субботний детский утренник или благотворительное представление, предшествовавшие обычному вечернему шоу), ЛаВей часто показывал номер самостоятельно, один с кошками в большой клетке.

«Когда я жил “под шатром”, – вспоминает ЛаВей, – волосы мои превратились в настоящие космы. Я носил черные облегающие штаны с цельнокроенными красными рубашками и черными кожаными сапогами – просто это были “фирменные” цвета шоу. Публика, должно быть, записала меня в члены какого-нибудь монгольского племени. Имидж этот был мне по душе, и я им гордился. Кажется, он действовал и на публику, и на кошек. Раз увидев подобный образ, люди его уже не забудут. Только из-за него остальные артисты вспоминали и узнавали меня, когда я снова принялся навещать их в конце 50-х – начале 60-х».

До сих пор имеют хождение пленки, на которых Антон ЛаВей командует кошками. По словам ЛаВея, «в то время рядом постоянно толкся парень по имени Том Аптон. Основным его занятием было снимать на пленку

разные шапито. Все циркачи его знали, его были рады видеть на любой площадке страны. Стоило лишь посмотреть в его направлении, и он принимался потчевать тебя бесконечными пленками и всякими байками. Он всегда норовил собрать побольше народа и крутить им свои фильмы. Артисты его обожали. Он ставил свой проектор в глубине сцены и показывал им кино. Он был коротышка, довольно кругленький, и у него была маленькая шаровидная жена по имени Кристал. С конца 30-х по середину 60-х он наснимал, должно быть, тысячи бобин пленки. Кое-кому из первых членов нашей организации довелось увидеть некоторые его работы. Он все время таскал их с собой и несколько раз показывал нам, когда заходил в гости. Ясное дело, там был и я – я скакал и прыгал по клетке, развевая буйными монгольскими космами».

Чтобы помочь львам и тиграм чувствовать себя уютней в его компании (для уменьшения риска быть покалеченным), Тони начал общаться с ними на уровне более интимном, чем просто дружба, чтобы большие кошки приняли его в качестве неотъемлемой части самого своего существования. Кормя их, Тони клал свой гамбургер на землю рядом с их пищей и, пожирая его, подражал издаваемым ими урчанию и рычанию. Занимаясь с кошками в клетке, он вслед за ними полз по опилкам. ЛаВей даже принялся время от времени спать вместе с ними в их клетках. «Мне действительно не хватает большой кошки под боком, после того как я 20 лет жизни провел в интимном контакте с ними – с 17 до 37, когда Тогара пришлось отослать в зоопарк. Заменить это нечем. Стоит найти с кошкой общий язык, и она никогда не забудет тебя. Молодой черный барс по имени Зомби, с которым я работал у Битти, вспомнил меня через целых 13 лет, когда я случайно увидел его в каком-то маленьком шапито. Когда я приблизился к клетке, этот уже

пожилой, битый молью барс поднял морду и издал характерное дружелюбное ворчание, признавая меня. Я взгляделся попристальнее, и точно: это был тот самый котяра, с которым я вместе работал, давным-давно».

Однако, несмотря на всю свою дружбу с кошками, ЛаВей признает, что не раз был на волосок от гибели; шрамы на руках и груди напоминают ему, что ничто не может защитить человека от случайных несчастий или от неумной львиной энергии. «Коготь пропарывал мне кожу, или кошки валили меня на землю. Время от времени это случается с любым дрессировщиком. Львы – невероятно мощные существа. Они могут просто слегка задеть тебя, неторопливо трусая мимо; этого хватит, чтобы сбить с ног любого. К тому же они фантастически быстры. Не успеешь грохнуться на пол, как один из них уже сидит на тебе, и вот, пожалуйста: ты навзничь в опилках, а над тобой нависает лев, ты вдыхаешь его жаркий и смрадный выдох, а задрав глаза, видишь, что челюсти, с которых тебе в лицо свисает слюна, размером с челюсти кашалота».

Что заставляло ЛаВею рисковать своей жизнью – не только во время цирковых представлений, но и когда он ел и спал вместе со львами и тиграми и когда впоследствии решил держать дома сначала леопарда, а после и льва, подвергая себя ежедневной опасности нападения? «Я узнал в клетке так много полезного, – объясняет ЛаВей. – Даже падения на пол становились важными уроками. Вот когда ты воистину учишься власти и магии – даже тому, как играть в Бога: когда лежишь на спине в опилках, а в лицо тебе дышит лев. Ты знаешь, что естественный инстинкт зверя – схватить зубами своего игривого сородича на земле, а ведь он не врывается, что у “сородича” нежная кожа и что его кости могут сломаться – что он не выдержит когтей и клыков, как выдержал бы еще один лев. Так что, когда ты лежишь себе там в нокдауне, у тебя остается единственная защита:

твоя сила воли. Каждый хороший дрессировщик должен уметь использовать ее, уметь под завязку зарядиться адреналином и испустить гамма-лучи, пронзающие мозг кошки, чтобы она не вздумала растерзать или разжевать тебя, пока ты нашариваешь свою палку. Потом, когда она окажется у тебя в руке, у тебя будет примерно секунда на то, чтобы щелкнуть ею по львиному носу и вскочить на ноги, пока лев озадачен. А если ты не можешь нашарить палку, придется дать кошке по носу изрядного тумака».

Спустя какое-то время творческая энергия Тони заставила его исследовать другие измерения циркового пространства. Как объясняет ЛаВей, «в цирке всегда есть чем заняться – люди “дуют в две дудки”, обычно имея две, а то и больше, альтернативных работы, если только не выступают с действительно специфическим номером». Дрессура животных щекотала нервы, но Тони знал, что никогда не реализует полностью свой потенциал, если до конца своих дней останется дрессировщиком. Кажется, богатое музыкальное дарование Тони должно было быть неизбежно замечено и использовано другими артистами с пользой для общего дела. Так и вышло.

Тони много лет самостоятельно учился играть на пианино, слушая песни по радио или на граммофоне и старательно подбирая ноты и аккорды до тех пор, пока не был в состоянии с легкостью повторить их. Сопровождая в одном из турне шоу Битти, Тони спросил циркового каллиолиста¹⁴ – алкоголика, который

¹⁴ Исполнитель на каллиопе, сугубо американского изобретения инструменте: первоначально это был орган, использующий давление пара, отработанного турбиной двигателя парохода. Названа в честь Каллиопы, музы эпической поэзии (чье имя на греческом значит «прекрасноголосая»). Инструмент ревет, как ослица в бурю. Впоследствии (во времена лавеевского циркачества это было уже обычным делом) каллиопа работала на каком угодно пару или просто на сжатом воздухе, так как турбину возить по суше накладно.

использовал мануал не как клавиатуру, а скорее как опору, чтоб не упасть, – можно ли ему поупражняться с полчаса, «а то пальцы ржавеют». («У Фреда были мозоли на локтях от запойного музицирования».) Каллиопист отказал, и ЛаВей, разгневанный мелочным самодурством пьяницы, проклял его. Через пару ночей тот свалился больной и никак не мог встать, чтоб сыграть на вечернем представлении. Тони вызвался добровольцем, хотя вовсе не был уверен, что сможет извлечь из каллиопы хоть один звук. Но, будучи человеком, не знакомым с робостью, ЛаВей начал сразу с галопирующей темы «Одинокого странника» из «Увертюры Вильгельма Телля» Россини.

ЛаВей мгновенно познал успех и у публики, и у других циркачей. Битти отправил пьяного «профессора» в «академический отпуск» и сделал Тони главным каллиопистом. Когда шоу Битти въехало в следующий город, ЛаВей восседал за каллиопой, стоявшей на грузовой платформе, – он был Флейтистом из Гаммельна, завлекавшим детей и взрослых в ловушку цирка. Где бы Тони ни выступал, вычурные афиши рекламировали его в самых экстравагантных выражениях.

Хотя многие из упомянутых в лавеевской афише причудливо названных инструментов к тому времени практически вымерли, Антон (как он теперь просил друзей обращаться к нему, вместо детского прозвища), овладел ими всеми – либо их эквивалентами. Воплощая в жизнь рекламные небылицы о самом себе, ЛаВей убедился, что действительно может усмирить либо раззадорить своею музыкой и людей и животных. Путем экспериментов он выявил магические эффекты музыки – то, как определенные аккорды и каденции действуют на публику, животных и самих артистов. Антон обнаружил, что камышовые кошки лучше всего выступают под доминантные аккорды и первобытные

ритмы. Большим кошкам нравилось, когда подчеркивались минорные аккорды, но ЛаВей варьировал их, подходящим образом чередуя минор и мажор. Слонам нравилось преобладание доминантных мажорных аккордов в сочетании с тяжелым размеренным ритмом, что лучше всего соответствовало их медленной поступи и неторопливому метаболизму. Морские котики и собаки (которые, согласно ЛаВею, очень схожи друг с другом), казалось, лучше всего реагируют на мажорные аккорды без единого минорного вкрапления. Когда ЛаВей принимался играть прозрачные доминантные мажорные аккорды, работать с собаками и морскими котиками было легче всего. Остальные циркачи были благодарны ЛаВею и озадачены его необычной способностью придавать своей музыкой особую жизненность их номерам.

В дополнение к работе с такими дирижерами, как Вик Роббинс, Мерл Эванс и Генри Киз, Антон впоследствии исполнял создающую настроение, эмоционально заряженную музыку для некоторых знаменитейших циркачей мира: наездников Ханнефордов, «Кончелос», Хэролда Альзаны, летунов Валлендас, «Кристианис» и прочих. На протяжении лет ЛаВей с удовольствием получал письма поддержки и запросы о членстве от детей, внуков, племянников и племянниц этих артистов, услышавших о ЛаВее от своих прославленных родственников, рассказывавших о нем байки за обеденным столом. Одним из любимых цирковых персонажей ЛаВея был Гуго Цакини, известный как Человек – Пушечное Ядро. Хотя на самом деле в афишах он значился как «Человек-Снаряд», простолоудинам, видимо, больше нравилось, как звучит «Пушечное Ядро», и этот вариант победил. Цакини некогда был истым католиком, но разочаровался и в конце концов стал таким воинствующим атеистом,

что не упускал ни единой возможности потрепаться о том, какой же все-таки рэкет – вся эта организованная религия. «Когда бы кто не спросил его, каково быть пушечным ядром, он раздражался тирадой о проходимцах, заправляющих церквями, стоило ему только как следует надраться после удачного выступления. Тогда прибежала его жена, обвиняя его, что он “выпил лишку вина”». Цакини был доволен, что ему и его брату Эдмундо удалось найти способ нажить на жажде насилия, которой страдала публика. Они изобрели и запатентовали устройство, позволявшее стрелять человеком из пушки, на чем сколотили небольшое состояние. Цакини, тип достаточно эклектичный, был отличным художником и до самой смерти давал платные уроки изящного искусства. Многие из его картин оказались в конце концов в крупнейших частных коллекциях. Еще ЛаВей помнит, как Цакини раздражало, что все упорно коверкают его фамилию. «Люди подходили к нему и говорили: “О, мистер Цуккини!..” И он впадал в ярость: “Вчера я был Цакини, сегодня я стал цуккини, видно, скоро превращусь в баклажан”».

Как-то раз Антон поцапался с лилипутом, тоже работавшим в цирке Битти. Получив приказ сбегать на другой конец площадки за костыльным гвоздем, он увидел под полуприцепом лилипута, боровшегося со «слоновьей лоханью» – одной из этих цветных полых тумб, на которых выступают слоны. ЛаВей попытался помочь ему, и лилипут послал его в задницу и больно пнул в берцовую кость. Потом ЛаВей выяснил, что помогать лилипуту делать какую угодно физическую работу – не очень хорошая идея, потому что можно получить по яйцам.

Среди других интересных людей, с которыми ЛаВей встретился, когда работал в цирке, был один из

авторов журнала *Weird Tales* Роберт Барбер Джонсон («Раббербаббер Джонсон», как он представился при знакомстве). Между ним и ЛаВеем завязалась дружба, которая продлилась еще много лет после официального формирования Церкви Сатаны. В то время, попутно с контрактной работой на журнал *Blue Book* (пять рассказов о цирке в год), Джонсон сам работал дрессировщиком. Он всегда восхищался магией и совпадениями, которыми полна обыденная жизнь, и в то же время совершенно спокойно относился к самым возмутительным дикостям. Хотя публика так и не узнала его как художника, картины, на которых Джонсон изобразил цирковые и балаганные сценки и где необычно трактовал освещение и фактуру, используя мельчайшие крапинки краски, будут, надеемся, в один прекрасный день выставлены. У ЛаВея много воспоминаний о проведенных ими вместе годах, и он любит рассказывать истории об их выходках и походах. Потом, совершенно внезапно, ЛаВей просто перестал о нем что-либо слышать. «Джонсон всегда хотел исчезнуть, просто сойти где-нибудь с края земли, как Амброс Бирс или Б. Трэйвен. Думаю, это ему в конце концов удалось».

Незадолго до того, как Клайд Битти умер от рака желудка, он зашел послушать, как ЛаВей играет на театральном органе, в «Потерянный уикенд», ночной клуб в Сан-Франциско, где ЛаВей работал в начале 60-х. Битти сидел, сжимая в руке банку «7-Up», просто слушая. На улице моросило; была одна из этих странных пустых зимних ночей, и жалкая горстка завсегдаев, среди которых затесался Битти, лишь подчеркивала, насколько он здесь чужой. Антон отыграл его любимую программу: «Королеву джунглей», «Espana Cani», «Болеро» Равеля – и все остальное, закончив зловещими заключительными аккордами

«Богемы» Пуччини. Никто, кроме Антона, не знал, кто этот незнакомец, но один из владельцев клуба, работавший за бармена, осторожно, как бы догадываясь о чем-то, присматривался к нему. Просидев так часа полтора, великий Клайд Битти одними губами сказал «гуд бай», поднялся и вышел в туманную ночь.

Глава 3. «Мистер, я был создан для этого»

Вот они, исчадия ночи, грабители могил, любимчики Дракулы. Заходи, чтоб увидеть дьявольских тварей. Гложущих кости, мерзких животных с ужасной душой. Пойманных всего в четырех милях от замка доктора Франкенштейна и привезенных сюда живыми и полными сил. Похитители трупов. Апостолы дьявола из животного царства. Ползут, крадутся вредители кладбищ, угроза покою и миру мертвых. Полные жизни, на залитой ярким светом арене, – смотри, изучай. Чума с поля боя, сытая мертвыми и умирающими солдатами...

**Суггестивная реклама для непрерывного представления с участием броненосцев
(Дон Боулз. Балаганный шоумен)**

Шоу Битти пропутешествовало через Калифорнию, Орегон, Вашингтон, Неваду, Аризону и Нью-Мексико. В октябре 1947 года цирковой сезон закончился, и Антон был готов двигать дальше. Жизнь дрессировщика львов и циркового музыканта была довольно насыщенной, но

он подозревал, что видел еще не все горизонты, что есть более крутые способы жить.

От своих цирковых корешей он слышал о разнице между работой в цирке и работой в балагане. Циркачи считали, что творят настоящее искусство, ослепительное семейное развлечение, если сравнивать с дешевыми трюками балагана, всеми этими палатками, где сидят «предсказатели судеб». Циркачи считают, что балаганщики – социопаты, бродяги, маргиналы, бегущие от закона или какой-нибудь гнусности, совершенной в прошлом, что они пытаются забыться, затеряться, заблудиться. Балаганщики считают, что циркачи – «рабы зарплаты» и «примадонны», что им нужны только профессиональные навыки, что они не знают законов уличной жизни, что они просто исполнители и не нуждаются в подлинной остроте ума.

Этого было достаточно, чтобы воодушевленный Лавей стал искать несезонную работу в разнообразных увеселительных заведениях на Западном побережье, вроде «Веселого парка “Пик”» в городке Лонг-Бич, Калифорния, где он играл на паровой каллиопае напротив блошиного цирка профессора Теобальда. Профессор Теобальд был довольно эксцентричным немецким господином, обожавшим засучить рукава и пустить своих блох угощаться его руками в качестве ужина. Он бушевал, возмущаясь ревом лавеевской каллиопае и жалуясь, что музыка огорчает его крошечных циркачей: «Пожалуйста! Это нервировать мой блох; они не будут исполнять с нужной блеск!» «Он умолял меня играть чуть потише. На каллиопае невозможно играть чуть потише; она звучит либо очень громко, либо вообще не звучит. Я никак не мог втолковать ему это и очень сочувствовал».

Лавею предстояло встретиться с массой интересных персонажей в балаганных турне: Франциско Лен-

тини сумел извлечь кое-что позитивное из того факта, что у него было три ноги, – он использовал третью как табуретку, когда ходил на рыбалку, и всегда танцевал с прелестнейшими девушками на любой танцплощадке, изобретая уникальный вальс, который делал их центром всеобщего внимания. «Он был единственным человеком, который плясал у меня на глазах в размере 5/4, – Чайковский мог бы сочинить для него великолепную пьесу». Хотя Лентини легко относился к тому, что родился трехногим, он изрядно стеснялся маленького пальцевидного придатка, росшего у него из третьей ноги, и всегда носил специальные длинные носки, чтобы спрятать его. Еще Антону понравился Человек-Страус, Якоб Хайльбергер, который настолько овладел своими желудочными рефлексами, что мог усилием воли отрыгивать проглоченные предметы. Он был чрезвычайно культурным инженером-евреем, закончившим Берлинский университет и сбежавшим из Германии, когда к власти пришли нацисты. Скрывая свой интеллект и высшее образование, Хайльбергер шокировал публику, глотая живых мышей, шары для гольфа и куриные яйца, из которых вылуплялись живые цыплята, выскакивавшие у него изо рта.

Разумеется, имелось и секс-шоу, преподносившееся под видом образовательной лекции по гигиене, а не то местное духовенство возмутилось бы или явились бы копы, чтобы закрыть балаган вообще. Роль «сексолога» играл доктор Харт (впоследствии известный как «доктор Эллиот Форбз»); смазливые девушки в медсестринских униформах, едва прикрывавших их наготу, ассистировали «доктору», тыча указками в различные анатомические подробности на огромных таблицах. На шоу обычно показывались фильмы Крөгера Бэбба или армейские учебные фильмы, посвященные опасностям венерических болезней, вплоть до гниющих носов мужчин

на запущенных стадиях сифилиса, чему Антон обожал сопровождать, играя «Лунную сонату» и прочую классику. К концу фильма многие из мужчин, которых обманом заставили купить билет, уже успевали украдкой сфотографироваться из-под шатра, побросав свое нетронутое мороженое в вафельных стаканчиках и фунтики поп-корна под сиденья и поклявшись навсегда прекратить половую жизнь.

Антон продолжил работать на крупнейшие странствующие шоу Тихоокеанского побережья – балаганы вроде «20 больших шоу Крафта», «Шоу Западного побережья» и «Фоули & Берка». В таких больших городах, как Эл-Эй¹⁵, они разбивали свои шатры рядом с цирками (в городах поменьше к ним порой присоединялись местные, «независимые» балаганщики), на окружных ярмарках, площадках для родео, треках для мотогонок, футбольных полях... Но в основном они вносили радость и оживление в трудовые будни таких процветающих фермерских общин, как Модесто, Терлок, Реддинг, и захолустных сельских городишек с названиями типа Кроуз-Лэндинг, Сиэриз, Этуотер¹⁶.

В каждом балагане ЛаВей играл на каллиопе, органе-оркестре Вюрлицера или Хэммонд-органе (чтобы народу было веселее бродить среди всевозможных аттракционов) свою любимую «говнодавскую»¹⁷, «авиазаводную», «верфяную» музыку – «Роли-Поли», «Окольный путь», «Подсолнух», «Вакансий нет», «Милый оки»¹⁸ – в дополнение к более консервативным стандартам.

¹⁵ Разговорное американское прозвище Лос-Анджелеса.

¹⁶ Названия «говорящие», означают соответственно «Посадочная площадка вороны», «Церера» (римская богиня земледелия и плодородия) и, если попытаться подобрать русский аналог, «Наводье».

¹⁷ «Говнодавами» (shit-kickers) американцы называют не только особо тяжелые ботинки, но и фермеров, потому что они «копаются в говне».

¹⁸ «Оки» – житель штата Оклахома, а также любой странствующий сельхозработник.

ЛаВей экспериментировал с различными звуковыми эффектами, встроенными в орган-оркестр и весьма подходящими к балаганной толчее или езде на карусели: барабаны, гонг, трамвайный звонок, тамбурины, птичьи трели, стук копыт, рев клаксонов... Все они придают музыке характерный разболтанный, аритмичный оттенок, который сильнее всего ассоциируется со смешанным балаганным ароматом поп-корна, опилок и сахарной ваты. Помост зазывалы, украшенный преувеличенными изображениями того, что можно было увидеть и испытать под пологими шатров, был отличной точкой обзора, откуда Антон лицезрел еще одну, новую сторону человеческой натуры. Хотя балаганы были небольшими, цветастые палатки, интригующая музыка и гротескные экспонаты выманивали сотни любопытных из сельских окрестностей. И все приходили, напялив самые нарядные шмотки, в надежде увидеть нечто пикантное, в надежде выиграть нечто особенное, в надежде увидеть то, что не забудется никогда.

Еще ЛаВей был рекрутирован в качестве музыканта странствующими вместе с шапито «возрожденцами» играть на их воскресных собраниях. «Цирки и балаганы традиционно считались работой Дьявола – в XIX веке, когда артисты путешествовали на крытых повозках, а гневные священники обладали реальной властью. Потом проповедники додумались, что могут использовать в своих интересах балаганных органистов и толпы, собираемые аттракционами, и начали проявлять к нам терпимость – вот настоящая мутация христианства». Во введении в «Сатанинскую Библию», написанном Бертоном Вулфом, цитируются меткие наблюдения ЛаВея об этих «христианах-на-один-день-в-неделю»: «В субботу вечером я видел мужчин, которые с вожделием пялились на полуголых девушек, танцующих в балагане, а в воскресенье утром, когда я играл на органе для

миссионеров в другом конце балагана, я видел тех же самых мужчин, сидящих на скамьях со своими женами и детьми, умоляющих Бога простить их и очистить их от плотских желаний. А в следующую субботу они снова являлись вечером в балаган или какое-нибудь другое логово порока. И тогда я понимал, что Христианская Церковь живет лицемерием и что человеческая плотская натура – как шило в мешке, ее не утаишь!»

Балаганный шатер окружен оббегающей его по овалу «аллеей» с площадками для игр и верховой езды, ларьками и киосками по обеим сторонам и «шоу», размещенными в другом конце овала, напротив ворот. Все самое интересное находится как раз на концах балагана – «палаточный лагерь гадалок», «шоу девушек», «10-в-1» (уродцы), «детективное шоу», выставка «маринованных монстров» (заказанных непосредственно в «Тейтовской лавке древностей»: «дьявольские младенцы» – \$75 штука, «мумифицированные трупы» – \$50 штука...). Внутри палаток Антон играл на Хэммонд-органе для стриптизерш и танцовщиц хула-хула¹⁹.

В балагане всегда было полным-полно девушек как работавших там, так и приходивших посмотреть шоу. «В нескольких балаганных номерах девушки были задействованы ради пущего шика. Однако “шоу девушек” и “секс-шоу” служили разным целям. “Шоу девушек” напоминали странствующие стриптиз-бары. Девушки выходили на помост щегольнуть своими прелестями, после чего зазывалы заманивали джентльменов посмотреть раздевание. Вход обычно стоил 50 центов. Потом, когда все оказывались внутри, следовал “мягкий” или “жесткий” стриптиз, смотря насколько основательно балаганщики подмазали местного шерифа.

¹⁹ Гавайский танец.

Секс-шоу – это было нечто совершенно иное. Это была постановка с участием доктора и развратных медсестер, где коронным номером чаще всего была наглядная лекция “Тайны гигиены”, следовавшая за шоу “Чудо жизни”. Именно после этого мужчины сваливали, клянясь никогда больше не пялиться на соблазнительных женщин». ЛаВей объясняет, что никто из балаганщиков не крутил романов с женщинами-артистками – что это было бы воспринято как нечто вроде инцеста. Предполагалось, что при соблюдении известной осторожности артисты могли завязывать знакомства с девушками, приманенными блеском и весельем балагана. Однако откровенные «охотники за юбками» отравляли жизнь владельцев и зачислялись в одну категорию с «алкашами» и «агитаторами». Большинство объявлений «предлагается работа», публиковавшихся в «Биллборде» (еженедельной газете, освещавшей индустрию развлечений на открытом воздухе), советовали подобным типам «сидеть, где сидят». У Антона бывали «связи» с девушками из городков балаганного турне, что гордо шествовали по балаганной «аллее», разодетые в пух и прах, чтоб увидеть самый шикарный шик, какой им только доведется в жизни, или с местными девушками, у которых были безумные идеи стать кинозвездами и чьим первым шагом на этом пути было присоединиться к балагану в качестве «танцовщиц». Обычно они добирались только до следующего маленького городка, после чего сдавались.

Если шоу въезжало в город, где в местном театре как раз выступало «Полуночное шоу привидений», ЛаВей добивался того, чтобы ассистировать типам вроде «Доктора Зомба», «Доктора Дума» и «Доктора Тума»²⁰, швыряя спагетти и виноградины с воплями «Черви!» и «Глаза!»

²⁰ Имена «говорящие», означают соответственно «Зомб(и)», «Фатум» и «Могила».

в крошечной темноте с балконов местных маленьких театров прямо на колени сидящей внизу публики.

Иногда Антон помогал на площадках для верховой езды или, когда оператору скрытого в полу «павильона смеха» специального вентилятора требовалось срочно облегчиться, ЛаВей становился его преисполненным энтузиазма дублером. А еще там было шоу «10-в-1», в котором участвовали всевозможные уродцы, монстры и исполнители реприз: Шпагоглотатель, Клоун-Тупица, Резиновый Индус, Пожиратель Стекла, Мальчик-Аллигатор, Грэйс Макдэниелс – женщина с лицом мула и Джонни Эрк – невероятный получеловек. Как всегда, ЛаВей нашел друзей среди тех, кого общество в целом сочло бы париями. «Уродцы были королевским сословием балаганного мира – они получали почести и признание, каких никогда не добились бы там, во “внешнем” мире. Люди-аномалии, уродцы с рождения, занимали гораздо более высокое положение, чем ходящие по мечам и пожиратели огня или даже татуированные люди; тем пришлось научиться своим жутковатым талантам или, в случае татуировок, видоизменить свое тело, чтобы стать “незаурядными”. Уродцы от рождения в буквальном смысле обладали особым правом первородства».

Больше чем в любом другом шоу ЛаВею нравилось работать в «лагере гадалок», где были собраны разные мистики, предсказатели судеб, цыганки-хиромантки, гипнотизеры и фокусники. Там Антон усвоил все тайны «цыганского ремесла», какие только смог вывести. Джо Калгари научил ЛаВею магии «чтения писем» – как описать с завязанными глазами, что написано на листке бумаги, спрятанном в запечатанном конверте. Джонни Старр, крикливый балаганный зазывала, показал Антону, как изображать «свами»²¹, сидя за столом в белом

²¹ Учитель (инд.); обращение к брахману.

тюрбане, в то время как миловидная девушка собирает свернутые записки у публики, несет их на сцену и бросает в затуманенный изнутри хрустальный кубок. Когда записки проваливались прямо сквозь кубок и вниз по специальному желобу в жадные руки ЛаВея, сидящего под сценой, Антон разворачивал записки, светил на них карманным фонариком и показывал их сквозь мощную линзу свами Старру, глядящему внутрь кубка на сцене. Тюрбаноносный шоумен чудесным образом произносил в точности то, что написали зрители, к их восторженному изумлению и буйным аплодисментам. «Джонни носил тюрбан (или какую-нибудь другую экзотичную шляпу) не ради выпендрежа, а просто чтобы скрыть танталовую пластину в своей голове, результат военного ранения».

ЛаВей внимательно наблюдал и слушал, учась всему, чему мог: френологии, хиромантии, астрологии и магическим трюкам. Он разработал впечатляющий номер с самим собой в роли гипнотизера для шоу «10-в-1», кульминацией коего было, когда он делал девушку твердой как доска, клал затылком и пятками на два стула и приглашал кого-нибудь присесть на нее. К этому времени имидж ЛаВея стал стереотипом балаганщика: кричащие спортивные пиджаки, раскрашенные вручную галстуки, карандашной толщины усики. Он получил намного больше, чем могло бы дать ему любое университетское образование – высшее образование мошенника, пробивного эксперта в деле эксплуатации плотской человеческой природы, – и наслаждался тем, что выглядит таковым. Шрам на щеке, который он приобрел, подравшись на ножах с одним своим другом, лишь добавил зловецкий, жесткий оттенок его чертам.

Приобретая опыт балаганщика, он узнал, как сильно люди хотят, чтобы их одурачили, и как много готовы заплатить за это, узнал, как садисты ищут все более

мрачных восторгов; как вуайеры жаждут более свежих, более похотливых пиршеств; как одинокие и больные желают чудес – и как они ненавидят тебя, если ты одурачишь недостаточно сильно. Балаганный волшебник знает, что никаких «чудес» нет, – есть только то, что ты сам заставляешь произойти в твоей жизни. И тем не менее люди всегда будут охотно бросать свои деньги на ветер за малейший шанс выиграть «шик» – браслеты из искусственных брильянтов, дешевые наручные часы, гигантских плюшевых животных – или «шлак» – абсолютно никчемные сувениры «на память».

«Балаган чудовищ» и «Подходи, не бойся!», две из немногих правдивых книг о балаганной жизни, были написаны парочкой закадычных друзей ЛаВея, Уильямом Линдсеем Гришемом и Дэниелом Мэнниксом. Хотя контакт с Гришемом был безвременно прерван его трагической смертью, ЛаВей, на момент написания этой книги, по-прежнему ведет дружескую переписку с Дэном Мэнниксом. ЛаВей обессмертил свою дружбу с Гришемом в именах своей дочери и своего внука – Зины и Стэнтона: так звали персонажей другого знаменитого гришемского романа о балаганной жизни – «Аллеи кошмаров». «Балаганный шоумен» – еще одна прекрасная книга на ту же тему, в которой Дон Боулз, ее автор, пишет: «Способность подавать обычные вещи в возвышенной манере, изобретать о них мишурную ложь и нагло продавать билеты на их показы – вот качества, необходимые человеку, мечтающему о профессии шоумена... Здесь очковтирательство сравнимо с магией: балаганные шоумены чувствуют, что дурачить людей позволительно, пока ты даешь им столько веселья, за сколько они заплатили».

Над ЛаВеем неоднократно насмеялись за то, что он пришел «из цирковой и балаганной среды», как будто это доказывает, что он действительно шарлатан. Но,

как объясняет сам ЛаВей, у субкультуры балагана есть свои собственные стандарты, свои собственные принципы. «В балагане мы всегда знали, кто подделка, кто подлинник. Странствующие “палаточные миссионеры” ошивались вокруг балаганов как “цирковые вши”²². Никто их терпеть не мог. Они всегда являлись туда, где можно было неплохо пожить. Все они признавали, что они – в “Иисусовом рэжете”, и просто-напросто пользовались толпами, которые собирал балаган. По крайней мере в те дни не многие из них притворялись, что действительно верят в то дерьмо собачье, которое всем пропихивали. Они для себя решили, что просто доят тупых деревенщин, как доит любое странствующее шоу. Как гробовщики, они принимались шутить и отпускать скабрёзности насчет собственного занятия, стоило им лишь очутиться подальше от ушей какой-нибудь прихожанки. Многие из них в конце концов попадали в Фолсом или в Сан-Квентин, если умудрялись обчистить не того, кого нужно. Но если они были по крайней мере честны сами с собой, ты мог испытывать к ним определенное уважение. Таков закон балагана».

«Жалкая Лаура: заходи и взгляни на дьяволово дитя. Взгляни, какая она живая внутри. Укоротите-ка цепи, парни, она беспокоится. Слушайте, как она кричит! Что она там сейчас делает? Киньте-ка ей еще одну курицу, она, должно быть, проголодалась! Смотрите, как она скачет. Слушайте, как она завывает. Брошенная ребенком и выросшая среди диких животных. Визжит, рычит, завывает, кричит. Но бедная Лаура лишена дара речи. Смотрите-ка на нее сейчас. Смотрите, как низко может пасть человек. Увидев раз, не забудешь до гроба...»

²² На американском сленге (lot lice) – те, кто ходит посмотреть, как устанавливается купол цирка, кто ходит в цирк, не тратя денег на представления, а просто поглазеть по сторонам.

Глава 4. Ночи с Мэрилин Монро

Это 1948 год, стоит знойная лос-анджелесская ночь. Войдите в двери старинного бурлескного театра, скрывшись от хриплого, настойчивого, как лай пустолайки, голоса зазывалы, торчащего снаружи. Запахи фойе – поп-корн, дым сигар, дезинфекция, кола – мешаются с затхлым ароматом старой театральной ковровой дорожки. Пройдите сквозь заплесневелые портьеры в сам театр и почувствуйте застойный запах мускателя из бутылок, выпавших из рук дремлющих пьяниц в заднем ряду, бутылок, постоянно звякающих об пол и катящихся вперед, когда девушка на сцене переходит к своим самым соблазнительным телодвижениям.

Займите место поближе к узкому помосту, выступающему в зал. Отсюда вам откроется наилучший обзор. Откиньтесь, расслабьтесь, положите шляпу себе на колени и ждите, когда поднимется занавес.

Вы терпеливо слушаете назойливое жужжание разносчика спиртного, и вдруг ваше внимание привлекает бледный темноволосый молодой человек, проскользнувший сквозь боковой занавес с какими-то нотами

в руках, – его движения медлительны, но отточенны и уверенны. Он разворачивает перед собой испещренный карандашными пометками бумажный манускрипт и успевает просмотреть две-три страницы нот сквозь дым зажатой в зубах сигареты, пока разносчик спиртного уходит из зала, шаркая по проходу. Молодой человек извлекает первые ликующие аккорды, вызывая на сцену девушек-хористок. Выражение его лица меняется, на нем появляется легкая горделивая улыбка, когда следующая девушка украдкой выглядывает наружу из-за занавеса, готовая выйти со своим номером. Лампы гаснут, и на сцену падает одинокий синий круг света.

Пышнотелая молодая блондинка начинает свой медленный стриптиз, когда органист плавно переходит к «*Hymn a L'Amour*»²³. Ее движения одновременно девичьи невинны и сногшибательно чувственны. Вы замечаете, что на сцене их двое – танцовщица и музыкант; ваш пристальный взгляд перебегает с ее волнующейся и волнующей плоти на его свенгальские глаза, следящие за ней, на его руки, что следуют за нею по клавишам и управляют ею, контролируя ее из темноты.

Каждую пару недель в Бурлескном театре «Майя» тема менялась. Представление строилось на парижских мотивах, поэтому органист играл незаконно добытую, списанную с оригинала вручную аранжировку «*Hymn a L'Amour*», буквально только что сочиненную аккомпаниатором Эдит Пиаф и еще не выпущенную в этой стране. Танцовщица? – Мэрилин Монро.

Балаганный сезон заканчивается резко, когда студеный зимний ветер загоняет людей в дома, оставляя промозглую «аллею» бесприютной и брошенной. Те, кто может, находят другую работу, пока весной труппа вновь не объединится для следующего турне. Тони ЛаВей уже

²³ «Гимн во имя Любви» (фр.).

завоевал репутацию яркой личности (и надежного музыканта) у владельцев бурлескных театров, а потому найти работу в Лос-Анджелесе по части стриптиза для него не было проблемой. Он играл в театре «Майя» и театре Бербанка – двух из числа наиболее популярных театров, – а также в заведении Цукка, легендарном ночном клубе «Город диких голубей». Мэрилин Монро (поочередно бывшая также Мэрилин Марло, Норин Мортенсен и Моной Монро) недавно расторгла контракт с «Коламбией» и приняла предложение менеджера театра потанцевать, «пока не подвернется что-нибудь получше». Ей были нужны деньги на оплату комнаты в «Голливуд Студио Клуб», многоэтажном жилом комплексе, полном других старлеток и «надеющихся», стоявшем недалеко от Центрального кастинга.

Антону было 18 лет от роду; он заявлял, что 25. «Мэрилин сказала, что ей ровно 22, но я ей не поверил. Казалось, каждой девушке, с которой я встречался или работал, было “ровно 22”. Шестнадцатилетки говорили “22”, потому что думали, что никто не поверит им, скажи они “21”, а двадцативосьмилетние считали, что все еще выглядят достаточно юными, чтобы это им сошло с рук». Мэрилин уже успела попозировать для дюжины журналов «с девушками» и сыграть пару эпизодических ролей в кино, и когда был выпущен первый фильм, где она сыграла большую роль («Хористки», стриптизерша), Мэрилин и Антон пошли посмотреть его вместе. «Казалось, ей было интереснее слушать комментарии зрителей на выходе из кинотеатра, чем смотреть, как она выглядит на экране. Ей было трудно осознать, что та экранная красotka и она сама – одно лицо».

Как танцовщица в бурлескном театре, «она была тем, что другие девушки называли “таскающая за цепь” – это значило, что она предпочитала раздеваться медленно, – говорит Антон. – Вежливый термин для

этого был “экзотика” – оргазмический номер, в противоположность более неистовым, стремительным раздеваниям. Большинству мужчин это нравилось – некоторые засыпали, но большинство любило сладкую пытку. Для девушек, желавших считаться “артистками”, это значило быть “таскающими за цепь”.

«Я всегда извлекаю из женщин порочность и непристойность. Даже когда они думают, будто они добродетельны, “приемлемы” и чисты, я извлекаю порочность, живущую в них. Это все потому, что я сам, как принято считать всеми, настолько зол и зловец, что они чувствуют, что могут вести себя рядом со мною куда развратней, чем рядом с любым другим мужчиной».

У нее возник небольшой конфликт с помощником режиссера. Она планировала открыть свой номер с песни «Это магия», ставшей популярной в исполнении Дорис Дей. «Деревенский парень», неотвязно красивая песня Иден Абез, должна была идти следом. Но помреж беспокоился, что она вгонит посетителей в сон. Он заменил «Деревенского парня» на «Медленную лодку до Китая». «Величайшее чудо, понимаешь ты, нет, это просто любить и быть любимым в ответ». Его работой было следить за тем, чтобы девушки достаточно разнообразили свои номера, чтобы все было живо – когда надо, бодро, когда надо – лирично. Мэрилин лучше выступала под медленные вещи, такие как «Глубокая ночь». Антон согласился с ее выбором музыки. «Ей не подходили номера в быстром темпе, вроде “Рэгтайма ковбоя Джо” – которые, как ни странно, были как раз того рода музыкой, под которую она позднее танцевала в кино... вещи вроде “Тепловой волны” и “Никакого удержу”. Но ее подлинная изюминка заключалась в ее мягких чертах лица и почти нездоровой, преувеличенно бледной плоти. Ей была нужна музыка, которая подчеркнула бы эти ее особенности».

Именно этой необычной белизной кожи Мэрилин и привлекла Антона в первую очередь. «Она действительно пробудила от спячки мое давнее навязчивое влечение к этой характерной полупрозрачности кожи. Я никогда особо не интересовался блондинками, пока не встретился с Мэрилин. Но, если восстанавливать цепи причинности, я могу вспомнить одну вечеринку, на которую мои кореша позвали меня, когда мне было примерно 16. Когда мы вошли в гостиную, кучка подростков устроила на полу кучу-малу, и все они дружно придавили эту самую девицу, так что ее платье задралось над задницей. Я увидел эти тоненькие панталонны, растянутые ее белыми, пухлыми ляжками... Она была блондинкой, с тем же самым, мэрилиновским типом кожи. Она была просто еще одной школьницей – я никогда не имел к ней никакого любовного интереса. Я едва посмотрел на нее, ничего такого не подумав, отвернулся и пошел по своим делам. Это просто показывает, что ты никогда не можешь предсказать, как и когда случится твоя ИЭК. Эта штука, которую невозможно планировать заранее, – она просто происходит, и все».

ИЭК (инерция эротической кристаллизации): точка во времени и личном опыте, когда застывает сексуальный архетип (или фетиш) личности.

«Потом, когда я в первый раз увидел Мэрилин на сцене, она повернулась спиной, и у нее была эта бледная, как зефир, плоть, с маленькими синяками внизу, на задней стороне бедер – и меня пронзило то самое эротическое чувство, которого я на самом деле не ощущал с той вечеринки двухлетней давности. Это было скорее пробуждение объекта похоти, я обязан признать это, нежели пробуждение реального объекта любви. Любовь приходит только после похоти, если приходит вообще. Сейчас, когда я думаю о Мэрилин, я вижу ее

не так, как она выглядит на всех этих постерах или в фильмах, – я вижу те чудесные пухлые белые бедра».

Инциденты длятся вечно. «У меня есть только воспоминания – единственная вещь, в которой мы можем быть уверены. Каждый, кто пытается украсть у меня мои воспоминания, атакует меня всерьез. Все есть воспоминания плюс эстетика. На самом деле это единственные вещи, имеющие значение».

Мэрилин была весьма впечатлена Антоном как музыкантом. «Это было во время ее “музыкантской фазы”, когда она выхаживала свой полузадушенный роман с Фредом Каргером, музыкальным директором “Коламбии”». В ту самую первую ночь Антон подошел к Мэрилин между выступлениями с кое-какими советами насчет песен, которые можно было бы добавить к ее программе. Когда начался третий номер, Антон вставил пару припевов из «Любовника из снов» и «Глубокой ночи». Мэрилин отвечала, благодарная его умению извлечь максимум из любого музыкального произведения. Хотя она раздевалась лишь до узкой ленты, прикрывающей пах и крепящейся к другой ленте, на талии, и декоративных цветочков, скрывающих соски, ее движения подчиняли толпу своей власти. Когда она закончила танец, оба они уже знали, что станут любовниками.

Хотя время, проведенное ими вместе, было коротко, они были неразлучны и страстны, как часто бывает с молодыми любовниками. Лавей переехал с Мэрилин в мотель на бульваре Вашингтона. «Это был типичный вшивый мотель, какой можно ожидать найти в том районе города, но там было дешево и была кровать». Экономика сыграла свою роль в его решении. Мэрилин зарабатывала 12 баксов в день как стриптизерша... На 2 бакса больше, чем сам Антон.

Иногда, покинув театр, они катили вдоль по скоростной автостраде от Оушен-парка на «пontiаке» Мэри-

лин. Скоростная автострада была неудачно названной длинной узкой, полной выбоин дорогой с двусторонним движением, бежавшей вдоль океана. Буровые вышки и высотные краны всплывали и вновь погружались во тьму по обе стороны от занесенной песком полосы.

«Однажды ночью машина Мэрилин сдохла после мили с чем-то пути, и нам пришлось топтать всю дорогу обратно. Мы дотащились до конечной станции электричек в Венеise и прождали целую вечность. Эти «Красные вагоны» ходили с периодичностью около раза в час – они проезжали всю дорогу от пирса Венеиса сквозь Голливуд по Венис-бульвару. Эти поезда ездили довольно быстро – кое-кто утверждал, что они разгоняются до 60 миль в час по ночам, когда нет никакого транспорта. Когда поезда набирали эту скорость, вагоны принимались раскачиваться – катились и колыхались. Под тобой скрежетали колеса, и чувство было такое, будто ты на самом деле на «русских горках». В те дни у трамваев были плетеные сиденья, издававшие характерный запах потных задниц, липнувших к ним весь день напролет».

Они прошли через весь поезд до последнего вагона. Кроме них двоих, практически единственным пассажиром в этот поздний час ночи был вагоновожатый, и он даже не удосужился пойти вслед за ними. В последнем вагоне оказалась только парочка пьяниц, вот и все. Пока ритмичное покачивание поезда убаюкивало других пассажиров, Мэрилин становилась все более страстной. Она льнула к Антону, крепко прижимаясь к нему. Потом она встала, задрала свое облегчающее платье и села к нему на колени. «Мы занялись любовью прямо там – это было тем более возбуждающе, что всю дорогу был шанс, что пьяницы проснутся и увидят нас. Ей нравилось ощущение опасности. Мы часто занимались любовью в местах, где была вероятность,

что нас обнаружат, например на кладбище, на заднем сиденье ее машины, в заброшенном здании... Ей нравился риск».

«Наш мотель был рядом с Редондо, так что, сойдя с поезда, мы пошли напрямик через семь или восемь диких пустырей. В то время по всему Лос-Анджелесу было полно таких больших, непомерно разросшихся пустырей – вот как вышло, что труп Черного Георгина был брошен на одном из них и провалялся до утра, пока его не обнаружили. К тому времени, когда мы в конце концов добрались до мотеля, уже занимался рассвет. Наутро нам пришлось выбраться и отбуксировать машину. Водитель машины техпомощи собирался содрать с нас 25 баксов или около того, но Мэрилин сделала так, что он отбуксировал “понтиак” бесплатно. Женщины это умеют».

Хотя для Мэрилин не было проблемой околдовать мужчину, с собственным автомобилем ей везло куда меньше. «Она была ужасным водителем, – признает Антон. – Она сшибла священника, слыхала про это? Поддала ему задним ходом, когда он ждал у светофора. Конечно же, он не мог выругаться или там проклясть нас, но было видно, что он зверски завелся. Некоторые люди обнаружили в этом инциденте кучу скрытого смысла. Может, скрытый смысл и был. Как раз перед тем, как я ее встретил, религия ей окончательно опротивела. Ей всю жизнь говорили, что она “нехорошая”, грешная и дурная. Последняя капля, переполнившая чашу, упала всего за две недели до того, как она сшибла этого священника. Она пришла в читальный зал “Христианской науки” и действительно попробовала прочесть эту чушь. В конце концов она вышла оттуда, решив, что читать это невозможно, что смысла во всем этом – ноль». Антон предполагает, что это было одной из причин того, что они так поладили, – их обоюдное презрение к религии.

Мэрилин была зачарована антоновскими рассказами о жизни в балагане и его все более глубоким проникновением в тайны черной магии. Когда они катили вдоль по окутанному ночным туманом улицам Эл-Эй, она всегда хотела услышать еще что-нибудь об оккультизме, о смерти, исследовать сферы странного и причудливого, с которыми Антон становился знаком все больше и больше.

ЛаВей и Мэрилин объединял также и культурный голод. Пол Валентайн (известный также как Вал Валентино), был великолепным танцором и хореографом клуба «Майя». В то время он был женат на легендарной стриптизерше Лили Сен-Кир, которой Антон сопровождал у Цукка. «Пол Валентайн думал, что я был странным парнем. Мы с Мэрилин обычно поднимались на балкон, когда они крутили претенциозные фильмы типа «Амока» и «Оммо, Оммо, акулий бог». Однажды я слышал, как Валентайн сказал партнеру: «По-моему, они действительно смотрят там фильмы». А мы и смотрели. Мы были голодны. Мы хотели учиться – слушали музыку Бизе или изучали декорации». В довольно скором времени после этого случилось так – и это было странно, – что Валентайн появился в фильме братьев Маркс «Счастливая любовь», в которой Мэрилин предстояло говорить колкости Гручо в своей самой знаменитой сцене.

Одним из любимых парковочных мест было то, которое находилось рядом с Эннис-Хаусом в Глендове – высоко над Лос-Анджелесом. Здание, выстроенное Фрэнком Ллойдом Райтом с использованием трапециевидных форм (как многие проекты Райта), часто называли «Храмом майя» из-за его тревожащего сходства с древними постройками Центральной Америки. Многие говорили, что здание зачаровано – у него была весьма пестрая история. И оно было напрямую связано с кинотеатром «Майя».

«Большей частью мы уживались с ней довольно хорошо. Я могу вспомнить только одну ссору с ней. Она случилась по поводу того длинного белого шарфа времен Второй мировой войны, который был у меня с 1943 года. Мы не могли его найти, и я был уверен, что она куда-то его запрятала и не хочет мне отдавать. Я стал необоснованно придираться, а она разозлилась. Я перетряс каждую коробку в багажнике ее машины. В конце концов мы нашли его – он был засунут в глубину постели, в самый низ. Я до сих пор подозреваю, что она хотела забрать его. А я был молод и не понимал многих вещей – я не понимал тогда, как женщины иногда хотят сохранить такого рода сувениры.

Сейчас люди любят говорить о том, что с Мэрилин имели дело все – от президентов до разносчиков, как она раздавала сексуальное вознаграждение за все, что она получала. Подобно Джо Шенку²⁴, я был там в то время и знаю, что она пару раз ходила к нему домой обедать. Он давал ей деньги и выручал ее – вот и все, что происходило. Люди цитируют ее, говоря: «Это последний член, который мне отныне придется брать в рот». Она такого никогда не говорила, она вообще никогда так не выражалась. Я думаю о сцене в «Продюсерах», где Кеннет Маркс потрясен тем, как Дик Шон изображает Гитлера: «Фюрер никогда не говорил “детка”!». Вот и она этого не делала. Тогда это не было так модно, как сейчас. «Глубокое горло» ввело в моду эти вещи. Она говорила мне, что просто позволяла ему пользоваться руками и смотреть».

Антон ЛаВей имеет уникальную возможность рассказывать о той части жизни Мэрилин, которая обычно считается «потерянным периодом». Она не знала, куда податься, расстроенная своим недавним расставанием

²⁴ Джозеф Шенк – один из возлюбленных Мэрилин Монро.

с «Коламбией», жила так, что часть ее вещей была рассована в комнате мотеля по коробкам, а часть – в кузове автомобиля, и при этом она сохраняла комнату в студийном клубе Голливуда. «В то время она выглядела запутавшейся девушкой и находилась в состоянии депрессии. Возможно, что это был самый худший период ее жизни вплоть до самой смерти».

Интермедия с Мэрилин длилась всего несколько недель. Антон скоро увлекся дочерью влиятельного лос-анджелесского бизнесмена. Это давало ему возможность приобрести какие-то материальные блага, двинуться вперед и преуспеть. Но даже несмотря на то, что он приобретал нечто, на что надеялся, интеллектуальные и сексуальные аспекты его нового приключения оказались весьма ограниченны. Вскоре ему предстояло затосковать по тому, как они подходили друг другу, что он принимал за данность в отношениях с Мэрилин. Но было уже поздно. Она двинулась дальше, начиная свой хорошо задокументированный стремительный подъем к осуществлению своей мечты и последовавшими вслед за этим кошмаром. И хотя они переписывались в течение десяти лет, которые последовали за разрывом, они больше никогда не встречались.

«Люди не понимают, как долго длится “всегда”, когда говорят, что хотят жить вечно. Все установки смешиваются – эмоции останутся сильными, но конкретные обстоятельства не будут удерживаться в вашей памяти. Они станут смешиваться и сплавляться в вашей памяти. Лучше уж прожить более короткую жизнь, но дать возможность каждому отдельному случаю остаться в вашей памяти таким же сильным впечатлением, как и сами эмоции».

Хотя физически они были вместе очень короткое время, они создали в жизни друг друга образы, которые возникали в их судьбах с пугающей регулярностью.

Снова и снова их миры соприкасались миллионами способов, приблизительно так, как в опере повторяются одни и те же музыкальные темы. Антон стал определенным физическим типом мужчины для Мэрилин. И хотя мужчины в ее жизни не были похожи друг на друга, у них были некоторые общие характеристики, – они были скорее сухопарыми, чем крепко сбитыми или полными, темноволосыми, спокойными, скорее дикими, чем ангелическими личностями. То же самое возвращение к этому типу женщины можно увидеть и в жизни Антона. Диана Лавей внешне очень похожа на Мэрилин и во многом напоминает ее. Первую жену Антона, Кэрол, часто описывали как «Джейн Менсфилд в миниатюре», – Джейн была еще одним блондинистым секс-символом XX века (с ней Антон был очень близок впоследствии). А ныне, если вы хотите хорошо продавать газеты или журналы, просто убедитесь, что в них имеется достаточное количество заголовков либо со словами «Мэрилин Монро», либо «Сатана».

Перебирая свои воспоминания о Мэрилин (включая подписанную копию известного снимка в обнаженном виде для календаря, который не только катапультировал ее к славе, но и лишил контракта со студией), Антон вздыхает: «Иногда и сам не знаешь, что думать. Мои отношения с ней не были чем-то особенным. У людей бывают связи, а затем они движутся по жизни дальше. Это не так важно. Вокруг было много девушек, которые могли прославиться, у которых были те же данные, которые ходили в модельные школы, фотографировались, даже, может быть, играли небольшие ролики в кино. Никто тогда не знал, что нас ожидает в будущем. Нам просто было хорошо вместе. Как я говорил, меня заводят очень светлые женщины с тонкой кожей. Когда вся стружка содрана, вот эта уязвимость – все, что для меня важно.

Но конечно, вы получаете то, что видите, – это важно помнить, рассматривая жизнь Мэрилин. Если она выглядит уязвимой, то она всегда будет следить за тем, чтобы чего-то не смочь и сделать что-то, чтобы остаться уязвимой. То, что вы видите, и есть то, что вы получаете. О книге *можно* судить по ее обложке».

А что же Черный Папа знает о смерти Мэрилин? Он колеблется, когда я прошу его прокомментировать эту тему. «Я знаю людей, которые исчезали, потому что у них были неоспоримые доказательства». Его нежелание говорить об этом понятно, однако он признает: «Люди приходят ко мне с вещами, которые не хотят показывать больше никому. Вы можете сказать Дьяволу все». Этот факт в сочетании с его знанием о «потерянном» времени в жизни Мэрилин ставит Антона в уникальную позицию, чтобы получить информацию о ее самоубийстве из иных источников, которые кто-то мог проглядеть или недооценить.

В 1973 году Лавей написал в *Cloven Hoof*²⁵ статью о том, что Мэрилин Монро станет сатанистской «Мадонной» XXI века. В какой-то степени это уже произошло. С момента ее смерти она воспринимается как богиня. Бессмертная и обожествленная; людей поражает история о ребенке, рожденном сумасшедшей матерью от неизвестного отца. Она попала на глаза публике из ниоткуда и исчезла слишком скоро в ту же самую неведомую тьму, из которой явилась. Подобно столь многим женщинам, которые были близки с Антоном, она остается в нашей памяти навеки молодой, потому что ей так и не представился случай состариться. Оставшуюся во времени, ее пощадило и не задело Женское движение, поэтому мы так и не увидели, как она могла бы измениться. Для нас ныне она является почти иконой, талисманом,

²⁵ «Раздвоенное копыто» – периодическое издание Церкви Сатаны.

постоянно напоминающим нам о мистическом прошлом. Мэрилин Монро не является чистой и асексуальной богиней, но с сатанистской точки зрения – как раз наоборот. Она – плотская богиня: страстная, полная недостатков, соблазнительная, прекрасная. Если Антон ЛаВей прав, и те вещи, которые он формирует, приходят, чтобы остаться, то наше восхищение ею помогло созданию обновленной женственности.

Глава 5. Твари, что крадутся в ночи

После расставания с Мэрилин в Лос-Анджелесе Антон чувствовал себя еще более опустошенным и одиноким, чем раньше. Он продолжал играть в стрип-клубах вдоль пирса в Оушен-парке и подрабатывал, играя в ночных клубах, на вечеринках и холостяцких пирушках. Но Лос-Анджелес потерял для него большую часть своей привлекательности. Помимо короткого знакомства с одним из громил из круга Лаки Лучано, в городе больше ничто его не держало. Он решил вернуться в Сан-Франциско. Даже несмотря на то, что он пока не знал, чем будет зарабатывать себе на жизнь, он знал, что его ожидали там не лучшие, но и не худшие перспективы, чем в Лос-Анджелесе.

У Антона не было проблем, чтобы найти работу. Он легко заработал репутацию надежного тапера для стрип-шоу. «Маленький Цезарь» Гранелли, местный промоутер и поставщик актеров, договорился, чтобы Антон стал играть на органе на разных пирушках для холостяков, которые он организовывал в Бальной зале Аваллон и в Бич-Шале. Одновременно Антон эксплуатировал

и свои таланты фотографа – он получил работу в фирме Paramount Photo Sales (не связанную с киностудией), где снимал женщин в разных стадиях наготы. Работа ему нравилась – будь то аккомпанемент женщинам, которые снимают одежду, или же фотографирование женщин, обнажающих себя менее откровенным способом.

Когда началась Корейская война, перед Антоном возникла угроза призыва. В те дни молодой человек не убегал в Канаду, чтобы избежать призыва, а мог просто поступить в колледж. Хотя Антон никогда даже не беспокоился тем, чтобы закончить школу, это его не останавливало. Это не было помехой для человека, который вместо школы мудро изучил балаганные трюки. В сентябре 1949 года он записался в Сити-колледж Сан-Франциско на специальность «криминалистика» и решил приобрести репутацию почтенного студента. После занятий Антон зарабатывал деньги тем способом, который знал лучше всего, – музицировал.

Через друзей он связался с воинственными еврейскими группами, некоторые из которых поставляли оружие во вновь образованное государство Израиль, – с организациями типа «Бетар», «Хашимер Хатцаир», «Поале Сион», «Штерн» и «Иргун». Ввиду той свирепой тактики, которой они придерживались, некоторых из них сравнивали с нацистами. Парадоксально, что в то же время ЛаВей играл на фортепьяно на встречах ветеранов бригады им. Авраама Линкольна, – тех самых американцев, идеализм которых привел их в 30-е годы в Испанию, где они воевали за то, что считали правильным, хотя их неизменно клеймили «леваками». Именно там Антон встретил таких людей, как Далтон Трамбо и Алва Бесси, – двух наиболее отъявленных членов «Голливудской десятки». Бесси работал на различных вечеринках осветителем, ибо не мог найти другой работы. Сведения, полученные Антоном, о том, что ФБР

засняло его на пленку, когда он входил в зал собраний, похоже, его вовсе не взволновали.

Антон видел, что «красная угроза» далеко еще не исчезла из списка причин для возникновения истерии, подогреваемой церковью. Церковь уже некогда добилась того, что тысячи людей были сожжены на костре, обвиненные в том, что они ведьмы или колдуны, просто потому, что они угрожали не тем людям. Поэтому симпатия ЛаВея к группам, которые клеймили как «комми» в тех условиях, которые тогда существовали в стране, была нескрываемой. Восприимчивая манера Антона оказалась живительной для отверженных патриотов. Он слушал, как разочарованные мужчины пели песни про Мадрид, Хараму, брюнетку... Антон мог вдохнуть в их музыку новую жизнь, это было интереснее, чем крутить одну и ту же заезженную пластинку. Они доверяли Антону, их вдохновляло его желание учиться и тот пыл, с которым он исполнял мелодии. Те изгои, для которых играл Антон, ценили его энтузиазм и награждали его рассказами о партизанах, которые воевали в интернациональных бригадах, надеясь, что какая-то часть их сможет с его помощью пережить самих рассказчиков.

ЛаВей вспоминает: «Все это было очень похоже на эскапады из старых фильмов типа “Женщина с пирса №13”. В Сан-Франциско было два главных места, где проводились такие рандеву, – Еврейский земляческий центр и Коллективный рабочий центр; парни сходили на берег и отправлялись прямо туда, искать какие-нибудь контакты в библиотеке. Меня обычно нанимали играть на показах мод или в варьете, а потом я просто шел напрямик в доки, где загружали ящики с оружием, отправлявшимся в Израиль. Большая часть этого оружия относилась к тому, что было “освобождено” во время войны американскими солдатами и признано

в качестве DEWAT²⁶. Но еще до того, как оно получало шанс действительно оказаться деактивированным, его смазывали космолином²⁷ и посылали в Израиль. Его загружали в контейнеры, на которых было написано “меноры”²⁸ или что-нибудь еще. В основном это были немецкие MP-40 или P-38, или даже японские Nambus, – в общем, все, на чем можно было погреть руки. Впоследствии я получал благодарственные письма от организаторов модных шоу, в которых говорилось о том, как я помог им провести презентацию. Мало же они знали о том, что я делал после этих шоу.

Тех сионистских поставщиков оружия лучше всего назвать идеологическими наемниками. У них было такое чувство: “ну, хорошо, может, то, что я делаю, не так уж сильно изменит положение вещей, но по крайней мере я делаю то, что считаю нужным”. Хотя многих гораздо больше занимало улучшение и доведение нового оружия и его технологий, с которыми они экспериментировали, чем мысли о том, кого их новые разработки могут поразить или взорвать. Я встречал сионистов, которые только что вышли из европейских тюрем – не из нацистских концентрационных лагерей, а из других тюрем, – и у них были следы от пуль, шрамы на ногах от выстрелов из автоматов. К тому времени они несколько двойственно относились к нацистам. Многие из них были награждены во время Первой мировой войны со стороны Германии, затем воевали в Испании *против* Германии, только для того чтобы войти в сомнительный союз с нацистами против англичан в Палестине, затем они воевали за установление нового Израильского государства. Этого всегда хватало – больше, чем люди до самого недавнего времени желали слышать. Есть кни-

²⁶ Deactivated war trophies – деактивированный военный трофей.

²⁷ Вид антикоррозийной смазки.

²⁸ Ритуальные семисвечники.

га, она называется “Сионизм в век диктаторов”, которая подтверждает многие из моих подозрений насчет того, что именно происходило между сионистами и нацистской Германией.

Кульминацию всего этого периода своей жизни я увидел много лет спустя, вскоре после того как вышла “Сатанинская Библия”. Я встретился с Асафом Даяном, актером, сыном легендарного министра обороны Израиля Моше Даяна, и он просто сиял, говоря о моей книге, соглашался в ней со всем подряд. Он сказал, что это была в точности та философия, которой они придерживались, были вынуждены придерживаться, в современном Израиле. Он пригласил меня приехать в Израиль и остановиться у них в доме в любое удобное для меня время».

По мере того как заработки Антона на карнавалах падали, он нашел работу в театрах бурлеска, играя для самых знаменитых стриптизерш типа Лили Сэн-Кир, Зориты, Темпест-Сторм (Бури-Урагана) и Эвелин Вест. (В Окленде в театре «Эль Рей», где он работал, бывший армейский фотограф по имени Расс Мейер как раз начинал карьеру легендарного режиссера фильмов с обнаженкой.) Антон подметил ту же самую закономерность, с которой он уже встречался, работая на карнавалах и в других стрип-шоу. Как бы гипнотизирующе ни выступала на сцене раздетая женщина, мужчины всегда отвлекались от нее на симпатичную девушку в зале, которая, возможно, «случайно» обнажала чуть больше голую ножку поверх чулка, чем это было бы принято. Если она делала это достаточно невинно, все глаза оказывались прикованными к ней, а не к девице, колымавшейся перед мужчинами в зале. Проявления именно такого типа похотливого интереса он видел и возле дырочек, проверченных в карнавальных аттракционах.

Эта формула начала постепенно формироваться в голове у Антона, и в конце концов он вывел из нее

«Закон запретного». Этот закон объясняет сам феномен человека тем, что его больше привлекает запретное, чем разрешенное. В театре бурлеска симпатичная спутница, которая обнажается больше, чем сама осознает, вызывает гораздо более живой интерес, чем стриптизерша на сцене, снимающая с себя всю одежду. Стоящая возле вентиляционного отверстия женщина тоже подвергается нападению порыва воздуха и вынуждена продемонстрировать больше, чем намеревалась показать, – нечистое белье или его полное отсутствие! Наблюдатель видит то, что совершенно не предназначалось для того, чтобы быть увиденным. Зрелище немедленно делается гадким, а значит, и непреодолимо влекущим. Компетентная ведьма изучает эти принципы и обнаруживает способы использовать их себе на пользу. (Антон описал эти техники в «Совершенной ведьме», которая через несколько лет была переиздана под названием «Сатанистская ведьма».)

Плейленд (Мир игр) в Сан-Франциско на пляже был одним из самых больших парков отдыха в Америке. Некоторые из балаганщиков, друзей Антона, работали там в межсезонье, и его склонность ко всяким лазам привлекла его к этому месту. (Там на скалах раскинулись легендарные «Купальни Сутро», одно из самых таинственных мест, которые можно отыскать.) Именно там однажды вечером Антон встретил свою первую жену Кэрол Лансинг, дочь одного из руководителей банка Wells Fargo. Он был очарован этой девочкой-блондинкой ростом пять футов и два дюйма. Друзья описывали Кэрол как «Джейн Мэнсфилд в миниатюре» еще за много лет до того, как Антон увлекся Джейн. Когда Антон сообщил Джейн об этом, она ответила без колебаний: «Зачем ограничиваться миниатюрой, когда ты можешь иметь настоящую вещь?»

Поскольку Кэрол не была совершеннолетней, паре было необходимо заручиться разрешением родителей

на свадьбу. Будучи склонными поддерживать свою дочь во всем, что она делала, родители тем не менее с некоторым подозрением отнеслись к отношениям дочери с этим опасным взрослым мужчиной. Антон вообще обнаружил, что его внешность не вызывала доверия большинства родителей. Несмотря на то что его жесткая и подозрительная внешность по каким-то странным причинам нравилась девушкам, ему приходилось встречаться с ними где-нибудь за углом.

В то время, когда Антон встретил Кэрол, он выглядел гораздо более опасным из-за глубокого шрама на правой щеке. Он получил этот шрам во время ссоры с другом, еще когда ему было 16 лет, как раз перед тем, как оставил дом и присоединился к цирку. Драка началась из-за едкого замечания по поводу моральных устоев девушки, с которой Антон в то время встречался. Антон разъярился. Когда драка перешла в серьезную стадию, второй парень выхватил нож и раскроил Антону щеку. «У него действительно не было выхода. Я его чуть не придушил и не думал в тот момент ни о чем, кроме того, что он оскорбил девушку. Он был прав, и это самое печальное».

Через некоторое время после ссоры парень, который порезал Антона, попал в полицию по другому обвинению. Находясь в камере предварительного заключения, он закинул ремень за трубу, обернул свободный конец вокруг своей шеи и повесился. *Это был первый опыт Антона в области непреднамеренного возмездия.*

Родители Кэрол в конце концов были очарованы сдержанным поведением Антона, его музыкальными талантами и преданностью их дочери. Видя непререкаемую решимость дочери, они просто приняли зятя таким, каким он был, – ничего другого им не оставалось. В свою очередь Антон старался стать ответственным семьянином. Он сочетал учебу на факультете криминалистики

с талантом фотографа, работая на полицейское управление Сан-Франциско в качестве полицейского фотографа. Там он ежедневно сталкивался с худшими проявлениями человеческой природы. Его могли вызвать в любое время, ему приходилось гнать через весь город, чтобы сфотографировать место убийства, самоубийства, автомобильной катастрофы, взрыва – всего того, что требовало расследования с учетом серьезности происшедшего.

В городе происходило достаточное количество кровавых происшествий, которые заставляли мозг Антона закипеть: дети, распластанные на тротуаре водителями, скрывшимися с места происшествия, молодые женщины, жестоко убитые ревнивыми любовниками, раздутые тела, выловленные из залива Сан-Франциско, мужчины, застреленные своими братьями или лучшими друзьями, изнасилованные и убитые девочки... Как он мог поверить в то, что все это делалось по какому-то плану, – все это бесчувственное варварство, что Бог на небе приглядывал за всеми этими людьми? Разве могла существовать причина, по которой такое количество боли и страдания отпускатось невинным душам? Бога не могло быть. Людям надо было заставить отвечать перед другими людьми, а не зависеть в осуществлении правосудия от какого-то верховного божества, которое осуществило бы справедливость, – такого Бога не существовало.

«Бога нет. Нет на небесах верховного всемогущего божества, которое заботится о жизни человеческих существ. Там наверху нет никого, кому было бы не наплевать. Человек – вот единственный Бог. Человека надо научить отвечать за свои действия перед собой и другими людьми».

Антон решил, что должен существовать новый представитель справедливости – не какой-то карающий, патриархальный белобородый Бог, но новый человеческий

адвокат. Некто, кто не был бы отделен от нас и окутан в «божественность», но кто-то, кто понимал все те мучения, которые означали бытие человеком, кто разделял бы наши собственные страсти и слабости, но был бы при этом каким-то образом мудрее и сильнее. Антон начал осознавать, что большая часть нашего прогресса в науке и философии была достигнута теми, кто восставал против Бога и церкви, или против диктата стандартизованного общества. Нам нужен был представитель для этого революционного, креативного, не подавляемого духа внутри нас самих – не Святого Отца, но, возможно, брата-бунтовщика.

И Антон уже знал ту единственную фигуру, которая подходила на эту роль. Божество, чья бунтарская, страстная натура описывалась с самых темных начал времен, с немym восхищением или со страхом, или и с тем и с другим. Сатана, под тем или иным именем, преследовал человечество, искушая его сладкими соблазнами и просвещая его ослепляющими откровениями, предназначенными только для богов. Поклонявшиеся Сатане обращались к нему не как к «Нашему Отцу», но как к соотечественнику, который напрямую занимался делами людей на земле. Он был тем, к кому можно было обратиться за силой для воздаяния и кто раздавал заслуженное вознаграждение, которое божественный «Господь» никогда бы не понял. Вместо того чтобы создавать грехи, обеспечивая податливость вины, Сатана вдохновлял потворство своей натуре. Он был единственным божеством, которое действительно могло нас понимать.

Учитывая то, что Антон держал свою камеру на взводе постоянно, это вдохновляло его на то, чтобы делать интересные снимки людей, когда он видел что-то особенно поразительное. Его фотографии того времени несут на себе сильный отпечаток влияния Артура Феллига, известного под прозвищем «Виги» (Weegee), который работал полицейским (криминальным) фотографом

в Нью-Йорке в 40-х годах. Этюды Антона настолько реалистичны, что граничат с макабром, напоминая работы Дианы Арбус.

В течение тех лет, что он работал на управление полиции, его фотографии привлекали к себе большое внимание. Некоторые из своих работ он выставлял, некоторые продал журналам и выиграл целый ряд конкурсов. Нельзя сказать, чтобы люди всегда очень радовались, глядя на фото, которые делал Антон на месте убийств, там, где все смешалось в результате автомобильной аварии, или, скажем, глядя на его не менее будоражащие перспективы семейного отдыха на пляже, но тем не менее они не могли не смотреть. А Антон в свою очередь считал, что камера слишком ограничивает воображение, слишком механистична.

К тому времени Антон уже некоторое время писал картины, экспериментируя, помимо прочего, с техникой, почерпнутой в работах Ивана Олбрайта, который сделал мрачные иллюстрации для цветового решения фильма «Портрет Дориана Грея». Одной из подобных картин, выставленных Антоном, стал безобразный портрет мужчины в полуразложившемся состоянии – его собственный «портрет на чердаке», выполненный в 21 год. Картину выставили в витрине галереи для привлечения покупателей, но она оказалась слишком неприятной; столь многие люди протестовали против нее, что полотно пришлось убрать.

Еще в 1951 году взгляды Антона были сформулированы достаточно полно, чтобы он уже начал искать группу «официальных» поклонников дьявола. Он посетил собрание членов Ордена Телема в Беркли, последователей Алистера Кроули, который с гордостью называл себя «Самым безнравственным человеком в мире» и, предположительно, находился во взаимодействии с темными стихиями. Антон был разочарован встречей с кучкой

мистически ориентированных гадателей на картах, которые делали акцент на изучении восточной философии, языков звезд и рассуждений о том, как достичь духовной nirваны и единения. Несколькими годами раньше Антон заказал книги Кроули у Джека Парсонса в Пасадене – «Равноденствие богов», «Магию без слез», «Дитя луны», «Дневник наркотического друга», «Меч и песню», «Tannhäuser», «Книгу лжи», «Йогу для деревенщин» и «Книгу закона». Когда в 1952 году вышла биография Кроули, написанная Джоном Симондсом, – «Великий зверь», Антон пришел к выводу, что основатель Ордена Телемитов был накачанным наркотиками позером, достигшим наибольших успехов в области поэзии и альпинизма. Несмотря на истерические истории о диких сатанистских оргиях, которыми он, по рассказам, верховодил, и на богохульные взгляды, которыми, по слухам, были полны его писания, последователи Кроули были довольно безобидными – гораздо более неземными и воздушными, чем ожидал Антон. Ему пришла на ум мысль, что люди просто придумывали сказки о предполагаемых похожих культах, в которых поклоняются Дьяволу, вне зависимости от того, какими бы кроткими ни были на самом деле эти группы.

В 1952 году родилась первая дочь Антона, Карла Марица. Ее темные вьющиеся волосы и быстрый ум отражали соответствующие черты отца, сформировав между ними магическую зависимость с самого рождения. На следующий год ответственность Антона на работе в полицейском управлении расширилась, когда его назначили – без всякой просьбы с его стороны – реагировать на все повторные звонки по телефону 800, приходившие из разных бюро. Это был кодовый номер «для психов»: по нему звонили те, кто рассказывал о привидениях, сияющих образах, летающих по улицам, странных звуках, НЛО, таинственных лучах и обо всех остальных

вещах такого рода, происходящих по ночам. Работа становилась более интересной. Никто в управлении не хотел заниматься этими делами – не по причине страха перед странными вещами, которые предполагает название «звонки от психов», но просто – из врожденного страха перед всем непознанным.

Антон же был в восторге. В своей работе охотника за привидениями он использовал термен – один из ранних электронных инструментов, детектор вторжений. Настроенный на фиксированную частоту, он позволял отслеживать флуктуации с помощью уровня и интенсивности своего звучания, если некое «присутствие» как-то себя обнаруживало. (В Голливуде использовали термен в качестве стандартного музыкального инструмента для «привиденческой» фоновой музыки в фильмах про таинственные дома.) Он расставлял ловушки для «привидений»: камеру, заряженную инфракрасной пленкой с чувствительным триггером для записи любой образовавшейся на периферии активности; магнитофон, чтобы записывать любые призрачные звуки, которые могли издавать такие существа, проходя мимо него. Не одну ночь он провел в спальном мешке, лежа в ожидании появления зазевавшегося призрака. Антон действительно оказался одним из первых в Америке «охотников за привидениями».

«Современные охотники за привидениями – это те, кто знают что-то о человеческой природе. Вот это и есть истинно паранормальное явление в наши дни – скрытые секреты человеческой психики. Новые Карнаки, Джоны Сайленсы²⁹ и Жюли де Грандены³⁰ не расхаживают, потрясая тибетскими молниями, и больше не стоят в центре защитных пентаклей-пятиугольников, изгоняя всевозможных демонов и монстров.

²⁹ Герой романа Алджернона Блэквуда «Джон Сайленс – парамедик».

³⁰ Герой фантастической серии книг Сибири Куинна.

Тот исследователь, который в наше время будет иметь дело с злонамеренными силами на их почве так, как это описывалось в старых дешевых журналах, посмотрел бы невинной нечисти в глаза и сказал бы: "Ты ведь несчастен, да? Ты включаешь свой стереопроектор на полную мощность, слушаешь непрекращающийся ритм и позволяешь музыке полностью тебя захватить. Ты мчишься по шоссе, плотно закрываешь окна и наслаждаешься этими ощущениями. Ты новая разновидность раба, живой мертвец, человек из стручка и ты даже не знаешь этого. Я знаю, что тебе нужно, хотя ты сам этого не знаешь. Вы могли быть галерными рабами, мастерами гребли, приплывшими через время к шуму ударных инструментов, оглушающему водителю машины.

В своей руке я держу длинный пастуший кнут, который заставит тебя покориться или – освободит тебя, в зависимости от твоих склонностей. Ты не сможешь меня одурачить. Ты можешь одурачить тех писак, но не меня, нет. Я знаю, что тебе нужно". Современные охотники за привидениями являются экспертами по паранормальным явлениям – фрейдистские представления ныне оставлены в пыльных книгах. Они обнаруживают значения за значениями. Их Иегова больше не может этого делать – да и никогда толком не мог. Для этого нужен Дьявол, он был нужен для этого всегда. Если они хотят Ада, я дам им Ад».

Конечно, большинство экспериментов Антона оказались ненужными, разве что для удовлетворения его собственного научного любопытства. Исполняя свои рабочие задания, Антон узнавал еще больше о тайнах животного под названием «человек». Сценарий обычно выглядел так: Антон прибывал в дом, где обнаруживал обеспокоенную пару, до полусмерти перепуганную неземными стонами, доносящимися из запертого дома. И Антон обнаруживал источник «неземных стонов»: ржавую банку, свистящую на ветру, или бедную полумертвую

от голода кошку, которая провалилась в разбитое слуховое окно и не могла выбраться.

Однако когда Антон предъявлял переутомленным жителям дома простую причину, вызвавшую их проблему, их разочарование оказывалось слишком очевидным. «И что же – это все?» И Антон научился немного приперчивать информацию: «Ну, конечно, там было кое-что еще, – добавлял он, только что не подмигивая. – Но я с этим разобрался, не беспокойтесь». Это был гораздо более удовлетворительный ответ – ведь получалось, что от имени этих людей было проведено что-то вроде сеанса экзорцизма, и Антон оставлял их вполне довольными тем, что их драгоценные страхи оказались небеспочвенными. И опять-таки он видел, что вне зависимости от доказательств люди предпочитали верить тому, во что они хотели верить. Его репутация охотника за привидениями делалась все более прочной, и люди начинали выходить с ним на контакт с целью расследования и «экзорцизма». Антон изучил тонкое искусство балансировать на грани обеспечения исцеления от недуга и сохранения тайны в одно и то же время. И хотя большая часть дел под грифом «800» заставляла Антона содрогаться от их глупости и слепой веры в сверхъестественное, его репутация вне стен полицейского управления выросла.

В течение нескольких быстро пролетевших лет у Антона образовалась стабильная клиентура, с которой он работал, получая максимальное удовольствие от своих занятий. Люди платили хорошие деньги за «очистку» их домов от духов или за то, что Антон гипнотизировал их в целях бросить курить, похудеть или набраться смелости попросить о прибавке к жалованью. В конце концов дошло до того, что клиенты стали просить у Антона совета на предмет того, как творить простые заклинания, накладывать любовные заговоры или мстить с помощью магии. Они ни на минуту не сомневались в том, что чело-

век, который знал так много о мире духов, должен был помочь им вернуть возлюбленных. И он помогал. К 1955 году он был готов уволиться из полицейского управления и сконцентрировать всю свою энергию на дальнейшем исследовании Черных Искусств.

Для поддержки своих доходов экзорциста и гипнотизера Антон вернулся к игре на органе, на этот раз в заведении, где раньше незаконно продавали алкоголь, в доме с дурной репутацией под названием «Мориз Поинт», расположенном в пятнадцати милях к югу от Сан-Франциско. Антон переехал с семьей в квартиру на Сутро-Хайтс с видом на парк развлечений Плейленд на побережье, где трехлетняя Карла еженощно была вынуждена слушать «серенады» местных идиотов и смех, доносившийся с проезда внизу.

Ей не приходилось скучать и из-за недостатка домашних животных. Один из помощников Антона, писатель Джуниус Адамс, знавший о его любви к большим кошкам и долгой истории отношений с ними, контрабандой через Бирму и Израиль добыл и подарил Антону десятидневного черного леопарда. Кошка, которую называли Золтан, пробежалась по дому и очень полюбила лежать в засаде на вершине лестничного марша и поджидать того, кто входил в дом с нижнего этажа. Когда ничего не подозревавший гость доходил до какого-то места на ступеньках, Золтан с разбегу кидался на него и старался скатиться с лестницы вместе со своей кувыркающей жертвой вниз. Некоторые более робкие друзья семьи привыкли звать Антона и просить его подержать зверушку, пока они поднимаются по лестнице.

Антон также вспоминает, что Золтан любил забираться в кроватку Карлы и спать вместе с ней, когда она была еще совсем маленькой. Они с Кэрл, бывало, часто просыпались ночью оттого, что качалка девочки издавала приглушенный скрежет, когда Золтан вспрыгивал в нее,

после чего раздавался тихий «плюх!», означавший, что кошка приземлилась внутри, стараясь как можно меньше шуметь. Утром Антон находил дочь мирно спящей, прижатой лицом к решетке кровати, с высунутой и болтающейся в воздухе ножкой, а Золтан удовлетворенно сопел внутри кровати, занимая три четверти ее площади.

Когда холодный океан пригонял туман на скалы рядом с квартирой Антона, в парк, который когда-то был владением Адольфа Сутро³¹, Антон заворачивался в свое черное пальто и шел прогуляться с Золтаном во тьме. Гуляющие полуночники или люди, ожидающие автобус, бывало, пускались бежать, увидев эту зловещую парочку и обнаружив, что «собака» на сияющей стальной цепи вовсе и не была собакой. По этой реакции Антон понял, что ему нужно. Ему был нужен больший по размерам дом, где бы его эксцентричность была свободна.

В то время Антон уже стал популярной фигурой в местной прессе по причине его странных занятий и необычных домашних животных. Многие его приятели из цирка и со времен балагана продолжали дружить с ним, находя общий язык с теми необычными людьми, которых привлекала квартира Антона на Сутро-Хайтс. Антон осознавал, что ему нужно было место с большим количеством комнат, подальше от подглядывающих соседей, место, которое он мог бы устроить по своему вкусу, – еще более подходящее к его репутации охотника за привидениями, гипнотизера и мага. Ему нужно было время, чтобы применить те магические формулы, которые кипели в его мозгу. Его жизнь складывалась сама по себе, выстраиваясь в схемы, которые преследовали его со времен детства. Нельзя было отрицать зловещего направления развития его судьбы, которая неумолимо влекла его дальше.

³¹ Адольф Сутро (1830–1898) – легендарный мэр Сан-Франциско, крупный бизнесмен.

Глава 6. Вальпургиева ночь, 1966

Люди, которые идут с Сатаной, их годы – как один день;
Они знают каждое поколение как сон, который уплывает прочь.
И они призывают людей веселиться и пировать, пока возможно.

Роберт Говард. Люди, которые идут с Сатаной

Уже не нуждаясь в том, чтобы выглядеть «прилично» в качестве полицейского фотографа, Антон снова отрастил мефистофельскую бородку и усы. Его иссиня-черные волосы почти достигли той формы гривы, которую они имели, когда он работал с большими кошками в цирке, – по стандартам 1956 года они все еще считались неприемлемо длинными. Будучи полицейским, ему надо было выглядеть ухоженным и аккуратным, но эта необходимость отпала, когда он стал гипнотизером.

Антон описал дом, который задумал, и агент по продаже недвижимости перечислил ему несколько мест, в которых находились подходящие дома. Однажды, поехав посмотреть дом неподалеку от исключительно

привлекательной территории в районе Си Клифф, в нескольких кварталах от моста Золотые Ворота, Антон незамедлительно заинтересовался побитым непогодой темно-серым викторианским домом через дорогу. Его не остановили ни табличка «Продано» перед домом, ни агент, который пытался напомнить Антону, что он искал какое-то совершенно иное место. Антон знал, что искал именно это.

ЛаВей по праву гордился тем, что он называет «белыми слонами», – очень редкими и ценными вещами, которые у него есть. Они всегда необычны. Он приобретает эти артефакты ради присущей им ценности, которую осознает именно он, а не ради денежных спекуляций, потому что в соответствии с его приобретательской природой, он очень ими дорожит. Например, машины, которые он приобретал в то или иное время: в 1934 году – Duesenberg (за \$175), в 1937-м – Cord (за \$265), в 1941-м – Hollywood Graham (за \$150)...

Посредник Антона попросил у хозяина разрешения посмотреть дом внутри и, предупредив Антона, что дом уже находится на комиссии в его компании по недвижимости, представил Антона жителям дома как историка, интересующегося дизайном интерьера. Хозяйка оказалась дома; она готовилась к продаже своей собственности. Удивленная энтузиазмом Антона, она с гордостью показала ему свои владения.

По мере того как она вела Антона по всем тридцати комнатам, он узнавал, что в разное время дом использовался как заведение, где нелегально продавали спиртное во времена сухого закона, обиталище прорицательницы и бордель. Хозяйка тактично упомянула о тех необычных вещах, которые появились в доме за многие годы, – тайные перегородки, люки в полу и скрытые комнаты. Мэри-Элен Плезант, известная более как «Мамочка Плезант», самая известная мадам в Сан-

Франциско времен Варварского побережья, купила этот дом для молодого мулата. Большинство стеновых шкафов в доме были оборудованы секретными перегородками, которые использовали, для того чтобы грабить клиентов, пока их «развлекали». Тайные проходы тянулись по всему дому, и было совершенно несложно обойти весь дом так, чтобы никто тебя не увидел. В различных стратегических точках были запрятаны приборы, которые издавали треск и другие странные эффекты во время сеансов.

Антон был очарован, и после того как сказал хозяйке, что хотел бы заниматься в доме магией, она полностью убедилась в том, что именно он должен стать его владельцем. Она была рада обнаружить человека, который мог действительно оценить блестящую историю дома и которому было суждено добавить к этой истории новую главу. В сущности же Антон чуть прибавил денег к той сумме, которую предлагало ей агентство по продаже недвижимости, и этого оказалось ей вполне достаточно, чтобы выйти из сделки и продать дом Антону, а не другому претенденту.

Первое, что сделал Антон, переехав, – это перекрасил дом в черный цвет. После тщетных поисков, он пришел к заключению, что черную краску для домов не производят вовсе. Тогда Антон нашел какую-то черную краску, оставшуюся от окраски подводной лодки, взял напрокат строительные леса и приступил к работе. Внутри надо было сделать совсем немного – переклеить обои, заменить кафель и добавить несколько слоев краски, и к Хэллоину ЛаВеи уже были готовы провести роскошную презентацию своего дома. Их полуночная вечеринка имела сногшибательный успех. Для Антона было очевидно, что таких событий должно произойти намного больше. Дом, казалось, просил, чтобы в нем проводили магические собрания, и было бы просто

обидно ограничивать колдовские штудии, проводимые в нем, одним участником.

Новые соседи Антона следили за всем, что стало твориться вокруг странного дома, который стал выглядеть еще более странным после того, как в нем поселились новые жильцы. И уже полетели слухи по окрестностям о таинственном человеке с милой женой и дочерью, которые гуляли перед домом с черной пантерой на поводке. В то время Антон владел черным «ситроеном» 1949 года, который он парковал перед домом, – это была низкая, зловещего вида машина, которая добавляла эффектности смутным очертаниям дома. В конце концов некоторые люди более старшего поколения настолько преисполнились любопытства, что начали заговаривать с Антоном, что предоставило ему возможность узнать еще больше о своем новом доме. Они были рады рассказать ему легенды, которые окружали это место, зная, что странный молодой человек сможет их оценить.

«Стою я там на лесах, концентрируюсь на наличниках вокруг окон и слышу кудахтанье позади: "А я тут, бывало, выпивку покупал..." Оборачиваюсь и вижу, что сзади стоит этот старый дурак, который битых полчаса грузил меня историями о ночных вечеринках, которые проходили здесь во времена сухого закона».

Дом был построен в 1887 году шотландским морским капитаном из дерева, привезенного из окрестностей мыса Горн в качестве балласта для судна. Считалось, что капитан прожил в доме шесть счастливых лет со своей женой, но потом его супруга исчезла при таинственных обстоятельствах. Капитан однажды уехал, и о нем больше ничего не слышали.

После великого землетрясения в Сан-Франциско в 1906 году в переднем холле был сооружен грандиозный камин, выполненный из больших камней для мос-

товой, которые были вывернуты из набережной в прибрежной зоне. Металлического цвета рельефные камни прибыли из Англии, где они являлись частью римских развалин. Они тоже были провезены на кораблях вокруг мыса Горн в качества балласта, а затем использовались как камни для мостовой и волноломов Сан-Франциско. Невероятно твердые, грубо обтесанные, темные, они выглядели именно так, как должны были выглядеть камни, должно быть составлявшие древние жертвенные алтари друидов. После землетрясения камни навалили горой, как простую щебенку, и хозяйка дома наняла каменщика, который привез к ней несколько тачек этих камней для строительства камина.

Получилась необыкновенно крупная конструкция, которую любой, кроме Антона, счел бы гротескно непрактичной. В конце концов это помещение стало основным ритуальным залом Церкви Сатаны. Огромный покров, находившийся там, был достаточно велик, чтобы обнаженная женщина могла со всеми удобствами откинуться на него во время их сатанистских церемоний; эта фотография потом обошла журналы всего мира. Антон осознавал, что в том факте, что первый, ставший известным, сатанистский алтарь был сделан из камней, история которых напрямую прослеживалась до времен Римской империи, был особенный магический смысл. Создавалось ощущение, что этот дом был спроектирован специально для Антона, как будто вышел из его мечты.

Как сказал ЛаВей, он никогда не гонялся за известностью, и неважно, что говорили бы о нем клеветники, — известность сама всегда приходила к нему. Через несколько месяцев после инаугурации «черного дома», Херб Каэн, самый широко читаемый колумнист Сан-Франциско, написал о необычных занятиях Антона и его необычном доме, в котором жила кошка из джунглей,

а по тайным переходам внутри свободно бродил тарантул. Статья имела огромный успех.

Незадолго перед этим Антон начал играть на мощном театральном органе марки Wurlitzer в коктейль-холле, который носил название «Потерянный уикэнд». Будучи единственным инструментом такого рода, на котором играли бы ежедневно, Wurlitzer привлекал поклонников, приезжавших послушать его со всей страны. В Цивик Аудиториуме Сан-Франциско Антона наняли играть на самом большом органе к западу от Чикаго – на концертной модели Austin, построенной в 1915 году для Всемирной Панамско-Тихоокеанской ярмарки. Пять его клавиатур, восемь тысяч труб и неуклюжее расположение элементов пугали большинство исполнителей. Антон окунулся в работу без лишних раздумий, сконцентрировавшись на своем умении доставлять удовольствие толпе, которое он накопил за то время, что играл на музыкальных инструментах. Пораженное энтузиазмом нового органиста, руководство Аудиториума предложило Антону постоянную работу. Вскоре он стал городским органистом Сан-Франциско, игравшим на культурных мероприятиях, собраниях и играх.

Вокруг Антона собиралась толпа влиятельных и эксцентричных людей, которые чувствовали себя легко в его доме и которым было приятно получить возможность разделить его иконоборческие интересы и хобби. Еще до эры видео для людей схожего склада ума было обычной практикой образовывать неформальные общественные группы, организовывать вечера, проводить обеды и т. п. Вот такую-то удивительную группу людей, которые запросто собирались на вечеринки в «черный дом», Антон стал называть «Магическим кругом».

Сначала определенного сценария не было и разговоры текли свободно за коктейлями, а кто-то из членов компании или сам Антон играли на Хаммонде или

на пианино в углу. ЛаВеи проводили четыре крупные вечеринки в год: на Новый год, накануне летнего солнцестояния, в Вальпургиеву ночь и на Хэллоуин. Великолепные костюмированные балы проводились круглый год, часто они были посвящены какой-то заморской тематике. Познакомить старых знакомцев ЛаВея балаганных и цирковых времен с друзьями из полицейского управления и с новыми знакомыми – богатыми эксцентриками и литературными бунтарями, которые собирались вокруг ЛаВея из-за его репутации главного Черного мага в Сан-Франциско, – оказалось очень многообещающей тактикой. Необязательная болтовня на оккультные темы перетекала в рассуждения об эффективности магии и заклинаний, что привело Антона к идее организации вечеринок, на которых проводились настоящие ритуалы для жаждущих познания гостей. Но прошло еще довольно много времени, прежде чем ЛаВей действительно открыл двери своего дома для публики и начал проводить организованные семинары, собирая на входе скромную плату за лекции на те темы, в которых он так хорошо разбирался.

Среди первых членов круга, из которых потом выросла Церковь Сатаны, была Баронесса. Так звали Карин де Плессен, которая выросла в королевском дворце в Дании. Она жила в уединенном доме в графстве Марин с несколькими высокопоставленными членами датской королевской фамилии и ни разу не пропустила ни одного из мероприятий у Антона. Еще одним участником кружка был один из наследников семьи Викерс, сделавшей деньги на производстве вооружения, который знал Бэзила Захароффа и рассказывал Антону сказки о странной черной часовне, которая была у Захароффа в его шато.

Сборища у ЛаВея никогда не были обыкновенными. Те, кто посещал вечера у Антона, всегда являли собой

широкий спектр профессий и увлечений. Там были художники, адвокаты, врачи, писатели и офицеры полиции. Городской финансовый инспектор Рассел Уолден мог находиться в одной комнате с Дональдом Уерби, одним из самых влиятельных владельцев недвижимости в Сан-Франциско, антрополог Майкл Харнер с писательницей Шаной Александер. Корабельный казначей мог сидеть рядом с водолазом, производитель фаллоимитаторов – рядом с пластическим хирургом. Знаменитый художник по татуировкам, внук президента США, владелец одной из крупнейших коллекций произведений Фаберже – всех их можно было увидеть на вечеринках у ЛаВея. Область фэнтези и научной фантастики сама по себе привлекала в числе многих и таких людей, как Энтони Бучер, Август Дерлет, Роберт Барбур Джонсон, Реджинальд Бретнор, Эмиль Петаха, Стюарт Палмер, Кларк Эштон Смит, Форрест Дж. Экерман и Фриц Лейбер-младший, – все они оказались в кружке любителей магии ЛаВея.

Через известную в Сан-Франциско личность, некоего Брукса Ханта, Антон был представлен человеку, которому предстояло оказать на него огромное влияние: доктору Сесилу Никсону. Мистер Хант ценил Антона как музыканта и знал о том, что он занимается гипнозом и магией. Он предложил Антону познакомиться с доктором Никсоном, так как их интересы представлялись довольно близкими.

Доктор Никсон выглядел так, как будто он только что сошел со страниц викторианского романа, – со своими похожими на крылья воротничками, ботинками, высоко застегивающимися на пуговицы и с золотым пенсне на носу. Черты его лица были сильными, хотя с годами и высохшими, нос – длинным и тонким; он носил густые усы и волосы, разделенные четким пробором по середине головы. Он выглядел в точности тем, кем являлся:

эксцентриком, хранящим тайну в отношении большей части своей жизни, самоучкой в сценических фокусах и чтении мыслей, чревовещателем и гипнотизером. Хотя доктор Никсон окончил медицинский институт, он в течение нескольких лет работал в цирке, вместо того чтобы заниматься медицинской карьерой. После того как он несчастливо влюбился в наездницу, он оставил цирк и в конце концов завел зубную практику. Хотя он почти оставил ее к тому времени, как Антон встретил его, у него все еще оставался небольшой офис дома, где он принимал тех клиентов, которые не хотели идти ни к каким другим врачам.

«Я всегда тянулся к характерным, интересным персонажам – из-за их исключительности. Они уникальны. Наверное, именно ввиду моего постоянного уважения к персонажам, я и создал что-то типа Церкви Сатаны. Я мог многого достичь в своей жизни. Я чувствовал себя вполне компетентным и способным музыкантом, укротителем зверей, гипнотизером, фотографом или художником. Скорее всего, если бы я упорно трудился и имел больше терпения, я мог бы достичь успеха на любом из этих поприщ. Но я никогда не был бы уникален, я никогда не был бы единственным, кто это делает. Меня бы постоянно критиковали коллеги, пришлось бы вступать в какое-то братство, так сказать. Поэтому я и сделал то, чего никто до меня еще не делал, но не по какому-то образцу. Скорее, я достиг некоего синтеза того, что было раньше. Нечто, что – на горе или на счастье, неважно, – но избавило меня от необходимости с кем-то объединяться».

Большой дом доктора Никсона на улице Бродвей был бастионом изысканности. Он лично выточил, а может, приобрел сложные декоративные украшения и выложил их на потолке и стенах. Он наполнил дом мебелью в стиле рококо, прекрасными статуями, необычными

произведениями искусства, музыкальными инструментами и антиквариатом, который собирал по всему миру. В доме царил дух балаганного веселья, – в нем были спрятаны некоторые из изобретений доктора Никсона, которые запускались по каким-нибудь специальным сигналам. Помимо музыки, которая постоянно звучала в каждой комнате этого дома, в ней была еще и механическая птица, спрятанная в стене гостиной, которая каждые двадцать минут вылетала и чирикала. Его дверной звонок играл «Траурный марш» Шопена, а другая дверь, с выгравированной на ней изукрашенной головой сатира, открывалась по устной команде.

Вскоре Антон стал посещать вечера доктора Никсона по субботам, где собирались такие люди, как Гарри Гудини, пианист и композитор Игнаций Падеревский и актриса Гертруда Лоуренс. Пока стареющие люди из общества пели арии из опер, Антон аккомпанировал им на богато украшенном органе марки Wurlitzer. Он играл соответствующую музыку для драматической декламации, магических представлений или просто для того, чтобы создать соответствующий настрой для тех, кого он называл «ладошками в цветочном горшке»³².

Самой «ладошечной» была некая Онезома Дюбошель, которая, по воспоминаниям Антона, «всегда делала маленькие тарталетки для суаре, намазывая их мясом и маслами сомнительного вида. Они были довольно плохими, но никто не хотел об этом говорить. Я постоянно находил маленькие высохшие сэндвичи, засунутые в лавку, стоявшую перед органом, или засунутые за клавиатуру. Никто не смог бы точно сказать, сколько они там пролежали.

Доктор Никсон считал Онезому Дюбошель великосветской леди, на которую должны были равняться

³² Игра слов: potted plants – цветочная рассада, комнатные цветы, potted palms – ладони в горшке.

другие. Она жила наверху вместе с приятной и способной женщиной по имени Бетти Седжвик. У каждой была личная комната, но было ясно, что ванная комната у них общая. Но для того чтобы не опускаться до такого плебейского уровня, мисс Дюбошель проходила квартал до бензоколонки Шелл, когда ей это было необходимо. Именно это восхищало доктора Никсона в мисс Дюбошель больше всего, даже больше, чем ее угловатая красота. Она всегда напоминала мне смесь горы Рашмор и Маргарет Дюмон, но, как утверждал доктор, совершив один из своих наиболее блестящих *faux pas*³³, «она наверняка была настоящей красавицей, когда ей было 22».

Когда в его жизни появился Антон, доктор Никсон почувствовал, что обнаружил кого-то, с кем он действительно мог поговорить, кто занялся самообразованием в тех же областях, что и он сам, и кому он мог бы передать свои самые большие секреты. Он очень восхищался Антоном – его дару великолепного музыканта (доктор Никсон создал у себя в доме прекрасный духовой орган, но не умел играть на нем), магическим способностям, умению гипнотизера и личности циника. Он также высоко ценил то восхищение, которое Антон вызывал у женщин. «Когда тыходишь в комнату, – говорил доктор Никсон Антону, – девочки вздрагивают». Сам доктор Никсон испытывал огромное романтическое уважение к красивым женщинам и чувствовал, что при том, что не существовало необходимости постоянно вступать в «базовые сексуальные гимнастические упражнения», не существовало ничего приносящего большее удовольствие, чем ласки, «доставляемые прекрасной женщине под одеялом». Ему нравилась Кэрол, и он провел много вечеров в доме у ЛаВеев. Доктор Никсон

³³ Бестактность, ложный шаг (фр.).

принял Антона как сына в магии, более молодое отражение себя самого; он делился с ним теми секретами, которыми не стал бы делиться более ни с кем.

Самое интересное изобретение, которое когда-либо создал доктор Никсон, до сих пор живо и продолжает впечатлять и ученых и фокусников по сию пору. «Исида», названная так в честь египетской богини, являлась автоматом, выполненным в форме скульптуры, возлежащей на кушетке и играющей на цитре потрясающий репертуар, в который входило три тысячи мелодий. Доктор Никсон провел 15 лет, работая над «Исидой», «применив 150 научных принципов при ее создании». Она напичкана целой серией сложных механизмов, камер, зубчатых колес, соленоидов и электромагнитов, – и только доктор Никсон знал те точные вибрации, которые требовались, для того чтобы ее активировать. Поработав с доктором Никсоном над «Исидой» в течение некоторого времени, Антон получил от него личные инструкции, напечатанные на машинке, и рукописные, в которых было описано, как запускать «Исиду». Антон запер эти бумаги в сейфе и никому никогда не показывал, как и пожелал доктор Никсон.

«Я всегда потом жалею, что выдаю секреты, – меня так и подмывает выдать какие-то более важные секреты, что я бы и сделал, если бы не видел эффект, который производит обнародование маленьких секретов».

Некоторое время доктор Никсон пытался заинтересовать Антона созданием «блондинистого» автомата под названием «Галатей», который играл бы на скрипке. Доктор Никсон также говорил о своих планах создать «Замок в воздухе» в Калистогге в Северной Калифорнии, где находился курорт на горячих источниках. Это должен был быть большой дом на холме; предполагалось, что по периметру основания дома будут укреплены под углом 45 градусов зеркала, отражающие небо. На оп-

ределенном расстоянии вниз по холму дом должна была окружать металлическая ограда, через которую могли бы заглядывать посетители и видеть, что дом как бы висит над землей. Помимо этих проектов доктор Никсон работал над автобиографией, озаглавленной «Замок праздности».

«Единственная проблема, которая возникает с более старшими друзьями, заключается в том, что вы видите, как они умирают. Вообще, было бы, конечно, здорово, если бы действительно существовало место, где можно было бы увидеть своих старых друзей, после того как умрешь».

После смерти Никсона в 1962 году в возрасте 82 лет Билл Харра, известный своим казино в Неваде и коллекцией автомобилей, купил «Исиду», но хранители его музея так никогда и не смогли заставить ее играть. Музей продал ее на аукционе в 1985 году. Настоящий владелец Джон Гоган, сам великолепный мастер и изобретатель, в то время, как пишется эта книга, пытается отреставрировать «Исиду» и надеется вернуть ее прежнюю славу.

«Я – все, что было, и есть, и будет, и ни один смертный не поднимал моего покрывала», – выгравировано на основании «Исиды».

Еще одним прославленным членом первоначально Магического круга Антона был подпольный продюсер Кеннет Энгер, который, получив репутацию ведущего специалиста в своем жанре, прославился также как один из самых скандальных историков Голливуда, опубликовавший большое количество самых смачных эпизодов из жизни звезд в книгах «Голливудский Вавилон» и «Голливудский Вавилон-2». Начавший свою карьеру очень молодым в качестве актера (в роли подменного эльфами принца в «Сне в летнюю ночь»), Энгер еще подростком обнаружил, что ему больше нравится

находиться за камерой, создавая свои собственные уникальные настроения и образы. Энгер уже снял к тому времени «Поднимающегося скорпиона», который взметнул вверх уровень популярности кожи и мотоциклов, и снимал «Открытие храма удовольствий», основанное на «величавом храме удовольствий» из «Хубилай-хана» Сэмюэля Тейлора Колриджа.

У Антона и Энгера было много общего. Они были ровесниками. Оба, будучи детьми, строили города (хотя Антон выстроил посередине своего города вулкан и уничтожил свое создание в процессе грандиозного представления, вдохновленного извержением Везувия). Оба часто бродили в детстве по одним и тем же зачарованным местам, как можно было понять, сталкиваясь друг с другом. Многие годы спустя, во время подготовки к съемке «Храма удовольствий», Энгер съездил в два зачарованных места, связанных с именем Кроули – Чефалу на Сицилии (где он восстановил большую часть укрытия Кроули) и Боулскайн в Шотландии. Будучи там, он также собрал большое количество записей и текстов для магических ритуалов, принадлежавших «Великому Зверю»³⁴. Энгер представил ЛаВея Маржори Камерон, вдове Джона Парсонса, которая играла в «Храме удовольствий» и которая рассказала Антону некоторые детали кончины ее мужа при взрыве во время одного из телемитских ритуалов.

В течение того времени, что он развивал свой Магический круг, Антон сохранял свою работу, играя в «Мориз Поинт» несколько вечеров в неделю. Однажды воскресным вечером в 1959 году появилась молодая женщина, которой предстояло сыграть очень важную роль в жизни Антона. Диана, семнадцатилетняя красавица с длинными светлыми волосами и чарующими зелены-

³⁴ «Великим Зверем» называли Алистера Кроули.

ми глазами, работала билетершей в близлежащем кинотеатре Pacifica и пришла обедать со своим менеджером, который был явно влюблен в свою очаровательную сотрудницу. Когда Антон заговорил за столом менеджера о магии и охоте на привидений, Диана не смогла скрыть своего энтузиазма.

Это был не первый раз, что Диана увидела Антона. Однажды, окутанной туманом ночью, находясь возле океана, она была зачарована видением похожего на призрак белого седана, который беззвучно разрезал туман. За рулем находился таинственно выглядящий человек в черном. Тогда она еще не знала, что это был Антон ЛаВей, который рыскал в ночи на своем «корде» (Cord) 1937 года.

Антон был рад увидеть, что Диана уговорила своего спутника привести ее в «Мориз Поинт» в следующее воскресенье. Антон воспользовался возможностью собрать несколько больше информации об этой чувственной девушке, которая очень уместно была названа в честь волшебницы Охотницы из римской мифологии. Антон был поражен красотой Дианы – она была поразительно похожа на Мэрилин формой лица, белизной и прозрачностью плоти и какой-то неуверенностью, которая стояла за ее движениями. Она казалась Антону идеальным сочетанием «Шины, королевы джунглей» и «Милой Гвендолин» Джона Уилли³⁵. Помимо этого на него большое впечатление произвела и ее преданность семье, то, что по ночам она работала в кинотеатре, а днем – в офисе страховой компании, отдавая большую часть заработанных денег матери.

Антон понял, что Диана, как и он сам, всегда была чем-то вроде черной овцы, изгоем, независимо от ее желания «соответствовать». Ее длинные прямые волосы

³⁵ Джон Уилли (1902–1962) – классик садомазохистских комиксов.

не были таким обычным явлением, каким они стали десять лет спустя, в конце 60-х. Во времена накладок и зачатых «ульев» в стиле Джеки Кеннеди, только экзотические танцовщицы носили длинные роскошные волосы. Но Диане нравилось ходить так, и плевать ей было на общественное мнение. Ей сразу понравилось сильное сложение Антона, его таинственность, смешанная с той чувственностью, с которой он играл. Стало ясно, что другого мужчины для нее существовать не может. Она приходила в «Мориз Поинт» еще несколько раз, — до тех пор пока ее менеджер не осознал, что он не мог стать соперником для человека, который завоевал сердце Дианы. К тому времени Антон и Диана встречались тайком, и она постепенно делалась все более необходимой частью его жизни.

В течение нескольких следующих месяцев Антон проводил так много своего свободного времени, сколько мог, с Дианой, иногда удовлетворяясь просто тем, что проводил ее тайными переходами в доме и уезжал вместе с ней, спрятав ее в багажнике машины. Его любовь к Диане постепенно возрастала в ответ на ее откровенную преданность и постоянную поддержку во всем, что он делал. В конце 1960 года Кэрол и Антон наконец развелись.

Кинотеатр «Фокс» в Сан-Франциско считали самым большим из всех такого рода существующих строений. Однако спустя какое-то время было решено, что это место может быть использовано для строительства офисного небоскреба, и рабочие уже должны были начать разбирать здание на куски. Антон был одним из исполнителей, которые выступали на вечере, посвященном закрытию «Фокса». Диана работала тогда оператором на телефоне и очень просила своего непосредственного начальника дать ей отгул на этот вечер, объяснив, что ее молодой человек играет на одном очень

важном мероприятии. Когда начальник отказал, Диана уволилась с работы.

В ту ночь знаменитости и поклонники роскошного кинотеатра сгрудились в проходах, где в последний раз приютилась роскошь эпохи, которой больше никогда не было суждено вернуться. По мере того как толпа собиралась возле дверей после шоу, Антон ЛаВей доигрывал последние органнне аккорды, которые когда-либо раздавались в этом здании.

Считается, что на Фокс-Плаза в центре Сан-Франциско, выстроенной на том месте, где когда-то стоял кинотеатр «Фокс», лежит проклятие – у офисов, которые располагаются в этом здании, одна проблема сменяется другой.

Диане досталось удовольствие занять место Кэрол в качестве хозяйки, привечавшей Магический круг. В конце концов Антон сделал проведение магических лекций регулярными – по вечерам каждой пятницы, в ведьминский час, и открытыми для публики. Билеты стоили 2,5 доллара. Через очень короткое время помещение оказывалось забитым до отказа. Лекции Антона были посвящены не только оккультным темам, но и эзотерическому знанию, например, вампирам (не только версиям из фильмов ужасов, но и рассказам о некоторых исторических и современных вампирах), вервольфам (о трансформации людей в различных животных и методах достижения трансформации), психам и монстрам (на основе опыта, полученного Антоном на задворках карнавалов – жирные дамы, карлики, силачи, тупицы, великаны и прочие человеческие аномалии, равно как глотатели шпага, заклинатели змей и карнавальные факиры), методам пыток и различным приспособлениям, приносящим боль, включая методы самоистязания, принятые Церковью, теориям секса и возбуждающим техникам, включая имплантанты желез обезьян

или козлов, а также рецептам афродизиаков. В число других тем входили дома с привидениями, экстрасенсорное восприятие, зомби и гомункулы. Большинство семинаров так или иначе иллюстрировались, и, конечно же, лекция о Черной мессе завершалась аутентичным ритуалом, который придумал сам Антон, собравший элементы ее из целого ряда источников.

Черная месса была оригинальной психодрамой – очищающей участников от боли, вызванной определенными общественными «священными коровами» – табу и условностями, – посредством прохождения роскошного ритуала, исполненного странности, пародии и сатиры. Предмет ритуала меняется в соответствии с нуждами группы в каждый конкретный момент. Католическая церковь со всеми теми ментальными травмами, которые она навязывает посредством подавления и навязывания чувства вины, стала первым кандидатом для осмеяния. Для освобождения зажатых и травмированных от их психической тяжести, вызванной их религией, в сатанистских церемониях использовался перевернутый крест, черные свечи вместо белых, осквернение тела Христова и обратное чтение молитв.

Один из семинаров на тему «Каннибализм и человеческие жертвоприношения» открыл этот предмет не только на словах. Слушателей приглашали принять участие в приготовлении бедра молодой белой женщины. Нога была предоставлена одним из постоянных посетителей лекций Антона врачом из Беркли, который добыл ее после ампутации. Диана приготовила горячее блюдо под названием «пуака балава» – «длинная свинья», замариновав мясо в Triple Sec³⁶, фруктовым соке и гренადине. Она подала мясо с бананами и ямсом в точности так же, как это делали жители островов Фиджи,

³⁶ Крепкий апельсиновый ликер.

добавив бобовое вино Тонка и гусениц, которыми выложила блюдо. Мясо на вкус напоминало что-то среднее между свиной и ягнятиной, по консистенции довольно волокнистое, как свиные отбивные, но слаще, при этом не столь мягкое, и солоноватое, как молодая баранина. Обедавшие выразили минимум брезгливости, разве что когда дело дошло до поглощения гусениц. Но трехлетняя дочь Лавеев Зина схрумкала их с большим удовольствием.

В качестве приложения к обычным семинарам Антон проводил также «Семинары для ведьм», но больше концентрировался на умениях, связанных с прикладной магией, обольщением, любовными зельями, предсказаниями и прочим, более соответствующим ведьмовству.

В 1964 году Антон ощутил первую волну своей широкой публичной славы. Моник Бенуа, обозреватель светской жизни из газеты *San Francisco Chronicle*, написала об Антоне как о следователе по вопросам, связанным с экстрасенсами, проводящем ночи напролет в исследовании домов с привидениями и кладбищ, а ныне проводящем странные ритуалы в своем страшном Черном доме. Херб Каэн снова стал писать о нем в своих колонках, описывая, как Антон посещает оперу, закутанный в черный плащ с красной подкладкой, держа в руке антикварную трость со шпагой внутри.

Золтан, большая «черная кошка» Антона, казалось, был идеальным домашним животным для его Черного дома. Золтан любил жить на кухне, вызывать проблемы и пугать гостей. Всего лишь один раз Антон раскаялся в том, что завел такое животное в большом городе. Однажды, когда Золтану было около пяти лет, он пропал. Антон и Кэрол пришли в отчаяние. День шел за днем, неделя за неделей, а никаких известий о нем не было. Через три-четыре недели Антон услышал знакомый звук

во внутреннем дворе и обнаружил Золтана, скрючившегося у лестницы.

Это было жалкое зрелище. Его челюсть была сломана и висела в неловком положении. Лапы его были ободраны и кровоточили, как будто он пробежал огромное расстояние. Ветеринар сказал, что челюсть кошки была сломана уже давно, видимо, бейсбольной битой или железной трубой. Он попытался привести ее в порядок, закрепив стальной спицей. «Я предпочитаю не думать о том, через что мы прошли за это время, – вспоминает Антон. – Похоже, что он прошел 50–100 миль, чтобы добраться до нас, после того как забрался в какой-то грузовик или что-то такое, в чем его и увезли. Возможно, он двигался только по ночам, в зарослях, напуганный... Кто знает, что ему приходилось есть все это время. Мы вообще расстались с надеждой снова увидеть его». Но Золтану удалось выздороветь в атмосфере большой любви, хотя у него и остался сломанным клык и челюсть была собрана с помощью спицы.

Три года спустя, когда однажды вечером Антона не было дома, Кэрол открыла входную дверь явно в неудачный момент, и Золтан выскочил на улицу. Похоже было, что он собирался впрыгнуть в окно машины Антона, – это был один из его любимых трюков. Но прежде чем он успел добежать до машины, проезжающий автомобиль сшиб его, и Золтан погиб. Антон завернул его в одну из своих курток, на которой Золтан так любил сворачиваться перед сном, и похоронил на заднем дворе. Он сделал это Четвертого июля и, роя землю, слышал отдаленные звуки каллиопы, играющей на площади.

Диана знала о том, что у Антона был опыт обращения с большими кошками, и была готова к тому, что один из помощников Антона купил ему десятинедельного нубийского льва, которого называли Тогаре. Теперь

помимо того, что Диана выполняла обязанности хозяйки дома, образцовой обольстительницы, матери и жены мага, она помогала Антону растить львенка. Диана разделила свое время между Тогаре и своей дочерью Зиной-Галатеей. Карла, которой уже исполнилось 12 лет, решила остаться жить с Антоном и Дианой, а не со своей матерью Кэрол, ставшей брокером по продаже недвижимости, и принимала участие в пикниках, которые Антон устраивал совместно со своими приверженцами. Викторианский дом кипел активностью.

Ввиду того что Антон был единственным музыкантом, перечисленным в профсоюзе музыкантов под грифом «каллиопа» (а также единственным исполнителем на «джазовом органе» и «унафоне»³⁷), к нему обращались все те, кому нужна была каллиопа для парадов, торжественных открытий и ярмарок. Прошло не очень много времени, прежде чем Антон узнал, что это была за каллиопа, которую он слышал играющей на расстоянии в тот день Четвертого июля, когда он похоронил Золтана. Хозяин использовал паровой котел от локомотива и приспособил его для создания каллиопы с избыточным давлением. Подобно исполнителям былых времен, Антон освоил технику игры, при которой одним глазом он постоянно следил за датчиком давления, беря более громкие аккорды, чтобы спустить давление, когда оно становилось слишком высоким.

«Люди думали, что причина того, что каллиопа звучит только в конце циркового парада, – ее схожесть с дудочкой гаммельнского крысолова, – представьте такого петрушку с дудочкой, который весело ведет детишек за собой к цирковым шатрам. На самом же деле причиной того, почему каллиопа всегда вступала в конце

³⁷ Музыкальный инструмент, состоящий из механизмов, похожих на дверные или телефонные звонки, которые ударяют по дощечкам ксилофона. Управляется с клавишного пульта.

парада, было то, что, если бы она взорвалась, она бы уже не смогла поранить никого из животных».

Праздничные шествия обычно бывают организованы на средства местных отделений различных благотворительных братств, которые выбирали какую-нибудь победительницу конкурса красоты выступить королевой. Одетая в изящный купальный костюм, назначенная королевой инженеру наклеивала на лицо улыбку и скованно помахивала рукой из сияющей открытой машины. Во всех случаях аккомпанировала этому каллиопа. Антон, которого тошнило от стерильности представления, начал добавлять к действию сатанистские моменты. Он наряжал Диану и еще несколько своих наиболее сексуальных ведьм в броские наряды с низким декольте красного, белого или синего цвета, и они ехали на платформе с каллиопой вместе с ним. С броским макияжем и ярко-красной помадой, одетые в слишком короткие и слишком обтягивающие платья, дамы неизбежно вызывали полные похоти взгляды всех мужчин, наблюдавших за парадом. Королева парада уезжала домой едва замеченной. А Антон опять был рад видеть, что запретное, или, в этом случае, совершенно неприемлемое, побеждает.

Вместе с ростом славы к Антону стали приходиться по выходным любопытствующие и задавать ему вопросы о магических заклинаниях, гипнозе и других феноменах. Значительное количество посетителей были типичными алкоголиками из баров. В конце концов один из старинных друзей Антона, полицейский инспектор с неподходящим именем Джек Уэбб, поднял вопрос, который возник бы неизбежно: «Почему бы тебе не воспользоваться всеми этими магическими знаниями и философией, которую ты вокруг них накрутил? Знаешь, у тебя уже хватает материала на то, чтобы основать целую новую религию. Ты это понимаешь?»

Возможно, Антон уже понимал, что принципы, которые он сформулировал и обобщил, могут быть сплавлены в новую религию. Но это не должна была быть религия поклонения и слепой веры, ему надо было установить нечто новое, в чем черная магия использовалась бы для развенчания невежества и двуличности христианской церкви. Антон убедился, что овладевает методами, которые могут использовать темные силы, что дает возможность вызвать «перемену в ситуации или событиях в соответствии с чьей-либо волей, которая осталась бы неизменной при использовании обычных методов».

Поначалу были только какие-то мелочи – когда он опаздывал, перед запруженными кинотеатрами откуда ни возьмись образовывались места для парковки – там, где только что не было ни одного. Редкие книги или вещи, которые он еще совсем недавно отчаянно желал получить, внезапно падали ему в руки при странных обстоятельствах, перед ним оказывались люди, о которых он только что подумал, – как будто их вызвали. Что это было – просто чуть больше «счастливых совпадений» или же происходило что-то иное? Когда Антон расширил формулы для ритуалов Магического круга и стал добиваться точных и желаемых результатов – профессионального продвижения, неожиданных наград, денежных приобретений, сексуального или романтического удовлетворения, устранения определенных врагов, – всем посвященным стало ясно, что Антон действительно подключился к таинственным силам Природы.

Это была настоящая магия и действующая философия, которая ей сопутствовала. Земная, рациональная, базовая философия, которая делала акцент на плотских, естественных инстинктах человека. Эта философия не нагружала никого виной за придуманные

грехи. Для того чтобы разбить корку невежества и иррациональности, которую христианские церкви навязали людям за прошедшие 2000 лет, Антон знал, что необходимо было подорвать самое их основание. Его идеи не могли стать просто «философией», тогда было бы слишком просто пройти мимо них или проигнорировать их суть. Антону следовало бы основать *религию*, и, даже больше, он собирался назвать свою новую организацию *церковью*, освященной именем не Бога, но именем Сатаны. Многие и многие века существовало сатанистское подполье, но никогда не существовало организованной сатанистской религии, которая практиковала бы открыто. Антон решил, что пришло время это сделать.

Хотя раньше никогда и не было Церкви Сатаны, существовали группы, руководствовавшиеся такими же принципами. В середине XVIII века сэр Френсис Дэшвуд организовал группу, известную под названием Клуба Адского Огня. Несколько наиболее влиятельных людей в Англии, когда последняя находилась на вершине могущества, собрались вокруг сатанистского культа, проводя пиршества, веселясь и занимаясь дебошами, одновременно формируя при этом судьбу Англии и американских колоний. Многие историки старались принизить значение этой группы, говоря, что это были всего-навсего хлыщи и денди, хотя среди ее членов были тогдашний принц Уэльский, премьер-министр и архиепископ Кентерберийский. Связь Бенджамина Франклина с Дэшвудом и другими членами группы помогла ему заложить основание нового государства – США.

ЛаВей утверждает, что, «если бы люди знали, какую роль Клуб Адского Огня сыграл в том, как Бенджамин Франклин организовал Америку, можно было бы сделать кое-какие изменения: “Единая нация под водитель-

ством Сатаны”, или “Объединенная Сатанистская Америка”³⁸».

Другие анклавы сатанизма: 1) Телемское аббатство, как оно описано у Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле», – храм постоянного потворства своим желанием. Лозунг, который придумал Рабле для своих монахов, – «Делай что хочешь» (*Fait ce que voudras*) – как говорили, был перенят Дэшвудом, который использовал его в своем аббатстве в Медменхэме, и в конце концов был использован Алистером Кроули в его аббатстве Телема; 2) группа голливудских актеров и сценаристов в 30-е годы, которые откровенно оказывали честь сатанинским силам и 3) Фортеанское общество, группа скептиков, собравшаяся вокруг Чарльза Форта, крупного коллекционера и исследователя странных феноменов в 1930–1940-е годы. Некоторые члены этого общества позже вошли в Магический круг, собравшийся вокруг Антона.

Антон знал дату, когда должна была быть образована первая Церковь Сатаны. Это должно было произойти во время той самой ночи, которая, согласно традиции, является самым важным демоническим праздником в году, когда ведьмы и дьяволы бродят по земле, оргиастически прославляя плодотворность весеннего равноденствия: во время Вальпургиевой ночи, ночи с 30 апреля на 1 мая. В рамках ритуала, призванного стать частью основания церкви, Антон обрил голову в соответствии с традицией средневековых палачей, карнавалых силачей и черных магов, существовавших до него. Его целью было приобрести личную мощь и укрепить силы, окружающие его вновь организованный сатанистский орден, воплотить тот образ, который мы находим в конце «Хубилай-хана» Колриджа в том месте

³⁸ ЛаВей имеет в виду пассаж из традиционной «Клятвы американскому флагу» (*one nation under God*) и само название США (*United Satanic America*).

текста, где приводится заклинание, отвергающее Свя-
тую Троицу и духовную жизнь в пользу того, кто привер-
жен Аду и погоне за материальными благами.

Для езидов-дьяволопоклонников традиционным
является ритуал инициации, который должен провести
адепт. В водах Замзама – подземного колодца ислама,
который считается истоком подземных рек, текущих под
Семью башнями Сатаны, – оmyвается лезвие. Пещеры
под Башнями ведут к месту обитания сатанистских на-
ставников, известных под именем Шамбалы, или Кар-
косы. С помощью этого лезвия обривается голова мага.
Затем, избавленный от своих волос, он покидает мир
потомков Адама. Чтобы сделать ритуал завершенным,
Антон объявил 1966 год Годом Первым правления Са-
таны, Anno Satanus (годом Сатаны). Началась новая Эра
Огня. И хотя эта церемония, проведенная в Вальпурги-
еву ночь 1966 года, была крайне личной, приватной,
Антону скоро было суждено почувствовать резонанс,
который она вызвала во всем мире.

ЧАСТЬ II
ЦЕРКОВЬ САТАНЫ

Глава 7. Двор Красного короля

Еще не наступила ночь на пронизанной ветром улице возле Морского утеса в Сан-Франциско, но сатанисты уже собираются в предвкушении событий пятничного вечера. Они пришли в черный викторианский дом, пользующийся дурной славой, чтобы еще раз подтвердить свою преданность Сатане, попросить, чтобы Он помог им выполнить их желания и освободил их для телесных наслаждений.

Люди, собиравшиеся в фойе, выглядят как любая группа дружелюбных преуспевающих людей, которую можно было бы найти на какой-нибудь другой вечеринке. Большинство мужчин было одето в темные костюмы, хотя некоторые выглядели менее консервативно, щеголяя в ярких рубашках, иногда даже в кожаных куртках или штанах. Женщины выглядели более вызывающе. На них были одежды из ярких тканей, туфли на шпильках, они были щедро покрашены, а их короткие юбки или платья в обтяжку туго подчеркивали волнующие очертания. У многих на смело приоткрытой груди поблескивали медальоны. У мужчин поверх рубашек

были видны такие же подвески. Гости стояли группами по двое – четверо, разговаривая о последних тенденциях на рынке акций, об астрологии, старых машинах и современных вампирах.

Вот входит высокий человек в черной мантии и объявляет, что церемония скоро начнется. Сигареты тухнут, и две дюжины мужчин и женщин тихо следуют за человеком, который проводит их в зал проведения ритуала. Ни слова не произносится даже шепотом, когда собрание торжественно движется в затемненную часовню.

Глаза начинают привыкать к тусклому свету, потому что единственным освещением является то, которое проникает сюда из фойе. Воздух здесь на несколько градусов ниже, а атмосфера гуще. Как только собравшиеся рассаживаются, дверь захлопывается за ними, оставляя их в крошечной тьме и тишине. Почти сразу тишина разбивается рокочущими аккордами органа. Ухо ловит мотивы старых церковных гимнов, а вагнеровские темы смешиваются со звуковыми эффектами из старых фильмов ужасов. В течение целых пяти минут или даже больше группа слушает в темноте звуки, которые очищают их восприятие для того, что последует за этим.

Музыка кончается гроыхающими фанфарами. После того как удар гонга звучит трижды, огни разгораются настолько ярко, чтобы можно было видеть всех, кто собрался в ритуальном зале. В центре собрания – человек внушительного вида, его глаза блестят, когда он обводит пристальным взглядом всех находящихся в комнате. На его выбритую голову надвинут черный капюшон, который завершается острым углом на лбу, с обеих сторон капюшона – костяные рога. Капюшон переходит в плащ длиной до пола, подбитый красным атласом. Присутствие этого человека, которому нельзя не

подчиняться, вызывает тишину. Он и есть Верховный Священник – Антон Шандор ЛаВей – первый человек в истории, открыто основавший организацию, посвященную Сатане и радостям плоти.

За Антоном на стене находится большой знак с изображением Бафомета, символ сатанизма, переделанный из узора, использовавшегося рыцарями-храмовниками (тамплиерами) в XIV веке, – перевернутая пентаграмма с головой козла, окруженной пятью ивритскими буквами – по одной в каждом углу пентаграммы. Буквы складываются в имя Левиафан – прозвание одного из Князей Ада. Тот же символ можно увидеть на ожерельях собиравшихся в зале дьяволопоклонников. Под знаком возлегает пышная рыжеволосая женщина, служащая алтарем для сегодняшней службы. Она расprostерлась на большом каменном камине, покрытом покровом, и плоть ее светится в тусклом свете. Колени ее скромно согнуты, а волосы падают вниз, свисая с края алтаря. На нее тоже надет символ Бафомета, который почти не виден между ее обнаженными грудями. Сегодня она исполняет роль живого алтаря плоти, пробуждая похоть и заставляя закипать кровь. Она делается точкой концентрации для всех, находящихся в комнате, плотским фокусом воли сатанистов.

Двое мужчин в черных капюшонах стоят наготове с обеих сторон от Верховного Священника, а еще один помощник в капюшоне занимается гонгом справа от алтаря. Женщина с длинными светлыми волосами, ниспадающими по ее бархатной мантии, становится рядом с Верховным Священником, который держит перед ней обнаженную шпагу, указывающую вниз. Органист тоже накидывает черный капюшон и начинает играть «Гимн Сатане», переделанный из баховского «*Jesu Meine Freude*». Две обнаженные женщины-служки в благоговении стоят рядом с алтарем.

Стены ритуального зала выкрашены в черный цвет, потолок же его кроваво красен. Лампы янтарного света тускло горят в рожках на стенах, даря комнате неясное свечение. В углу стоит открытый гроб, образующий нечеткую гексагональную форму, на которой сидит чучело большой совы, взирающей на участников сборища, сидящих внизу. Одна из женщин-служек движется к алтарю, зажигая черные свечи и готовясь к ритуалу.

Время начинать ритуал. Все глаза фокусируются на Верховном Священнике. Органист продолжает играть «Гимн Сатане», а ЛаВей берет большой медный колокольчик, помавает им над алтарем, дабы освятить его, и медленно поворачивается против часовой стрелки перед своими последователями. Его плащ вьется у ног по мере того, как он движется. Он звонит в колокольчик девять раз – это число Сатаны, – чтобы очистить воздух, затем возвращает колокольчик на место на покрывале. Поворачиваясь к своей ассистентке-блондинке, он плавно вынимает из ножен шпагу, которую она предлагает ему, со словами: «Именем Бога нашего Сатаны Люцифера, превознесись!» Органист играет в такт словам Верховного Священника. «Именем Сатаны, Правителя земли, Короля мира, я повелеваю силам Тьмы возложить свою адскую силу на меня. Открой широко ворота Ада и выйди из пучины в ответ на твои самые нечестивые имена:

Сатана – он простирает меч на юг – Господин inferнальных земель;

Люцифер – поворачивается на восток – Тот, кто Принесит Свет и Мудрость;

Белиал – поворачивается на север – Король земли;

Левиафан – поворачивается на запад – Правитель Водяной бездны.

Появись и поприветствуй своих верных братьев и сестер Левого Пути. Шемхамфораш!³⁹»

Собрание выкрикивает в ответ: «Шемхамфораш!»

«Славься, Сатана!» – взывает Верховный Священник.

«Славься, Сатана!» – звенят их дерзкие возгласы.

Бьет гонг.

Один из помощников, голова которого закрыта капюшоном, движется к алтарю и вручает ЛаВею Чашу Экстаза – серебряный кубок, наполненный вином или даже кровью, но обязательно с добавлением напитка, который на данный момент ЛаВей любит больше всего, – бурбона. Он берет кубок, делает большой глоток и передает кубок помощникам, которые наслаждаются напитком вместе с ним и, опустошив, возвращают чашу на алтарь. Вперед выходят две обнаженные послушницы. Одна держит свечу чуть выше голов присутствующих. Другая открывает перед Верховным Священником большую черную книгу и держит ее перед ним, в то время как он обнажает меч и начинает читать низким голосом, отдающимся по комнате эхом.

«Услышьте меня, Темные. Появитесь среди людей и больше не исчезайте.

Выйдите вперед и вползите в великие собрания тех, кто обходился без вас, и остановите тех, кто мог бы удержать нас.

Предоставь мне наслаждения, о которых я говорю! Я принял твоё имя как часть себя! Я живу как звери в поле, радуясь жизни плоти! Я люблю справедливое и проклиная разложившееся!

Именем всех Богов Бездны я повелеваю, чтобы то, о чем я взываю, свершилось! Выйдите вперед и отзовитесь на мой призыв вас по именам, выполняя мои желания! О, услышьте имена!»

³⁹ Имя, превосходящее остальные (ивр.), – обозначение для самого длинного и могущественного имени Бога в каббалистской традиции.

ЛаВей неистово рычит адские имена – богов и богинь, которыми некогда восхищались, которым поклонялись, а ныне развенчали и осквернили, стали ненавидеть и бояться, – все, кроме сатанистов. Локи, Балаам, Черт, Маммона, Шива, Асмодей, Шайтан. Все они считались злыми в обыкновенных религиях. Собравшиеся повторяют каждое имя вслед за ЛаВеєм. Органная музыка достигает крещендо, и гонг снова бьет три раза. «Славься, Сатана!» – восклицает группа вслед за Верховным Священником.

Когда перечисление inferнальных имен завершается, ЛаВей читает отрывок на добиблейском языке магов, – на енохийском. Слоги его звучат тяжело, горланно, но удивительно привлекательно.

«Ol sonuf vaoresaji, gohu IAD Balata, elanusaha caelazod: sobrasodol Roray i ta nazodapesad, Giraa ta maelpereji, das hoel-qo qaa notahoa zodimezod... Zodacare, eca, od zodameranu! Odo cicale Qaa; zodoreje, lape zodiredo Noco Mada, hoathahe Saitan!»

ЛаВей выступает вперед в направлении друзей-сатанистов и призывает их высказать свои самые тайные желания перед своим Темным Господином. Каждый в свою очередь шепчет свои невысказанные мечты и нужды на ухо ЛаВею. «Помогите мне преуспеть в моей новой работе... Пусть человек из квартиры напротив без ума влюбится в меня... Пусть моя жена вернется ко мне, изнемогая от страсти... Уничтожь моего конкурента так, чтобы я получил контракт, над которым работаю...» Человеческие побуждения и цели, никакой неясной духовности, обернутой в лицемерное самолюбие. Особое внимание уделяется обращению к силам тех демонов, которые могут помочь им приобрести мирскую власть для себя.

После того как каждое желание громко повторено Верховным Священником, все участники ритуала кри-

чат «Приветствуем Сатану!», и их крики разносятся по залу. По мере того как пожелания посылаются в эфир, воздух делается наэлектризованным адреналином и энергией, а ритуал приближается к завершению.

В то время как органист тихо играет триумфальные мелодии, ЛаВей широко распахивает свой плащ перед обнаженным алтарем, его руки подняты в Знаке рогов: два пальца распрямлены, чтобы подтвердить дуалистичность природы, а три средних пальца подогнуты вниз в отрицании Святой Троицы.

«Не забудьте того, что было и должно быть! Плоть без греха, мир без конца, – он опускает руки. – Поднимитесь все и сотворите знак рогов». Члены сообщества поднимаются и вздымают левую руку вверх, отвечая на жест жестом. Повернувшись к алтарю, чтобы сотворить над ним традиционный Знак огня, ЛаВей трижды кричит «Славься, Сатана», и каждый раз конгрегация подхватывает этот возглас. После каждого вскрика раздается звук гонга. Очищающий колоколец повторно звенит девять раз, а органист играет «Гимн Сатанистской империи». Когда музыка заканчивается и последний звонок колокольца уходит в тишину, ЛаВей провозглашает: «Итак, это свершилось».

Церковь Сатаны была основана ночью 30 апреля 1966 года. В течение полутора лет с момента ее образования организация трижды становилась предметом шумного обсуждения в средствах массовой информации и многочисленных заголовках статей, посвященных Церкви Сатаны, в газетах по всему миру. Первым поводом для шума была женитьба двух членов Церкви, состоявшаяся 1 февраля 1967 года. Джон Реймонд, радикальный политический журналист, и Джудит Кейс, нью-йоркская

светская дама и дочь известного адвоката, попросили Антона провести свадебную церемонию, благословив их союз именем Сатаны.

Это была не первая сатанистская церемония бракосочетания, которую проводил ЛаВей: именно так сочетался браком еще один ученик Антона – Форрест Саттерфилд. Однако ввиду того, что семьи Реймонда и Кейс имели статус «хороших», слухи об их свадьбе разнеслись повсюду. В день церемонии газеты от Калифорнии до Европы выставили «больше репортеров и фотографов, чем со времен открытия моста Золотые Ворота», чтобы те, собравшись вокруг Черного дома, стали свидетелями этого крайнего богохульства. Собралась такая толпа, что полиции пришлось выставить кордоны вокруг этой территории. Фотограф Джо Розенталь, который сделал знаменитую фотографию солдат, поднимающих американский флаг над Иводзимой во время Второй мировой войны, был отряжен газетой *San Francisco Chronicle* снимать это событие. *Los Angeles Times*, в числе других известных газет, выделила четыре колонки на первой странице под одну из фотографий Розенталя, сделанных на свадьбе. В большинстве статей, которые сопровождали фотографии, упоминался алтарь с обнаженной женщиной, перечислялись те, кто присутствовал на свадьбе. И обязательно писалось о том, что где-то внутри дома рычал нубийский лев Тогаре. Пресса была в восторге. Газеты прозвали Антона «Черным Папой» и рвали друг у друга возможность взять у него интервью.

Антон воспользовался случаем и по максимуму использовал приемы драматических представлений, костюмы, декорации и сценическую музыку, которым научился в балаганах и в цирке. Если сначала журнальные публикации появлялись преимущественно в мужских журналах, потому что там фигурировали голые девуш-

ки, то по мере роста популярности ЛаВея рос и интерес у обычных журналов. В конце концов все основные журналы сочли своим долгом напечатать большие редакционные статьи, посвященные сатанинскому прилаву, возглавляемому ЛаВеем.

Ритуалы первого года были в целом задуманы как катарсические богохульства против христианства. В них было полно цитат из сатанистских культов, описанных в известных сочинениях дьяволистов, таких как описание Жориса-Карла Гюисманса в его книге «Там, внизу». Некоторые из людей, посещавших свою первую настоящую сатанинскую Черную мессу, говорили свое «Богородица, дева, радуйся», быстро крестились и бросались прочь из ритуального зала, чтобы только оставить свои имена в регистрационной книге у входа. В церкви Антона все сатанистские фантазии стали реальностью.

Именно в этот хулиганский период работы на публику Антон вел ревию «Ведьмы с обнаженной грудью» в ночном заведении Сан-Франциско на Северном пляже. Одной из девушек, которую он нанял, для того чтобы она угрожающе возникала из своего гроба в образе вампира, была Сьюзан Аткинс. Аткинс еще не была связана тогда с Чарльзом Мэнсоном, и ей оставалось еще два года до того момента, когда она совершит убийства в доме Шэрон Тейт в Каньоне Бенедикт, слизывая кровь с пальцев после убийства. Но в своем признании после раскаяния, в книге под названием «Дитя Сатаны, Дитя Бога», Аткинс указывает на ЛаВея как на причину своего падения. Антон вспоминает ее как типичный продукт Хейт-стрит⁴⁰, возможно, немного более накачанную наркотиками, чем обычно. «Она прогуливала репетиции, утверждая, что у нее была температура 42 градуса, но в конце концов из нее получался хороший вампир».

⁴⁰ Улица в Сан-Франциско, где хиппи проводили хэппенинги.

«Мы использовали формулу: на девять частей общественной респектабельности одна часть возмутительного, – говорит ЛаВей. – Мы основали *Церковь Сатаны* – нечто, что должно было бы развенчать все концепции церкви как таковой. Это был храм потворства желаниям, вместо того чтобы быть одним из храмов воздержания, которые строились до этого. Мы не хотели, чтобы это было не прощающее или неприветливое место, напротив, это должно было быть место, где вы получали удовольствие».

Спустя какое-то время Антон устал от простого издевательства над христианством и решил разработать ритуалы, которые были бы богохульно позитивными и радостными. «Я осознал, что существует целая область между психиатрией и религией, которая почти не затронута», – сказал ЛаВей. Потенциал для группового ритуала он видел в мощной комбинации психодрамы и экстрасенсорного опыта. Вместо того чтобы просто высвободить и распространять биоэлектрическую энергию, чтобы она рассеивалась в окружающем эфире, эту энергию можно организовать, оформить и направить на выполнение конкретных целей. Он уже не хотел показывать сценические фокусы, он хотел творить настоящую прикладную магию.

Формализованное проклятие, например, является чем-то большим, чем высвобождением закупоренных эмоций. Это настоящий деструктивный ритуал, в котором вся сдержанность отбрасывается в сторону для того, чтобы генерировать бешеные эмоции, фокусируя их на объекте презрения или ненависти. В результате страдает тот человек, который вызвал боль, а не тот, который был этим обижен, – разрушение оборачивается против того, кто его заслуживает. ЛаВей считал свои ритуальные техники гораздо более мощными, чем у «экстрасенсов», которые претендовали на владение все-

возможными магическими умениями. «Количества энергии, которое необходимо для того, чтобы заставить чашку левитировать, – думал ЛаВей, – вполне хватит на то, чтобы вложить какую-нибудь идею в головы людей на половине территории Земли и заставить их действовать в соответствии с твоей волей».

ЛаВей не обещал чудес, и, возможно, именно это и заставляло большинство людей к нему прислушиваться. «Я не собираюсь говорить вам, что одна магия сама по себе может что-нибудь сделать для вас. Если вы беспаланный человек, вы не сможете быть великим музыкантом, просто пожелав этого или произнеся заклинание. Если вы уродливая женщина, вы не должны ожидать, что в вас влюбится кинозвезда просто потому, что вы приворожите его магией. Магия требует работать в гармонии с природой. Учитывая все это, могу уверить вас, что я тем не менее кое-что обнаружил. Магия работает. И я бы занимался ею вне зависимости от того, посещают люди Церковь Сатаны и присоединяются ко мне или нет».

Антон решил, что настало время провести первое в мире публичное сатанистское крещение. Люди должны были увидеть, что сатанизм не является питьем крови детишек или принесением в жертву мелких животных. ЛаВей объявил, что, «вместо того чтобы очищать ребенка от первородного греха, которое в христианском крещении предполагает наличие непроизвольной вины, мы будем прославлять его естественные инстинкты и усиливать его жажду жизни». Кого же можно было крестить на такой публичной церемонии, если не дочь ЛаВея Зину, которой к тому времени было всего три года? Девочка, имевшая мягкие светлые волосы и обворожительную улыбку, привлекла фоторепортеров возможностью показать, как такой ангельский ребенок посвящается Дьяволу.

«Если бы настоящему сатанизму было разрешено иметь то количество телевизионного времени, которое есть сейчас у христианства, получать ту степень внимания и терпения, которые интервьюеры уделяют спортивным знаменитостям или которую отводят бейсбольным матчам, христианство полностью было бы сметено в течение нескольких месяцев. Если людям позволят увидеть полную, незамутненную правду хотя бы в течение 60 минут, это будет слишком опасно. Никакое сравнение будет уже невозможно».

Ритуал был назначен на 23 мая. Фотографы начали появляться уже в шесть часов утра, несмотря на то что до начала крещения оставалось еще 15 часов. Один из членов Церкви, сервайвалист⁴¹ Курт Саксон, разработал и изготовил особый амулет для Зины – специально для этого случая. Это был многоцветный Бафомет с рожком мороженого, леденцом и прочими вещами, которые понравились бы девочке, – все это было заключено в круг. Мать одела ее в ярко-красную мантию с капюшоном и посадила на край алтаря, а фотографы, аккредитованные в изданиях от Нью-Йорка до Рима, отчаянно щелкали затворами фотоаппаратов.

Антон произнес впечатляющее заклинание, которое было позже использовано в «Сатанистских ритуалах»:

«Именем Сатаны, Люцифера... приветствую новую госпожу, Зину, существо экстатического магического света... Присоединяйся к нашей компании: дорога тьмы приветствует тебя. Не бойся. Над тобою Сатана вздымает свою мощь в изумленные небеса и творит укрытие из огромных черных крыл... Маленькая колдунья, самая естественная и истинная ведьма, твои крошечные руки владеют властью обрушить вниз Небеса и построить из них памятники твоему желанию. Твоя власть

⁴¹ Участник движения за выживание.

делает тебя хозяйкой мира испуганных, дрожащих людей, которыми управляет чувство вины. Итак, именем Сатаны, мы даем тебе ступить на левую дорогу... Зина, мы крестим тебя землей и воздухом, морской водой и пламенем. И сим мы посвящаем твою жизнь любви, страсти, вседозволенности, и Сатане, и пути тьмы. Приветствуйте Зину! Приветствуйте Сатану!»

Вся церемония была продумана так, чтобы развлечь ребенка, принимая его в мир удовольствий со всеми теми видами и запахами, которые доставили бы ей удовольствие. Вместо христианской практики окунать уже испуганного ребенка в воду для крещения, Зина во время ритуала бодро жевала жвачку, купаясь во внимании, которое получала от поклонников и прессы.

Тогда многие христианские организации и другие «ответственные граждане» пришли в негодование от спектакля, сделать они могли мало. В наши дни ЛаВею, вероятно, предъявили бы обвинение в разложении ребенка сатанинского толка, но в 1967 году не было законных оснований для разжигания религиозной истерии.

В декабре того же года к Антону обратилась жена Эдварда Ольсена, которая хотела, чтобы Верховный Священник провел церемонию погребения ее недавно умершего мужа, офицера ВМФ, погибшего в аварии недалеко от станции «Остров Сокровищ» в Сан-Франциско. И она и Эдвард Ольсен стали членами Церкви Сатаны, несмотря на то что были воспитаны в баптистской традиции, а он был ранее членом организации «Молодежь за Христа». Когда он вступил в ряды ВМФ, немного посмотрел мир и женился на сексуальной брюнетке, он осознал, что сатанизм был гораздо более реалистичным образом жизни. «Он верил в эту церковь, – говорила миссис Ольсен, – и он хотел, чтобы именно в этой церкви прошло его отпевание».

Хотя официальные лица ВМФ немного затаили дыхание, все же без долгих обсуждений они согласились с просьбой Пэт Ольсен, посчитав своим долгом достойно выполнить последнюю волю мистера Ольсена. На церемонии присутствовал караул в хромированных шлемах, который торжественно выстоял всю церемонию рядом с ведьмами в черных мантиях и колдунами, на которых красовались медальоны с Бафометом. Моряки протянули над гробом американский флаг, в то время как ЛаВей произнес панегирик, в котором подчеркнул преданность Эдварда жизни тем, что он избрал путь Дьявола. В конце церемонии караул ВМФ произвел тройной оружейный салют из винтовок, а после того как скорбящие прокричали «Славься, Сатана!» и «Славься, Эдвард!», музыканты оркестра ВМФ сыграли туш.

Хотя архиепископ Сан-Франциско был расстроен всем этим происшествием и немедленно послал разгневанное письмо президенту Джонсону, большинство жителей города, включая чиновников из ВМФ, полагали, что Ольсен должен иметь такие же права, как и любой другой офицер ВМФ. Ответ из Белого дома оказался на самом деле довольно неожиданным для вдовы и ее маленького сына. Ольсен, машинист-наладчик третьего класса, был по ошибке назван помощниками аппарата Белого дома главным старшиной. Миссис Ольсен смогла использовать эти письма, для того чтобы составить требование о посмертном повышении своего мужа и получить более высокие бонусы, причитающиеся семье. ЛаВей счел «демоническое вторжение» результатом удачного стечения обстоятельств. Вследствие заметного роста числа открытых сатанистов в армии, сатанизм вскоре оказался перечисленным в капелланской книге армии США как признанная религия, а ее описание каждый год поправлялось самой Церковью Сатаны.

В Черном доме продолжались ритуалы. Помимо еженедельных пятничных вечеров Антон проводил семинары для ведьм и различные другие тренинги, которые собирали людей как с северного, так и с южного края Калифорнийского побережья. Ритуалы сумасшествия, плодородия, разрушения, сглаза и психодрамы в форме Черных месс были открыты для публики, которая могла участвовать в них и каждый вечер по пятницам предаваться этому развлечению.

«Где они были, все эти люди, которые утверждали, что делали те же самые вещи или думали то же самое, пока не появился я? Все те, кто собирались написать "Сатанинскую Библию", но почему-то так и не нашли времени, чтобы сесть и написать ее? Я ведь искал, но не мог найти ничего подобного. Кто основал Церковь Сатаны? Не Церковь Люцифера или Храм Абадонны, не Орден Телемитов или Братство Вельзевула – все это не было модным раньше. Невозможно было называть себя сатанистом до того, как появились мы».

К тому времени, как в 1969 году была выпущена «Сатанинская Библия», в Церкви Сатаны уже было более десяти тысяч членов по всему миру. Изначально книгу выпустили в мягкой обложке, позже она вышла в переплете, и с тех пор она так и не сходила с прилавков магазинов, – это некоторым образом является феноменом в сравнении с книгами в мягких обложках, которые долго не живут на рынке.

Когда «Ребенок Розмари» был почти выпущен в 1968 году, создатели фильма воспользовались большой популярностью Верховного Священника и показали в нем маленькие черные пуговицы, на которых было написано «Молитесь за Антона ЛаВея». Антон вспоминает реакцию аудитории на финал фильма, когда становилось ясно, что сатанисты не собирались принести ребенку вред, как все ожидали, но прославляли его как

сына Сатаны. «Люди ужасно разозлились – начали стучать ногами и высказывать общее недовольство. Иногда реальность сатанизма делается намного более ужасающей для людей, чем их безопасные фантазии о том, каким он должен быть. В первый раз они имели дело с Дьяволом, который говорит с ними».

Глава 8. Дьявол и святая Джейн

Двадцать девятого июня 1967 года Джейн Мэнсфилд ехала в Новый Орлеан по девяностой магистрали вдоль судоходного канала Риголетс, тянущегося между озером Понтчартрейн и Мексиканским заливом. Было около двух часов ночи, и двадцатичетырехлетний Ронни Гаррисон – молодой человек, вызвавшийся отвезти ее, – хотел нагнать время и потому торопился. Перед тем как в полдень появиться на телевидении, Джейн надо было немного поспать. Еще спереди сидел Сэм Броди, адвокат Джейн, а ее дети, Мария, Золтан и Мики-младший, свернувшись калачиками, спали на заднем сиденье. Они выехали из Билокси, штат Миссисипи, сразу после того, как Джейн закончила выступать в ночном клубе-ресторане «Гас Стивенс», принадлежащем отцу Гаррисона.

Внезапно пустой отрезок пути заволокло туманом. И прямо перед ними из тумана выползла большегрузная фура, волоча за собой облако взвеси, похожей на антикомариный спрей. К тому времени, как Гаррисон смог сориентироваться, стало понятно, что они едут

слишком быстро, чтобы остановиться. На большой скорости они врезались прямо в зад грузовика; столкновение было таким сильным, что Гаррисон, Джейн и Броди погибли сразу же. Верх машины был срезан, как крышка банки со шпротами. Дети, которых вытащили из искореженной машины, остались, на удивление, совершенно целы. Полицейские, побывавшие на месте столкновения, отметили, что голова Джейн Мэнсфилд была практически оторвана от тела. Ее смерть наступила приблизительно в 2:25 ночи.

В это время Антон ЛаВей спокойно работал в кабинете своего дома в Сан-Франциско, вырезая фотографии из немецкой газеты *Bild Zeitung*. Фотографии, сделанные Уолтером Фишером, изображали Антона, возлагающего цветы на могилу Мэрилин Монро. Уже перенеся вырезки в один из своих альбомов (с эмблемой Церкви Сатаны), ЛаВей вдруг увидел, что с другой стороны вырезки – статья о поездке в Ирландию, от которой Джейн была вынуждена отказаться. ЛаВей с огорчением обнаружил, что, вырезая заметку о Мэрилин, случайно разрезал фотографию Джейн прямо по шее.

Через пятнадцать минут раздался звонок – звонили из лос-анджелесского отдела *Associated Press* по поводу трагической смерти мисс Мэнсфилд и просили прокомментировать. Репортер, как выяснилось, узнал имя и телефон ЛаВея из записной книжки, которая была с собой у Джейн. Антон не мог сказать ни слова. Журналист, слыша, что на другом конце провода молчат, продолжал наседавать на ЛаВея, требуя, чтобы тот сказал, знает ли он, что в результате катастрофы голова Джейн была практически отрублена. ЛаВей повесил трубку. Та цепь происшествий, которая увенчалась в итоге гибелью Джейн, была известна ему слишком хорошо, а репортерам же знать о ней пока было неоткуда. Должно быть, именно в этот момент в мозгу у ЛаВея зазвучали

его собственные ритуальные слова, требовавшие расплаты за содеянное. Дело в том, что некоторое время назад Антон наложил проклятие – но не на преданную ему ведьму Джейн, а на ее адвоката Сэма Броди, – после того как вытерпел со стороны последнего чересчур много насмешек, оскорблений и клеветы. Несмотря на множество устных предупреждений и ряд достаточно красноречивых инцидентов, Джейн, похоже, не смогла все-таки полностью отделаться от Броди. Даже в ту ночь, когда умерла.

Когда Джейн Мэнсфилд попросила Антона Лавея о встрече – это было осенью 1966 года, – она уже была самой известной платиновой блондинкой в Америке. Начиная с самого ее первого удачного появления на сцене в шоу «Избалует ли успех охотника за бриллиантами?» в 1950-е годы (в 1957 году шоу было перенесено на экран), экстатические возгласы Джейн и фирменный розовый цвет, который она обычно носила, восхищали корреспондентов. Говорили, что Джейн Мэнсфилд изобрела «розовый журнализм». Без всякого сомнения, там, где она появлялась, всегда сияли вспышки фотоаппаратов. Джейн прошла длинный путь от призов на конкурсах красоты и появлениях в шоу на открытиях торговых центров до съемок в нескольких фильмах в Европе, помимо тех, в которых она снялась в США. Но Джейн обнаружила, что ее истинная сила была в непосредственной работе на публике – в ночных клубах, на ток-шоу, на приемах. Там, где она могла взаимодействовать с аудиторией спонтанно. Ее сорокадюймовый бюст, великолепное чувство юмора и игривое возбуждающее поведение постоянно ставили ее в центр внимания публики.

В компании небольшой свиты очарованных мужчин она находилась в Сан-Франциско, готовясь к ежегодному кинофестивалю. Джейн слышала об Антоне и его Церкви Сатаны и настаивала на том, что ей необходимо встретиться с Верховным Священником сатанистов. Местный агент, который занимался Джейн в Калифорнии, решил, что это хорошая идея – Джейн Мэнсфилд и Антон ЛаВей вместе оказались бы великолепным информационным поводом, они даже могли настолько заинтересовать Херба Каэна, что тот написал бы об этом в своей колонке. С того момента, как они увиделись, Джейн сильно увлеклась Антоном, и это увлечение быстро переросло в наваждение. Он был чем-то, с чем Джейн никогда ранее не встречалась. По профессиональным причинам Джейн была вынуждена постоянно иметь рядом с собой подобострастных мужчин, которые занимались ее делами и промоушеном. Подражая опыту Мэй Уэст, она уже знала, как выгодно быть красивой блондинкой, окруженной роняющими слюнки поклонниками. Но Джейн не принадлежала к типу «повелительниц». Напротив, в сексуальных отношениях она больше склонялась к подчинению.

В течение первых нескольких часов, что они провели вместе, Джейн призналась Антону в своих ошеломляющих сексуальных пристрастиях, в своих страхах, которые касались ее проблем, связанных с судебным разбирательством с ее бывшим мужем (Мэтт Симбер обвинял Джейн в том, что она была негодной матерью), и откровенно рассказала ему о ее отношениях со своим адвокатом Сэмом Броди, которые очень расстраивали ее. Его безумная ревность с течением времени делалась все опаснее и опаснее. Встретившись с Джейн в Лас-Вегасе, Броди предложил представлять ее интересы в деле против Симбера. Но вскоре Броди, уже женатый, почти сорокалетний и почти на голову ниже

ростом, чем Джейн, стал самым навязчивым поклонником. И несмотря на то что он с точностью почти до наоборот не соответствовал тому, что Джейн находила физически привлекательным, она пошла на эти отношения с Броди, потому что вообразила, что это поможет ей выиграть дело о сохранении при себе своих четырех детей. Почти сразу же Джейн раскаялась в этом решении. Броди оказался отчаянно ревнивым, замучив Джейн всевозможными претензиями. Она пыталась как-то выпутаться, но Броди становился все более и более требовательным, используя ее тянущийся процесс для того, чтобы манипулировать ею и все глубже втянуть ее в их взаимоотношения.

Антон задавался вопросом о реальной степени наивности Джейн в деле Броди, но предложил ей сделать все возможное, чтобы как-то разрядить ситуацию. Раньше у Джейн не было интереса к оккультным темам, но у нее была искренняя тяга к знаниям, и она была заинтригована философией, которую исповедовал Антон. Она попросила наложить проклятие на Симбера, так, чтобы тот проиграл судебное дело. Антон согласился. В течение нескольких недель Джейн выиграла дело, и ей предоставили возможность жить со всеми своими детьми от трех браков.

Джейн стала полноценным членом Церкви Сатаны вместе со своим менеджером Виктором Хьюстоном. Броди незамедлительно приревновал к тому влиянию, которое Антон стал оказывать на Джейн. Он даже сорвал с ее шеи специально сделанный для нее розово-черный медальон с Бафометом, когда сама Джейн отказалась его снять. Джейн звонила Антону несколько раз из Беверли-Хиллз, рыдая и крича, что Броди не дает ей носить амулет, что он рушит ее карьеру и причиняет ей одну боль. Броди, который подслушивал в соседней комнате, в конце концов смягчился. Когда она надела

свой знак с Бафометом осенью 1966 года на кинофестиваль в Сан-Франциско, Броди был разъярен тем, что Джейн публично обнародовала свою связь с ЛаВеем и его Церковью. Сверкающий розово-черный медальон, угнездившийся в ложбинке между высоких грудей Джейн, едва прикрытых ее сильно декольтированным вечерним платьем, вызвал большой интерес и смелые комментарии репортеров, которые освещали фестиваль. Только этого и надо было Броди. Он налетел на Джейн, стараясь сорвать с нее медальон. Она отвела его руку, и они схватились прямо на глазах изумленных зрителей.

Когда Джейн попросила шофера на следующий день отвезти ее в Черный дом, Броди тоже собрался ехать с ними. Он видел, что Джейн влюбляется в Антона, и был решительно настроен на то, чтобы не дать им остаться одним. Поехал с ними и Виктор Хьюстон. Некоторое время Антон развлекал своих гостей, но потом его отозвали по каким-то делам. Как только Антон вышел, Броди начал отчитывать Джейн за то, что она слишком серьезно принимает сатанизм. При этом он расхаживал по комнате и в результате вошел в черную часовню, где проводились магические ритуалы Церкви Сатаны. Броди начал хватать бесценные вещи с каменного алтаря и размахивать ими, расхаживая по комнате, высмеивая ЛаВея и Церковь. Джейн последовала за ним, пытаясь его остановить. В конце концов Хьюстон не смог вынести этой сцены и кинулся искать Антона.

«Этот идиот роется в твоих священных предметах и высмеивает все, что видит, – доложил ЛаВею Хьюстон, – он зажигает свечи и хохочет». Как только Антон услышал слова «зажигает свечи», он бросил то, что делал, и быстро вернулся в ритуальный зал, опасаясь увидеть там что-нибудь ужасное. Как и подозревал ЛаВей, Броди зажег свечу в форме черепа, которая использо-

валась для проведения деструктивных ритуалов. Антон быстро задул ее и вперил взгляд в Броди: «Вы не должны были этого делать. Вы не понимаете, что вы наделали. Эта свеча используется только для наложения проклятий. Теперь я даже не знаю, что с вами произойдет. Надеюсь только на то, что успел затушить ее вовремя». Броди только рассмеялся.

Месяцем позже у Джейн появился повод поверить в то, что свеча в форме черепа преследует ее. Она рассказала своим четверым детям о взрослом нубийском льве, который жил с ЛаВеем в большом черном доме в Сан-Франциско, и они заставили ее пообещать, что она возьмет их посмотреть на льва. Дети привыкли к экзотическим животным. Среди других домашних животных в разное время у Джейн в «Розовом дворце» на Сансет-бульваре жили обезьяна, оцелот и четыре чихуахуа. ЛаВей говорит, что Джейн покупала своих домашних животных, как игрушки. «В этом отношении она была совсем как ребенок. Когда они были новые, она уделяла им массу внимания, но свежесть восприятия быстро уходила». Но у Джейн никогда не было льва, и детям очень хотелось познакомиться с Тогаре. Когда Броди услышал об этой поездке, он запретил ее. Шестилетний сын Джейн (по совпадению носивший имя Золтан, как черная пантера ЛаВея) был ужасно разочарован. Желая утешить мальчика, Джейн устроила так, чтобы Золтан мог сопровождать ее в «Джунгли», частный зоопарк в местечке Тысяча Дубов, к северу от Лос-Анджелеса, где содержались и обучались животные, снимающиеся в фильмах и на телевидении.

Пока Джейн позировала для рекламных фотографий, Золтан убежал общаться со львом, сидевшим на цепи под деревом в нескольких футах от нее. Сотрудники зоопарка успокоили Джейн, что лев совсем ручной, поэтому ей было приятно думать, что Золтан все же

встретится со львом. Джейн бросила взгляд на ребенка и увидела, что Золтан смеется и разговаривает со своим новым другом. Но в следующее мгновение ее сын уже лежал на земле, из его головы текла кровь, а лев держал Золтана в своих страшных челюстях. Джейн закричала, зовя на помощь.

Льву нужно лишь несколько секунд, чтобы убить жертву, и если бы он этого хотел, он бы, конечно, успел убить Золтана. Но, похоже, он просто хотел поиграть со своим новым поклонником, не понимая того, насколько тот хрупок. Работники зоопарка разомкнули челюсти льва, освободили тельце Золтана и отвезли его в госпиталь Конехо Вэлли в Тысяче Дубов. Его немедленно отправили в хирургическое отделение, где врачи принялись за его разбитый череп, порванную селезенку и сломанные кости.

Хотя врачи делали все возможное, чтобы спасти мальчика, время шло, и шансы Золтана выжить делались все более эфемерными. Джейн приходила в отчаяние. Как подобное могло произойти с ее сыном? Администрация «Джунглей» уверила ее в том, что лев был дружелюбным и ручным. Ответ ей виделся один: все это было результатом зажигания свечи в форме черепа. Действие обернулось полноценным проклятием, было похоже, что Джейн не удастся избежать его. Она в панике позвонила ЛаВею, быстро объяснив, что произошло, и моля, чтобы Антон как-нибудь использовал магию, чтобы остановить проклятие, и помог ее сыну. «Даю тебе свое слово, – поклялся ЛаВей, – я сделаю все, что в моей власти».

ЛаВей почувствовал желание немедленно действовать от лица мальчика, сделать что-то, даже несмотря на то что в районе залива бушевал страшный шторм. Не тратя времени даром, завернувшись в черный ритуальный плащ, Антон впрыгнул в свой черный коронерский фургон, в котором было все, что ему могло понадобиться-

ся, и в котором он обычно перевозил собственного льва Тогаре, и направился через мост Золотые Ворота по направлению к горе Тамалпаис, самой высокой возвышенности в районе залива в Сан-Франциско.

По дороге к горе под проливным дождем ЛаВей вспомнил о всех непростых последовательных совпадениях, которые привели к этому моменту. Концентрация, которой достиг Антон, буквально ослепила его, когда он доехал до верхней точки дороги, после чего поднялся на гору пешком. За те 25 минут, что потребовались Антону, чтобы добраться туда, он сочинил свое заклинание. И вот, распахнув свой плащ, взметнувшийся на ветру, подобно большим кожистым крыльям, ощущая, как дождь неистово бьет его по лицу, и призвав всю силу, которую он ощущал в себе, ЛаВей призвал Брата своего Сатану, чтобы он пощадил жизнь Золтана.

Золтан поправился от своих ран в удивительно короткое время. Но осложнения все равно воспоследовали: экскременты льва попали в организм Золтана и, достигнув спинного мозга, привели к развитию позвоночного менингита. Мальчик снова оказался на грани смерти. Джейн снова призвала на помощь Антона. Антон собрал несколько десятков членов конгрегации и провел ритуал Церкви Сатаны, соединив их общую мощь, для того чтобы Сатана благословил сына Джейн. Врачи снова были поражены тем, как быстро выздоровел мальчик. Джейн поклялась в вечной благодарности Антону за спасение ее сына, а затем дала Броди указание подать иск на 1,6 млн долларов против парка «Джунгли».

Энтузиазм Джейн в отношении новой философии, которой она увлеклась, становился все сильнее, равно как и ее чувства к ЛаВею. Она сказала Антону, что сатанизм – это «Кахлил Гибран с яйцами»⁴² и что это единственная

⁴² Американский эзотерик ливанского происхождения.

философская система, которую она находит осмысленной. Как и в ситуации с другими людьми, сатанизм явился для нее скорее открытием, чем обращением – опытом в стиле «я всю жизнь это ощущала, но никогда не знала, что есть и другие люди, похожие на меня». Джейн любила разговаривать о сатанизме, о его рациональном подходе к жизни. Он давал ей возможность продемонстрировать свои знания. Она была достаточно умной женщиной, чтобы понимать, что люди, которые сталкивались с ее великолепной внешностью, не могут принимать ее ум всерьез. Но она сама принимала все всерьез. Она-то понимала, насколько ее полные чувственные губы и высокая грудь стали ловушкой для нее, и использовала эти качества себе на пользу, но все равно любила говорить людям, что ее коэффициент умственного развития равнялся 163. «Джейн была умной, – говорит ЛаВей, – но у нее никогда не было возможности укрепить свой интеллект. Когда она находилась рядом со мной, она часто пыталась быть “умной” – цитировала Браунинга и говорила “ах!”. Она любила говорить “омюлет”, когда имела в виду “амулет”. Ей казалось, что так получается изысканнее. Ей казалось, что это похоже на какое-то непонятное блюдо, подаваемое на завтрак. К сожалению, ее интеллектуальность входила в противоречие с тем имиджем, который у нее был. Люди просто начинали смеяться. Они видели перед собой сексуальную полногрудую блондинку, которая снижала свой звонкий голос и пыталась цитировать Байрона и Бодлера.

Впрочем, Джейн действительно очень любила музыку. Она как раз записала диск, на котором читала классику под музыкальное сопровождение, и хотела переписать его еще раз, чтобы музыку играл для нее я. Джейн хотела заставить меня поверить, что я был величайшим музыкантом в мире. Ей, наверное, нравилось

то, что я играю: Гершвин, Коул Портер, Ирвинг Берлин... Наши вкусы в музыке совпадали. Она всегда преувеличивала, когда делилась рассказами обо мне с другими людьми, – говорила, что я концертирующий виолончелист, вундеркинд, что я могу подойти к любому инструменту и заиграть на нем так, что можно давать концерт. Точно так же она относилась к моим картинам, всегда рассказывала о них людям. Она хотела заказать мне картины для своего дома, когда переехала в Сан-Франциско. Я подозреваю, что она нас, видимо, как-то смешивала и любила думать о себе самой как о художнике. Она, например, рисовала небольшие картинки с Бафометом на задней стороне тех конвертов, которые отправляла мне, – в общем, такие вещи...

Будучи ребенком, Джейн брала уроки виолончели. Она действительно хотела играть вместе со мной. У меня в доме была виолончель, так что однажды вечером я ее принес. Как ни странно, ее игра оказалась на удивление техничной спустя столько лет, разве что уж очень “заржавела”. Она помнила, как настраивать струны, знала, как прижимать их, что было очень здорово, учитывая то, что она не играла с детских лет. Она хотела снова научиться играть на скрипке. Ей хотелось делать все, что как-то отличалось бы от того, чем она занималась”.

После столкновения с эффектом воздействия свечи-черепа, поняв, что случилось, после того как Антон использовал магию, чтобы помочь Золтану, Джейн убедилась в том, что может сделать сатанизм, и это произвело на нее еще большее впечатление. Антон в свою очередь был восхищен Джейн и ее естественными данными полноценной ведьмы. Он позволял Джейн проводить персонализированные ритуалы – ритуалы сострадания, ритуалы желаний и «ритуал Шибболета», который полезен для очистки человека от зажатого гнева и растерянности. Результатом ритуала является

обращение зла на самого человека, вызвавшего ваш гнев.

В Джейн Мэнсфилд Антон с радостью обнаружил женщину, которая разделяла, воодушевляла и дополняла его отношение к игривому и исполненному энтузиазма сексу. Джейн уже была достаточно квалифицирована для проведения своих собственных небольших сатанистских ритуалов с использованием большого количества младших магических техник «нечаянного» раздевания, которые ЛаВей позже включит в свою книгу «Сатанинская ведьма». Она разработала хитрый способ стратегически распускать швы на своих обтягивающих брюках капри или на мини-юбке, из которой она, казалось, сейчас выпрыгнет, так, что когда наступал подходящий момент, все, что ей надо было сделать, – это немного потянуться, и шовчик быстро расходился. То же самое она вытворяла и со своими пуговицами, которые отскакивали от ее одежды при неосторожном движении ее роскошного тела. Все, что ей оставалось, – это просто аккуратно сдвинуть ткань так, чтобы немного обнажить плоть – голую грудь или лобковые волосы, – причем так, как будто она этого не заметила. «Джейн не просто флиртовала. Она была эксгибиционисткой, – говорит ЛаВей, – она всегда пользовалась возможностью показать грудь или развести ноги чуть шире, чтобы устроить шоу для любого мужчины, который смог бы это оценить».

Она любила шокировать мужчин просто для того, чтобы понаблюдать за их реакцией. Например, в присутствии мужчин Джейн могла чуть обмочиться – до такой степени, чтобы пятно было видно сзади у нее на юбке, – этим она создавала впечатление, что была так ужасно возбуждена, что не могла себя контролировать. Джейн беззастенчиво провоцировала мужчин пялиться на нее, воцелеть ее. Она просто купалась в похоти,

которую возбуждала в мужчинах. Она любила забывать надеть трусики под свои самые откровенные мини-юбки. Затем, выбираясь из машины, бывало, невинно замечала: «Не смотри на меня сейчас», что, естественно, привлекало внимание всех мужчин, которые могли это услышать, и они напрягались, чтобы увидеть белую плоть между ног Джейн.

Иногда Антон заезжал, чтобы забрать Джейн из отеля, и заставлял дверь ее номера открытой нараспашку, а носильщики, разносчики, портье и мужчины-постояльцы вертелись возле открытой двери, поспешно удаляясь по своим делам, когда Антон появлялся в коридоре. Когда Антон входил, Джейн приветствовала его в довольно разобранном состоянии, одежда ее была смята. Он не знал, что конкретно делала с собой Джейн, но все проходившие мимо мужчины, без сомнения, были заинтригованы.

Антон вспоминает один особенно скандальный случай, когда он остановил машину на забитой бензоколонке и пошел в туалет. Когда он вернулся, то обнаружил Джейн сидящей на ограждении, попивающей свой «7-Up», с ногами, расставленными так широко, что можно было видеть все, что находится у нее под мини-юбкой. Работа на колонке полностью застопорилась, потому что все тарачились на Джейн. Радостно улыбаясь Антону, она громко призналась: «На мне нет трусов». Антон довел Джейн до машины и поспешил прочь от разинувших рты служителей колонки, которые оставили свои рабочие места и несколько кварталов преследовали Антона и Джейн, пока те не скрылись из виду.

«Джейн имела врожденное понимание того, как работает похоть», – говорит ЛаВей. В «Мстителе Дьявола» он описал Джейн как «похотливую сладострастную мегеру, которая испытывала моменты наивысшего счастья, когда каталась на полу, исполненная мазохистской,

оргастической энергии». Он добавляет: «Джейн любила, когда ее унижали, любила быть опущенной. Для нее не было ничего запретного в постели, и она купалась в своей похоти. Не знаю уж, какой она была с другими мужчинами, но мне она всегда совершенно четко давала понять, что и как она хочет. И всегда добивалась того, чего хотела. Она жаждала жесткого хозяина, который мог бы доминировать над ней, – отцовской фигуры.

Большинство людей вынуждены сами придумывать себе сложности в жизни или делать так, чтобы их создавали для них другие, дабы удовлетворить свои мазохистские стремления. Джейн была реализовавшей себя мазохисткой, ей не нужны были эмоциональные встряски. Она предпочитала получать их в физической, сексуальной форме. Поэтому бесконечные преследования Броди ее угнетали: ей нужны были физические мучения, а не эмоциональные.

Я говорю, что она была реализовавшей себя мазохисткой, потому что она подгоняла меня словами, чтобы я понял и точно знал, что она хочет, чтобы я с ней сделал: например, кинул бы ее на землю, тянул бы за волосы. Все это проговаривалось словесно, но это было элементом игры – мы оба прекрасно понимали, чего она действительно хочет. Ее поведение сильно отличалось от того, когда те, кто действительно хотят, чтобы их ударили, не признают этого, – они будут манипулировать вами всеми возможными способами, чтобы заставить вас уничтожить их, но никогда не признают этого, они даже и себе не признаются в том, чего они хотят и почему они могут этого хотеть. Это вершина лицемерия. Именно таким был Броди. Такие люди всегда получают то, чего заслуживают, но, вероятно, не то, чего хотят.

Джейн ненавидела эмоциональное уныние и манипуляции, но вследствие того, что все так восхищались

ею, ей нужно было ритуализированное унижение. На публике она желала, чтобы люди любили ее, хотела, чтобы все были счастливы, гармоничны, жаждала сводить людей вместе, – она не желала хаоса и дисгармонии. Но в личной жизни Джейн требовались подчинение и унижение. Она знала, что ей для удовлетворения своего “я” нужны восхищение публики, мужчины, которые увивались бы за ней. Но чем больше поклонения Джейн получала, тем больше ей требовалось противоядие. Она обладала поразительной проницательностью, умея настолько понять себя, чтобы осознать свои потребности настолько ясно. Большинство людей не имеют мужества так реалистично взглянуть на самих себя. Поэтому, как я думаю, ей и нравилось быть со мной. Я не боялся дать ей то, что она хотела».

Диана, жена Антона, делала все возможное, чтобы принять восхищение, которое испытывала Джейн к ее мужу, точно так же, как она принимала другие грани роли, которую играл Лавей. «Диана понимала настолько, насколько человек вообще может это понять. Я – Верховный Священник Церкви Сатаны, а не проповедник из воскресной школы. Часто именно Диана подходила к телефону, когда звонила Джейн. Будучи моей женой, она была осмотрительной и тактичной, – она осознавала все то, что было потенциально хорошо для Церкви. Однако я не думаю, что Джейн любила Диану. Когда они находились вместе, Джейн всегда садилась спиной к Диане. Диана, казалось, не имела ничего против, – ей было скорее забавно, чем обидно. Тот факт, что Джейн была кинозвездой, ничуть не волновал Диану. Она знала, чем была Джейн. Ей приходилось иметь дело с большим количеством разных людей. Тот энтузиазм, который Джейн испытывала в отношении меня, был одним из сопутствующих моментов того обстоятельства, что Диана была замужем за знаменитостью.

Джейн была всегда готова въехать в наш дом, если бы у нее было хотя бы полшанса. У нее всегда было огромное количество личных вещей в нашем доме. В ванной комнате была ее косметика, одежда разбросана по всему дому, наполовину в чемоданах, наполовину вне их, туфли раскиданы под кроватями... Когда она снимала вещи, она просто давала им упасть, кидала в кучи. А Диана ничего за ней не подбирала. Вещи оставались там, где были брошены, Джейн было наплевать. В этом отношении она была очень похожа на Мэрилин».

Чтобы восславить прирожденные способности Джейн как сатанистки, ЛаВея сделал ее Жрицей Церкви Сатаны и подарил ей сертификат, подтверждающий ее статус, который она с гордостью повесила у себя на стену, презрев протесты Сэма Броди. Не обращая внимания на постоянное сопротивление Броди, Джейн начала серьезно изучать ведьмовство и черную магию. Она стала регулярно приезжать к ЛаВею, чтобы поведать ему о своих успехах, поделиться каким-нибудь новым открытием, подтвердить свою любовь к нему и попросить о каком-нибудь заклинании счастья.

«Разница в подходах Мэрилин и Джейн к интеллектуальным исканиям заключается в том, что Мэрилин таскала с собой большие тяжелые книги и тусовалась с умными людьми, чтобы получать от них интеллектуальную подпитку, тогда как Джейн действительно имела потребность в знании. Джейн очень гордилась тем фактом, что если ей что-то нравилось, она тут же это запоминала. Все то время, пока "Сатанинская Библия" находилась в форме рукописи, Джейн постоянно листала страницы и добилась того, что выучила многие из них наизусть».

Частью отношений ЛаВея с обеими этими женщинами было то, что они обменивались книгами. «Мэрилин дала мне экземпляр книги Стендаля "О любви", и у

меня до сих пор хранится экземпляр книги Уолтера Бентона "Это моя возлюбленная", которую мы купили вместе на Сансет-бульваре. Именно Мэрилин привлекла мое внимание к этой книге. Она хотела, чтобы я прочел ее и написал в ней что-нибудь для нее. Я даже написал в книге ее имя, но вышло так, что книга осталась у меня. Она очень много значила для меня в течение особенно темного периода моей жизни, когда я оставил Лос-Анджелес. Джейн постоянно настаивала, чтобы я прочел "Историю О" и "Я, Ян Крамер". Она дала мне истрепанные копии обеих этих книг. Это очень женский подход – желать делиться книгами с людьми, которых они очень любят».

Читая что-то однажды вечером, Джейн столкнулась с термином «инкуб». Это слово используется для описания мужского демона, который приходит к женщинам во сне и соединяется с ними в страстном соитии. Магов всегда обвиняли в том, что они насылали подобных демонов в своем собственном образе, чтобы обольстить невинных женщин. Броди, вечно подозрительный, запретил Джейн ехать в Сан-Франциско на встречу с ЛаВеєм. Когда Джейн прочла об инкубе, она возбудилась от мысли, что ЛаВей может послать к ней свой образ ночью, чтобы любить ее.

Джейн немедленно позвонила ЛаВею, чтобы рассказать ему о том, что она прочла, и спросить его, правда ли это. Антон подтвердил существование легенд, но попытался уйти от прямого обещания. Когда она позвонила с кинофестиваля в Акапулько в декабре 1966 года, она была уже более настойчива, прося Антона описать в смачных деталях инкуба, которого он пошлет ей: «Смогу ли я ощущать его? Насколько большим будет его член? Заставит ли он меня возбудиться так же, как сейчас?»

На самом пике рассказа Джейн о том, что она хотела бы от инкуба, мексиканский оператор, следивший за

звонком, разъединил связь, пытаясь обезопасить мораль международных телефонных переговоров. Это не отвлекло Джейн от ее задачи, она немедленно позвонила снова через другого оператора. «Как я должна лежать, ожидая его, – должна ли я находиться на спине, широко раскинув ноги? Насколько твердым он будет? Он будет нежным или грубым со мной, быстрым или медленным? Делается ли он тверже?» И в конце разговора она добавила (хотя в этом и не было необходимости): «И пусть он обязательно выглядит, как ты».

Поддавшись особой настойчивости Джейн, ЛаВей был вынужден пообещать прислать к ней инкуба той же ночью, – больше для того, чтобы освободить телефон, чем действительно намереваясь выполнить настоящее магическое действие. Но чтобы доставить ей удовольствие, он действительно послал ей некоторое количество позитивной энергии. На следующий день Джейн позвонила, чтобы поблагодарить Антона за то, что он прислал ей инкуба. И она подробно описала все то, что физически чувствовала во время занятий любовью с инкубом.

ЛаВей полагает, что подобные же чувства некоторые женщины испытывают к образам сатиров, змей, демонов, романтической бести в классическом смысле этого слова, – к образам скорее элегантных, завораживающих, чем слюнявых и грубых существ. Могут ли эти женщины быть прямыми потомками тех, кто известны нам под именами сильфид, нимф и других женских существ, населявших луга и леса? Возможно, у них развивается архетипическая склонность, требующая удовлетворения, которая направляется к ЛаВею, ибо он располагал некими сатиropодобными качествами. Не имело значения, был он Верховным Священником или нет, – привлекательность оставалась такой же. Мэрилин Монро была заморожена темной стороной, – когда она была молодой, ей снились сны о Дьяволе, – и она потянулась

к Антону задолго до того, как он организовал Церковь Сатаны. Джейн и Диана тоже имели похожие компульсивные склонности. «Приходится удивляться тому, насколько атавистичны эти реакции».

Сэм Броди пытался мешать отношениям Джейн с Лавеем и с Церковью. Джейн приходилось прибегать к уловкам, чтобы избавиться от него. Казалось, что Джейн не может поехать вовсе никуда ни по какому поводу, чтобы Броди не тащился за ней. Однажды, отчаянно желая встретиться с Лавеем, Джейн купила билет на самолет в Сиэтл, зная, что Броди тут же купит билет на тот же самый рейс, и дождалась последней минуты перед посадкой. Она позволила ему следовать за собой. Когда они остановились в маленьком портлендском аэропорте, Джейн вышла из самолета, чтобы размяться. Когда же диктор пригласил пассажиров обратно на рейс до Сиэтла, Джейн хладнокровно пронаблюдала, как самолет вырывается на взлетную полосу, а затем пошла в кассу и купила билет до Сан-Франциско.

Когда Броди был занят в суде, Джейн ездила в Сан-Франциско так часто, как только могла. Когда она приезжала, она немедленно требовала внимания Антона. Если оказывалось, что он читает лекцию или говорит по телефону, она настаивала на том, чтобы он вышел наружу и встретил ее у поджидающего лимузина. Казалось, она ждет от Лавея, что он будет сопровождать ее в ее любимые рестораны Сан-Франциско – «Эрниз», «Трейдер Викз», «Синий Лис»... «Джейн могла быть требовательной женщиной, – вспоминает Лавей. – Иногда это выглядело так, как будто я ее персональный колдун по вызову.

Бывало, Джейн звонила из аэропорта, когда сходила с самолета. Если я не мог подобрать ее – был занят или просто не успевал, – она звонила миссис Хэлси⁴³,

⁴³ Близкая подруга Джейн, Люсия, жена адмирала «Булла» («Быка») Хэлси. *Примеч. авт.*

чтобы она послала свой “бентли” из города, или звонила на местную телевизионную или радиостанцию, – они всегда были рады получить от нее хоть что-то. Они без промедления высылали за ней шофера, и она заставляла его ехать прямо ко мне домой. Они ждали в своем “шевроле” за углом, а меня вызывали с семинара, который я вел иногда для 40–60 человек, набившихся в комнату, чтобы послушать какую-нибудь мою лекцию. Я ненадолго оставлял слушателей, спешил вниз к ней, быстро говорил, чтобы она подождала меня, затем возвращался к ожидавшим меня людям. После этого я стремился завершить лекцию как можно быстрее. Если я этого не делал, Джейн начинала играть внизу на машинах для пинболла, запускала музыку в музыкальных автоматах или начинала колотить по потолку, чтобы привлечь мое внимание. Я не говорю, что стал бы делать такие вещи для кого-нибудь еще. Но “кто-нибудь еще” не был Джейн Мэнсфилд».

Хотя Джейн никогда не посещала публичные ритуалы Церкви Сатаны, Антон организовывал для нее личные церемонии. «Джейн не хотела участвовать в ритуалах с целой группой людей, ей не нравились семинары и вечеринки, – вся идея для нее заключалась в том, чтобы держаться подальше от толпы. Поэтому она не проскальзывала тихо в комнату с заднего хода, когда я вел свои семинары. Она хотела, чтобы я принадлежал только ей одной». «Она не терпела, чтобы в комнате находилась какая-нибудь еще женщина, – вспоминает Карла Лавей, – даже четырнадцатилетняя девочка». «Но вокруг всегда были люди, – продолжает Лавей, – они должны были там быть. Диана, Виктор Хьюстон, люди, сопровождавшие Джейн... Поэтому ей приходилось придумывать предлог, чтобы провести ритуал, или выйти со мной пообедать, или если она хотела мне что-нибудь показать. Но даже в ритуальном зале я боялся, что за

нами могут наблюдать, или что кто-нибудь может прийти за мной, если я понадоблюсь. Джейн было наплевать. Она была настоящей эксгибиционисткой. Иногда казалось, что чем больше будет зрителей, тем больше ей это понравится. Ей нравилось заниматься сексом там, где люди могли нас увидеть, могли наткнуться на нас или где мы могли бы их шокировать».

Однажды, когда ЛаВей был гостем Джейн на светской вечеринке, проводившейся в пентхаусе миссис Хэлси на Русском холме, Джейн завлекла его в хозяйскую спальню, где многие гости оставили свои пальто. Одна из стен полностью состояла из окна от пола до потолка. Вид был потрясающий. Джейн захотела, чтобы Антон лег с ней на шезлонге перед окном. Ну и естественно, по мере того как Джейн потягивалась и перемещалась, одно вело за собой другое. Она подстигивала Антона, говоря: «Ты что же, не хочешь их немного встряхнуть? Это пошло бы им на пользу. Ну что же ты за дьявол? Разве ты не хочешь немного поразвлечься?»

С течением времени Джейн требовала все больше и больше внимания и времени Антона. Она устала от того, что ее таскают за собой рекламные агенты и льстивые поклонники. Ей хотелось видеть более интересные места. «Куда ты ходишь по вечерам, Анто-о-он? Я не хочу просто слушать об этих местах, я хочу ходить туда, куда ходишь ты». Джейн решила, что хочет сопровождать Антона в его ночных экспедициях, исследовать места, населенные призраками, таинственные пропажи, кладбища и странные свечения, – пытаюсь получить те же экстрасенсорные впечатления от мест, как и он. Антон открыл перед ней ворота в свой черный мир. Он показывал ей места убийств и тайн, объясняя свои теории дьявольских углов и невидимых влияний. Они ездили в заброшенные дома на холмах за Бельмонтом в Калифорнии, где катастрофы преследовали несколько

живших там поколений. Антон возил Джейн в Нат Хилл в Беркли, где, по рассказам, в греческом храме жили некогда Исидора Дункан и ее сестра. Они исследовали заброшенные кирпичные строения рядом с тюрьмой Сан-Квентин, – место, где произошло несколько нераскрытых убийств. Джейн была очень рада, что Антон делится с ней этими местами.

«Интересно, что когда я находился с Джейн в аэропортах, ресторанах, отелях, вокруг постоянно толпились люди и вспыхивали вспышки фотоаппаратов. Но когда мы выходили с ней поздно ночью и останавливались в какой-нибудь забегаловке, чтобы позавтракать, люди, конечно, смотрели и даже пялились, но, похоже, в общем, не знали, кто мы такие. Мы были вне контекста. Это давало прекрасную возможность наслаждаться анонимностью».

Когда Броди осознал полную преданность Джейн Антону, он пришел в отчаяние. Он угрожал ее шантажировать, утверждал, что выпустит в свет фотографии, подтверждающие сексуальные связи Джейн. Она просто дымилась от возмущения, рассказывая Антону, как Броди напичкал ее наркотиками до невменяемости, подложил ей в постель торговца наркотой, а потом привел в комнату фотографа, который и сделал инкриминирующие фотографии, которыми Броди стал угрожать ей. «Броди вел себя как многие другие парни, которые попадают в нездоровую зависимость от секс-символов, – говорит ЛаВей. – Тайно они получают кайф от того факта, что женщина занимается сексом с другими партнерами, но они хотят, чтобы это происходило на их условиях, по контролируемому сценарию. Для такого рода людей нет ничего необычного в том, что они сами находят любовников для женщины. В конце концов их эмоции переполняют их, страсть ведет к гневу, и ситуация полностью выходит из-под контроля».

Джейн никак не отреагировала на угрозы Броди, и он решил сконцентрироваться на том, чтобы организовать неприятности ЛаВею. Однажды, когда Броди поехал вместе с Джейн в Сан-Франциско, он прочесал улицу Бродвей на Северном пляже в поисках каких-то крутых темных типов и предложил им поехать на вечеринку, которая якобы должна состояться в доме Антона. Ему показалось, что это лучший способ запугать ЛаВею. Броди пообещал им, что будет много еды, выпивки и наркотиков, а в качестве особенного бонуса он обещал им возможность встретиться с сексуальной богиней Америки, Джейн Мэнсфилд. Желających оказалось много. Броди появился у дверей Антона с двумя машинами, набитыми людьми, подобранными на самых значных улицах города. Броди оттолкнул привратника и провел своих «гостей» в гостиную, где они расселись в креслах и стали дожидаться начала вечеринки. Потом он быстро выскользнул из дому и стал следить за происходящим из машины с противоположной стороны улицы.

Антон вызвали из глубин дома, и он попытался объяснить, что никакой вечеринки не планируется и что молодые люди могут со спокойной совестью отправляться по домам. Но они были решительно настроены на то, чтобы встретить Джейн Мэнсфилд. Джейн и Диана укрылись на кухне в задней части дома. Джейн уже почти билась в истерике. После повторной просьбы освободить помещение Антон понял, что такт и вежливость не помогут. Он перешел к угрозам, но крутые парни все никак не уходили. Используя последнее средство, Диана позвонила в полицию. Буквально через несколько минут несколько радиофицированных машин полиции с визгом затормозили перед Черным домом. Времена были такие, что они явились вооруженными всем необходимым для подавления бунтов. Однако незваные гости стали вести себя так оскорбительно, что

Антон уже готовился привести в гостиную Тогаре и проверить, не сможет ли настоящий лев заставить « гостей » покинуть дом.

Антон знал многих сотрудников полицейского управления Сан-Франциско по именам и был с ними на ты, проработав с ними с самой середины 1950-х годов. По мере того как деятельность, связанная с Черным домом, стала привлекать международное внимание, полицейские стали регулярно объезжать территорию, были знакомы с жилищем ЛаВея и всегда были готовы защитить и самого ЛаВея, и его организацию. Однако даже вид представителей власти не разубедил вторгшихся парней. Они твердо стояли на том, что их должна развлекать Джейн Мэнсфилд. Только угроза тюрьмы сдвинула их с места. Они неохотно столпились в коридоре и забрались в свои машины. Как и следовало ожидать, один из их автомобилей не захотел заводиться, и его пришлось толкать руками где-то милью, пока парни не покинули территорию в сопровождении полицейских. После этого полицейские вернулись в дом для более неофициального визита и общения с самой Джейн. К тому моменту как инцидент оказался исчерпан, Броди уже давно сбежал.

Когда Джейн не давали встречаться с ЛаВеем лично, она по три-четыре раза в день звонила ему из Беверли-Хиллз или оттуда, где она в тот момент находилась, готовая вести интимные разговоры и уверяя его в своей вечной любви. « Джейн могла позвонить в любое время дня и ночи и попросить меня к телефону. Если я был с учеником, она ожидала, что я брошу все и пойду к телефону. Если я спал, она просила, чтобы меня разбудили. Если телефон был занят, она просила оператора на линии разъединить мой разговор, уверяя его, что она звонит по крайней необходимости ». « Я люблю тебя, – клялась Джейн, – и это не магия, это личное чув-

ство». Вечный Броди слушал из соседней комнаты, затем врвался, хватал трубку и швырял ее на телефонный аппарат. Терпение ЛаВея в отношении Броди в конце концов кончилось.

Холодной ночью в январе 1967 года Джейн заперлась в своей ванной комнате и, скрючившись возле своей знаменитой ванны в форме сердечка, в отчаянии позвонила ЛаВею. «Пожалуйста, помоги мне, Антон, помоги», – кричала Джейн. ЛаВей слышал, что где-то на заднем плане кричит Броди. «Я больше не могу это выносить! Пожалуйста, помоги мне избавиться от него, Антон!» – умоляла Джейн. В конце концов Броди выломал дверь, схватил телефонную трубку и заорал на ЛаВея: «Она больше никогда не будет тебе звонить! Ты слышишь это? Я не желаю больше слышать, что она разговаривает с тобой. Ты шарлатан, и я могу устроить тебе кучу неприятностей. Я выведу тебя на чистую воду...»

ЛаВей взорвался: «Так, минуточку. Я не обязан все это выслушивать. Я не позволю никому называть себя шарлатаном. То, что вы так себя повели, – очень плохо. Я пытался быть с вами терпимым даже тогда, когда вы заслуживали иного обращения. Но сейчас вы зашли слишком далеко. Моя сила превосходит все, что вы только можете себе вообразить, и сейчас вам предстоит ее почувствовать. В течение года вы умрете. Сэм Броди, я объявляю, что в течение одного года вы умрете!»

Позже той же самой ночью ЛаВей провел частный деструктивный ритуал против Броди, церемониально написав его имя на листке пергамента и предав его огню разрушения. По мере того как имя Броди исчезало в огне, ЛаВей призывал силы демонов ада, повелевая, чтобы Броди подобным же образом был уничтожен в назначенное время. В сердце ЛаВея не было места пощаде, ибо он не видел никаких спасительных качеств

в этом «проныре», как он называл Сэма Броди. Он посягнул на репутацию ЛаВея, сознательно вовлекал его в неприятности и должен был понести ответственность за последствия своих действий. ЛаВей был более чем терпелив и снес слишком много угроз и грубостей Броди. Простое ненаправленное проклятие на этот раз не спасло бы ситуацию. ЛаВей мог удовлетвориться только смертью Броди.

Как только на Броди было наложено проклятие, ЛаВей позвонил Джейн, чтобы предупредить ее. Она сказала Броди, чтобы тот извинился перед ЛаВеем. Три дня спустя после инцидента Броди позвонил Антону, чтобы попросить прощения. ЛаВей сказал Джейн, что, к сожалению, колеса проклятия против Броди уже приведены в действие, и даже если бы он захотел, он уже не сможет остановить свое проклятие.

«Джейн, я должен сказать тебе прямо, – заявил ЛаВей, – пока ты находишься рядом с Броди, ты путешествуешь под темной тучей. С тобой все будет происходить не так. Уходи от него, пока не стало слишком поздно». Когда Джейн вернулась в Сан-Франциско, она привезла с собой Броди, чтобы упаковать вещи. Хотя казалось, что Броди раскаивается, он все равно стал выпендриваться, гоняя в пределах города со скоростью 80 миль в час, пытаясь контролировать каждое движение Джейн.

В феврале 1967 года Джейн направилась в турне, чтобы развлекать войска во Вьетнаме. Перед отъездом она хотела увидеть Антона, но ввиду того, что не могла избавиться от Броди на достаточно долгое время, она оставила ЛаВею большую открытку, когда пересаживалась с самолета на самолет в международном аэропорте Сан-Франциско. В открытке размером почти в 90 сантиметров в длину, на которой был изображен широкоглазый красный дьявол, держащий вилы, говорилось:

«Моему другу-сатанисту, стоящему Высоко в Глазах ортодоксальной религии: мой поиск истины может быть удовлетворен моим Верховным Священником». А на обороте большого конверта она написала: «Пункт назначения – Элизиум!»

Джейн звонила из всех уголков земли и подзывала к телефону всех знаменитостей, которым она рассказывала об Антоне ЛаВее, чтобы ЛаВей поведал им о преимуществах сатанизма. «Она была полна рвения, как минимум», – смеется ЛаВей. Лорд-мэр Белфаста, оригинальная «гламурная девушка» Бренда Фрезьер, вождь какого-то индейского племени, какие-то сенаторы и заседатели, – их было слишком много, чтобы ЛаВей мог их запомнить.

«Они звонили прямо от своих ресторанных столиков, закончив обед. Прежде чем они подходили к телефону, она их хорошенько готовила: “Этот парень здесь очень влиятелен, Анто-оон, – он большая шишка. Он может сделать вам массу полезного. Я ему все о вас рассказала... ну вот, теперь разговаривайте”. И я начинал спонтанно читать лекции о сатанизме и о том, чем я занимаюсь. Когда она звонила из Мексики, Европы, Японии или Вьетнама, некоторые собеседники едва говорили по-английски, поэтому мне приходилось говорить с ними на ломаном английском, чтобы меня поняли».

В европейском турне Джейн столкнулась с дальнейшими неприятностями. Ее выступления в ночных клубах Англии прошли очень хорошо, и она должна была ехать дальше. Но когда 82-летний епископ Трали, преподобный отец Дэнис Мойнихан прочел в газетах о том, что Джейн – практикующая сатанистка, он повелел своим прихожанам бойкотировать выступления Джейн. А затем и ирландское правительство отменило ее турне. Джейн, однако, не поколебалась в своей преданности сатанизму. Для Джейн это была единственная

философия, которая принимала ее такой, какая она есть. Она все равно была исполнена энтузиазма в отношении своего Верховного Священника. И конечно, Сэм Броди сходил с ума по этому поводу.

В начале того месяца, когда Джейн Мэнсфилд погибла, фотограф Уолтер Фишер попросил Антона позировать вместе с Джейн для какой-то публикации в Германии. Фишер, хотя и жил в Голливуде, делал фотографии в первую очередь для распространения в Европе. Его фото Антона, возлагающего цветы на могилу Мэрилин Монро, было опубликовано на видном месте во втором номере июньского *Berlin Bild Zeitung*. Антон был доволен тем, какую реакцию вызывала Церковь в Германии в результате работы Фишера, поэтому он с готовностью согласился позировать для него. Джейн обрадовалась возможности сфотографироваться с Антоном и пригласила ЛаВею остановиться у нее в «Розовом дворце».

Фишер сделал снимки Джейн и Антона возле бассейна в форме сердечка, играющими с оцелотом и двумя чихуахуа – Момсикл и Попсикл (позже погибшими вместе с Джейн во время аварии), занимающимися в спортивном зале в Харгитае и взбирающимися на скалы с детьми Джейн и их собаками. (Эти фотографии пропали после смерти Джейн и были вырезаны из новостных подшивок во всем мире.) После того как фотосессия закончилась, ЛаВей стал развлекать детей рассказами о вампирах, привидениях и магии. Джейн-Мэри, старшая дочь Джейн, немедленно полюбила ЛаВею, который совершенно очаровал ее, продемонстрировав свой профессионализм пианиста. Она направила все свое внимание на Антона, полностью игнорируя Броди. Тот покраснел от ревности и унижения и, по мере того как вечер близился к завершению, лучше не становилось. Когда Броди обнаружил, что Джейн-Мэри

попросила Антона остаться погостить подольше, он ударил девочку по лицу.

Следующим вечером ЛаВей, Джейн, Броди и Фишер обедали вместе в ресторане «Ла-Скала» в Беверли-Хиллз. После ужина Броди настоял на том, чтобы Антон уехал назад вместе с Уолтером Фишером и оставил Броди одного с Джейн. Ведя назад свою роскошную новую «мазерати» к «Розовому дворцу», Броди врезался в фонарный столб. У него треснуло ребро. Джейн, к счастью, осталась цела.

Вскоре ЛаВей вернулся в Сан-Франциско. Незадолго перед этим Джейн-Мэри пришла в полицейский участок западного Лос-Анджелеса, покрытая синяками, и заявила, что была избита Броди и своей матерью. Она настаивала на том, что для нее небезопасно возвращаться домой и попросила суд оставить ее под защитой полиции.

Менее чем неделю спустя Броди ехал один и попал еще в одну аварию, на этот раз в более серьезную. Его «мерседес-бенц» был почти полностью разбит, а сам Броди сломал ногу. На следующую ночь он находился в гипсе, когда Джейн появилась в ресторане Гаса Стивенса в Саппер-клубе в Билокси.

«Последний раз я разговаривал с Джейн за день до ее смерти. Она позвонила и сказала, что имела большой успех в заведении Гаса Стивенса, собралось огромное количество публики, они предложили ей выступить еще, это будет последнее шоу, а затем они отправятся в Новый Орлеан, и она позвонит мне оттуда. Разумеется, она сказала, что хочет быть со мной и предпочла бы не ехать в Новый Орлеан.

Джейн нравилось звонить мне каждый день, чтобы получить от меня «напутствие», благословение на грядущий день. Это было важно для нее. По каким-то причинам она не позвонила мне в день своего последнего

выступления. Я был удивлен этим, хотя не особенно встревожился – я решил, что она, должно быть, уже уехала или еще что-то в этом роде. Если она не звонила, значит, была в дороге. Когда в ту ночь раздался звонок этого репортера Associated Press из Нового Орлеана, я подумал, что звонит Джейн».

Броди не мог вести машину, и поэтому Ронни Харрисон вызвался отвезти их в Новый Орлеан в ночь на 29 июня, ночь гибели Джейн. Исполнилось безжалостное проклятие ЛаВея, стоившее ему близкого преданного друга и любовницы.

«Я не сомневаюсь, что они погибли потому, что Броди подгонял водителя ехать быстрее. Я готов поставить на это. Возможно, этого парня уговаривали ехать быстрее, – пока не врезались в этот грузовик. Джейн никогда не жаловалась, что я еду недостаточно быстро, когда мы ездили вдвоем. Молчаливая улика говорит сама за себя – Джейн никогда не разбивала машин. А с Броди такое бывало. Джейн осталась бы в живых, если бы в ту ночь в машине не было Броди».

В ночь на пятницу после ее смерти ЛаВей отслужил в Церкви Сатаны частную службу по Джейн Мэнсфилд (памятник ей был установлен на Восточном побережье). Перед началом ритуала ЛаВей встал перед своей паствой и начал рассказывать о Джейн. Все вздрогнули, когда приглушенные огни в черном зале внезапно ярко вспыхнули. Инженер-электроник, работавший ассистентом ЛаВея на той службе, был удивлен еще больше: позже он объяснял, что такие ненормальные вспышки должны были вывести из строя чувствительную технику. Но лампы не перегорели. Они вспыхнули пять раз за короткий двухминутный период. Диана клялась, что одна из ламп пульсировала в ритме биения сердца.

Глава 9. Адвокат Дьявола

Мне показалось, что в тот момент многочисленные маски Антона ЛаВея исчезли. Безумный ученый, ярмарочный зазывала, интеллектуальный посредник. Все это растаяло, а затем снова обрело форму, просачиваясь сквозь зыбучие пески грядущего. А затем он повернул ко мне голову, – это был самый ужасающий опыт в моей жизни, но я не задрожал. Пока я разглядывал его ловкие руки, неуловимые очертания лица, одновременно чарующие и устрашающие настолько, насколько это можно себе вообразить. Лицо антихриста.

Дик Рассел. Антон ЛаВей: Сатанист, желающий править миром (Argosy, 1975)

В разгар Вудстока, протестов против войны во Вьетнаме, драных джинсов и проповедников ЛСД, «перевернувших» мир, ЛаВей стал особенно активно ратовать за сатанизм. Возможно, современный сатанизм никогда бы не поднял свою рогатую голову, если бы не разочарование ЛаВея в этих босоногих с тошнотворной кличкой «детях любви». «Я считаю 60-е и 70-е бесплодной,

эстетически деструктивной эпохой. Америка, особенно Сан-Франциско, была трясинной невежества, глупости и пресловутого равноправия. Я создал свой собственный мир – Церковь Сатаны. Только так я мог выжить. Это стало настоящим ударом для мейнстрима того времени. Без нас не возникло бы никакой контркультуры. Все, что делали эти Кены Кизи и Тимоти Лири, было лишь приложением к полной бесполезности».

В эту эпоху ЛаВей должен был найти благодарную публику. «В магии, – говорит Антон, – если правильно выбрать время, можно сказать одно-единственное слово, и оно сотворит то, что тебе нужно». Так было с первой книгой ЛаВея «Сатанинская Библия». «Я никогда не намеревался становиться писателем. Я написал “Сатанинскую Библию” из чувства досады. Я годами искал серьезную, не напичканную дерьмом книгу по практической черной магии, без всяких защитных пентаграмм и взывания к имени Иисуса. Я не находил ничего похожего на то, что было в моей голове. Поэтому я сам написал такую книгу». Большая часть книги уже ходила по рукам среди членов Церкви Сатаны в виде вводных лекций по сатанизму. Верные члены организации со связями в издательском деле почувствовали, что у ЛаВея есть потенциал привлечь широкую аудиторию, и редакторы, с которыми они общались, были в восторге от книги. «Это была удача, – соглашается Антон. – Редактор, с которым я работал в Avon Books, очень поддерживал меня, он практически ничего не исправлял в книге, за исключением грамматических ошибок, он не касался содержания. Возможно, сейчас ее не удалось бы опубликовать. Но это спорный момент, потому что не было более благоприятной религиозной ситуации, чем во время первой публикации “Сатанинской Библии”». Книга постоянно допечатывалась 21 год подряд. Она вошла в списки рекомендуемой литературы для чте-

ния на занятиях по социологии в престижных колледжах. Специалисты начали включать ее в образовательные программы с начала 1970-х годов.

В первую очередь и главным образом музыкант, ЛаВей писал ритмично, завершено, используя музыкальный темп, выбирая некоторые фразы скорее за их звучание, чем стремясь к точности смысла. На него повлияли такие писатели, как Бен Хект, Г. Л. Менкин, Горацио Элдджер и главным образом Натаниэль Уэст. А также печально знаменитый губернатор Луизианы Хью Лонг, «который больше всего походил на честного политика, которого когда-либо избирали». Стиль ЛаВея твердый и последовательный; он информативен, приправлен достаточно грубым юмором, чтобы избежать высокопарного звучания. Близкие к ЛаВею люди язвили, что он должен выпустить справочник сатанинских «притч» – шуток, которые он использовал в качестве иллюстрации своей циничной философии. Окружавшие его в разное время люди записывали их, зачастую уже после того, как сама шутка была забыта. «Тот, кто не обладает чувством юмора, – говорит ЛаВей, – слишком претенциозен, чтобы стать хорошим магом».

После создания «Сатанинской Библии» ЛаВей продолжил свой сатанинский триптих книгой «Совершенная ведьма, или Что делать, когда добродетель терпит поражение», которая была сильно отредактирована Dodd & Mead перед публикацией в 1970 году (затем она переиздавалась под названием «Сатанинская ведьма»). Завершили трилогию в 1972 году «Сатанинские ритуалы» – опубликованные Avon как дополнение к первой книге ЛаВея, – всеобъемлющая коллекция лучших аутентичных ритуалов черной магии.

После создания Церкви Сатаны и систематизации учения о печати Греха в трех книгах ЛаВей принял участие в туре по стране, выступая в ток-шоу, на радио и

давая интервью местной прессе. Статьи постоянно появлялись в газетах по всему миру, потому что редакторы отправляли репортеров выяснить, почему же все судачат о колдуне из Сан-Франциско. О ЛаВее писали главные журналы США, такие как *Cosmopolitan*, *Time*, *Newsweek*, *Seventeen*, а 24 августа 1971 года он попал на обложку *Look*. После нескольких документальных фильмов, установки восковой фигуры ЛаВея в музеях мадам Тюссо в разных странах, выпуска уникального альбома с записью Черной мессы, продолжительного ведения колонки «Письма к дьяволу» в *The National Insider* и, наконец, исполнения ритуала в прямом эфире юбилейного ток-шоу Джонни Карсона ЛаВей превратился из местного сан-францисского персонажа в международную знаменитость.

Реакция на то, о чем говорил Экзарх Ада, колебалась от решительной вражды до безоговорочной поддержки. Среди первых статей, написанных о новом Верховном жреце Сатаны был материал колонки Шаны Александер «Женский взгляд» в *Life* в феврале 1967 года. Статья, озаглавленная «Свист – это серьезно», открывалась описанием позывных, которые можно часто слышать, когда лениво слушаешь утренние новости: «Этот свист служит сигналом, что случилось что-то забавное, странное или даже чрезвычайное, хотя никто пока еще в этом не уверен». Александер продолжает удивительно интригующую статью о ЛаВее и его деятельности в ту пору, описывая, как она говорит: «раздражающее столкновение между экзотикой и банальностью».

За исключением «Ребенка Розмари», фильма, о котором ЛаВей говорил, что «он сделал для Церкви Сатаны то же самое, что “Рождение нации” для Ку-клукс-клана, вместе с вербовочными плакатами», о ЛаВее и с его участием было сделано еще несколько фильмов. «Шоу

Братца Базза», образовательный документальный сериал для детей, рассказывающий о необычных людях и животных, снял эпизод о ЛаВее и его льве Тогаре еще до того, как ЛаВей создал Церковь Сатаны. Этот очаровательный очерк, в котором текст читался от лица Тогаре (Пэт Маккормак), который описывает ЛаВея (еще не состригшего свои волосы) как гипнотизера и психолога-исследователя и показывает нам типичный день из жизни человека и его льва. Были отсняты чудесные кадры внутри Черного дома, Диана, Карла и ковыляющая Зина.

Ввиду своего невинного энтузиазма, снятый с целью пробудить удивление в детях, эпизод стал одним из лучших портретов ЛаВея на сегодняшний день.

«Сатанис» – очень подробный полнометражный документальный фильм о Церкви Сатаны был выпущен в прокат в начале 1970 года. Он часто шел вместе с другим фильмом, в котором появляется ЛаВей, – «Закливание моего демонического брата». Рекламный ролик «Сатанис» представлял собой хмурое лицо ЛаВея, обещавшего кровавые, сексуально возбуждающие ритуалы. В соответствии с честным стилем Уильяма Кастрла предостережения были сделаны в самой серьезной манере: «“Сатанис” – самый откровенный и, возможно, самый шокирующий фильм нашего времени. И это определенно фильм не для всех. Если вы предпочтете не смотреть его, мы это поймем». К сожалению, документальные фильмы, снятые зарубежными режиссерами (немцем Флорианом Фюртванглером и французом Виктором Вика) о церкви ЛаВея никогда не показывались в Америке. Различные версии «Angeli Bianca, Angeli Nera» были показаны по всему миру, американская версия вышла под названием «Черная магия-70». Фрагмент о ЛаВее и Церкви Сатаны – один из немногих, попавших во все версии фильма. «Сатанис» Рея Лорана был

доступен на видео и часто использовался телепродюсерами в качестве иллюстрации зла, исходящего от сатанизма, в различных телешоу.

В конце 1970 года Антон ЛаВей рекламирует только что изданную «Совершенную ведьму» в шоу Фила Донахью и других шоу по всей стране, появляясь на многих мероприятиях вместе с Артуром Лайонсом, автором книги «Второе пришествие: Сатанизм в Америке». Лайонс, автор крутых детективов, пространно описывает ЛаВея во «Втором пришествии»:

Антон Шандор ЛаВей, вопреки его обвинителям, – искренний и преданный человек. Он мобилизован на достижение цели: извлекать и контролировать силу существующих социальных связей. «Я отчетливо вижу день, – спокойно сказал мне он, когда мы беседовали однажды у него дома, – когда трезубцы и пентаграммы устремятся в небо с крыш церквей вместо крестов. У меня есть полномочия свершить это, и это свершится». Возможно, так и будет, при условии, что группа не утратит своих настоящих целей и методов.

«Второе пришествие» стало авторитетным трудом по сатанизму до тех пор, пока Лайонс не написал в 1988 году другую книгу – «Сатана хочет тебя», – вносящую коррективы в его первую книгу, предложив свежий материал об Антоне ЛаВее и рассеяв истерические заявления о жертвоприношениях животных и «ритуальных изнасилованиях» детей, в которых всегда обвиняли сатанистов.

Newsweek посвятил деятельности ЛаВея несколько статей. Одна, в номере от 16 августа 1971 года, озаглавленная «Зло – какое?», подняла вопросы о возможных «сатанинских преступлениях», которыми досаждали ЛаВею с начала деятельности его организации. Ответ Антона оставался твердым на протяжении лет: «Сатанизм, – настаивал он, – создает два круга, элитную группу, которой я всегда считал свою Церковь, и придурков,

которые становятся сатанистами от нечего делать». Явное убийство не входит в список требуемых таинств сатанистов, старательные репортеры должны найти что-нибудь еще для привлечения охочих до ужасов читателей. «На самом деле, все это далеко от проповеди сексуальной или политической анархии. ЛаВей так описывает свою цель: создание полицейского государства, из которого слабые будут удалены, а “ориентированное на достижение успеха лидерство” будет освящено тайнами черной магии».

Из-за лавеевских алтарей с обнаженными женщинами (масса фетишистов писали письма, адресованные «рыжеволосому алтарю») многочисленные мужские журналы стремились написать о Церкви Сатаны, чтобы оправдать публикацию обнаженных снимков. Среди множества историй, сопровождаемых иллюстрациями, которые ограничивались изложением старых мифов о дьявольских оргиях и нагих сексапильных служительницах, привязанных к священным алтарям, несколько были написаны Бертоном Вулфом, который в конечном счете в 1974 году написал весьма нужную биографию ЛаВея. Его изображение ЛаВея – четкое и лаконичное. Книга «Дьявольский мститель» вышла очень информативной. Сложившийся писатель, выпустивший к тому моменту уже три книги, Вулф так объясняет свой интерес к ЛаВею:

Одной из причин, по которой меня заинтересовал ЛаВей и я написал о нем, было то, что его деятельность осмысленна. Впервые я услышал его выступление в «Лиге сексуальных свобод» и был потрясен его эрудицией и практичностью. Все прочие оккультисты, с которыми я встречался, о которых я слышал или читал, оказывались мошенниками, дилетантами и безумцами. Только не ЛаВей. Возможно, он первый оккультист... который разработал свои верования и ритуалы рационально и отчасти даже на научной основе.

Бертон Вулф, в 1968 году на короткое время присоединившийся к Церкви Антона, пишет: «ЛаВей еще пребывал на своей шаловливой сцене. Церемонии и вечеринки в его Черном доме были полны веселья и юмора, я наслаждался проделками, точно исполняя роль директора безумного приюта умалишенных в ритуалах безумной логики». Вулф продолжал интересоваться ЛаВеем, сочиняя статьи о нем вплоть до начала 1980-х годов, хотя он вышел из Церкви Сатаны, потому что почувствовал, что вовлекается в «жесткую, мстительную тайную организацию фашистского типа», Вулф написал пространное предисловие к «Сатанинской Библии», которое до выхода в свет «Дьявольского мстителя» было единственной печатной биографией ЛаВея.

«Когда-то давно кто-то сделал мне самый большой комплимент, – вспоминает ЛаВей, – сказав обо мне: “Он перестал быть забавным”. Это случилось, когда я понял, что чего-то добился. Церкви на тот момент было два или три года, и я осознал, что люди начинают относиться к нам как к чему-то большему, чем просто шутке и игре».

Статус общепризнанного дьявола мог открыть нужные двери. ЛаВей устанавливает близкие дружеские отношения с Дэвидом Плейделл-Бувери, наследником военного производства и «крестником» сэра Бэзила Захароффа. Бувери был легендарным *бонвиваном* по праву положения и состояния и пользовался дурной славой. Через него ЛаВей познакомился с леди Сильвией Эшли, вдовой Кларка Гейбла, которую Антон описывает как благовоспитанную, приятную даму с «куриной грудкой», прямо как мать Элвуда Дауда в «Харви». Кроме того, ЛаВей познакомился с матерью Эбигейл Фолджер. Эбигейл была первым ребенком, родившимся под гипнозом. Поскольку Зина родилась при сходных обстоятельствах, у Дианы и миссис Фолджер было

достаточно общего, чтобы завязать дружбу. Алан Уоттс как-то раз отправился на охоту с ЛаВеєм; Антон считал его довольно рассеянным, но «вполне приятным парнем. В нем была какая-то неопределенность, как в Лири, с которым я познакомился на шоу Фила Донахью, когда он еще вещал из Кливленда. С Лири была его дочь, которая уже неплохо говорила. Как говаривал доктор Никсон, он был простой душой».

Анклав Бувери со своей стороны устроил ЛаВею встречу с Джозефом Коттенем и его женой Пэт Медина, которая однажды помогала ЛаВею затолкать упрямого Тогаре в машину, когда здоровенный лев решил, что он не желает покидать поместье. По словам Коттена, ЛаВей «в первую очередь циркач, настоящий артист, со зловещим восприятием мира и человеческой природы. Его роль не случайность и не одно только актерство».

Как и следовало ожидать, ЛаВей обнаружил, что теперь он может общаться со сливками общества и, без сомнения, эти люди могли оказать мощную поддержку. «Одной поддержки недостаточно, – признается ЛаВей, – главное – это понимание. И ты не можешь добиться этого без хотя бы толики сознания. Я не ценю, когда меня поддерживают по ошибке или какой-то дурацкой причине, без уважения к основным мотивам, – это практически бесполезно. Мне не нужны тела, чтобы заполнить церковные скамьи, пополнить ряды членов или получить пожертвования. В большинстве случаев из меня высасывают витальную энергию, а не я из них.

Мне хотелось бы думать, что президенты и мировые лидеры должны быть признательны тому, кто на самом деле понимает их роль – давление, избиратели, которых они должны устраивать... Это требует сатанинской пронизательности или сообразительности. Даже если лидер всегда хорошо понимает тех, кто его

поддерживает, предан или симпатизирует ему, эти люди могут иметь очень низкий уровень понимания и сопереживания. Когда лидер опускается до их уровня, у меня появляется интуитивное чувство, что я лучше понимаю Папу, чем кого-то вроде Джона Кеннеди, например. Я не чувствую, что я мог бы установить с ним контакт. Когда все идет верно, то можно обойтись без обсуждения того, что мы обладаем сходными пристрастиями или антипатиями в области музыки, кино, литературы, путешествий, – мы можем говорить практически односложно. С Кеннеди для меня такое невозможно. Я могу симпатизировать бремени его позиции, но не человеку как таковому. Так часто бывает».

В середине 1970-х годов ЛаВей проводил много времени в Лос-Анджелесе, где жил в «Розовом дворце» Джейн Мэнсфилд на Сансет-бульваре, 10100, который после смерти Джейн купил другой член Церкви Сатаны. Сотрудничество Антона с киноиндустрией с годами становилось все более тесным, в его окружение стало входить все больше актрис, актеров, сценаристов, режиссеров и продюсеров. Кинозвезды обнаружили, как легко им приобщиться к ЛаВею и его философии: актеры всегда более склонны к эксперименту, чем обычные люди. ЛаВей нашел очень дружественную атмосферу откровенного восхищения, которую создавали люди, отдававшие дань драматическим театральным эффектам, использовавшимся ЛаВеем. Голливудская элита могла симпатизировать ЛаВею потому, что его обвиняли в позерстве, хотя на самом деле он был просто честен с собственным «я». ЛаВей же в свою очередь обнаружил, что его подпитывает энергия близкого знакомства и дружбы с Голливудом.

Двое голливудских друзей ЛаВея – режиссер Мило Франк и его жена, актриса Салли Форрест, владели домом, который был печально знаменит тем, что в нем жил

во время мэнсоновских убийств Джей Себринг. Они познакомились с ЛаВеєм, намереваясь поменять этот дом на его резиденцию, чтобы использовать знаменитый теперь викторианский особняк ЛаВея в Сан-Франциско для съемок. Как раз в это время, на фоне нескольких смертей в окружении ЛаВея, он попал под пристальное внимание и чувствовал, что продолжать отношения с репортерами ради еще большей популярности было бы неразумно. Позже ЛаВей сожалел, что не воспользовался этим предложением. Кажется, этот дом в Голливуде тоже нес на себе какое-то проклятье, в нем были потайные ходы и его история могла соперничать с дурной славой викторианского особняка, принадлежащего ЛаВею. Впрочем, и другие дома в Голливуде были открыты для него как в те времена, так и до сих пор. ЛаВей укрепил свою резиденцию в Сан-Франциско и разъезжал по побережью иногда по два-три раза в неделю. Карла и Зина в основном оставались в Сан-Франциско под присмотром кого-нибудь из членов организации. Карла лет с двадцати пошла по стопам отца: она читала лекции по сатанизму и получила степень по криминологии.

Положение представителя Дьявола на земле открывало ЛаВею не только двери в дома знаменитостей, но также их умы и сердца. Ему становились известны секреты, те секреты, которые, не боясь быть отвергнутым или осужденным, человек может поведать только Дьяволу. Мнение о том, что хранитель Врат Ада, воплощение зла, должен нести бремя человеческой злобы, скрытое от других смертных, – всегда было частью мифов. ЛаВей не отказывался и от этой стороны своей роли. К тому же, верный своему неписаному кодексу преисподней, он не склонен был раскрывать то, что он полагал должным оставить тайной. «Я не могу высунуть наружу шею и рассказать, что я знаю; я стал бы непопулярен.

Одно время мне хотелось разоблачать мифы. Но настоящий ужас у людей вызывает просвещение. Мифы – не столько пугающи в сравнении с тем, что случается, когда я пытаюсь их развенчивать».

В 1973 году, через год после выхода в свет «Сатанинских ритуалов», издатели решили, что публика обьяелась сатанизмом. Когда агент ЛаВея представил его новую книгу «Записки Дьявола» на ежегодной международной книжной ярмарке во Франкфурте, за рукопись предложили хорошую цену. Но сразу по возвращении в Нью-Йорк редакторы издательства практически забыли о книге ЛаВея. Части из неизданной книги несколько лет публиковались в сатанистском издании *Cloven Hoof*, но большинство издательских домов посчитали ее слишком вызывающей для широкой публики. Один издатель, прочитав главу о ликантропических трансформациях, воскликнул: «Если это будет опубликовано, по улицам потекут реки крови!»

Количество членов Церкви Сатаны постоянно увеличивалось. ЛаВей старался посещать отделения своей Церкви по всему миру, повсюду, где он путешествовал, благословляя их папскими визитами в их пещерах, где его встречали с помпезностью и в неперемных черных одеяниях. «В конце концов это стало довольно стеснительно. Я сходил с трапа самолета, а они уже все были там, столпившись вместе, чтобы приветствовать меня, в черных бархатных одеяниях и капюшонах с гигантскими Бафометами на шеях. Многие из наших рядовых членов имеют ограниченные представления о стиле и декоруме. Я пытался создать культурный, изящный образ, а у них все сводилось к протесту и шокированию публики и еще к тому, что они надевали свои “тайные регалии” даже для того, чтобы сходить в ближайшую забегаловку».

В это же время Антон начал на себе испытывать негативные последствия того, что он стал публичной

фигурой. Его осаждали как противники, так и фаны, которые создавали проблемы уже просто тем, что все время шлялись вокруг. После публикации в *Paris Match* фотографий и описаний Рубена, уродливого деформированного скелета, принадлежащего ЛаВею, доктор, лечивший человека с болезнью Паже до его смерти, обратился в медицинский центр университета Сан-Франциско и потребовал, чтобы ему вернули скелет. Хотя руководство госпиталя колебалось, стоит ли это делать, доктор устроил такую шумиху, что они были вынуждены забрать Рубена у ЛаВея. «Это был настоящий позор. Этот скелет привлек куда больше внимания из-за Церкви Сатаны, чем когда-либо смог бы получить в другом случае. Мы спасли его! Возможно, его бы уничтожили вместе с останками. Даже в музее он был бы всего лишь одним из сотен. А с нами он был чем-то особенным».

ЛаВей уже имел подобный несчастливый опыт с Тогаре, своим нубийским львом. Тогаре был его постоянным спутником на протяжении трех лет и предметом восхищения местной прессы и школ, которые Тогаре часто посещал для пропаганды доброго отношения к диким зверям. Соседи приводили своих детей к странному дому ЛаВея, чтобы те могли поиграть со львом. Но вскоре после основания Церкви Сатаны небольшая группа соседей ЛаВея потребовала, чтобы городские власти избавились от Тогаре. Их жалобы состояли в том, что Тогаре представляет потенциальную опасность для общества и замусоривает задний двор ЛаВея огромными вонючими костями. Они давили на полицию, чтобы арестовали ЛаВея за то, что тот позволяет льву издавать «громкие странные звуки».

В итоге в 1967 году ЛаВеев принудили пожертвовать 500-фунтового Тогаре зоопарку Сан-Франциско. Разлука была мучительной для обоих – и для человека,

и для льва, – и ЛаВей наложил проклятие на виновных. В течение года несколько соседей, наиболее активно высказывавшихся против Тогаре, переехали, умерли или исчезли. Тогаре произвел много детенышей – и в зоопарке, и на ранчо актрисы Типпи Хедрен в Эктоне, где он прожил последние годы своей жизни. В своей книге «Кошки Шамбалы» Хедрен описывает Тогаре как «хорошего, но сурового родителя». Тогаре умер в 1981 году, в Вальпургиеву ночь.

В начале церковной деятельности ЛаВей открыто печатал свой адрес и номер телефона на плакатах, выпускал свернутые фальшивые купюры (чтобы раскидывать на улицах в качестве хитроумного рекламного трюка) и разрешал репортерам публиковать его адрес, если они того хотят. «Я не думаю, что был наивен тогда. Я просто хотел, чтобы Церковь Сатаны была честной, открытой и искренней. Я также мечтал, что смогу работать дома, как большинство моих друзей, писателей и артистов. Я воображал, как замечательно скатиться с кровати, и вот твоя работа уже здесь, ждет тебя, и нет нужды забираться в машину и ехать в офис или куда-то еще. Я не думал, что это неразумно. Но я не понимал, какими ненадежными могут быть люди». Зина и Карла, которые росли, восхищаясь отцом и его организацией, вспоминали, что их единственным страхом был страх перед посторонними людьми, которые угрожали тому, что пытался делать отец, или просто стремившиеся навредить ему. Зина помнит, как она однажды пришла из школы, а у дверей дома стоял какой-то безумец с мясницким ножом в руках. Родители объяснили ей, что в случае подобной опасности нужно проходить мимо, притворившись, что ты здесь не живешь. С тех пор ЛаВей, как и большинство знаменитостей, установил границы своего мира, в которых он мог уединиться так, чтобы его больше не тяготила популярность.

ЛаВей все больше тревожился из-за оскорблений и угроз в адрес его семьи. Он стал даже более осторожным – из-за своего собственного настроения: он опасался убить кого-нибудь из своего 45-го калибра, его постоянного спутника. Вулф рассказывает: «ЛаВей помнил афоризм Дж. Шоу о том, что сверхчеловек должен ступать среди человеческой массы настолько осторожно, точно он находится среди диких зверей, не питая надежд на доброту, понимание или соперничество. Он жил, как дрессировщик львов среди своих зверей, у него была лишь его странная вера – вера в способность черной магии изменять условия в ближайшем окружении, делая бегство ненужным».

Спустя несколько лет ЛаВей стал больше концентрироваться на своих проектах, сокращать административную деятельность и все меньше заботиться об отношениях с обществом и со своей неуклонно растущей паствой. В соответствии с планом ЛаВея настало время «перестать играть в сатанизм и начать практиковать его». Церковь Сатаны ощущала воздействие со стороны внешнего мира, и ЛаВей предпочитал развивать новые направления деятельности среди членов, не тратя энергию на утомительные представления и ритуалы. Период открытой деятельности, которая происходила по преимуществу прямо в особняке ЛаВея, был хотя и краток, но достаточно продолжителен для того, чтобы оказать нужный эффект для развития новой религии. «После этого первоначального скандала, – вспоминает ЛаВей, – больше не было нужды подгонять публику зрелищами и устраивать надругательства над католической мессой. Христианство слабеет с каждым днем. Это все равно что хлестать мертвую лошадь. Оставалось еще достаточно священных коров, на которые можно было нападать, что сохраняло сатанизм живым и процветающим».

Все еженедельные публичные церемонии в Черном доме прекратились в 1972 году. Сатанистская деятельность переместилась во множество сатанистских пещер, организованных по всему миру во главе с Центральной пещерой (так именовался Черный дом ЛаВея), служба отбору, поощрению и направлению потенциально активных членов в Церковь Сатаны.

В 1975 году была произведена реорганизация, и те немногие группы, которые следовали сатанистским идеалам непродуктивно, кто больше интересовался тем, что Антон называл «Первой фазой сатанизма», то есть групповыми ритуалами, ограниченным ниспровержением христианства, были постепенно отсеяны. Пещерная система кое-как направлялась, но больше не управлялась через Центральную пещеру. ЛаВей хотел, чтобы его Церковь Сатаны стала настоящим каббалистическим подпольем, а не выродилась в бесконечный спектакль или клуб друзей по переписке.

Притормозив «клубную» деятельность, ЛаВей стал подчеркивать, что личный статус члена Церкви Сатаны должен отражать его общественный статус. Люди, занимающие высокое положение во «внешнем» мире, должны занимать соответствующие позиции и в организации. С точки зрения ЛаВея, это было точным мериллом того, как они могут применить сатанистские теории, Малую и Великую магию для своей выгоды. Антон также сосредоточил внимание на тех, кто мог содействовать укреплению Церкви и поддерживать ее материально, не тратя время на непродуктивных «психических вампиров», независимо от того, насколько эти члены были посвящены в таинства.

«Всегда должен быть обмен, – говорит ЛаВей. – Я понимал, что многие присоединялись к нам просто потому, что это гарантировало им друзей или потому, что они хотели заслужить славу “прошедших испытание”;

чтобы заслужить положение, почти как ложа "Grand Roobah", члены которой снимают свои одеяния и за пределами своей ложи снова становятся водопроводчиками. Они скорее "привидения", это они получают уважение за то, что являются членами Церкви Сатаны, а не мы – за то, что они являются нашими членами. По мере роста организации групповая деятельность только увеличивает разногласия. Она выкачивает витальную энергию, которую можно лучше использовать где-то еще. Такая система постепенно становится непродуктивной. Представление о том, что они правы, а общество – нет, что лишь немногие могут понять их и что они могут положиться на группу, – со временем перестает работать.

Именно по этой причине я уничтожил "пещерную систему". Я хотел создать форум, а не жестко структурированную группу для полезных чужаков, отбросив неудачников, которым нужно полагаться на группу. После реорганизации я стал более свободен в выборе. Меня больше привлекают те люди (и я готов оказывать им поддержку), кто *использует* свое отчуждение: так, большинство лидеров обычно отличаются чем-то от прочих. Группа поддерживает зависимость от мнений и заблуждений для укрепления своего могущества в большей степени, чем личная практика магии, как это описывает "Сатанинская Библия". Вместо поощрения самодостаточности и искреннего скептицизма, я вижу, что моя группа впадает в слепую веру и нездоровый антропоморфизм. Это не то, что я предполагал, и поэтому сделал шаги к тому, чтобы вернуть Церковь Сатаны обратно на путь». ЛаВей разработал дьявольский способ «очищения дома», который со временем уничтожил большую часть рутинной и административной деятельности, которые, как чувствовал ЛаВей, затмевали истинное предназначение организации.

Изменив приоритеты в созданном им мире, ЛаВей стал более избирателен в своих встречах. Его дом больше не

был открыт для любого пришедшего с улицы, желающего его послушать. Из-за этого, показавшегося внезапным, перерыва в деятельности поползли слухи о конце Церкви Сатаны и смерти ЛаВея.

Разумеется, были те, кто хотел продолжать групповую деятельность. Вместо того чтобы понять, в чем состоит смысл тех изменений, которые осуществил ЛаВей с движением Церкви Сатаны как сферой «культы», где вся деятельность жестко определяется центральной фигурой, некоторые члены Церкви стали считать, что ЛаВей предал их, прекратив собрания единомышленников. Были и такие, кто просто считал, что с Лавеем что-то не так с 1966 года, кто полагал, что может заниматься тем же, чем занимается ЛаВей, и при этом больше преуспеть. Группы отпочковались по всему миру. Антон узнавал об этом из газет. Многие из этих групп заявляли о своем более знаменитом происхождении, чем первоначальная группа ЛаВея, многие были созданы разозленными бывшими членами Церкви Сатаны: Церковь Сатанинского Братства, *Ordo Templi Satanas*, Орден Черного Овна, Храм Сета, Храм Малой Матери, Церковь S. A. T. A. N., Орден Ваала, Сатанинская Церковь, Ортодоксальная Церковь Сатаны и Церковь Сатанинского Освобождения – лишь некоторые своими названиями указывали на ЛаВея. Большинство из них находились на уровне «Детей пустыни», комического дуэта Лорела и Харди, и не продержались вместе и нескольких лет. Распри и ревность были их постоянными проблемами. Некоторые отпускали унижительные замечания, которые ЛаВей пропускал мимо ушей как «нелепо самодовольные», а некоторые пошли демоническим курсом в лавеевском направлении.

В книге «Все, что вы хотели знать о колдовстве... но боялись спросить» Арлен Фитцджеральд, однако, обращает внимание на то, что «смертельные заклятия не

поддаются противодействию. Сатанинская Церковь Антона ЛаВея получила некоторое признание и даже уважение в американском обществе благодаря его потрясающему чувству времени. Так или иначе, контркультура была готова к Сатанистскому священнику, и Антон был готов провозгласить себя Князем Тьмы...» Журналистка из Сан-Франциско Мерла Целлербах писала о современной версии инкарнации Сатаны в своей колонке в *Chronicle*: «каждая история успеха порождает подражателей... Но до сих пор ни один из энтузиастов Черной мессы не смог составить серьезной угрозы ЛаВею в его выдающейся роли "адвоката Дьявола"».

Несмотря на изменения в структуре организации, известность ЛаВея не уменьшилась с середины 1950-х годов. В 1975 году Дик Рассел написал весьма проницательную статью «Антон ЛаВей – сатанист, который хочет править миром» для журнала *Argosy*, проследовав за Антоном из Голливуда в Дуранго, чтобы снять интервью с ЛаВеем в Мехико для фильма «Дьявольский дождь». Он описывал ЛаВея как «разностороннего, но недоступного публике. Перемещаясь между тремя калифорнийскими домами и убежищами на востоке США и в Европе, он стал почти мифическим затворником». Рассел соединяет чисто личное восприятие ЛаВея с многочисленными фактами, делая из своей статьи почти художественное произведение, описывая глубокое впечатление от встреч с ЛаВеем. В результате появился чарующий портрет пугающе привлекательного человека, таинственного, сверхвосприимчивого, очень изменчивого.

Внезапно я рассмеялся. Вскоре засмеялась и вся терраса и ЛаВей, казалось, что весь ресторан, весь мир должен был смеяться.

Слезы стояли в моих глазах, когда я бросил на него взгляд. Он поднес бокал с вином к своим губам,

ухмыляясь, как большой усатый кот. Его усмешка вернула меня к реальности. Я попытался сформулировать в уме следующий вопрос:

– ...Вы верите в то, что оставите след в истории? – Вопрос вырвался у меня так быстро, что застал ЛаВея врасплох.

Он поразмыслил с минуту, затем ответил: «Я показался бы сентиментальным, если бы ответил, что нет. Я искренне убежден, что через сто лет, когда большинство участников уотергейтского скандала будут давно забыты, люди будут знать, кем был Антон ЛаВей. Эгоистично, как это может показаться на первый взгляд, но я так же искренне верю, что я делаю нечто способствующее самопознанию человека. Даже если это всего лишь крошечный, совсем крошечный шагок».

Фред Харден в статье о ЛаВее в журнале *Hustler* в 1979 году перебрасывает мост между лавеевской шумной публичностью 1960-х – начала 1970-х годов и тем, что ЛаВей называет «второй волной» сатанизма, начавшейся в 1984-м. Подробная статья Хардена описывает читателям журнала интимные подробности отношений ЛаВея с Мэрилин Монро и Джейн Мэнсфилд и рассматривает непрекращающееся влияние ЛаВея на киноиндустрию.

Несмотря на все свои странности, ЛаВей остается человеком, который строго придерживается законов. Он сотрудничает с полицией в расследовании преступлений, особенно убийств, в которых имеются признаки колдовства или демономании. Он не курит. Пьет, но умеренно. И по-прежнему ценит женщин, особенно хорошо сложенных блондинок...

ЛаВей давно отошел от скандальных игривых выходов 60-х годов. Теперь он перемешивает свой эликсир сатанинской магии с реальным злом, заключенным в сознании, чтобы сделать мир более подходящим местом для демонов. «Мы, сатанисты, гордимся тем, что мы – леди и джентльмены, грешники, возможно, но, несомненно, леди и джентльмены».

ЧАСТЬ III
**ДЬЯВОЛЬСКОЕ
ЗНАНИЕ**

Глава 10. Жизнь на краю мира

ЛаВей действительно живет в мире Дьявола – в туманной пограничной зоне между сумасшествием и здравомыслием, приемлемым и возмутительным, между наукой и сверхъестественным, – и все же остается, по словам одного из его единомышленников, «всегда за пределом». ЛаВей утверждает, что лишь в этом пограничье вечности и безвременья, где пространственно-временные точки отсчета заморожены или не существуют, возможно зарождение магии и лишь здесь воля мага может быть спроецирована наружу таким образом, чтобы наложить его желания на принцип «этому быть».

«В наше время все ищут независимости. Самый важный и дорогой товар, который продается с наценкой, – это цельная индивидуальность. Обычному человеку индивидуальность продают в рекламе пива или обуви. Настоящей магии можно достичь, только если изолировать себя от основной массы настолько полно, насколько это вообще возможно, – утверждает ЛаВей. – В исполнении того, что, скорее всего, в тот же момент,

что и вы, не делает больше никто в мире, есть великая сила. Если вы слушаете музыку, которую когда-то насвистывали все, но которая потом, с течением времени, была предана забвению, вы делаете нечто уникальное, черпая энергию из этой потерянной песни. В этом и заключается сила *исключительности*. Когда вы делаете нечто невообразимое для других, то, что мало кто может себе даже представить, вы излучаете яркий свет, подобно маяку; и если есть силы, способные исполнить ваши повеления, то, таким образом проявляя свою уникальность, вы сумеете заручиться их вниманием и завоевать их сочувствие».

Сам ЛаВей ведет замкнутый образ жизни. Верный своей вампирской природе, он отходит ко сну лишь в предрассветное время, а лучшую свою работу выполняет именно в те часы, что предшествуют восходу солнца. Он изолировал себя от всех событий, могущих хоть как-то заинтересовать масс-медиа, и от всех людей, чьи лица мелькают на страницах таблоидов; вместо этого для получения общей картины интересующих его новостей он использует разветвленную систему своих помощников. В течение последних нескольких лет ЛаВей развернул кампанию против оупляющего эффекта, оказываемого телевидением на работу мозга, отталкиваясь от того, что если исключительность является мощным магическим проводником, то, таращась с утра до вечера в ящик, перед которым точно так же сидят миллионы человек, ничего достичь нельзя. ЛаВей назвал ТВ «великим классификатором», уподобив его Богу из-за вездесущности и стремления к универсальной стандартизации.

«В прошлые века, – пишет ЛаВей, – главным контролирующим центром была Церковь. Она диктовала мораль, подавляла свободные высказывания и препятствовала развитию всякого великого искусства и музы-

ки. Теперь вместо Церкви у нас есть телевидение, которое точно с тем же успехом, что и Церковь, навязывает нам моду, мысли, стереотипы, цели, используя во многом те же самые приемы, но на сей раз, искусно маскируя все это под лаковой оболочкой, так что никто этого не замечает. Место грехов, которые раньше использовались, для того чтобы держать людей в повиновении, теперь занял страх показаться неприемлемыми и неадекватными (из-за не тех туфель, не того сорта пива, не той марки дезодоранта). На этот страх, кроме того, накладывается еще и ощущение незащищенности наших собственных личностей. В то же время все ответы и решение всех проблем, связанных с этими страхами, даются этим же телевидением – и только телевидением; только путем приобщения к телевизионной культуре могут быть отпущены современные грехи отчуждения и остракизма».

Сатанисты, по определению ЛаВея, – это те редкие индивиды, кто, помимо всего прочего, чувствует инстинктивное неприятие контакта с большими массами народа, будь то в образе мыслей, одежде, музыкальных пристрастиях, развлечениях или автомобилях. При рассмотрении заявления потенциального члена Церкви Сатаны ЛаВей внимательно изучает, до какой степени заявитель неосознанно отождествляет себя с концепциями и персоналиями, появляющимися и муссирующимися в масс-медиа. Для него существует ясное различие между прирожденными иконоборцами и революционными выкорышками СМИ, вся девиантность которых – и в одежде, и в «шокирующем» поведении – нацелена только на то, чтобы быть принятыми в определенную социальную группу. ЛаВей обращает внимание на неприятие телевидения и наличие любимых книг, фильмов и анекдотов для того, чтобы определить, насколько сатанинские ценности близки претенденту.

«Главный определяющий фактор, с помощью которого можно среди среднестатистических людей выделить человека выдающегося, – это и есть та степень изоляции, до которой он естественным образом исключает себя из картины стимулов, навязываемой масс-медиа. Нельзя быть включенным в систему и при этом быть частью элиты, Магом».

В одном из выпусков *Cloven Hoof* был опубликован негодующий манифест ЛаВея под названием «Мизантропия». Этот текст, написанный языком, напоминающим «Сатанинскую Библию», хотя и более зрелым, начинается с таких слов: «Давным-давно я пытался быть полноценным душкой, своим парнем в доску. Мне надо было быть умнее». ЛаВей продолжает: «Есть бесчисленное количество книг, которые я хочу прочитать, музыкальных композиций, которые я хочу проиграть и прослушать, вещей, которые я хочу создать, картин и рисунков, которые я хотел бы написать. Ненужные мне мужчины и женщины отбирают у меня эту возможность».

К обездоленным мира сего у ЛаВея тоже нет особенного сочувствия. «Люди, говорящие мне о “помощи” голодающим, униженным и бездомным, не отдадут себе отчета в том, что жизнь каждого человека – моего собрата – в его собственных руках». По словам ЛаВея, «такое занятие – наиболее недостойное предприятие. Единственный способ, которым я мог бы помочь подавляющему большинству людей, – тот, которым Карл Панцрам⁴⁴ “изменял” тех людей, которые пытались изменить его. Самым милосердным деянием было бы просто освободить их от столь ненавистного им груза жизни. Право же, люди должны радоваться, что я не гуманист, а то я, вероятно, стал бы самым

⁴⁴ Карл Панцрам (1891–1930) – американский педераст, насильник и массовый убийца, всю сознательную жизнь провел в бродяжничестве, вооруженных ограблениях, тюремных отсидках. Был казнен.

инфернальным массовым убийцей за всю историю человечества».

Возможно, именно эта ожесточенность по отношению к человеческим существам и позволяет ЛаВею в большей степени ассоциировать себя с животными и ценить неодушевленные предметы значительно выше людей. На последней странице книги Артура Лайонса «Ты нужен Сатане» ЛаВей так описал самую реальную угрозу, исходящую от сатанизма: «Подобно тому как старый „дузенберг“⁴⁵, припаркованный у обочины, живее тех людей, что окружают его, питаясь энергией, исходящей от его хромированных труб, так и любой предмет более ценен, чем все те люди, которые вокруг него сгрудились. Именно когда предметы становятся бесценными, а люди, наоборот, переходят в статус расходного материала – начинается кошмар; именно в этом заключается ужас истинно сатанинского общества».

ЛаВей дорожит теми вещами, которые живут у него, подобно детям, потерявшим родителей. Это книги, нотные листы с записанной на них музыкой, предметы одежды, фильмы, просто сувениры. Большая часть его обширной коллекции находится глубоко в «хранилище» под одним из его домов – в месте, описание которого лучше всего предоставить игре воображения, ибо оно чудовищно не столько по размеру, сколько по содержанию. Цель хозяина – не только наслаждение фактом владения, но в первую очередь сохранение неясных атрибутов истории, которые в противном случае могли бы быть утеряны навсегда. «За консерваторов! Они возвращают миру его память». Среди столь ценимых ЛаВеем символов прошедших дней, в частности, есть потерянные или запрещенные песни, например, подборка записей группы «Gloomy Sunday» («Мрачное Воскресенье»),

⁴⁵ Duesenberg – марка классических американских ретроавтомобилей.

доставшаяся ему по наследству от одного из ранних членов Церкви. Из-за несколько извращенного благоговения, которое ЛаВей испытывает перед неодушевленными предметами, слова на бумаге и фильмы оказывают на него значительно большее воздействие, чем живые люди. Подобно тому как ЛаВей всегда испытывал тягу к идеям, чуждым или даже пугающим других, так же его приводят в восхищение дома, стоящие чересчур близко к вынесенным на эстакады фривеям, за границей тротуара, кое-как насаженные на сваи; дома буквально «на краю», где нормальным людям было бы крайне неудобно. Старые или необычные машины, сомнительные бульварные книжки, желтая пресса... ЛаВей – собиратель «странностей», которые остальные не замечают, игнорируют или избегают, считая их пугающими, отвратительными. Принадлежащие ему вещи (или идеи) лишь в том случае вызывают чью-то зависть, если представляют собою какую-то материальную ценность, и тогда те не очень щепетильные люди, что вечно увиваются рядом с ним, пытаются присвоить их, даже если это приводит к судебным разбирательствам.

Но возможно, именно из-за восхищения, которое ЛаВей испытывает к уникальным вещам, – утерянные предметы, которые у него исчезли, часто возвращаются спустя много лет. Похоже, что ЛаВей – своего рода центр притяжения старых и редких книг, например; их он считает физическими явлениями, в которых сохраняется и живет наше прошлое. Ко всем книгам он относится с исключительной осторожностью и доходит до того, что даже многим старым друзьям просто запрещает к ним прикасаться. На табличке в одной из секций его обширной библиотеки написано: «Тем, кто снимет книгу с этих полок, ампутируют руки». «Всегда, когда с этими книгами обращаются не так, как надо, – предупреждает ЛаВей, обводя жестом забитые книгами

полки, – происходит что-то нехорошее, как будто они живые. Если кто-то принесет им вред, позже я узнаю, что с тем человеком произошла какая-то трагедия». Такой же эффект на людей производят и клавиатуры ЛаВея. Вообще он – человек, живущий в ракушке, и в его жизни постоянно присутствуют лишь немногие. Если кто-либо вторгается в частные владения ЛаВея без приглашения или оскверняет атмосферу помещения, куда ему позволили войти, нарушителю остается винить лишь самого себя в том несчастье, которое позже постигает его.

Однако, пусть и таким необычным способом, Антон ЛаВей все же сохраняет для нас наше прошлое, ценит его, не дает ему умереть и потерять актуальность. Все утверждают, что переживать прошлое заново бессмысленно и невозможно; а ЛаВей, напротив, призывает своих последователей к тому, чтобы жить в мире по своему выбору, созданному собственноручно. Вернуться во времени, чтобы вновь ощутить те миры, которые вы некогда упустили из виду, или вернуться в ту эпоху, которая вдыхала в вас силы, по мнению ЛаВея, – это не просто один из способов жить, это необходимость. «В желании дотянуться до других миров нет ничего преступного. Да, вас могут обложить за это налогом, но в тюрьму за создание собственного частного мира не посадят... пока. Театральная постановка собственного мира – это здорово, это поглощает с головой. Вам скажут: “нельзя двигаться назад”, “нельзя жить в прошлом”. Но почему? Говорят: “Оставьте все это позади и переходите к другим вещам”... Чушь! Это все – выражение современной культуры, обходящейся с ценностями как с расходным материалом. Такая техника поголовного усреднения, попытка избавления от того, что я называю “прошлыми ортодоксиями”. Ведь именно наше прошлое делает нас уникальными, соответственно экономический интерес требует, чтобы это прошлое было у нас отнято, дабы

нам можно было продать новое улучшенное будущее. Наше общество зависит от одноразового мира, который можно выкинуть, а на его место вставить мир, полностью обновленный во всем, включая людские отношения. А мы плачем, не хотим расставаться с дорогими нам моментами, хотим, чтобы эти мечты, озвученные лишь шепотом, эти мучительные ночи остались с нами навсегда, – мы хотим ухватить их и не дать им просочиться сквозь пальцы. И я призываю: “Не дайте этому произойти. Пусть вещи будут там, где вы хотите, а остальной мир пускай мирится с этим”».

То, как ЛаВей защищает право человека на жизнь в воссозданной им самим культурной среде, не ограничивается лишь простыми развлечениями. Материализация определенных периодов со свойственной им музыкой, одеждой, манерами и культурой речи – всем тем, что уже забыто, – дает потенциальному магу беспрецедентную силу. У ЛаВея есть даже теория, что, если позволить человеку жить именно в той эпохе, которая ему наиболее комфортна, можно увеличить продолжительность его жизни – практически остановить время. Кажется, что сам ЛаВей за последние двадцать лет вовсе не изменился. Фактически и идеи его остались теми же, что и в десять лет, только с тех пор он нашел способы более полно оформить их. Он живет в мире, где чувствует себя счастливым.

Такая замкнутая и самоценная среда может быть выражением уникального знания, секретов, причастными к которым вы можете быть, а это в свою очередь придает вашему миру еще большую магическую силу. Сатана всегда был хранителем секретов, и, по мнению ЛаВея, секретность есть не что иное, как процесс набирания мощи. «Тайная организация является тайной не просто для того, чтобы сохранить в секрете некий корпус информации, а с тем, чтобы черпать мощь из

обладания и передачи тайн своим членам. Процесс обучения и, что самое важное, хранения тайной информации, дает вам силу. Если вы просто перескажете суть тайны кому-то, этот кто-то ничего, в сущности, не узнает – так фокусник может объяснить, как выполняется фокус, но он не может провести вас через все те годы тренировки и практики, которые ушли на то, чтобы научиться показывать этот фокус за несколько коротких минут».

Хранение тайн других людей, порой таких, в которых они сами себе не могут признаться, подобно несению дневной и ночной службы у Ворот Ада. ЛаВею близок образ гадалея Аполлония из романа Чарльза Финнея «Цирк доктора Лао». Когда в шатер гадалея приходит немолодая женщина с желанием услышать, что вскоре ей суждено повстречать красавца-мужчину или что ее ожидает приключение, Аполлоний вынужден сказать ей: «Завтра будет как сегодня, и послезавтра будет то же, что и позавчера; все отведенные вам дни предстают передо мною как унылая безмолвная череда часов. Вам никуда не поехать, не подумать новых мыслей, не испытать неизвестных страстей. Когда вы умрете, вас похоронят и забудут, и на том все закончится. И для всего того, что вы могли бы поколебать своим существованием – для добра и зла, созидания и разрушения, – вы совершенно безразличны, вы могли бы не родиться».

«Я не могу говорить людям, что думаю на самом деле, ведь, как и у Аполлония, у меня в руках заряженное ружье. То, что я вижу в людях, – правда, но подносить к их лицам огромное зеркало – неоправданно жестоко, а во мне нет этой жестокости в достаточной мере, чтобы так ею распорядиться. Я не могу сообщать людям то, что их разрушит. Возможно, для меня это было бы и лучше, и менее огорчительно, но я сдерживаюсь,

ибо, когда эти слова исходят от меня, они звучат иначе. Лишь я, и только я могу заставить людей почувствовать удовлетворение, даже удовольствие от наличия в них тех самых несовершенств, которые другие клеймят, – точно так же я, и только я могу полностью обрушить мир человека, указав ему на недостатки, на которые ему, возможно, до меня уже указывали другие. А если у вас есть такая сила, то вы не особенно стремитесь разбрасываться впечатлениями, так как знаете, что можно сделать одним словом. Это инструмент, который используется только с целью сознательного разрушения, как проклятие. Я даже стараюсь так не думать о некоторых людях. Когда это исходит от меня, это опасно. Проклипать людей ими самими – это худшее проклятие».

Как говорит ЛаВей, в людях его зачастую восхищает то, что другим показалось бы достойным порицания. Одна из сильных сторон философии сатанизма – это умение взять такое свойство себя самого, которое большинству показалось бы бременем, и вывернуть его, заставляя работать на себя, а не против себя. Возможно, именно здесь выполняется сатанистская идея переворачивания: законченный сатанист берет догмат зла, считающийся таковым в иудео-христианском обществе, ставит с ног на голову и возвращает обратно. В соответствии с правилом ЛаВея, гласящим, что сатанист – это «девять частей респектабельного и одна часть возмутительного», в эру, наступившую после 1966 года⁴⁶, представления о Сатане, церкви, религии, Библии должны быть переосмыслены. «Чтобы стать действительно оскорбительными в глазах общества, заставьте отчуждение работать на вас. Используйте их собственные страхи против них – возьмите данность и бросьте в лицо своим обвинителям, чтобы они получили с лихвой сверх того, чего хотели.

⁴⁶ Первый год Церкви Сатаны по хронологии ЛаВея.

Разница между мною и, например, Мэнсоном⁴⁷ заключается в том, что он играет в покер и все остальные тоже играют в покер, – а я играю в блэкджек. Возможно, он бы и не хотел играть именно по таким правилам, но так уж получилось. А я – с теми картами, что мне были сданы, – играю в совершенно иную игру. Используя то, что мне перепадает, я встраиваю окружающих в картину неожиданным и неприятным для них способом. Так, при помощи разных методов – визуального ряда, музыки, архетипов – я получаю от них положительный стресс, а они от меня – отрицательный. Все дело в том, как распорядиться тем, что у тебя есть.

Овеществление существующих стереотипов и подтверждение того, что, по христианским представлениям людей, делают сатанисты, – то есть принесение в жертву животных, убийство людей, кражи, уничтожение частной собственности, асоциальное поведение – служит лишь на пользу и на укрепление системы и означает, что игра идет так, как и должна идти. В иудео-христианской системе ценностей быть преступником действительно приемлемо, потому что за решеткой, где вас можно запереть и тыкать в вас палками, невозможно оставаться угрозой для общества. Таким образом они получают положительный стресс, а вы – отрицательный. В этой модели нет ничего от сатанизма».

Вместо этого ЛаВей призывает своих ведьм и магов тренировать какое-то одно умение, один навык и доводить его до совершенства; развить нечто, к чему у вас есть предрасположенность, что вы умеете делать очень хорошо, до такой степени, чтобы научиться делать

⁴⁷ Чарлз Мэнсон (р. 1934) – «голливудский мясник», печально известный серийный убийца, основатель культа «Семья Мэнсонов», неудавшийся поп-музыкант. Был приговорен к смертной казни, но в 1972 году высшая мера была заменена на пожизненное заключение в связи с отменой смертной казни в Калифорнии.

это неосознанно – например, играть на гобое, или строить с нуля макеты городов, или рисовать лошадей, похожих на лошадей. Когда вы настолько полно и хорошо изучите предмет, что он становится как будто вашим отдельным миром, путем бесконечной практики вы наконец приходите к тому, что при выполнении этого чего-то вам даже не надо задумываться. Таковы магические медитации, трансы, переживания состояний вне тела, наконец, использование магом, стоящим в центре круга и произносящим слова, известные ему одному, тайных техник – все укладывается в эту картину. «Это относится и к музыке, и к магии, – утверждает ЛаВей. – Когда это становится формой самовыражения, когда первое место занимает автопилот, а средство передачи становится второстепенным – именно тогда я перестаю осознанно контролировать как метод, так и инструменты, которые использую.

Единожды вы ознакомились с вашими инструментами, вам следует о них забыть, поскольку в противном случае постоянные мысли о них лишь выведут вас из состояния равновесия. Только для тех литературных онанистов, что изводят тонны бумаги и бесконечные часы, чтобы ничего не сказать, типов, “катающих маленькие шарики из говна”, важнейшим фактором является концентрация на том, что служит лишь проводником мысли. Мало того что такой подход ухудшает конечный результат, он еще и опровергает саму цель. Чтобы сделать невозможное, требуется перестать осознавать, посредством чего совершается нечто и каков его механизм. Например, Нижинский так объяснял эффект зависания в воздухе, который производили его прыжки: “Взлетев, я просто делаю паузу”. Истинные маги делают простейшие вещи невинно, подобно детям, ибо сосредоточиваются лишь на конечном результате. Я хочу писать музыку такой, какой я ее слышу. Цель

оправдывает средства, а средства теряют свою важность».

Дабы вызвать своих демонов созидания, ЛаВей использует разные формы художественного самовыражения. Хотя он и записал ряд смелых песен и собрал несколько саундтреков, главная его страсть – это динамическая обработка музыки, написанной уже давно, но с тех пор забытой. Лишь недавно ЛаВей согласился представить вниманию более широкой публики некоторые свои музыкальные композиции и обработки. Кроме того, он в течение последних лет произвел на свет несколько весьма необычных рисунков и фотографий. В то время, когда лишь Чарли Аддамс⁴⁸ и иллюстраторы «Странных сказок» («Weird Tales») делали свою темную и мрачную работу, ЛаВей рисовал и выставлял удивительные, наполняющие безотчетным страхом картины. Его произведения, где одни фигуры преследуют другие, выполнены в бледной и неяркой манере, а некоторые рисунки, практически примитивные из-за демонстративно размытого, вневременного фокуса, приходилось вообще убирать с выставки, потому что они были «слишком неприятными». То же качество свойственно и его фотографиям, изображающим одинокие, унылые сцены, которые угодили бы лишь извращенному вкусу.

Говоря о силе, воплощенной в отчуждении, и об интересе к тем вещам, которые большинство людей списывают со счетов как старые или незначительные, ЛаВей поясняет: «Нечто, что когда-то было важным, может быть, теперь и забыто большинством, но из-за того, что некогда это было достоянием миллионов, в этой сущности скрыта сила, которую можно собирать, как

⁴⁸ Автор комиксов, по которым были сняты широко известные фильмы о семейке Аддамс.

урожай. С определенной песней или фактом, к примеру, может быть связан такой гигантский пласт, что он не может весь умереть, а лишь лежит, как вампир в гробу, и ждет, пока его вновь вызовут к жизни из могилы. К примеру, в том, что первую фотографию массовой всемирной конгрегации Церкви Сатаны сделал именно Джо Розенталь – тот же человек, что сделал, пожалуй, самую известную фотографию в мире, – водружение флага на Иводзима⁴⁹, – значительно больше оккультного смысла, чем в бесцельном заучивании гримуаров и в ведьминских алфавитах. Люди спрашивают меня, какую музыку лучше использовать при проведении ритуалов, какая оккультная музыка лучше всего. На это я обычно отвечаю, что только в том отделе музыкального магазина, где меньше всего людей, можно с гарантией найти оккультную музыку. В этом и заключается сила давно утерянных массовых ценностей. Поэтому меня раздражают люди, которые морщат носы и спрашивают плаксивым голосом: “Зачем это вообще знать?!” Затем, что некогда в Америке это знал каждый.

Представьте себе хранилище энергии, созданной некими генераторами, а потом забытой. Это своего рода паровой котел, который только и ждет, как кто-нибудь даст ему выпустить пар. “Вот я, – манит он, – вся моя энергия ждет тебя, и тебе только и нужно, что открыть дверь. Из-за своей алчности человек низвел меня до состояния сомнамбулического существования и заставил жить мечтами о древних временах, хотя некогда я был столь важен для него”. Подумайте об этом. Песня, которая некогда была на устах миллионов, теперь звучит только из вашего рта. Что в ней? Что пробуждают, к чему взывают вибрации этой конкретной мелодии?

⁴⁹ Иводзима – японский остров, где зимой 1944 года началось одно из наиболее значительных сражений США с Японией, закончившееся весной 1945 года полным поражением японцев.

Что они открывают? Старые боги лежат в спячке, они ожидают своего времени».

В качестве метафоры для использования отчуждения в высшем своем выражении ЛаВей использует образ вампира. Он начал исследования вампиров в 40-х и 50-х годах и включил эту тему в свои еженедельные лекции. Флореску и МакНелли (авторы книги «В поисках Дракулы») и Леонард Вулф (автор книг «Аннотированный Дракула» и «Сон Дракулы») связались в ЛаВеем в самом начале разработки своих проектов, потому что на то время он был единственным, кто исследовал вампиров. В 1988 году в немецком журнале *Тетро* ЛаВея называли «Главным идеологом современного вампиризма». После того как Церковь Сатаны ушла в подполье, его пригласили вести «Дракула-туры» в Трансильвании, но он отнесся к этому предложению сдержанно. Заинтересованные лица хотели, чтобы он выступал под прозвищем «Дьявольского человека». В 1969 году ЛаВей использовал номерные знаки с надписью «VAMPYR» (на дополнительном значилось «NOS4A2»⁵⁰, и, конечно, это именно он впервые ввел термин «психологический вампир» в своей «Сатанинской Библии», – это выражение прочно вошло в повсеместное употребление.

Когда ЛаВей вел свою колонку «Письма Дьяволу» в национальном таблоиде конца 60-х годов, у него не раз был повод объяснить традицию, окружающую вампиров, и также поговорить о более глубоких смыслах, лежащих за этими представлениями. Корни питья крови лежат в поглощении объекта любви. Кровь, или «базовые соли», являлись приемлемыми эвфемизмами для обозначения жидкостей, связанных с сексуальной секрецией (спермой или влагалищными выделениями) в XVII–XVIII веках. Наша жажда метафорической крови также

⁵⁰ То есть «Nosferatu».

представляет тягу к запретному, к тайному, к спрятанному, и она шокирует именно потому, что запретна. Тайное восхищение вампирами становится более интенсивным по мере развития технологического общества. Коновалы и мясники не всегда воспринимались с отвращением, их считали просто профессионалами. Все видели тогда и большее количество крови – убивали друг друга, вели войны с помощью мечей, видели склепы и погосты. Все то, что отдалено от нашего каждодневного опыта, ныне становится более шокирующим, более неотразимым и привлекательным. Мы сейчас защищены, изолированы. Мы никогда не видели крови в своем чистом, стальном и каменном, хромовом и стеклянном окружении. Но по мере того как мы уходим в сторону все большей конфронтации с кровью, знания о вампирах утончились. То, что мы признаем сейчас чертами, характерными именно для вампиров, является относительно недавним феноменом, почерпнутым в основном у Брема Стокера, а затем в Голливуде.

В своих статьях ЛаВей объяснил причину того, почему вампиры не смотрят (или не отражаются) в зеркалах; почему родная почва, родина так важны (он указывает на современный аналог в виде жилых автоприцепов, используя которые, люди тем самым стремятся взять в дорогу с собой свои дома); что может вызывать неприятие чеснока и солнечного света; рассмотрел благотворные аспекты формы гробов (плотность и звукоизоляция благоприятствует «способности выходить» по ночам). Последующие исследования, проведенные в этих направлениях, подтвердили большую часть того, что написал ЛаВей. Версия возможности того, что люди, которых когда-то заклеямили «вампирами», на самом деле страдали от редкой болезни крови, вызвала не очень большое доверие.

«Люди предпочитают думать о вампирах как о паразитах, но это не так. Настоящие вампиры (в отличие от психологических вампиров) всегда имеют нечто, что они могут предложить, – бессмертие. Именно поэтому настоящий современный вампир должен иметь высокое положение в обществе или должен был сделать что-нибудь, что даровало ему бессмертие так, что он в свою очередь может передать его своей жертве. Бессмертие является метафорой власти. Но истинные вампирские отношения никогда не являются улицей с односторонним движением. Страсть и жизнеспособность дарованы хозяину вампира в равной мере.

Вампир не ищет отторгающую жертву; он может получить гораздо больше энергии от достойных жертв. Вампирам нужна свежая кровь, но особого вида. Хорошим обменом является тот, который предоставляет жертве возможность возбуждения, тогда как вампир получает энергию от того, кто, во-первых, исполнен энтузиазма и, во-вторых, фетишистски стимулирует вампира. Жертва же в свою очередь получает удовольствие от сакральной связи со своим гуру и инициатором, от неутолимого и непреодолимого влечения, от возможности быть призванной на большом расстоянии, от одержимой зависимости от вампира.

Вампир может подобрать достойную, но безответную жертву только для утоления своих садистских наклонностей. Тогда он выбирает кого-то, кто ищет возможности напугаться для забавы и преследующего его самого в этих целях. Достойная жертва может захотеть получить энергию от вампира, заставляя его причинить ей боль или наказать ее. Нельзя вытягивать энергию из ничемных людей – враждебность в отношении них может обернуться своей противоположностью, заставляя вампира испытать ощущение благополучия и спокойствия. Когда развитие событий подходит к тому пределу,

за которым забавные ощущения преследующей вампира жертвы заканчиваются, становясь разочарованием, забавные ощущения начинает получать сам вампир. В противном случае его это нервирует. На самом деле большая часть взаимоотношений с людьми доводит вампиров до изнеможения.

Ныне, когда Врата уже довольно широко открыты, сказать, что вы вампир или интересуетесь вампирами, – надежный способ заставить людей посмотреть в вашу сторону. Но, как это всегда бывает, люди, которые работают над чем-то больше всего, меньше всего уподобляются тому, чем они вроде бы должны являться. Сходная ситуация у сатанистов, которые собираются вместе, чтобы заниматься коллективной деятельностью. Они просто жаждут вытягивать энергию из других (истинные психологические вампиры!). Люди, которые много говорят об этом, на самом деле этого не делают. Иногда люди, которые являются настоящими вампирами, вовлеченными в вампирические обмены к взаимной выгоде, даже сами этого не осознают».

В конце 50-х – начале 60-х годов ЛаВей собрал несколько досье о настоящих современных вампирах – например, о молодом человеке по имени Роберт Хаммерсли, о котором он упоминал только очень общо. Он так красноречиво говорит о предмете, что задаешься вопросом – являются ли все его рассуждения результатом объективного расследования, или ЛаВей видел какие-то вампирические тенденции в себе самом? Неудивительно, что существует несколько весьма заметных аналогий. У ЛаВея диагностировали фотофобию, у него была сильная аллергическая реакция на чеснок, и пик его максимальной рабочей активности всегда приходился на то время, когда нормальные люди спят. Он спал в гробу задолго до того, как кто-либо еще додумался до этого, обнаружив, что такой сон имел те же

преимущества, что и ограниченное пространство, внутри которого человек лишен сенсорных ощущений. Люди, работающие рядом с ЛаВеем, могут засвидетельствовать, что он любит невыносимо холодный воздух, находит удовольствие в спокойной, темной обстановке и, как любой уважающий себя вампир, отторгает мейнстримовую культуру, создавая свой собственный мир. Хотя ЛаВей не пьет кровь, ему нужно сырое красное мясо, никакой иной протеин его не устраивает. Когда ЛаВея спрашивают об этом, он легко признает сходство: «Да, в вытягивании жизни из богатых энергией людей, в избегании света и реакции на некоторые виды еды вроде чеснока, который содержит влияющую на деление клеток радиацию... есть определенные общие элементы вампирической личности. В образе ящика с землей как символа родины, из которой я произошел. Мой дом очень важен – я высоко ценю знакомые виды, звуки, запахи, что, могу повторить, является противоположностью свободно заменяемому обществу.

Вампир – это душа, обреченная идти через вечность в поисках потерянной любви, потерянного прошлого, в поисках места, где он мог бы спокойно изолировать себя от тех, кто охотится на него и стремится убить за романтическую попытку вновь осознать прошлое и жить в блаженстве и великолепии давно ушедших веков».

«Я – все то, что есть ужасного, предосудительного и злого в мире», – усмехается ЛаВей. Как написал он в «Мизантропии»: «Я никогда не умру, потому что моя смерть обогатит недостойных. Я никогда не смогу быть настолько склонным к благотворительности».

Глава 11. Музыка как некромантия

Подобно сумасшедшему ученому, который нетерпеливо смешивает реактивы у себя в лаборатории, дабы получить требуемое зелье, ЛаВей стоит перед своими клавиатурами, осторожно меняя положения переключателей, чтобы достичь нужного ему сочетания звуков. Аккуратно варьируя продолжительность времени, в течение которого несущая нота проходит фазы атаки, састейн и дикэй⁵¹, ЛаВей извлекает из инструмента именно те ноты, что вернее всего подходят для его цели. Шипящий звук медленно меняет ноту, бегая вверх-вниз по шкале, по мере того как ЛаВей нажимает на клавиши. Еще один поворот ручки, движение рычажка – и обертон обостряется до металлического звона. После получаса проб и изменения настроек наконец присвист превращается в настораживающе точное, хотя и несколько пародийное воспроизведение шипящих цимбал. ЛаВей улыбается и тут же устраивает новому звуку проверку на неряшливой версии песни «Night Train».

⁵¹ Термины, описывающие изменение громкости и тембра звука.

После всех тех лет, что ЛаВей играл на расстроенных каллиопах, пытаясь поддерживать паровое давление на постоянном уровне, чтобы инструмент не взорвался ему в лицо, или на старых театральные органах, в которых нормально работали лишь одна-две настройки, а добрая четверть нот либо не звучала, либо западала (то есть продолжала играть уже после того, как музыкант отпускал клавишу), несовпадение технологического уровня, к которому мы пришли, с нашим музыкальным уровнем приводит его в состояние, близкое к отчаянию. «Впрочем, на старых “Хаммондах” играть было очень забавно. Они построены, как машины для пинбола, – на них можно было сыграть все, что угодно. Можно было не волноваться насчет сложных регистров, а просто отдаваться музыке. Но вы просто не могли вытащить из них того набора звуков, которые можно получить сейчас на любом простейшем синтезаторе».

Большинству людей не хватает терпения и умения, которые требуются для адекватного воспроизведения составных звуков, которые он использует. «Я провожу часы, создавая звуки, характерные для казу⁵², на синтезаторе, стоящем тысячи долларов Prophet-5, когда я мог бы просто приобрести настоящую вещь за 25 долларов». Снова и снова ему говорят, что определенные вещи «невозможны» или «неестественны» для программных возможностей синтезатора. Не обращая внимания на эти широко принятые ограничения, ЛаВей заставляет синтезатор добиваться аутентичного приближения к реальному инструменту. «Я могу играть “Полет шмеля” ногой, я могу сыграть “Минутный вальс” за 45 секунд, и я могу играть “Фауста” медленно.

Наверное, у меня была лучшая из всех возможных практика игры на клавишных, потому что я играл на цир-

⁵² Игрушечный духовой музыкальный инструмент.

ковых площадках и в балаганах, – говорит ЛаВей. – То, чего клавиатуре не хватало для реализма музыки, надо было восполнять техникой. Например, невозможно сыграть на горне так, как будто играешь на струнах. Живой исполнитель на духовых инструментах просто задохнется! Туба – простой инструмент, но когда в музыке нужны ноты, они выходят похожими на большие жирные звуки отрывки. Когда вы играете на аккордеоне, вы постоянно двигаете мехами туда-сюда, поэтому, когда вы играете на синтезаторе, используя просто педаль “усилить”, чтобы он звучал громче или тише, это делает иллюзию более достоверной».

ЛаВей едва ли играет так, чтобы его можно было отнести к сорока лучшим исполнителям, равно как он не исполняет «музыку для лифтов». Его собственное определение хорошей музыки строго: она должна быть пробуждающей. «Я отказываюсь быть “музыкантом для музыкантов”». Лирические, романтические мелодии 30-х и 40-х годов превалируют в его репертуаре, хотя он также использует эффектную музыку 20-х или 60-х годов, если она соответствует его критериям. Музыка была постоянной составляющей жизни ЛаВея, и он всегда играл забавные мелодии, настоящую «окультурную» музыку.

«Если бы у меня не было этих клавиш, я не знаю, что и делал бы. Это единственная вещь, которая работает как некий якорь. Когда кто-то начинает принижать меня, и я начинаю сам в это верить, я могу сесть за эти клавиши и сделать на них то, что не может сделать никто другой, – вспомнить песни, которые больше никто не помнит, сыграть песни так, как больше никто их не играет».

ЛаВей восхищался почти избыточной техникой органиста Пола Карсона, который играл в своей радиопередаче «Мост в Страну снов» в 30-е и 40-е годы. Карсон

также писал музыку для других программ типа «Семьи из одного человека» и «Я люблю тайну». Профессиональные музыканты обычно шутили по поводу того, как ЛаВей выдаивал эмоции из песни. «Я люблю музыку “без дураков”, – говорит ЛаВей. – Прямые трактовки, не заджазованные или в стиле бибоп, но *дополненные, максимально заряженные*, чтобы извлечь истинную силу произведения. Все это в аранжировке и оркестровке. Люди больше не играют так, только в суперклубах в Лас-Вегасе, на итальянских пикниках, еврейских свадьбах-клезморим и в подростковых группах».

Считайте, что, когда вы слушаете музыкальное произведение, большей частью забытое остальным миром, возможность того, что кто-нибудь еще слушает ту же самую музыку в то же время, что и вы, не очень велика. Если это пробуждающая музыка, то это еще лучше, потому что если в ней есть какая-то не называемая сила, которой мы можем подпитаться, ваш возросший опыт с этой музыкой в этот момент воссияет как маяк. ЛаВей полагает, что эта уникальность является основой для успешной ритуализации. «Крошка Тим⁵³ был чудесным медиумом для этих старых песен, исполненных просто, – он заучивал их, слушая старые исцарапанные пластинки. Он настолько опережал свое время...»

Учитывая то, что Антон ЛаВей больше концентрировался на дьяволизме, можно было бы заподозрить, что он неизбежно начнет сочетать два этих пристрастия в своих экспериментах. Собственно, именно этим он и занимался довольно долгое время, и он до сих пор благодарен музыке как катализатору некоторых из его наиболее успешных магических предприятий.

Его исследования физического воздействия музыки привели его к работе Теслы с черной коробкой. Это

⁵³ Известный американский хитмейкер 1970-х годов.

был маленький прибор, который производил «черный звук» – вибрации на столь низкой частоте, что они были едва различимы человеческим ухом, но разрушительно действовали на любую конструкцию, на которую наводились и фокусировались, вызывая внутренние вибрации и в конце концов саморазрушение. Это звук землетрясений и львиный рык, тупое биение, которое можно скорее почувствовать, чем услышать. Для апробации своей черной коробки Тесла присоединил ее к строящемуся зданию неподалеку от своей мастерской. Через некоторое время он обнаружил, что здание начало разваливаться.

ЛаВей экспериментирует с «белым» и «розовым» шумом, равно как и с «черным звуком». Он объединил пифагорейские теории и преимущества «равномерной настройки» инструмента для того, чтобы вытащить из звуков текстуру, устанавливая каждый тон по отдельности. Сочетая это знание с эмоциональными реакциями людей, он развивает методы создания музыкальных эффектов, которые выходят далеко за пределы простого исполнения мелодий. «Музыка – это полное пробуждение, подобное запаху. Она может целиком вернуть вам какое-то воспоминание или чувство за одну секунду гораздо более полно, чем даже фотография. Вы позволяете себе определенную визуальную дистанцию по отношению к фотографиям, но не с музыкой. Она обволакивает вас, и нет никакой возможности избежать ее воздействия. Реакции на музыку – это великий экзамен на чувствительность. Я постоянно использую этот эффект и называю его своим “музыкальным тестом”.

Сегодня люди не хотят слышать правду. Они действительно боятся спокойствия и тишины, они боятся, что могут начать слишком хорошо понимать свою собственную мотивацию. Они сохраняют постоянный источник шума, чтобы защитить себя, чтобы выстроить

стену, отделяющую их от правды. Подобно африканским аборигенам, колотящим в свои барабаны, трясущим гремящие тыквы и звонящим в колокольчики, чтобы отпугнуть злых духов. Пока существует достаточное количество шума, бояться или слышать нечего. Но они будут слушать. Времена меняются».

По ЛаВею, существуют определенные реакции на «пра-песню» (Ur-song), универсальные для всех существ на очень примитивном уровне. Эта реакция восходит к животным, даже к растениям. «Аккорды одного типа заставят нас смеяться, тогда как другие вынудят грустить. Гитлер использовал такую универсальность в своих целях, когда в Третьем рейхе играли возбуждающие марши. Музыка Герберта Виндта и других композиторов времен Второй мировой войны в Германии когда-нибудь будет оценена по достоинству как великая музыка.

Необычное использование обычных вещей – у тысяч людей есть синтезаторы, но многие ли из них используют их так же, как я? Сейчас практически противозаконно использовать клавиши для моих целей, как будто ноты приравнивали к книгам. Пробуждение эмоций и энергии песнями типа “Я помню тебя” тоже может быть противозаконным. Как часто вы слышите такую музыку по радио?» Вследствие того что ЛаВей выучил большинство песен, которые он играет, на слух, он не ограничен каким-то репертуаром и не полагается на секветеры. Он любит свободу «подключения» к любой мелодии, которую чувствует подходящей к данному моменту. Когда он записывает свою музыку, он обычно делает это за один раз, позволяя интуиции вести себя, воспользоваться спонтанностью живого исполнения.

«Возможно, я не сыграю завтра эту мелодию также, как сегодня. Только коммивояжер говорит одни и те же вещи совершенно одинаково дважды, не меняя ни сло-

ва. Если музыка – это язык, почему люди не используют ее с такой же тонкостью, нюансами и мощностью, с какой они используют разговорную речь? Вероятно, потому, что они не вербализуют свои мысли с помощью того же самого набора слов и интонации, что уже единожды использовали. Говорят, что характер народа отражен в его музыке. Наша культура является отличным примером. Если люди здесь разгуливают по улицам, используя односложные слова без цвета, вариантов и оттенков, как можно ожидать, что наш музыкальный язык будет отличаться?»

ЛаВей пренебрежительно относится к клавишной музыке, которую сочиняют и исполняют сегодня. «Это похоже на новую одежду императора – без сомнения, они могут сесть и извлечь дикие звуки из своих синтезаторов и называть их музыкой, кто бы сомневался! Но попросите их подтянуть табурет и сыграть “Девчонка в Калико” или “Искушение”, или даже простую драматическую версию “Звездно-полосатого флага”⁵⁴, и они не смогут. Они слишком претенциозны. Они не могут просто играть песни».

По мнению ЛаВея, рок-музыка тоже не лучше. Он считает, что современный рок – часть современной тенденции по избавлению страны от чувств и эмоций. У ЛаВея, правда, есть пара добрых слов по поводу версии песни «Мой путь» в исполнении Сида Вишеса. «Она была настолько высока, что действительно звучала вдохновенно. Эта песня настолько хороша, что ее можно слушать снова и снова». Что же касается связей между рок-музыкой и сатанизмом в виде Black Metal – если музыку, которую играет и любит Антон ЛаВей, взять за основу, то между ними нет ничего общего. Как указано в «Сатанинской Библии», сатанинские принципы

⁵⁴ Государственный гимн США.

предполагают увеличение физической чувственности, а не оглушение чувств, которое вызывает громкая музыка. Лавей говорит по поводу мифа о влиянии сатанизма на рок-музыку: «Им был нужен антагонист. Что бы они без нас делали? В сущности, сатанинская символика является единственной вещью, которая оставляла рок-музыку в живых в течение последних нескольких лет. Начиная с возникновения MTV, группы полностью зависят только от визуальных эффектов. Что еще они могут продавать? Уж конечно, они не могут опираться на какие-то музыкальные заслуги. Сейчас дети покупают записи, как значки принадлежности какому-то обществу. Они сами говорят, что не слушают слова, им просто нравится то, что несет им изображение, а сатанинский визуальный ряд весьма драматичен. Плюс к этому у них есть чувство бунтарства, в котором нуждается большинство детей. Музыкальной промышленности больше нечего продавать, поэтому они потянулись к самой мощной иконе, которую могли найти, – к сатанизму. Дэвид Ли Рот даже включил маленькую шутку в заглавие сборника своих хитов 1987 года, используя последние слова из “Сатанинской Библии”: “Роза янки”. Но все эти группы, за исключением одной – “Кинг Даймонд”, которая имеет мужество открыто поддерживать сатанизм и не делает секрета из этой верности, во всеуслышание отвергают обвинения в том, что защищают истинное поклонение Дьяволу, – все это якобы “понарошку”. Это старая история: использовать имя Дьявола, чтобы заработать миллионы, но не хотеть при этом играть в игру Дьявола».

Молодые люди ныне знают о существовании сатанинских символов всю свою сознательную жизнь. Они называют себя сатанистами, потому что это круто, это по-бунтарски, и все их друзья делают то же самое. Они показывают «рога» как знак победы, как приветствие,

как знак мира в 60-е годы. ЛаВей писал в «Сатанинской Библии»: «Знак “рога” ныне появится перед многими, не перед малым количеством людей», но он и понятия не имел, насколько пророческими окажутся эти слова. Но на каждого молодого человека, которого вы видите, показывающего «рога» на рок-концерте и при этом не ведающего о том, что за этим стоит сатанинская идея, приходится другой, который придерживается истинных сатанинских принципов приватно, между лекциями в Гарварде или перед большим собранием в офисе.

Сатанинская музыка – это не рок-н-ролл стиля хэви-метал. Настоящее сатанинское влияние можно увидеть в возрождении лирической пробуждающей музыки, которую ЛаВей играл всю свою жизнь. «Музыкальная индустрия прошла настолько далеко, насколько это вообще возможно в одном направлении, – все, что она делает – это создает атмосферу отрицательной реакции, то есть в данном случае – возврата к лирической музыке. Когда люди почувствуют вкус пробуждающей музыки, они будут пить ее так, как измученный жаждой человек глотает воду. Это приносит огромное удовлетворение по сравнению с тем шумом, который был обрушен на нас за последние тридцать лет.

Возрождение уже началось. Все это нуждается в названии. Вы не сможете продать что-то, у чего нет эффектной этикетки. Найдется какой-нибудь умник и даст этому имя, и тогда магазины по продаже дисков смогут организовать новую секцию для пластинок. Музыка, которую я защищаю, – это не биг-бэнд, не джаз, не соул, не свинг. Это простые аранжировки популярных песен, которые, вероятно, пережили короткий период популярности на радио, когда они только были выпущены, но затем были забыты, потому что они, возможно, не продавались за миллионы или не сопровождали “правильные” фильмы, хотя они могли и использоваться

как закадровая музыка. Но их уже записывают такие певцы, как Линда Ронштадт и Пиа Задора, мы слышим уже целый ряд песен от Руди Валли, Бадди Кларка, Эла Джолсона и Нат Кинг Коула, которые делаются все более популярными. Это неизбежно».

Конечно, когда все заиграют «новую» музыку, один аспект волшебства исчезнет: исключительность. Когда эта музыка будет играть повсеместно, сила ее уникальности уменьшится. «Все в порядке, – отвечает Лавей. – Эмоциональная сила самой музыки никогда не уйдет, если исполнять ее правильно. Все сделают это великое открытие и попытаются продать опять в новой упаковке. Это всегда так происходит. Но мир станет гораздо более приятным для жизни местом».

Глава 12. Ад на бобинах

Ни один оккультист никогда не имел такого прямого влияния на стереотипный кинематографический образ сатанизма, как Антон Шандор ЛаВей. Ритуал и эзотерический символизм являются центральными элементами в церкви ЛаВея; фильмы, к которым он приложил руку, содержат детальное описание сатанинских ритуалов и наполнены традиционными оккультными символами. Особое внимание, придаваемое ритуалу в Церкви Сатаны, «нацелено на фокусирование эмоциональной силы внутри каждого индивидуума». Подобным образом орнаментальный ритуализм, который является центральным в фильмах ЛаВея, может, со всей обоснованностью, быть расценен как механизм, направленный на то, чтобы вовлечь в сопереживание и сфокусировать эмоциональный опыт кинематографической аудитории.

Социолог Клинтон Р. Сандерс, процитированный Бертоном Вулфом во вступлении к «Сатанинской Библии»

ЛаВей говорит, что обязан конфискованным «Schauer-filmen», которые он видел в Европе в 1945 году, тем, что

он отправил его в путешествие за настоящим Черным орденом сатанистов, существовавшим не в головах каких-то средневековых охотников за ведьмами, но в Германии между двумя мировыми войнами. Ритуалы, которые ЛаВей в конце концов разработал в Церкви Сатаны, использовали неожиданные ракурсы, конфликтующие звуковые частоты и будоражащие планы, которые были использованы в тех кинематографических ритуалах. Из тех же самых источников истории кино проследили также следы *film noir*, поэтому неудивительно, что американский кинематографический жанр *noir* несет в себе лавеевский элемент.

Грубо очерчивающийся временным промежутком от 1940 года до начала 50-х годов XX века, «фильм нуар» лучше всего характеризуется лентами, подобными оригинальному «Лицу со шрамом», «М», «Алой улицей», «Темное больше им будет падать», «Асфальтовые джунгли» и другими, в которых взаправдашние бандиты-антигерои бредут по мокрым от дождя улицам навстречу предательским обстоятельствам. Чарльз Хайхэм и Джоэл Гринберг создали исполненную дурных предчувствий интригу *film noir* в своей книге 1968 года «Голливуд в сороковые годы»:

Темная улица в ранние утренние часы, обрызганная неожиданным дождем. Расплывающийся ореолом свет фонарей в полутьме. В комнате, куда надо подняться, наполненной перемежающимися отсветами неоновых вывесок с улицы напротив, человек ожидает того, чтобы быть убитым или убить... это особый антураж *film noir*, мира тьмы и насилия, центральная фигура которого мотивируется обычно жадностью, развратом и амбициями, мир его наполнен страхом. Этот жанр достиг своих высот в сороковые годы...

«Для меня, – заявляет ЛаВей, – *film noir* лучше всего выражен в картине “Гангстер”. Почти сюрреалистические декорации, такие тревожные ракурсы – очень давя-

шая атмосфера клаустрофобии». В вышедшей в 1981 году «Книге списков фильмов» ЛаВей перечисляет некоторое количество главных ролей Барри Салливана среди десяти весьма сатанистских экранных героев и так пишет о «Гангстере»:

Короткий забытый фильм. Он почти утрачен. Он начинается и заканчивается сатанистским утверждением, и вы знаете, что человек, которого играет Барри Салливан, обречен. Это не история про какого-нибудь Легз Даймонда или Аль Капоне, это психологическая сказка о гангстере, который, возможно, слишком образован или слишком чувствителен и слишком добр, чтобы быть отъявленным гангстером. Он поднялся из трущоб и играет единственную роль, которую мог играть в своей судьбе. Во многом подобно Люциферу, падшему ангелу, он обнаруживает себя в роли жертвы обстоятельств. В конце, прямо перед тем, как его пристреливают под дождем, что совершенно типично для *film noir*, его сурово осуждает девочка, отец которой хотел его спрятать. Она отказывает ему в пристанище, и прямо перед тем, как устремиться под дождь навстречу своей смерти, он произносит горькую речь... Это чисто сатанинский монолог – монолог жертвы в роли, в которой он никогда не должен был бы оказаться.

Среди других сатанистских ролей в этом списке ЛаВей выбирает Эдварда Робинсона и его роли в «Морском волке» и «Ки Ларго», поскольку они в интерпретации ЛаВея отражают базовое сатанинское мировоззрение. «Вульф Ларсен [в „Морском волке“]... разлагает только тех, кто уже разложился сам, он брутализирует только тех, кто знает только брутальность, он охотится за теми, кто достоин того, чтобы за ним охотились. В этом Робинсон являет собой чисто сатанинскую фигуру». ЛаВей добавляет: «Робинсон всегда хотел сыграть Вульфа Ларсена с тех самых пор, как прочел книгу Джека Лондона. Он был в восторге, когда его выбрали на эту роль, но как только он это сделал, он потерял

некоторое количество либеральных друзей. Моя реакция на фильм шла параллельно моему год от года растущему разочарованию в человеческой расе. Когда я впервые увидел этот фильм, я подумал: «Персонаж Ларсена слишком brutalен». В следующий просмотр несколько лет спустя, я смог лучше понять его brutalность – она уже не казалась такой избыточной. Наконец еще через какое-то время я уже выработал в себе истинное сопереживание Вульффу Ларсену!»

Касательно Джонни Рокко, героя, которого Робинсон играет в «Ки Ларго», ЛаВей говорит, что он «очень эгоцентричный, отказывающийся подчиняться банде и совершенно гедонистичный... садистский, brutalный, и в то же время очень сатанистский, а в самом конце – жалкий». ЛаВей настолько очарован персонажем Робинсона в «Ки Ларго», что склонен даже процитировать пару фраз из этого фильма во время разговора. «На протяжении всего фильма единственными интересными персонажами являются мерзавцы! Богарт и Бакалл используются только лишь как одномерные картонные хорошие ребята, играющие “правильных мужчин” в противовес актерам, у каждого из которых в роли по одной строчке и которые изображают гангстеров-сатанистов. Роль Бэрримора написана как роль эксцентричного, но почтенного старого простака, прикованного к инвалидному креслу. Злобный старый Рокко не выказывает никакого почтения к инвалидности. Когда Бэрримор разглагольствует перед Робинсоном: “Если бы я только мог встать с этого кресла...”, угрожающе приподнимаясь, Рокко смеется и отвечает: “Если бы ты мог подняться с этого кресла, старик, ты бы так не разговаривал!”

Робинсон действительно снялся в ряде сатанинских фильмов – “Ад в заливе Сан-Франциско”, “Маленький Цезарь”, “У ночи тысяча глаз” – большинство его

ролей имеет сатанинские обертоны. В личной жизни он был увлеченным собирателем произведений искусства и располагал одной из прекраснейших коллекций в мире до тех пор, пока не проиграл дело о разводе. Образ Чернобога – дьявола в “Фантазии” Уолта Диснея, того, кто выглядывает на вершине горы во время сцены “Ночь на Лысой Горе”, был вдохновлен скорее игрой Эдварда Робинсона, а не Бела Лугоши, как это часто думают. Он излучал дьяволизм, наверное, больше любого другого актера, – хотя, возможно, следовало бы еще упомянуть Эрика фон Строхейма. Он был актером и режиссером, сыгравшим несколько самых блестящих ролей за всю историю кинематографа, в первую очередь в “Великом Фламарионе”, “Великом Габбо” и “Сансет-бульваре”. Его высокомерие и заносчивость не позволили ему завоевать друзей, но он все же позволил проявиться своим сатанистской печали и обреченному романтизму».

Другой актер, которого упоминает ЛаВей как особенно гармоничного, – это Уолтер Хьюстон: «...его самой сатанинской ролью была роль в “Сокровищах Сьерра-Мадре”, где он был единственным из всех, кто вышел невредимым. Он играл старика, который знал, что почем, который никому не давал себя одурачить, когда дело доходило до выживания... Уолтер Хьюстон, безусловно, имел тонко заточенную сатанинскую чувствительность, которая проявлялась не только в его игре, но также и в той чудесной записи, которую он однажды сделал на грустный мотивчик под названием “Сентябрьская песня”, – любовная тема о том, как стареющий мужчина влюбляется в молодую девушку. Она была написана для его роли в “Нью-йоркских праздниках”. Все были под впечатлением от игры Хьюстона в этом спектакле. Когда композитор Курт Вейль спросил Хьюстона, в каком диапазоне он поет лучше всего

и какой у него тип голоса, Хьюстон ответил ему: “Никакого диапазона. Никакого голоса”. Песня была написана, и Хьюстон скорее проговаривает ее речитативом, чем поет, и это самый лучший прием, которым это можно сделать. У него получается романтик, который грустит, оттого что у него осталось так мало времени с этой девушкой, которую он так сильно любит.

Сын Уолтера Хьюстона, режиссер Джон Хьюстон, безусловно, демонстрировал сатанинское видение в большом количестве своих фильмов. Один из них приходит мне на ум; для него это явно был фильм-обличение, он назывался “Мудрая кровь”. Фильм основан на рассказе Фланнери О’Коннор о приключениях мальчика, который возвращается со службы к себе на Юг и в конце концов основывает то, что называет “церковью Иисуса Христа без Христа”. Простой пересказ фильма не передаст всего впечатления – персонажи, прописанные в потрясающих деталях, – вот то, что делает фильм мучительным. Они просто реалистичны! Такие глупые, настойчивые и трагичные. Во всем фильме нет никого, с кем вы захотели бы идентифицировать себя. Гарри Дин Стэнтон потрясающе играет якобы слепого проповедника, у которого есть дочь – настоящая деревенщина, отсталая до самой крайности, – но такими же являются и большинство других персонажей. Хуже всего то, что некоторые смотрят его и не понимают шуток, – они думают, что все должны быть такими же! Это тонко сделанный фильм, и, безусловно, сатанинским в нем является то, что Хьюстон смог изобразить всех этих несчастных, глупых людей именно такими, какими они являются! – настоящее мизантропическое упражнение. Это настолько реалистично, что граничит с сюрреализмом».

Чтобы убедить нас в том, что некоторые общепризнанные «страшные» актеры действительно являются тем, что можно было бы расценить как сатанизм,

ЛаВей указывает на Винсента Прайса, который, как он считает, является сатанистом как на экране, так и в жизни. В своих ролях в фильмах «Отвратительный доктор Файбс» и «Доктор Файбс поднимается снова» (1971, 1972 годы), Прайс сыграл главную роль — доктора Антона Файбса — это было больше чем простым совпадением, потому что Антон из фильма играет на органе и затевает дьявольский план отомстить за смерть своей любимой жены от рук некомпетентных врачей. В «Списках кино» Антон хвалит Винсента Прайса за образ, в котором «он избавился от всех препон и изобразил доведенную до абсурда сущность сатаниста». Далее Антон упоминает другой из фильмов Прайса, которым он восхищается, «Маска Красной смерти»: «Это замечательный фильм с некоторым количеством восхитительных сатанинских диалогов, которые Винсент Прайс проводит так, как умеет это делать только он. Вне экрана Прайс является жизнерадостным дьяволом, в жизни которого присутствуют некоторые воистину темные, полные одержимости аспекты».

Питер О'Тул в «Правящем классе» является еще одним из любимых ЛаВеем дьявольских персонажей: «Это странный фильм, который попытались продать как комедию, но на самом деле это настоящая трагедия с комедийными обертонами. Превращения О'Тула в фильме начинаются с того, что он был вполне наивным, совершенно невинным человеком, который становится абсолютно жестоким циником в конце, когда совершенно дьявольски примеривает на себя роль воплощенного дьявола. Он начинает фильм, думая, что он Иисус Христос, но он очень антихристиански настроен, потому что он оказывается богохульным вопреки самому себе. И конечно, все думают, что он безумен. Потом, когда он преображается, уходя от самоидентификации в образе Христа к мыслям о том, что он является

Джеком-потрошителем, он обнаруживает, что люди с большей готовностью принимают его и радуются, что теперь-то он вылез из своего безумия. Он оказывается нормальным, только став по-настоящему отвратительным сукиным сыном, который одевается в черное, выступает в защиту пыток и убивает людей. В конце есть совершенно богохульная сцена, где он возглавляет вереницу разлагающихся трупов, распевая “Вперед, христианские солдаты”. ЛаВей добавляет: “Правящий класс” является одним из великих сатанистских фильмов всех времен. И вышло так, что в нем есть одна из лучших и аутентичных танцевальных сцен, когда-либо виденных мною, которую Питер О’Тул исполняет под музыку Dry Bones. Есть только еще один фильм с такой же раздражающей смесью комедии, мюзикла и трагедии, – “Пенни с небес”, со Стивом Мартином. Это была настоящая кассовая бомба, потому что на него пошли люди, которые были поклонниками Стива Мартина, ожидавшими, что он сыграет им смешного парня. Он этого не делает – он довольно печален и искренен. Фильм изображает 30-е годы и, действительно, отлично вписывается в эту эру. Как и в “Правящем классе”, музыка, выбранная для “Пенни с небес”, – потрясающая. Они использовали записи того времени, включая главную песню, записанную Артуром Трейси, который, по совпадению, является одним из моих любимых исполнителей. Декорации и персонажи были на сто процентов аутентичными. Фильм был снят почти в тоне сепии, чтобы усилить впечатление принадлежности к тому историческому периоду. И еще раз подчеркну – это восхитительно печальный, волнующий фильм».

ЛаВей готов говорить о кино часами – о сравнительных достоинствах фильмов, об анекдотах, связанных с разными актерами и актрисами, сравнивать режиссеров и кинематографистов. Он составил, наверное,

самую чудесную коллекцию мрачных фильмов в стране. ЛаВей рассуждает так, что если фильм можно просто купить в видеомагазинчике на углу, то нет и смысла хранить такую копию, но у него есть буквально сотни кассет, полных редких или «вымирающих» фильмов, – на пленке и целлулоиде, которые не найдешь ни на каких прилавках.

Как можно ожидать, основной интерес ЛаВея всегда был направлен на темные, будоражащие и забытые фильмы. Он ответствен за возрождение целого ряда фильмов, которые в противном случае навсегда оказались бы погребенными на пыльных полках складов дистрибьюторов. «Психи» – один из фильмов, которые Антон возродил, валялся в подполье в течение многих лет, хотя он был сделан MGM в пику фильму «Франкенштейн» компании Universal. [Тод] Браунинг использовал настоящих психов и уродов, которые привели в отвращение не только большую часть работников MGM, но и аудиторию. Совершенно сатанистским является то, что аудитория симпатизирует самим психам, злодеи же – это нормальные люди, которые оказываются жестокими эксплуататорами человеческого несчастья. В конце вы можете немножко воспрянуть, когда психи поднимаются и превращают своего мучителя в такого же, как они. В фильме «Ужас в маленьком городишке» – еще одно открытие ЛаВея – также использованы необычные актеры и актрисы, все они – карлики. В фильме есть не только типичный сюжет вестерна и несколько хороших мелодий, включая одну, которой Антон восхищается в особенности, – «Мистер Джек и миссис Джилл».

Когда ЛаВей впервые начал проталкивать более уникальные фильмы – то, что многие назвали бы сейчас халтурой, низкобюджетной или безбюджетной классикой, – в андеграунде еще не было культуры восхищения этим жанром, которая возникла сейчас. «Я помню,

когда по моему настоянию к Гершелю Гордону Льюису подошли по поводу перевыпуска некоторых из его фильмов типа “2000 маньяков” и “Раскрась меня в кроваво-красный”, а он просто не мог представить, что кто-то может заинтересоваться этими фильмами. Он думал, что мы его просто хотим разыграть». Во вводном слове к «2000 маньякам» для выпущенного в 1978–1979 годы «Каталога аудиозаписей и фильмов Брэндона» ЛаВей описал фильм Льюиса как «хоррор-версию “Бригадуна”, о городе на Юге, который был зверски разрушен войсками Союза и каждые сто лет поднимается из болота, в которое ушел... Потому что скорее благодаря, чем вопреки своему низкому бюджету и неизвестным исполнителям, любительство превращается в знобящий суперреализм». Описывая Льюиса для каталога, ЛаВей раскрыл его отношение ко всему жанру «халтуры»: «Склонный к анализу зритель обнаружит, что фильмы Льюиса – это гораздо больше, чем поверхностная чернуха, а скорее – внушающие суеверный страх отражения подавленного садомазохизма во всех нас, подавленного настолько, что даже наш внутренний голос редко признается в этом. От “Бонни и Клайда” до “Экзорсиста”, от “Дикого Бунча” до “Челюстей” – везде мы можем найти влияние находок Льюиса.

Существует целый жанр в кинематографе, фильмы которого – просто маленькие низкобюджетные жемчужины, я, безусловно, не стал бы называть халтурой. Они сейчас вновь возрождаются из-за большего внимания, которое к ним проявляют. Первый фильм режиссера Кертиса Харрингтона, “Ночной прилив”, снятый в районе пирса Санта-Моники и в Венеции (штат Калифорния) в конце 1950-х годов, – это психологически сложная история о молодом моряке (в исполнении Денниса Хоппера), который влюбляется в русалку. “Карнавал душ” – еще один замечательный фильм, который был

совершенно забыт до недавнего времени. Продюсер и режиссер Херк Харви производил производственные фильмы, и этот фильм оказался для него великолепной экскурсией в мир кошмаров. Просто удивительно видеть эти великолепные произведения искусства, которые наконец-то получили ту долю внимания, которую заслуживают».

Основание Церкви Сатаны в 1966 году стало новым поводом для изображения «неописуемых ритуалов» и «диких оргий-шабашей, посвященных Сатане». К тому времени накопился хороший урожай злобных персонажей, с тех пор как ЛаВей предстал перед широкой публикой, потому что он, собственно, и стал прообразом выдуманных персонажей благодаря стилю своей жизни и внешности, подобно Мингу Беспощадному из сериала «Флэш Гордон» или графу Зароффу из «Самой опасной игры». Из всего этого шлама ЛаВей указывает на несколько фильмов, в которых или есть сатанистский визуальный ряд, отличающийся от среднего уровня, или которые более правдоподобно изображают сатанистов: «"Черная кошка" и "Седьмая жертва" – два фильма, которые, конечно, появились еще до возникновения Церкви Сатаны, но я привел бы их в качестве примера того, как ведут себя настоящие сатанисты. "Человек-леопард" Вала Льютона из рассказа влиятельного защитника тьмы, Корнелла Вулриха, безусловно, демонстрировал некоторые превосходные сатанистские черты в этом фильме. В книге "Колокол, книга и свеча", по крайней мере, ведьмы были показаны как уродливые старые развалины. Мне нравится идея о том, что умирающие сатанисты переселяются в детей – в фильме "Братство Сатаны", – хотя, к сожалению, меня позвали проконсультировать этот фильм слишком поздно и я не успел изменить экстравагантный алтарь, на который они уже использовали слишком много денег, развалив

его на части в целях большей аутентичности. Но большинство фильмов, вышедших после 1966 года, я бы характеризовал вместе с Джоном Фричером (автором "Популярного ведовства") придуманным им термином "попса" ("...намеренная коммерциализация популярного, которое мгновенно завоевывает людей"). То же самое относится к бесконечным оккультистским фильмам на телевидении и ориентированным на магию телевизионным сериям, которые дополняют список Фричера, – "Очарованные", "Няня и профессор", "Мне снится Джинни", "Мой любимый марсианин", "Привидение и миссис Мюир", "Мюнстеры", "Семейка Аддамс", "Летающая монахиня", "Цилиндр", "Один шаг в сторону", "Запредел", – любые из них можно увидеть в телевизионном каталоге, и вашей непосредственной реакцией будет "О! Опять тоже самое?!"

И все же я знаю: на этих фильмах выросло целое поколение сатанистов, поэтому жаловаться мне не приходится. Именно поэтому "Темные тени" и "Сумеречная зона" – это два телесериала, которые я предпочитаю не включать в свой список "совершенно бесполезных" фильмов. Я признаю, что "Темные тени" с их положительным описанием вампиров и вервильфов явились невероятно мощным толчком, повлиявшим на сотни тысяч тогдашних школьников, которые растут, на сто процентов связывая себя с моей философией! Вероятно, это единственная наиболее универсальная нить, связывающая сатанистов этой возрастной группы, – самоидентификация с персонажами этого шоу. "Сумеречная зона" и "Ночная галерея", может быть, не возбудили меня, потому что мне повезло родиться до того, как "Странные сказки" были еще даже опубликованы, – я читал большинство этих рассказов в оригинальной форме. Но люди, которым было 10, 13 и 15 лет в то время, когда эти шоу были впервые выпущены в эфир, были

точно так же очарованы и привлечены ими, это было для них таким же личным выражением собственных тайных наваждений, как и у меня, когда я был молод. Было бы безумием недооценить влияние, которое эти сериалы имели на настоящий и будущий сатанизм».

Когда Лавей описывает лучшие недавние фильмы, передающие сатанистский взгляд на вещи, существует вероятность того, что в заглавии их не будет ни «дьявола», ни «Сатаны» и что они, вероятно, не будут содержать сцены реальных ритуалов в обычном значении этого слова. «Оригинальный фильм “Резня с помощью бензопилы в Техасе”, в котором все жертвы являются заслуживающими того, чтобы ими быть, ближе к настоящему сатанизму. Другой действительно дьявольский фильм, в котором я смог поучаствовать, – “Машина”. Автомобиль в этом фильме похож на один из тех, что есть у меня, вплоть до грохочущей выхлопной системы и буфера, выполненного в виде мясного тесака. Смотреть этот фильм доставляет огромное удовлетворение, потому что, опять-таки, сравнение относительно обоснованных жертв с отрицательными, драматическими качествами этой таинственной машины заставляет аудиторию симпатизировать машине. Фильм “Желание смерти” стал катализатором для возникновения большого количества сатанистских чувств: тот, за кем охотились, сам становится охотником. Был еще фильм о молодом человеке, “Говорящий зло”. Герой в нем использует компьютер в военной школе и похожий на показанный в “Некрономиконе” гримуар, чтобы вызывать демонов себе на службу. В целом он способный парень с хорошими манерами. Но после того как завистливые соученики убивают его щенка, единственное существо в мире, которое его понимало, он выпускает своих демонов, чтобы они отомстили за него».

Голливуд, без сомнения, был бы разочарован, если бы узнал, что Верховный Священник Церкви Сатаны ни разу не досмотрел до конца «Экзорсиста». «И не хочу. Хотя “Омен” я видел до конца. Они вели со мной переговоры, прося разрешения снять сцену в настоящей Церкви Сатаны, в ритуальном зале возле каменного камина, где главный герой, Дамиан, должен был быть формально крещен в дьявольское воинство. Они хотели, чтобы мальчик прилетел из Англии, они даже сказали, что могли бы поставить картонную фигуру, заменяющую его, чтобы она стояла там, если он сам не хочет быть в этом замешанным. Я сказал – ни в коем случае. У нас вполне хватает любопытных, не хватало еще нам только новой туристической волны, “ищущих Дамиана”».

Так существует ли внятное определение «сатанистского фильма»? По ЛаВею, это может быть множество фильмов: «от восхитительного фильма Бобби Брина до мучительной картины Уилера и Вулси, и дальше до мрачных халтурных вещей типа “День матери” или “Ловушка для туриста”. Кошунственно ли само по себе говорить что-то, чего никто еще пока не имел смелости говорить? Являются ли “хорошие парни” действительно заслуживающими своей судьбы идиотами, которые получают то, чего стоят, от “плохих парней” – сатанистов, которые в противном случае являются, в сущности, изначально более моральными, чем те, кого общество считает “в полном порядке”? Не является ли почти нелегальным сейчас смотреть фильм вследствие его содержания, “вызывающего возражение”, – не только порнографические фильмы, но и оскорбительные для существующего положения вещей? Вероятно, сейчас это практически невозможно выяснить. Существует несколько элементов, которые могут сделать фильм сатанистским. Великие сатанистские фильмы еще предстоит снять. Как и со многими другими путями,

которые имеют отношение к истинному дьяволизму, – эти улицы вымощены золотом».

Тем не менее кажется, что ЛаВей разочарован современными фильмами. «Я пытался их смотреть, видит Бог, – пытался. Но каждый раз, когда я смотрю новый фильм, он вгоняет меня в депрессию, вне зависимости от того, насколько сатанистской должна была быть его тема. После этого мне каждый раз приходится принимать противоядие – хороший фильм братьев Маркс или что-нибудь еще, чтобы ополоснуть небо. Современные фильмы ужасов являются ни чем иным, как видеоверсиями страшилок из парков отдыха, где вам на лицо без конца падает паутина. Их целью не является донести что-то до кого-то или даже развлечь, их цель – бросить вызов нервам и желудку аудитории – посмотреть, как долго она сможет выдержать».

«Каждый день умирает великий актер, актриса, режиссер или сценарист, – комментирует ЛаВей, – умирает навсегда. И нет никого, кто мог бы их заменить. С точки зрения креатива Голливуд стал совершенно бесплодным местом. Какая ужасно трагичная, грустная вещь – принадлежать к предшествующей эпохе, находиться в ловушке не того времени и быть вынужденным наблюдать, как эти люди умирают раньше меня. Все эти крупницы связи с прошлым, все эти люди, которые видели, дотрагивались, испытали... которые в конце концов навсегда исчезнут с Земли. Оставив существовать только холодный, мертвый, бесчувственный, поддельный мир».

Мои грехи? Мои грехи в том, что я был недостаточно крут. Я был недостаточно низок и грязен, я не должен был доверять никому, не должен был любить женщину. Надо было сначала все уничтожить. Таков этот мир (Шубунка в исполнении Барри Салливана в фильме «Гангстер»).

Глава 13. Углы безумия

От призм, выделанных внутри затененного грота, я говорю посредством ангелов, отражающихся мыслями, дряхлеющими и возвышенными. О, изучите Закон, мои братья ночи – Великий Закон и Меньший Закон. Великий Закон несет равновесие и исполняется без пощады. Меньший Закон пребывает в качестве ключа, и сияющим трапециодом является дверь!

Антон Шандор ЛаВей. Die elektrischen Vorspiele (Сатанинские ритуалы)

Еще до того как была основана Церковь Сатаны, группа посвященных ЛаВеем, которых он называл «Магическим кругом», экспериментировала с ритуалами, связанными с углами в качестве проходов в четвертое измерение. Первые участники круга носили на себе знак трапецоида, рядом с которым был изображен демон с крыльями летучей мыши, под которым можно было обнаружить перевернутую пентаграмму, число 666. (В 1966 году после образования Церкви Сатаны, этот символ был заменен на известного ныне всем Бафомета.)

Магический круг возник в верхах Церкви Сатаны, известных под названием «Ордена Трапецоида» (см. «Шестой Ключ Еноха» из «Сатанинской Библии»). Орден Трапецоида продолжается как внутренний круг посвященных внутри Церкви Сатаны до сегодняшнего дня (в самом начале были выпущены красные трапециевидные членские билеты, но они оказались слишком непригодными для ношения в бумажниках, и их форма была изменена). Объясняя требования, предъявляемые к сатанистскому алтарю, ЛаВей особенно указывает на трапециевидную форму трех-четырёх футов высотой и пяти-шести футов в длину. По крайней мере два сатанистских ритуала включают в себя поклонение углам («Закон трапецоида – Die elektrischen Vorspiele» и «Церемония Девяти Углов»), другие же включают некоторые упоминания о тайной геометрии.

В «Сатанистской Библии» ЛаВей открывает, что Джон Ди гадал с помощью магического кристалла в направлении Енохийских Ключей еще в начале XVII века, используя многогранный трапецоэдром, а не хрустальный шар, как принято считать. Именно через этот многогранный кристалл Ди получил 19 Ключей (или Призывов), которые ЛаВей полагает специально переводимыми неверно в течение многих лет вследствие «метафизической конспирации». Первый «богохульный» английский перевод Призывов, равно как и оригинальный енохийский, изложен в заключительном разделе «Сатанинской Библии». «Ныне кристалл проясняется, и "углы" становятся видными как "углы", равно как окна в четвертое измерение распахиваются, а для напуганных распахиваются Врата Ада».

Для тех из нас, кто не может мгновенно оценить магическое значение обычной геометрической формы, ЛаВей опубликовал несколько статей в целях нашего просвещения. Начнем с начала: трапецоид может быть

описан как треугольник с отсеченной верхушкой. Достаньте из кармана долларовую купюру и посмотрите на ее обратную сторону. Каменное сооружение с глазом в треугольнике, расположенным над ним, является трапециодом.

Когда вы видите эту форму, она излучает особую магию. Хотя египтяне, возможно, устраивали свои склепы в пирамидах, ацтеки и майя приносили жертвы своим богам на вершине огромных каменных трапецеидальных храмов. Каждый населенный привидениями дом в стиле Чарльза Аддамса завершается мансардной крышей – прекрасным трапециодом. В то время как сказочные замки обычно представляются завершенными коническими шпилями, злые королевы всегда жили в суровых, угловатых, хорошо укрепленных монолитных строениях. В число других строений, отражающих трапецеидальную форму, входит черное здание Джона Хэнкока в Чикаго (которое стоит ныне на том месте, где родился ЛаВей) и вызывающий раздумья Эннис-Хаус в Лос-Анджелесе, спроектированный Фрэнком Ллойдом Райтом и напоминающий храм майя. Гробы старого стиля были трапецеидальными (если сложить два гроба днищем к днищу), равно как и мост Золотые Ворота, если смотреть на него со стороны. Исследования, произведенные еще в детстве, помогли ЛаВею осознать, что трапецеидальная форма постоянно использовалась в военной архитектуре.

Четырнадцатилетний ЛаВей распространил свои теории на визуальные образы, когда обнаружил книгу «Куда смотреть» Уильяма Мортенсена. Маленькая книжка, которая якобы являлась учебником фотографии, навсегда изменила взгляд ЛаВея на окружающий мир. В своей книге Мортенсен объясняет то, из чего состоит фотография или сцена и что делает ее неотразимой. Он формулирует законы визуального восприятия,

которые ЛаВей немедленно применил к областям, далеким от фотографии. То, что Мортенсен обозначил «доминантной массой», точно совпадало с тем, что ЛаВей формулировал в применении к мощному визуальному (и, таким образом, магическому) эффекту трапецоида. Помимо этого, ЛаВей изучил другие аспекты власти над взглядом – необходимость архетипических тем, таких как секс, чувство или удивление, равно как и принцип Мортенсена (он формулируется как «является, а не делает»), которые объясняют, что истинная визуальная мощь идет от бесконечного сочетания элементов, а не просто от фотографирования объекта в движении. ЛаВей был так заинтригован этими возможностями, что начал применять идеи Мортенсена в собственных рисунках и картинах. Например, на одной из картин, «Часовой», мы видим на заднем плане мрачное трапецеидальное здание, а в дверном проеме здания виден силуэт колдуна. Открытая башня дома излучает неземную вспышку света, освещающую ночь, подобного осе крылатого демона, который заполняет собой большую часть фона. Этот демон направляется на службу колдуну.

Применение теорий Мортенсена на практике хорошо подготовило ЛаВея к должности, которую он занял в Управлении полиции Сан-Франциско. Он не только был готов к тому, чтобы делать наиболее эффектные снимки, но и к тому времени, как ЛаВей начал отвечать на звонки на номер «800», он уже сформулировал возможные объяснения того, какие места могут являться наиболее притягательными, какие дома – «населенными привидениями», какие области – проклятыми, а какие участки – таинственными. Став, вероятно, первым американским «охотником за привидениями», ЛаВей был обрадован возможности проверить свои теории насчет настоящих «нехороших» мест.

Еще со времен работы в балаганах ЛаВей знал, как конструировались придуманные визуальные загадки типа «загадочных мест», так, чтобы в них использовались углы и ложные перспективы, которые обманывали глаз и лишали человека чувства равновесия. Возможно, «нехорошие» дома, – рассуждал ЛаВей, – получаются потому, что неряшливые строители или архитекторы не осознавали эффекта, производимого странными углами на жителей здания. Исследовав и сделав достаточное количество фотографий мест, где происходили убийства и самоубийства, ЛаВей предположил, что некоторые необычные конфигурации пространства могут привести людей, уже предрасположенных к сумасшествию, к совершению ненормальных поступков. «Углы и пространства, которые провоцируют беспокойство, – то есть те, которые не гармонируют с визуальной ориентацией, – будут провоцировать ненормальное поведение, вызывая мысли о необходимости перемены. Исключения случаются там, где в самом существе имеется обратная полярность – крайняя степень умственной разбалансированности или извращенности, или наоборот – даже крайняя рациональность и уверенность».

ЛаВей расширил свои представления так, чтобы их можно было применить также и к деловой сфере, когда что-то является настолько чужеродным, то этого достаточно, чтобы отвратить людей. «Иногда вы входите в комнату, и в ней находится что-то, стоящее под странным углом, почему-то беспокоящее вас, в неприятном положении, которое надо изменить. Одна эта единственная вещь настолько меняет все восприятие, что человеку хочется сделать что-то, чтобы изменить положение вещей. Я видел здания, стоящие часто на углу, где хозяева предприятий въезжали и выезжали, наверное, по два раза в год. Они готовы были перепробовать все, что угодно. И ничто им не помогало. Люди

говорили, что здания прокляты. Так это и было. Обычно углы слишком неправильно выстроены, они выступают наружу, тогда как они должны быть обращены внутрь, чтобы привлекать людей... В большинстве случаев они не могут ничего сделать, чтобы исправить ситуацию. Приходится просто сносить здания до основания, и строить на их месте новые».

В 1962 году Лавей сформулировал «Закон трапецоида» и объяснил его в вышедшем в 1976 году *Cloven Hoof*. «У меня были достоверные свидетельства того, что пространственные представления не только могли оказывать влияние на тех, кто оказывался вовлеченным в визуальную конфронтацию, но гораздо более коварны для тех, с кем вступал в контакт зритель. Как в любой другой форме «заразного заболевания», семья, друзья и коллеги оказывались зараженными сигналами беспокойства, исходящими от другого человека. Даже самый спокойный и склонный к стоицизму человек может почувствовать тревогу, если его окружает достаточно беспокойная атмосфера. Я часто обнаруживал, что незаметные изменения имели гораздо более глубокий эффект, чем легко узнаваемые и очевидные пространственные изменения». Часто бывает так, что какая-нибудь одна комната «нехорошего дома» идентифицируется как «безумная» комната. В этой комнате только одна стена может как-то не так располагаться вертикально, но этого бывает совершенно достаточно для создания бессознательного беспокойства для тех, кто обитает в доме. Целые здания, которые считаются «населенными привидениями», могут просто включать много тупых, неправильных углов, бесполезных укромных уголков или располагать неправильным, асимметричным экстерьером – возможно, таким, который напоминает что-то сгорбившееся или похожее на лицо. Определенные объекты также могут становиться источниками интенсивного беспокойства в доме по причи-

не своей странной формы. Мебель, рамы для картин, настенные росписи, какая-то утварь, «навороченные» автомобили могут быть катализаторами ужасных событий. Еще в конце 1950-х годов один коллега попросил ЛаВея разработать дизайн для нескольких домов. Можно только догадываться, какие ужасы навывдумывал ЛаВей для людей, которые поселились в домах, которые он спроектировал.

Те же самые вещи могут случаться совершенно естественным путем. ЛаВей обнаруживал на скалах склоны, наклоненные странным образом, или, например, ландшафты явно искаженного вида. Странность какого-то конкретного пейзажа, где углы неправильны, а чувство равновесия человека подвергается испытанию, может доходить до такой степени, что появляется необычный природный феномен, когда легенды о запредельных силах появляются уже сами. Например, болотные газы могут порождать «блуждающие огоньки», неверный свет или «вампирские язычки пламени» могут вызываться небольшими синими огоньками, которые являются результатами гниения дерева в болотах. Считается, что они становятся видны, когда спит вампир, или там, где похоронен человек, совершивший самоубийство, или же там, где спрятано сокровище, – в зависимости от того, каким именно бабушкиным сказкам вы верите. Подобные естественные образования могут порождать веру в то, что вот это конкретное место является волшебным, населенным духами или нехорошим. Ведьмины кольца, пирамиды из камней – керны (вертикально стоящие камни, которые можно увидеть в Великобритании), необычно обширные, темные леса, поляны в лесах, края скал, вершины гор, карстовые пещеры, каверны... все эти декорации – достоверный антураж для ужасных историй.

В лекциях на тему «Искривления времени и странные пространства» ЛаВей обсуждал свои личные

исследования таких областей, как Дьявольский склон, — прибрежный серпантин, расположенный к югу от Сан-Франциско, где случился целый ряд печальных происшествий. В распоряжении ЛаВея есть рукопись невозможной для публикации книги его товарища, в которой полностью задокументирована поразительно кровопролитная история этой территории. ЛаВей признает, что по крайней мере однажды попал под влияние дороги, закрученной в серпантин, когда они с Дианой путешествовали по побережью. Он лишь с трудом смог остановить машину на узкой обочине. На Вальпургиеву ночь за год до того, как была организована Церковь, пара лавеевых ведьм пренебрегла предупреждениями ЛаВея, и их машина свалилась с обрыва. Они приземлились на выступе в нескольких сотнях футов ниже дороги и чудом выжили.

Еще один природный «водоворот», который описывает ЛаВей, находится в районе Уайт-Хилла в графстве Марин к северу от Сан-Франциско. Это место он называет вторым после Дьявольского склона. На протяжении трех-четырёх миль от холма, особенно на одном «Смертельном повороте», случился целый ряд необъяснимых автомобильных катастроф. Выжившие автомобилисты описывали свои чувства так, как будто какая-то невидимая сила приподнимала их над землей. ЛаВей объясняет, что это вызвано неправильно проложенным дорожным полотном. Люди, которые постоянно путешествуют по этой дороге, тоже уверяют, что им приходится затрачивать необычно долгое время на то, чтобы добраться туда, куда они направляются. Обычным является то, что вы теряете лишний час, независимо от того, как быстро пытаетесь ехать.

Существуют определенные места, которые привлекают людей и других существ, не являющихся обыкновенными, если не сказать больше. ЛаВей утверж-

дает, что видел некие странные создания в районе Уайт-Хилл лично. Как-то, проезжая там с Робертом Барбуром Джонсоном (автором загадочных «Странных сказок»), они увидели там высокого четвероногого грифа, поедающего какое-то мясо на обочине дороги. Когда они поравнялись с ним, он взлетел в воздух подобно небольшому самолету – настолько велик был размах его крыльев. В другой раз ЛаВей видел нечто, поспешно бежавшее через дорогу. Он описывает существо как нечто приближающееся по размеру к большому тарантулу, но покрытое колючками, с черными глазами-бусинками,двигающееся боком, подобно крабу, – возможно, это был какой-то сухопутный краб. И еще там было огромное, волнообразно движущееся создание, которое двигалось как гусеница, длиной в четыре фута; оно внезапно появилось из придорожных кустов, рискнуло продвинуться на несколько футов, а затем снова исчезло в зарослях. Поразительно, как замечает ЛаВей, не столько таинственное происхождение этих «существ», сколько то, что они отвлекают путешественника именно на критическом участке «Смертельного поворота».

Область в Сан-Франциско под названием «Край земли», которую ЛаВей имел возможность посещать довольно часто, когда работал криминальным фотографом, состоит из опасно нестабильных, «жидких» грунтов. Один юноша гулял там со своей подругой, когда обвалился склон и проглотил его живьем. Девушка рассказывала, что это произошло так быстро, что у нее едва хватило времени отпрыгнуть самой. Покуда спасатели разыскивали тело, земля непрерывно содрогалась. ЛаВей видел там участки бесконечных тоннелей в человеческий рост, которые вились через подлесок. Органического происхождения лабиринты являются любимыми местами для незаконных и противоправных действий,

в число которых входит сокрытие трупов. Все это кажется очень подходящим к месту, которое некогда было кладбищем. Человеческая плоть является прекрасным удобрением и способна пробудить к жизни любую почву. Даже сегодня земля продолжает содрогаться и скользить; по каким причинам это происходит, ученые объяснить не могут. Сам ЛаВей утверждает, что вся почва вообще намного более активна, чем мы можем это осознать. Подобно многим другим процессам в природе, мы не замечаем этой активности. Фермеры используют это с выгодой, оставляя определенные поля «под паром» на сезон, давая возможность почве регенерировать. В округе остались только два надгробных камня, которые обозначают те места, где раньше были кладбища, один из них выстроен в форме арки. Несколько лет назад на этой арке кто-то повесился.

С помощью дисциплинированной смеси безжалостного скепсиса и магической интриги ЛаВей развенчивает большинство фантазий для того, чтобы вытащить на свет те аномальные феномены, которые действительно могли существовать. Несколько действительно необъяснимых феноменов (не относящихся к эффекту ритуального зала), которые он переживал, были уже упомянутыми серпантинами. Теории, с помощью которых он объясняет несколько явных дематериализаций, включают стремление всех молекулярных структур двигаться по кругу в одном и том же направлении. Когда предметы исчезают, пропадают на несколько дней или месяцев, а затем вновь появляются в положении, развернутом на 180 градусов от первоначального, возможно ли, что они временно переходят в другое измерение, а затем снова возвращаются назад?

Ужас Данвигл из рассказа Г. Лавкрафта проходит через углы трапецоэдра. «Мелькающий на грани», «Пре-

следующий во тьме», все мифологические персонажи ктулху и большая часть поэзии Лавкрафта отсылает читателя к поработленным животным, которые находят проход в наш мир через углы. Многие стихотворения и рассказы ужасов Роберта Говарда, «Дом на границе» Уильяма Хоупа Ходжсона, предположительно апокрифическая «Изумрудная скрижаль Тота» (из которой Лавей сделал текст для «Die elektrischen Vorspiele») и один из наиболее ужасающих когда-либо написанных рассказов, «Гончие Тиндалоса», принадлежащий перу Фрэнка Белкнапа, – все они учитывают эффект влияния углов.

Антон Лавей признает, что однажды сталкивался с лавкрафтовским существом во время вылазки далеко в глубь пещер под Купальнями Сутро, которые были созданы для того, чтобы воссоздать римские бани с несколькими различными бассейнами, наполненными всяческими полезными для здоровья веществами. Резервуары, в которые попадала океанская вода, соединялись с помощью труб с семью большими бассейнами. «Пробираясь через разобранные стенные панели заброшенной раздевалки, я влез далеко вниз в основание здания, так глубоко, как, полагаю, не заходил еще никто в последние несколько десятков лет. Свет моего фонаря выхватил из тьмы большое пространство вязкой земли, уходящее вдаль за пределы света в абсолютную тьму. Было такое чувство, будто я оказался в неосвещенном амфитеатре. Я услышал какие-то гортанные и стонущие звуки впереди и почувствовал ужасающий запах. Вглядываясь во тьму, я смог с трудом разглядеть бесформенную тень, которая двигалась в темноте впереди меня. Затем раздалось шуршание или звук, похожий на хлопанье огромных крыльев. Меня поглотило чувство, что лучше бы мне убираться отсюда подобру-поздорову. Я не стал оборачиваться и разглядывать, что это было».

Если существуют простейшие начала, которые мы могли бы назвать демонами, независимо присутствующими и в других измерениях, могут ли их привлекать такие формы, как трапециод? Могут ли трапециоды выступать катализаторами для пробуждения, помогающими беспокойным духам или демонам с других планет, создающими окна в эйнштейновом пространственно-временном континууме? Могут ли эти демоны, будучи однажды вызванными, чувствовать себя лучше, когда прячутся на каких-нибудь заброшенных землях – в плохо доступных кавернах или бездонных пещерах? Может быть, Лавкрафт, Лонг и подобные им авторы описали чудовищ беллетристически только потому, что такие представления в противном случае были бы сочтены невероятными?

«Знайте, вы, все, кто обитают в свете мнимой правоты, что другие, знающие ключи и углы, открыли Врата и сейчас не время оборачиваться. Вам были даны ключи, но умы малы, и они не могут понять слово. Поэтому, слушайте звуки, о, вы, которые там; огромный колокол перекрывает лай гончих псов. Они костлявы и неутолимы, и проходят они через великий сияющий Трапециод, глаза же их сверкают огнями Ада!» («Сатанистские ритуалы»)

Глава 14. Ведьминский шабаш

Вы не можете уничтожить накопленные за миллионы лет человеческие реакции просто тем, что будете знать, почему вы делаете те вещи, которые вы делаете... Религии и идеологии будут приходить и уходить, а Игры будут начинаться и заканчиваться, но основная природа человека останется неизменной. Все же, только через понимание самого себя сможет он оценить и осознать демона, находящегося внутри него. Тогда он сможет пировать и праздновать в душе и, почувствовав радость, двинуться к Заключительному Решению.

Антон Шандор ЛаВей. Сатанинская ведьма

Где-то в древних рассказах о дьяволизме есть представление о ведьме, которая появляется из своей хижины с распущенными волосами и босиком. Ничто не могло отстоять столь далеко от современной ЛаВею магии. ЛаВей утверждает, что женщины, без всякого сомнения, сильно отличаются от мужчин и что сила женщины лежит в эксплуатации этих ее уникальных свойств.

«Сатанинская ведьма» является руководством по оболъщению, написанным ЛаВеем, в котором собраны его советы женщинам о том, как беззастенчиво использовать уловки, хитрости и вероломство, для того чтобы получать то, что они жаждут.

ЛаВей всегда предпочитал видеть ведьму в качестве волшебницы, чародейки, кого-то, кто очаровывает, а не феминистско-викканские⁵⁵ перепевы на тему ведьмы-лекаря и повитухи, происходящей от англосаксонской вики (*wisa* – «мудрая женщина, ведунья»). В течение многих лет, даже после того как он основал Церковь Сатаны, ЛаВей вел еженедельный семинар «Ведьмы». Книга «Сатанинская ведьма» сочетает в себе большую часть полевых исследований и описания тех техник, которые он демонстрировал в классе.

Однако «Сатанинская ведьма» предназначена не только женщинам. Библиография «Сатанинской ведьмы», наряду с оригинальной страницей посвящения из «Сатанинской библии», считается кратким списком всех тайных авторитетов ЛаВея, и известно, что многие любопытные рыскали по стране в поисках редких книг, перечисленных там. Кроме того, для не-ведьмы может быть интересна книга ЛаВея «Часы-синтезатор», воспроизведенная на последних страницах «Сатанинской ведьмы», – типология, основанная на физиогномике. Первая четверть «Сатанинской ведьмы» объясняет, как распознавать определенные типы и представлять, что нравится и не нравится этим людям, а также какова их мотивация, – это жизненно важная информация, собранная ЛаВеем на основе его опыта работы с цирками, балаганами и театрами бурлеска. Это нелестный взгляд на человеческие причуды, и эти «секреты фирмы» обычно тщательно сохранялись среди тех, кто причастен к тайнам закулисья.

⁵⁵ Неоязыческие.

В основание лавеевских «Часов-синтезатора» положена система телесных типов Шелдона, Кречмера и других, которую ЛаВей соединяет с типологией традиционных магических элементов – Огня, Воздуха, Воды и Земли. «Я предоставляю возможность добиться широких обобщений и осознать основополагающие принципы. Идея, которая лежит в основе типологии, состоит в том, чтобы научиться видеть полотно размером с рекламный щит так, чтобы вы могли опознать те же аспекты в изображении размером с почтовую марку. Если вам удастся натренировать себя распознавать самые гротескные образцы, то после этого вы сможете использовать даже менее определенные симптомы для распознавания типа личности. Все подмеченные вами мельчайшие подробности расскажут многое о характере и склонностях человека. Это то, что в балагане называется «холодным чтением». Например, если вы увидите на девушке черные теннисные туфли, это может означать, что она склонна к тому, чтобы перейти на ношение исключительно черной одежды и, таким образом, имеет интерес к темной стороне, ведовству, сатанизму. Татуировки на женской руке могут сигнализировать о предыдущем байкерском или бандитском прошлом, откуда бунтарство натуры. Обращайте внимание на мелочи. Именно этому умению я и обучаю своих ведьм».

ЛаВей создает типологию, ориентированную по часам так, что каждый индивидуум может быть обозначен как «девятичасовой» или «четырёхчасовой» тип, например. Начиная сверху, с чистого двенадцатичасового типа, он описывает его как тип маскулинный – широкие плечи, узкие бедра, короткие ноги, крепкое сложение, склонность к доминированию, агрессивности, театральному поведению, импульсивность и авторитаризм. Чистый тип Огня – яркий, бросающийся в глаза человек в самом прямом смысле этого слова. Чистый

тип Воздуха (трехчасовой) имеет узкое, астеническое сложение, он обладает прозрачной кожей и отличается жилистой силой. Он интеллектуал, скорее мыслитель, чем человек действия, технически мыслящий, критик общества. Больше всего ему идет синий цвет. Шестичасовой тип Воды – чистый женский элемент. Являясь полной противоположностью двенадцатичасовому типу, эта группа имеет узкие плечи и широкие бедра, тонкую талию, создающую хорошо очерченные формы, длинные ноги, зефироподобную плоть, ей свойственны более текучие движения. У нее стабильная, зависимая натура, она щедра, преданна и делает то, что обещает. Подобно океану, она может часто менять настроение и быть эмоционально нестабильной. Ее цвет – это цвет морской волны. Девятичасовая женщина – это чистый тип Земли, с полным строением и плотью, подобной резине. Она – социальный тип, легко достигающая согласия, практичная, обладающая богатыми ресурсами, скорее человек действия, чем мыслитель, – полная противоположность интеллектуальному трехчасовому человеку. Мужские и женские местоимения используются здесь только для удобства – мужчины и женщины могут в большей или меньшей степени относиться к той или иной из этих базовых групп. Женщина с задатками человека, склонного к доминированию, может располагать сильными маскулинными характеристиками и быть крупной двенадцатичасовой женщиной; мужчина же с большим количеством фемининных характеристик может, естественно, оказаться в шестичасовом или семичасовом секторе.

ЛаВей стремится обратить внимание на то, что «в нашем обществе сейчас запрещено разделять людей на типы. Все мы должны быть равными, никто не имеет права судить нас в соответствии с тем, как мы выглядим. Но я скажу, что внешность, эстетика, – это

все. В 30-е и 40-е годы был достигнут большой прогресс в определении характера. Но с пришествием великой интеграции стало считаться, что мы должны смотреть на физические возможности человека, в направлении глубинной общности, которую мы все разделяем. Это ерунда. Знание того, какие характеристики соответствуют определенной внешности, совершенно необходимо для магии. Как только вы научитесь разделять людей на типы, вы будете уметь читать в их душах. И не важно, что будет с ними происходить: они останутся верными своим базовым склонностям. Такой подход никогда не подводит».

После того как будущая ведьма определила себя по часам-синтезатору ЛаВея, она должна оглядеть весь круг, чтобы найти тот тип человека, которого она склонна привлечь. Давно известная максима о том, что противоположности притягиваются, используется и здесь, кроме того, дается и объяснение того, почему именно они притягиваются. Если мужчина является тощим как рельс трехчасовиком, зависящим от своего интеллекта и вербального умения для привлечения людей, существует шанс, что он окажется с общительной, представительной, более «тяжелой» женщиной, которой нравится готовить, устраивать вечеринки и праздники. Нас притягивают наши противоположности – они привлекают нас своим отличием от нас самих. Нашей вовлеченностью мы достигаем того, что получаем доступ к своему тайному «я», которому мы разрешаем показать себя миру. Наш партнер дает нам другое измерение, и нас тянет к нему, хотим мы того или нет. Подобным же образом, если вы видите, что отношения вырастают на почве большой близости партнеров друг к другу, что они находятся слишком близко друг к другу на часах, можно биться об заклад, что они не будут находиться вместе слишком долго, и люди будут удивлены вашей

проницательностью. Многие типы людей любят заводить отношения – по причинам сексуального характера или близости в компании – с людьми, которые находятся близко к ним на часах. Но дело в том, что они не притягиваются друг к другу так, чтобы эти отношения углубились еще больше и они смогли бы остаться вместе.

ЛаВей дает определение уникальной концепции, которую он называет ИЭК (ЕСІ, инерцией эротической кристаллизации). Это женские ухищрения, которые базируются на изначальном сексуальном опыте мужчины или на том времени, когда он родился, помогают определить фетишистские способы «завести» мужчину. ИЭК мужчин, молодость которых пришлась на Вторую мировую войну, будет состоять из чулок, платьев и юбок, сшитых на заказ, яркого макияжа – именно того, что носили сексуально доступные женщины в 1942 году. Для мужчин, сформировавшихся в 1960-х, ИЭК будет чем-то совершенно иным – синие джинсы, длинные прямые волосы, политически ангажированные и активные женщины – вот тот типаж, который, вероятно, будет для них особенно привлекательным.

ЛаВей приводит в своей книге короткий список реплик, могущих помочь находить фетиши. Эти реплики вы можете вплетать в разговор с вашей предполагаемой добычей и проверять реакцию. Например, это могут быть суждения о том, что вы не желаете получать от мужчины «пустую болтовню», обсуждение того, как вы вцепились в волосы другой женщине, стыд по поводу того, что вас наказал ваш босс или вы нечаянно обнажили какую-то часть своего тела. Упоминание о какой-нибудь части вашего нижнего белья, которое на вас надето, является хорошим детектором фетиша. Одна или несколько таких реплик гарантированно вызовет ответ. «Каждый мужчина является фетишистом, – пишет ЛаВей. – Вам просто надо обнаружить, что является его фетишем».

Мужские журналы знают о существовании фетишей и поставляют их целевым группам. ЛаВей однажды дал интервью мужскому журналу *Hustler* (в декабре 1979 года), где рассказывал о своих сексуальных подвигах. Статья же сфокусировалась на том, как пускает ветры Мэрилин Монро. Хотя ЛаВей никогда не поднимал эту тему, его заставили признать, что подобно всем другим людям, Мэрилин должна это делать. «*Hustler* практически довел эту тему до уровня громкого, скандального дела». После того как статья вышла, все случилось именно так, как боялся ЛаВей, – около полудюжины страдающих от газов обладательниц одиноких сердец стали его помогать. Следует ли говорить, что ЛаВей не был этим обрадован. Но эта апокрифическая сказка о Мэрилин вошла в историю. Впоследствии в других «мемуарах» и биографиях, написанных «ближайшими знакомыми», упоминалась ее склонность к этому физиологическому отправлению.

Успешные ведьмы никогда не должны забывать о Законе запрещенного. ЛаВей объясняет: «Всегдашней причиной очарования ведовства и колдовства было то, что их считали табу. Первая ваша обязанность в качестве ведьмы – это обязанность перед своей внешностью. Все мужчины вуайеристы, и большая часть того, что их привлекает, основывается на том, что они видят. А то, что они видят в вас как в ведьме, должно быть потрясающим, и ничто не является столь потрясающим, как то, что не должно было быть видимым... Когда дело доходит до обольщения, все мужчины делаются в душе гадкими мальчишками... В наши дни люди стали совершенно отрицать ценность непреодолимого влечения. Однако его невозможно отрицать, когда женщины стали носить брюки, а сексуально провокативные картинки не сводятся только к изображениям полностью раздетых женщин, снятых спереди. ЛаВей предупреждает

женщин против проецирования их собственных стандартов в отношении других женщин на свою собственную сексуальную привлекательность для мужчин. «То, что женщина больше всего ненавидит в самой себе, – свой женский запах, свой целлюлит, свои движения, свои пигментные пятна, – это как раз те вещи, которые я нахожу наиболее привлекательными в красивых женщинах, потому что именно эти вещи делают ее уязвимой, те вещи, которые делают ее настоящей женщиной».

В противовес утверждению белых ведьм о том, что магию надо творить нагой, сатанистская ведьма понимает силу одеяния. Как может мужчина почувствовать себя грязным маленьким мальчиком, если он видит что-то, что, по идее, абсолютно *не предназначено* для того, чтобы быть видимым, что должно быть скрытым одеждой? Истинная ведьма одевается в гораздо большее количество одежды, чем большинство женщин, но именно это и делает возможным показать больше. Лавей приводит провоцирующий пример с танцовщицей с обнаженной грудью, равнодушно потрясающей своим хозяйством перед группой равным образом не воодушевленных мужчин. И тут в зал входит зрительница – достаточно консервативно одетая, в классических туфлях-лодочках на трехдюймовом каблуке, в хорошо сидящей, но неброской одежде. Ее сопровождает мужчина, и на ее пальце – скромное обручальное кольцо. Когда она присаживается к стойке бара, подол ее платья нечаянно цепляется за спинку стула, и дело доходит до того, что она обнажает гораздо больше, чем могла предположить. Присутствующим мужчинам предоставляется возможность обратить взгляд в сторону замужней женщины, на которой надеты традиционные бежевые чулки со швом, они видят бледную кожу на ее бедрах. Они могут увидеть даже и немного испачканную

резинку на задней части ее бедра и кусочек ее слегка полинявших трусиков. Ее нижнее белье не черного или красного цвета, как сценическое обмундирование, которое демонстрирует девушка на сцене, это нечто гораздо более опасное – Запретное. И взгляды всех мужчин в зале устремляются к одежде этой дамы; они забывают о том, что происходит на сцене!

В «Сатанинской ведьме» ЛаВей предлагает тот вид одежды, который может изменить позицию женщины на часах: «когда женщина обнажает заднюю часть шеи или заднюю часть ног, это всегда очень привлекательно, потому что сигнализирует об уязвимости и буквальном обнажении себя, доступности для домогательства. Подобная уязвимость не работает по отношению к мужчинам. Футболки без воротника, который призван защищать шею, и шорты, которые закрывают минимум тела, заставляют мужчину чувствовать себя неудобно – он чувствует себя как сидящая утка. Это то, что я называю одеждой для грудничков. Наряду с обнажением шеи и ног, с поясами с резинками, с высокими каблуками и просто скроенными платьями и юбками, ЛаВей рекомендует полноценное нижнее белье в противовес бикини, которые все обнажают, яркие цвета в макияже, отсутствие избытка бижутерии и избегание тяжелых духов или дезодорантов, которые маскируют ваши естественные обольстительные запахи.

ЛаВей выпустил «Сатанинскую ведьму» на вершине феминистского безумия. Книга была задумана как противоядие от того, что ЛаВей назвал наиболее эстетически бесплодным периодом в истории. Реакции, как это обычно случалось с работами ЛаВея, были полярными. Хелен Гэрли Браун выпустила сокращенный вариант в *Cosmopolitan*. Лучший нью-йоркский ди-джей, Барри Фарбер, воскликнул: «Боже мой, мужик, ты понимаешь, что у тебя вышло? Это на 25 лет опережает

время – это прорыв в понимании человеческих мотиваций». «Наоборот, – говорит ЛаВей, – реакция со стороны феминисток, когда моя книга впервые появилась, была невероятной – книги публично сжигали, в магазинах устраивали пикеты. Во время рекламного турне, когда я совершил ошибку и сообщил в радиозфире, что буду находиться в таком-то и таком-то магазине, подписывая книги, они заявились туда целой толпой, в своих ботинках и макси-юбках».

Учитывая отношение ЛаВея к истинной силе женщин, неудивительно, что он мог сказать мало хорошего о влиянии феминизма. «Феминизм отрицает и извращает естественные взаимоотношения мужчины и женщины. Существует магнетическое взаимодействие между мужчинами и женщинами, которое можно использовать в магических целях, подобно вечному двигателю. Когда-то описывалось как инь-ян, активное-пассивное... В сатанистских церемониях – это взаимодействие между доминирующим Священником и принимающим женским алтарем. Но феминистки в их кажущемся поиске равенства выплеснули вместе с водой ребенка. Это действительно отвратительно, потому что женщины обычно доминируют в отношениях, если только мы не видим пару, в которой взаимодействуют крайне маскулинный тип мужчины и крайне фемининный тип женщины. Феминистки уничтожили дороги, которыми можно было прийти к власти над мужчинами, известные женщинам в течение всей истории. Но такая система оказалась неподходящей для консьюмеризма. Женщины – самые лучшие потребители, но они не могут тратить вместо денег простые любезности. В постфеминистскую эпоху «освобождения» деньги платят и мужчины и женщины – платят все – с помощью пластиковых денег, в соответствии с тем, как бог (то есть телевидение) требует их тратить. Уже не осталось места для

обмена, потому что женщины стали выше того, чтобы принимать от мужчин любезности. Теперь у них есть собственные деньги, которые они могут получать, напрямую подключаясь к экономической системе. Даже проститутки сейчас умеют зарабатывать деньги и тратить их так, как им хочется.

Большинство мужчин настолько запуганы, настолько пресыщены тем, что им приходится иметь дело с женщинами с накладками на плечах, что они выдвигают большие требования к женщинам в попытке защитить свою власть. Они настолько привыкли к тому, что женщины угрожают их маскулинности, что пользуются любой возможностью оказать нажим на кого угодно, будь это даже и изначально пассивная женщина. Вот в этом и заключается истинное преступление, совершаемое феминизмом, – он создает ситуацию, в которой восприимчивая женщина, находящаяся на его часах внизу, должна страдать от того, что сделали с мужчинами находящиеся на вершине часов женщины. Их ограбили, лишив будоражащего удовольствия осуществлять тонкий эксгибиционизм и испытывать желание. Женщины в дофеминистском мире были совершенно счастливыми и максимально успешными. Сейчас же они вынуждены соревноваться с женщинами с вершины часов за работу в офисе, за работу в промышленности и страдать от отчуждения мужчин.

Когда его спрашивают об этом, Лавей признает, что его взгляды звучат даже сильнее, чем обычный шовинизм. «Я убежденный женоненавистник, – заявляет Антон. – Но только потому, что я так сильно люблю женственных женщин. Отторжение женоненавистника основано на ревности. Видя силу, с которой так умело обращается агрессивная пассивность, дополняя ее традиционными женскими хитростями, он жаждет сам располагать некоторой частью такой силы, тайно

восхищается ею и пытается овладеть ею, прежде чем она овладеет им. Но демонстративно мужеподобные и доминирующие женщины не вызывают дуалистичных страданий, – как я написал, они являются бесполезными тварями – слишком наполненными гордыней для того, чтобы позволить нагружать себя, и недостаточно привлекательными для эксплуатации. Мы, женоненавистники, нуждаемся в изысканных, тонких, поддающихся, мягких женщинах, чтобы ублажить свою мужественность. Я считаю хорошо сформированного гетеросексуального женоненавистника оплотом в борьбе против наиболее разрушительной формы дефеминизации».

Еще одним вредным побочным результатом феминизма, как видит его ЛаВей, является инверсия сексуальных ролей. «Произошла полная смена полюсов, – говорит ЛаВей. – Оглянитесь вокруг. Существует разница между мужским и женским метаболизмами – у женщин имеется постоянная тенденция мерзнуть. У них более медленный метаболизм. Мне всегда очень жарко, и я все время спрашиваю себя, почему. Почему везде, куда бы я ни пришел, мне постоянно так жарко? И тогда я наконец понял, что произошло. Может быть, это потому, что я мужчина, живущий в женском мире. Если мужчины делаются женщинами (а женщинам нужно тепло и кинетическая энергия), мужчины делаются такими холодными, какими некогда были женщины. Мужчины переняли от женщин даже их метаболизм. Из них в наши дни получаются лучшие женщины. Для них никогда не бывает слишком жарко. Когда вы имеете дело с целой нацией женщин, никто не будет ощущать приливы жары, потому что чистых мужчин уже не осталось. Вы изнемогаете от жары, это означает, что все вокруг устроено для более низкого метаболизма. Лысенко, Ламарк и другие проследили изменения, которые происходят с организмами на протяжении одного-

двух поколений под влиянием окружающей среды. Для того чтобы произошли такие изменения, вам не требуется 50 тысяч лет эволюции.

Теперь мужчины ходят на рынок, – замечает Лавей, – так, как это некогда делали женщины. Высказывание “женская работа никогда не кончается” ныне применимо и к мужчинам. “Элвис-Пелвис”⁵⁶ изменил представления о том, как должны двигаться мужчины. Теперь мужчины убирают в доме и делают скучную работу, а женщины таскают тяжести. Некогда было так, что сила женщины концентрировалась в ногах и тазовой части, а сила мужчины – в руках и верхней части тела. Центр тяжести находился у женщин внизу, а у мужчин наверху. А сейчас – оглянитесь вокруг: мужчины перестают быть энтузиастами, как это было раньше. Креативное мужское сексуальное начало сублимировалось, превратилось в апатию. Женщины традиционно проявляют сексуальность в удержании и сохранении. Сексуальное влечение передается им мужчиной. Это именно то, в чем нуждается новый мужчина, – в передаче ему сексуального влечения, в жаре, в потенциях, исходящих из женщин. Новый стон женщин звучит так: “Где же настоящие мужчины?” У нас имеется целая нация холодных, бесплодных женщин, сваленных в одну кучу со своими партнерами-мужчинами, чтобы сохранить тепло. Но женщины по природе не производят. Они передают. Они воспринимают. В них ничего не изменилось – фемининные характеристики по-прежнему остались на месте, они просто эксплуатируются более эффективно, чем раньше».

Лавей, однако, не теряет надежды. Он видит, что сатанистские идеи влияют на взаимодействие мужчины и женщины и создают основу для возвращения во

⁵⁶ «Элвис-задница».

взаимодополняющее общение между чисто маскулинными и чисто фемининными характеристиками сна и снова. «Сатанистская ведьма» была сильным ударом, направленным на восстановление сексуальной дифференциации на протяжении наиболее андрогенного периода нашей истории. Ныне, после почти двадцати лет тайного просачивания в мейнстрим, сексуальное влечение снова привлекает внимание к себе. «Воображение (наряду с сексуальными игрушками) выходит на первый план при изменении сексуальной сцены (из-за угрозы СПИДа). Люди делаются все более осмотрительными в своих сексуальных связях, возвращаясь к единственному безопасным нишам – похотливости и вуайеризму. Женщины снова учатся искусству флирта и деликатного эксгибионизма. Мы должны вернуться к очарованию сексуального влечения, вне зависимости от того, кричат феминистки о том, что женщины “эксплуатируют свои тела”, или нет.

Женщины могут снова научиться использовать свои отличия, чтобы приобрести большую власть. Но они должны быть высокоразвитыми женщинами. Большинство женщин продолжают трусить и принимать за чистую монету то, на что их запрограммировали, – эмоционально и экономически. Продвинутые, сатанистски ориентированные женщины могут выбрать свой собственный стиль сами, а не ждать, чтобы кто-то другой навязывал им его. Они могут участвовать во всех видах деятельности и ритуалах, если хотите, чтобы уничтожить то, что промывающий мозги феминизм сделал с современными молодыми женщинами. Садомазохистские пирюшки и дьявольщина, опыты по изменению формы, дисциплинирующие игры – женщины ищут чего-то в этом роде в своей личной жизни, потому что это является идеальной терапией. Но снова и снова, чтобы стремиться к подобным сатанинским эксцессам, они должны быть крайне уверенными в себе. Если вы находитесь

хотя бы в одном шаге от канавы, вы слишком боитесь вернуться назад, чтобы поучаствовать в греховной, разлагающей деятельности. Но продвинутые женщины осознают, что им придется вернуться к сфере большей фантазии, церемонности, метафоричности, воображения и магии в своих отношениях».

Когда-то давным-давно некоторых женщин, вследствие их особой привлекательности, развратности или какого-то другого отличия, обвиняли в том, что они ведьмы, которые летают на метлах на свои шабаши, где якшаются с Сатаной. Прежде чем отправить молодых на шабаш, старшие женщины умащивали их мощной летательной мазью, смешанной с белладонной, чтобы подготовить к путешествию. Затем девушек учили лечь на спину, положить метлу между бедер и предоставить Сатане возможность взять их.

В фильме «Свенгали» Бэрримор добивается того, что у Трилби возникают в отношении него лихорадочные мысли, его ум достигает ее даже поверх лондонских крыш. Вампиры, Свенгали, Сатана – названия здесь не важны – располагают определенной властью. Фантазии имеют над женщиной не менее реальную власть, чем физический контакт. Именно такими и являются воплощения, единственные интерпретации, которыми мы располагаем, имея дело с пугающими, соблазнительными, темными романтическими силами, с которыми имеют дело некоторые девушки. Какая-то сила снисходит на них, говорит с ними, вступает с ними в половой контакт, переполняет их. Существует масса вещей, которые мы пока не осознаем в отношении окон в пространстве и времени и о том, как ими можно манипулировать с помощью силы воли. Разве существует лучший способ удовлетворить большое количество женщин, чем посредством контакта через большие расстояния, фантазии и хитрости?

Наваждения начинаются в очень молодом возрасте, затем снова возникают в подростковом периоде, вызывая непереносимое влечение и непередаваемый экстаз при «прикосновениях». Они вызывают пульсирующую, волнообразную тягу и боль. Девушки начинают разыскивать тайные книги и искать в них темные, запретные идеи для того, чтобы разобраться в своих стремлениях и попытаться обнаружить, что с ними происходит. Многие из них, пройдя через довольно долгие попытки понять это, приходят к уверенности в том, что их коснулся Сатана.

За всеми «гадкими» уловками с высокими каблуками, чулками со швом, фантазиями, фетишами и запахами, однако, мелькает настоящее и опасное содержание «Сатанинской Библии» Антона ЛаВея. Это тема, на которую нельзя было писать прямо в 1970 году, и в наше время она по-прежнему табуирована. Под прикрытием практического ведьмовства ЛаВей написал учебник по евгенике, вероломно выдвинув идею систематизации и естественного отбора, чтобы ею могла воспользоваться любая женщина, которая читает и придает значение тому, что написал ЛаВей. «Вследствие насильственного эгалитаризма, – говорит ЛаВей, – потерянная наука евгеника, искусство типизации людей, были объявлены вне закона, а дарвиновские процессы естественного отбора извращены».

Глава 15. Мазохистская Америка

Постоянно возникающей темой в произведениях и размышлениях ЛаВея в последний десяток лет является тема о том, что основной мотивацией большинства людей является боль и страх. «Чем большей болью нечто дается им, тем больше они это любят», – говорит ЛаВей. Мазохисты находились на подъеме на протяжении последующих сорока лет, особенно с 1960-х годов. Для объяснения причин ЛаВей связывает боль, перенаселение, балаганные карусели, кроссовки, христианство и капитализм в одно целое таким образом, каким это мог сделать он один, чтобы точно охарактеризовать то, что происходит с американской психикой. Как во всем том, что является лавеианским взглядом на мир, у этого аспекта его мысли тоже есть явный макиавеллистский оттенок.

ЛаВей описал себя как «очень счастливого человека в непреодолимо несчастливом мире». По мере роста нашего послевоенного потребительского общества, полагает ЛаВей, американцы должны оставаться постоянно неудовлетворенными, необразованными и

неуверенными в сохранении экономической стабильности. Мы должны находиться в уязвимом положении, должны быть легкой добычей для телевизионной рекламы и политиков. Уверенные в себе, защищенные люди не обязаны покупать правильный дезодорант или бегать по утрам определенное кем-то количество километров, чтобы добиться того, чтобы общество приняло их.

Эволюция трутня (то есть идеального, уступчивого потребителя) началась во время Второй мировой войны, когда чрезвычайные обстоятельства заставляли женщин работать на местах, традиционно занимаемых мужчинами, и примеривать на себя мужские роли, – на фабриках и фермах, в то время как их мужья и возлюбленные воевали в Европе и на Тихом океане. В условиях, когда экономика оказалась в руках женщин, маркетинг изменился так, чтобы эксплуатировать женскую капризность и природную неуверенность в себе.

«Женщины являются лучшими потребителями, чем мужчины, – говорит Лавей, – вследствие присущего им от природы мазохизма. Фрейд сказал об этом еще очень давно – это одна из причин, почему на него смотрят так критически в нашу постфеминистскую эру. У женщин, действительно, есть необходимость в увеличении возбуждения, физической активности и выхода высокой энергии. Я говорю о женщинах, находящихся внизу «часового круга», да и о мужчинах того же типа, если уж на то пошло. Эти физические типы, которые я называю чистыми фемининными типами, изначально являются более неуверенными, а реклама играет именно на этой неуверенности. Они более уязвимы. Все эти вещи используются при продаже продуктов, и эта система начинает кормиться сама собой». Когда мужчины вернулись домой, методы продажи товаров не изменились. Сексуальная инверсия расцвела в 1955 году, когда

на прилавках появился первый выпуск *Playboy*. Те женщины, которых ЛаВея определяет как женщин «с вершины часового круга», – высокие женщины с большой грудью, широкими плечами и узкими бедрами, – превозносились, тогда как кругленькие, похожие на пышек, девушки вызывали критику, их называли толстыми. Таким образом мужчин побуждали действовать в роли женщин, когда они были вынуждены восхищаться женщинами из сектора «вершина часового круга», чисто маскулинными женщинами.

Романтический идеализм и удовольствие, получаемое от сексуального влечения, были объявлены болезнью, и начал преобладать гинекологический взгляд на женщин. Период «фильма нуар» с его верными хористками и гангстерами-антигероями закончился. Вошли в моду яркие, броские полноцветные фильмы с чистыми, здоровыми, изящно одетыми женщинами. Исчезли дешево обольстительные официантки, которые добивались того, чего хотели, посредством деликатного эксгибиционизма. Женщины утратили сексуальность, а мужчины демаскулинизировались, стали узкоплечими мужчинами с Мэдисон-авеню в костюмах из серой фланели, и именно эти мужчины стали считаться идеалом.

И наступает последняя стадия эволюции трутня: хиппи, по мнению ЛаВея, – окончательная деградация мужчины, абсолютно андрогенный тип людей, убежденных в том, что они являются бунтовщиками против общества (все пятьдесят миллионов хиппи), настолько одурманенные наркотиками, что более уже не могут думать самостоятельно или задаваться вопросом по поводу того, что им скармливалось (и при этом каждый из них убежден в своей поразительной индивидуальности и уникальности). Разве есть лучший способ сделать людей уязвимыми, чем накачать их сносящими крышу наркотиками? «В целом, люди в 30-е и 40-е годы,

не были такими легковверными. Они не были очень изысканными, они просто не сталкивались с огромным количеством вещей. Ныне все изысканно умны и остроумны – но намного более легковверны и наивны, чем 40 лет назад».

ЛаВей считает, что христианство имеет отношение к нынешней потребительской зависимости. Если религия учит слепой вере, слепому почитанию авторитетов и невежеству, то никто не может думать сам за себя. Точно так же, как монахи бичевали себя за своего Господа, в нас ныне вколачивают: «Не помучаешься – не получишь», и делают это те, кто продает оборудование для спортзалов. Цели те же, уровень продаж другой. Существуют только три характеристики современного человека, которые вознаграждаются: глупость, иррациональность и безответственность.

«Они мазохисты, – объявляет ЛаВей, – не осознающие себя таковыми, неопознаваемые мазохисты. Они живут в бинарной системе – могут с таким же успехом быть живыми машинами. Любить – умереть, ненавидеть – умереть, бежать – умереть. Никаких оттенков серого, никаких полутонов, никакой деликатности. Ничего кроме включить – выключить, черное – белое, добро – зло, действие – смерть. Они должны либо пинать, царапать, угрожать, подгонять, либо умереть. Ничего в промежутке. В этом тоже есть стремление к смерти, кальвинистская этика воздержания. Большинство людей испытывают необходимость в том, чтобы их наказывали. Тогда они выигрывают в любом случае. Если они становятся правильными, как указывают им во всех этих книгах, и получают то, что хотят, тогда они выигрывают. Если они получают удар в нос, то затем все равно достигают того, чего добивались, – личного внимания, боли, чувства того, что они живы. Они играют наугад. Скажем, они толкаются с десятью людьми, и один из этих людей дает им

то, что они просили; и они впереди. Так же и с продавцами – торговля начинается с первого «нет».

В нашей системе просто существует слишком много людей, которых она должна поддерживать. Это такой же закон, как закон гравитации или термодинамики, только для человека чем больше существует людей, тем глупее они будут. Самое важное, что должно обеспечить перенаселенное общество, – это неотъемлемое право на глупость – как „право на жизнь и право на ошибку“. Иной оборот дела экономически невыгоден. В конце концов, разве не в этом состоит счастье? Сказано же было, что единственные совершенно счастливые люди – в сумасшедшем доме.

Люди, которых мы называем склонными к суициду, в действительности не являются людьми с отклонениями, – они просто говорят о том, что чувствует большинство людей этого общества. Они не очень хотят жить, на самом деле они хотят умереть. Жить – это слишком большая работа, это означает испытывать полноту эмоции, быть целеустремленным, быть верным, дышать, тянуться куда-то дальше, реализовывать свой потенциал, – всей этой работы слишком много. Все, чего они хотят, – это немного поболтаться в жизни, а потом просто свинтить.

Большинство людей либо сами создают беспорядок в своей жизни, либо допускают, чтобы его для них создали. Они идут по жизни, пытаясь отвлечься, найти какие-то лазейки, которые не дали бы им думать о жизни. Они ждут и палача, который убьет их. Слабый ищет кого-то, кто выглядит сильным, успешным, превосходящим его, и не перестает его теребить, пока тот не обернется и не расплющит его. Затем, подобно оргазму, достигаемому в момент смерти, их конечная цель достигается в экстазе, получаемом, когда хрустят их шейные позвонки.

Вот почему надо, чтобы паразиты погибли в бесчестье и унижении, не имея возможности указать на что-нибудь и сказать: «Смотрите, он делает это со мной». Это мечта мазохиста. Они *хотят* быть жертвами так, чтобы могли иметь возможность уничтожить сильного своими обвинениями. Я не настолько склонен к благотворительности».

Неукротимая мизантропия ЛаВея порой делается пугающей. «Я делаю следующий шаг вперед, продолжая принадлежащую Карлу Панцраму максиму „Я положу конец их страданиям“, и говорю: „Я заставлю их чувствовать нечто, что иначе они никогда не смогли бы почувствовать. Я буду их стимулировать – впервые за всю их жизнь“. Даже умирая, они живут.

Они *должны* страдать – я сам должен страдать от своей осведомленности каждый день. Каждый день они просыпаются, чтобы встретиться с новым миром. У них нет никаких демонов, никто на них не нападает. Это нужно как-то уравновесить. Моя философия предполагает, что я должен сделать это, – почему они находятся в преимущественном положении? Мне бы это не сошло с рук! Сатанисты каждый день сталкиваются с этим, когда все говорят им, что они не правы, сбиты с толку. Почему бы глупцам тоже не увидеть какую-то перспективу?»

ЛаВей не находит ничего хорошего в американской политике, полагая, что она не более чем спорт для зрителей, цель которого – держать людей занятыми, в то время как настоящая история и интересные события происходят в другом месте. «Большинство людей не хотят выбирать лидера – они хотят выбирать палача. Поэтому когда они “выбирают лидера”, они, на самом деле, говорят: “я хочу, чтобы именно ты нажимал на переключатель, а не кто-то другой”».

Ныне, говорит ЛаВей, есть слишком много зомбигауляйтеров – боссов из соломы, которые сами по себе

являются рабами СМИ. Они более всего хотят выехать за счет еще оставшихся людей-незомби.

Проблема с обществом, нацеленным на то, чтобы просто растить все больше потребителей, совершенно очевидна – это общество старается принизить сильных и замедляет, даже обращает вспять эволюцию. Принцип выживания наиболее приспособленных превращается в свою противоположность, потому что слабые являются лучшими потребителями. В результате все худшие элементы общества оказываются под охраной и защитой, а все лучшие элементы подавляются. Мы постепенно лишаемся тех свойств человеческой природы, которые сделали нас успешными на этой планете, – ума, находчивости, оригинальности, любопытства.

Существуют ли способы, с помощью которых человек высшего склада мог бы защитить себя от принижающего мазохистского консьюмеризма и глупости, которая из него произрастает? У ЛаВея есть несколько предложений на этот счет, от эфемерных до довольно практических: «в прежние времена ворот, стальных решеток, охраны было достаточно, для того чтобы защитить себя от захватчиков. Теперь же нужна защита от легализованного, аккредитованного воровства, которое уничтожает лучшие, индивидуалистические элементы. Для этого нужны план, формат и общее направление. Ныне нападающие воруют права людей на ум, силу воли и чувство индивидуальности точно так же, как раньше они взламывали машины.

Большой бизнес придумал способы обойти любые налоги. Мы должны сделать то же самое, распространив эту идею на абстрактные ценности. Никто не догадался бы, что кто-то захочет получить то, что находится у вас в голове, – ваши воспоминания, ваши чувства, ваши ощущения, – но именно это и происходит. Они хотят ограбить нас, забрав самое ценное, что у нас есть.

Сатанисты должны использовать защитную окраску и камуфляж еще более активно, чем раньше. Все, чего вы сильно желаете (неважно, реальность это или абстракция), вероятно, должно защищаться глупыми корпорациями – это единственная вещь, для которой очень хорошо подходят люди, относящиеся к толпе». Для этого надо разработать систему, в которой использовались бы фиктивные боссы, зиц-президенты, а работали бы компетентные, восприимчивые люди, чтобы истинным лидерам не приходилось бы тратить время. Это ведь еще один довольно абстрактный продукт, который зомби хотели бы забрать у тех, кто привык достигать своих целей».

Помимо этих предосторожностей и защиты, необходимой для людей высшего порядка, ЛаВей предлагает несколько способов эффективно направлять людской мазохизм. В качестве примера он описывает церемонию, которую на ранних этапах проводили в Церкви Сатаны, – «ритуал усиления». ЛаВей выбирал человека, который представлял ту часть мира, которая должна страдать для того, чтобы быть счастливой, кого-то, в чьей личности содержалась крупная мазохизма, лежащего в основе христианской набожности, исполненной чувством вины и комплексом греха, но кто противился бы тому, чтобы его преследовали за иной взгляд на вещи. Участники ритуала бичевали человека, называемого «Сосудом Священной Боли», который таким образом впитывал их проступки, – вместо того чтобы они избавлялись от грехов путем самобичевания, как в христианской религии. ЛаВей предлагает обществу в целом воспользоваться некоей вариацией этой идеи. По ЛаВею, мы можем освободиться от разногласий, если у нас будет мужество обнаружить наши естественные предрасположенности без того, чтобы слепо покупать (во всех смыслах) то, что нам подсовывают.

Во-первых, мы должны избавиться от семантических ловушек – от начальника и секретаря, от садиста и мазохиста, от хозяина и раба. «Люди не должны бояться использовать слова, которые предполагают или вызывают ассоциации со слабостью или подбострастием, – объясняет ЛаВей. – Если правда была бы известна, все бы знали, что хозяин гораздо больше зависит от раба, чем наоборот. И как может босс обойтись без эффективной секретарши? Она – единственный человек, который знает, где что находится. Нет никакой необходимости придумывать новый язык (как попытались сделать феминистки); люди сопротивляются и отторгают его. Самые простые и наиболее эффективные пути решения проблемы – это взять то, что есть, и переопределить его. Когда кто-то слышит слово “раб”, надо услышать в нем слова “помощник, некто поддерживающий”. Хозяин – это “мотиватор”, “тот, кто обеспечивает”. То же самое касается и термина “сатанист” в положительном смысле. В этом заключается вся философия сатанизма – в том, чтобы взять табуированное слово или концепцию и использовать их так, как вам это кажется правильным».

Преимущества умения наслаждаться болью на самом деле существуют. Самый лучший бизнесмен должен быть немного мазохистом, потому что ему надо идти на невероятный риск и не бояться этого. Терпимая личность с самого начала обрекает себя на поражение, потому что слишком боится боли, которая неизбежна вместе с потерей всех инвестиций. Многие мужчины-мазохисты наиболее успешны, потому что они научились потакать своим пристрастиям в контролируемом, ограниченном пространстве, которое не может нанести никакого вреда их успеху. Мазохисты больше склонны к тому, чтобы рисковать и проигрывать, – они не против того, чтобы понести ущерб. Если мазохист

выигрывает, то он выигрывает. Если он проигрывает, то он все равно выигрывает.

Однако ЛаВей определяет важную разницу между саморазрушительным мазохизмом и самоодаряющим мазохизмом. Существуют два четких аспекта личности, которые означают разницу между поражением и успехом. Существуют самоутверждающиеся мазохисты, которые жаждут воплощать (изгонять) свою предрасположенность добиться чего-то в мире, и саморазрушительные мазохисты, настроенные на самопоражение. В космологии ЛаВея разница между низшей и высшей женщиной заложена в умении или неумении посмотреть на себя ясно и смело и использовать то, что у нее есть, максимально себе на пользу. Самоутверждающийся мазохист может быть очень сильной личностью и сильным союзником.

Для того чтобы помочь обнаружению и честному использованию боли, ЛаВей предлагает организовывать больницы, в которых практиковались бы те же взгляды, что и в Церкви Сатаны, целью которых было бы очищение от чувства вины по поводу того, что человек получает удовольствие от боли, а не «лечение» людей от мазохистских склонностей. У него даже были идеи для создания машин, сконструированных для такой терапии. Он называет их «аутоэротическими тумблерами-возбудителями» – это большие цилиндры, которые вибрируют и подпрыгивают, а женщину, которая находится внутри, трясет и кидает на стены. Такие машины должны были быть женским эквивалентом анатомически совершенных искусственных человеческих компаньонов. Это были бы идеальные женские приборы для мастурбации; женщина наконец-то смогла бы встряхнуть себя до такой степени, что из нее вышла бы лишняя энергия – в любое желаемое ею время. «Если бы существовал хорошо организованный форум,

женщины смогли бы сами заняться своей жизнью и перестали бы охотиться за модными новинками. Они бы научились контролировать свой мазохизм и использовать его».

ЛаВей предлагает американской публике упражняться в мазохизме не только на публичном уровне, но и на личном. Массовый интерес (христианство, телевидение, потребительское общество) эксплуатирует индивидуальную потребность-инстинкт любви, практикуя их удовлетворение на массовом уровне. ЛаВей предлагает заключить частный пакт между женщинами и мужчинами, чтобы сфокусироваться на связи раба и господина в успешных взаимоотношениях. Во многих парах часто возникают проблемы, потому что один человек не доминирует в достаточной степени, не выполняет своей роли хозяина. ЛаВей спрашивает, «не лучше ли самому выбрать себе хозяина, чем быть обреченным служить чему-то отвлеченному? Существует слишком много бездумных, бесполезных людей, взращенных нашим потребительским обществом. Если у вас есть выбор, не лучше ли выбрать возможность быть использованным, чем оставаться бесполезным?»

ЛаВей видит, что мы ныне вовлечены в потребительски ориентированную «Невидимую войну», в которой используются передовое технологическое вооружение, химическое и электромагнитное оружие, контролирование толпы, погоды и поведения, нацеленное на то, чтобы замаскировать всю эту операцию. Он утверждает, что потребности в конспирологических теориях не существует, что частные интересы делают подобное теоретизирование бесполезным. Но результаты намного превосходят худшие кошмары конспирологов про тайные правительственные агентства, заговоры ЦРУ, НЛО или о «людях в черном». «Люди не понимают, что существуют разные виды оружия, – говорит ЛаВей,

который много писал на этот предмет в *Cloven Hoof*. – Существует пищевое, звуковое и инфразвуковое оружие точно так же, как существуют пушки, ручные гранаты и подводные лодки. Как люди могут быть такими наивными, считая, что развитие военной промышленности остановится только на ядерном оружии?»

Применяемые ныне методы невидимой войны – контроль над мыслями, болезни, псевдоблезненность, деморализация и т. д. – служат двойной цели: усилению расслоения и сокращению населения (до тех пор, пока не будут созданы космические колонии).

В результате, говорит ЛаВей, человеческих трупней пошлют в космос. После того как произойдет стратификация и возникнет подполье выживших людей с повышенной чувствительностью, космические колонии разовьются в таком опасном объеме, что хорошие потребители будут доставляться в тюремные лагеря, где они смогут тратить кучу денег, но больше уже не станут уничтожать то, что осталось от прекрасной планеты. Космические колонии – прекрасные закрытые, контролируемые места для обитания – всю еду для них нужно доставить или переработать, весь воздух, всю воду можно обработать специальными веществами и распределить, и вам не потребуется для этого ни ветра, ни морских течений.

Людей размягчали для грядущей Космической революции многие годы. Кинофильмы (типа «Звездных войн»), телевидение («Звездный путь»), книги о киберпанках и восстаниях в космосе, мультфильмы, игрушки, политические отношения между Россией и США, которые наконец-то стабилизируются на том, что обе державы нацелены на одно – на *космос*. Те, кто с удовольствием отправится в космос, будут людьми, склонными к приключениям, бунтарями, людьми, которые не могут добиться справедливости на Земле, но которые

могут в результате оказаться на переднем краю нового развития в потрясающих неисследованных местах там, наверху. Для всех там может найтись масса работы – в строительстве и обслуживании, – все домашние удобства, но без суеты и скуки. Только те чудачки, которые привязаны к прошлому (т. е. сатанисты, свободомыслящие люди), захотят остаться на Земле. С учетом того, что на Земле не останется основных отраслей промышленности, те, кто останутся, будут вынуждены приспособиться к жизни, располагая минимальным населением.

А тем временем мы разработаем аутоэротические тумблеры и займемся клиниками для мазохистов. Возможно, они будут называться «Центры физиотерапии» или «Клиники эротического возбуждения». Вместо того чтобы подавлять свои желания или маниакально добиваться того, чтобы кто-то еще применял к нам насилие, мы можем отправиться в клинику, избавиться от своего «зуда» и затем направить нашу креативную энергию в другом, гораздо более продуктивном направлении. По идее сатанистов, мазохисты могут быть рабами своих собственных, сознательно выбранных хозяев, а не рабами системы, лишаящей людей чувств.

Глава 16. Гуманоиды грядут!

Когда я приду домой ночью, она будет ждать,
Она будет самой верной куклой во всем мире.
Я бы лучше назвал «своей» бумажную куклу,
Чем имел такую ветреную девчонку.

*«Бумажная кукла», слова и музыка Джонни Блэка
(1942)*

В марте – апреле 1979 года в одном из выпусков *Cloven Hoof*, информационной газеты Церкви Сатаны, Антон ЛаВей объявил о начале новой фазы своей организации: «Развитие, поддержка и производство искусственных компаньонов для людей». Для тех, кто работал близко с ЛаВеем, это не было сюрпризом. Многие люди, принадлежавшие к кругу его близких сотрудников, помогали производить этих его «людей» год за годом. Но большое количество членов Церкви было разочаровано, если не сказать больше. Разве могла быть какая-то связь между производством роботов и практикой сатанизма? В течение следующих нескольких месяцев ЛаВей в серии статей объяснил, что было у него на уме, включая методы создания кукол, а также то, как новая

фаза развития связана с его видением сатанистского движения, разрастающегося во всем мире.

«Человека просто одурачить. Собственно, он всеми силами дает понять, что его надо одурачить. Если его не дурят, он этого требует. Он жалуется: “это мир Барнума и Бейли настолько неестественный, насколько это вообще возможно” – и тем не менее не хочет, чтобы он был иным и создает впечатление, что может лучше выживать только в самых искусственных условиях. Только тогда, когда кто-то оказывается способен полностью принять искусственность как естественное, даже как высшую форму развития разумной жизни, он обнаруживает, что обладает сильными магическими способностями и может удержать их».

Антон ЛаВей верит, что производство гуманоидов станет следующей крупной отраслью промышленности, нацеленной на потребителя, и несимметричным ответом на целый ряд человеческих проблем – от сексуальной несовместимости до экономического спада и уголовного насилия.

ЛаВей объясняет: «...мы обнаруживаем, что бредем по тонкому богословскому льду, когда выступаем за производство гуманоидов. Если начнется массовое производство таких способных доводить людей до экстаза образов-копий, это будет посильнее всех ныне существующих религий, если эти образы будут иметь форму самого физически совершенного существа и при этом будут доступны любому человеку (а ведь предполагается, что это “Бог” имеет подряд на производство подобных образов), то человек вступит с “Ним” в соревнование... Так не сделает ли это человека на шаг ближе к Богу?»

Преимущества обладания искусственным человеком-компаньоном кажутся бесконечными и, как описывает их ЛаВей, это очень привлекательная перспектива. Первое и самое очевидное преимущество – сексу-

альное. Даже в нашем постфрейдистском мире мастурбация не является самым предпочитаемым способом достижения сексуального облегчения. Человек, который вынужден ограничиваться только этим способом достижения сексуального расслабления, вызывает неявное осуждение. Когда же сделанные на заказ гуманоиды станут вождеденным символом статуса (так же, как мальчик-подросток может гордиться своим оружием), все будут наконец вынуждены принять мастурбацию как данность.

Во всех возможных визуальных и тактильных аспектах, в бесконечных вариациях тела, формы, цвета волос, пропорциях, мускулатуры, черт лица, одежды, запахов, голоса, вкуса гуманоид будет в точности тем, каким его всегда будет жаждать покупатель, идеальным до последней детали. Даже тот, кто сам не особенно привлекателен, сможет придумать себе идеального, жаждущего партнера, в котором будут сочетаться все фетишистские желания этого конкретного человека. Бары для холостяков со всеми присущими им необязательными разговорами, неуверенностью, выпендрежем и фрустрирующими половыми контактами на одну ночь начнут исчезать – не будет необходимости искать себе «Мистера Того, Который Нужен», если его можно просто создать.

Для тех людей, у кого не столь богатое воображение, можно сделать модели, сконструированные по образу киноактеров и популярных людей, как живых, так и мертвых, так, чтобы любой мог взять своего идола в постель, и он будет делать именно то, что человек хочет, и говорить то, что покупатель захочет услышать. Например, мог существовать только один Элвис Пресли, но с помощью продвинутых технологий в объятиях женщин по всей Америке смогут появиться тысячи похожих на Элвиса кукол.

«Фантазии нужны всем – я ничего не имею против них. Я воодушевляю их и создаю их. Единственное мое возражение состоит в том, что большинство фантазий в наши дни выдают за реальность – у людей не хватает воображения, чтобы создавать свои собственные, и поэтому они вынуждены верить тем, кто создает их. Если бы у человека хватало фантазий в жизни – тех фантазий, которые он выбирает, – его бы не сделали жертвой всех этих безличных фантазий и придуманных заговоров, в которые он должен верить».

Гуманоид всегда выглядит безупречно, у него всегда хорошо пахнет изо рта, нет никаких оскорбительных привычек, которые раздражают в партнерах-людях, которых терпят исключительно ради секса или привычки. «Сколько людей попадают в эмоционально неудовлетворительные или интеллектуально бесплодные отношения только по сексуальным причинам? – спрашивает ЛаВей. – Если иметь искусственного человека-компаньона, сексуальный аспект будет удовлетворен полностью, и перспективному партнеру придется предлагать вам что-то гораздо более соблазнительное, чем просто секс».

Запрограммированный на восприятие тех параметров красоты, которые внушает нам телевизор, индивидуум утрачивает чувства, разучивается переживать истинное возбуждение, которое мог бы найти в себе самом. Но когда в каждом доме появится искусственный компаньон, индивидуум сможет найти то, о чем мечтает сам. Освободившись от давления общества, личные фетиши могут просто взбеситься, и, возможно, побудят к развратным удовольствиям, которые другими способами никогда не были бы получены. ЛаВей считает эту идею крайне сатанистской: «Это будет случай, когда запрограммированный человек будет перепрограммирован нечеловеком!»

«Я могу позволить себе быть легковверным в отношении того, что считаю нужным, а не в том, в чем хотят меня сделать доверчивым рекламщики и гадалки».

Сексуальные психопаты получают возможность поиграть в Бога с искусственным человеческим компаньоном вместо реального, возможно разряжая сомнительную ситуацию еще до того, как она сможет разрастись до угрожающих размеров. «Ввиду того что почти все креативные и (или) деструктивные действия приводят к сублимации сексуальных побуждений, – пишет ЛаВей, – гуманоид остановит сублимацию, ведущую не к сексуальным, а к разрушительным поступкам.

Вместо того чтобы поработать людей, он сам станет рабом для людей. Это может быть идеальной игрой во власть: человек ощутит превосходство над другим “человеком”. Пока же люди могут только выкладывать по несколько сотен долларов и “командовать” компьютером, который заменил массу электронных надсмотрщиков».

Очевидным преимуществом гуманоидов является снижение количества нежелательных беременностей. В нашем перенаселенном мире это главная забота. ЛаВей, с характерным для него пренебрежением, написал: «К сожалению, единственным вкладом многих людей в мир, если это вообще можно считать вкладом, является произведение на свет другого человека». С искусственными компаньонами женщины будут иметь возможность наслаждаться любым мыслимым сексом и не будут бояться забеременеть, мужчине же никогда не придется бояться, что его искусственная женщина будет волноваться по поводу предохранения.

Даже с учетом всех этих преимуществ ЛаВей не видит причины бояться того, что когда-нибудь люди будут полностью довольны своими гуманоидами. Он считает, что у людей есть неустранимая тяга к борьбе

за признание. «Если каждый удовлетворен сексуально и имеет партнера, лучше всего соответствующего его вкусу, то единственной областью, где он будет добиваться признания, будут несексуальные свершения. Таким образом, приобретение статуса посредством достижения внесексуальной сферы может происходить в обществе, где сексуальные завоевания уже не нужны точно так же, как и оружие, отвергнутые по причине потери времени и человеческой энергии, которая неизбежно расходуется в погоне за сомнительными выгодами, которые дают оба эти занятия.

Именно сатанисты должны осознать, что в будущем нас ждут искусственные компаньоны-гуманоиды, – говорит ЛаВей. – Мы должны встать впереди стада, заглянуть дальше сегодняшнего дня и увидеть, что они и являются следующим этапом сатанистской эволюции человека».

«Циники, которые говорят мне: "А никто никогда не сможет принять этого", вероятно, рабы своих телевизоров и первыми окажутся под властью гуманоидов. Когда люди перестанут лично иметь дело с двухмерным экраном, повернут свой телевизор экраном к стене, а изображения с катодной трубки перестанут на них воздействовать, то они смогут честно сказать, что иммунны к суррогатной стимуляции. Только я не думаю, что это когда-нибудь реально произойдет».

«Многое изменится, когда придут гуманоиды, – говорит ЛаВей. – Сейчас реклама нацелена на то, чтобы каждый мог почувствовать свою важность. Каждый – большая шишка. Производство искусственных компаньонов-гуманоидов должно будет учесть и этот момент, позиционируя их как символ статуса, такой же, как дорогая машина, например, обладание которой может улучшить образ потребителя. Другие потребительские товары пойдут на дно, потому что сами по себе компа-

ньоны будут гораздо более эффектными, чем те люди, которых им предстояло впечатлить. Проституция станет ненужной – разве что возникнет элитный класс современных куртизанок, которые будут обслуживать тех, кто желает большего, чем секса и сожительства».

Увлечение ЛаВея идеей искусственных людей относится к набору тем, которые, кажется, преследовали его с самого детства. Он восхищался миниатюрной моделью Чикаго, которая стояла в Иллинойс Билдинге во время Всемирной ярмарки 1939–1940 годов, проходившей на острове Сокровищ в Сан-Франциско. Модель была настолько верна карте Чикаго, что посетитель мог попросить служителя указать расположение конкретного дома. Заводы, деловые районы, главные магазины и жалкие лавочки, – Антон много часов проводил, рассматривая этот город, фантазируя по поводу интерьеров зданий и домов, которые казались расположенными где-то далеко внизу.

Это увлечение привело к тому, что Антон построил собственный город на листах фанеры размером 4x8; этот макет занимал большую часть пола в его спальне. Из бальсовой древесины, мха, тщательно и тонко раскрашенных машин и зданий он стал создавать свой миниатюрный Готэм⁵⁷. Там были гавань с кораблями, машины и грузовики на дорогах, скромные дома, богатые дома, гетто, холмы... Его первый по-настоящему магический ритуал состоял в том, что он спроецировал себя на каждое здание и улицу этого города. Сосредоточившись, он мог почувствовать холод или тепло любого места, ощутить запах и почувствовать, что его окружает, взглядевшись в здания, которые находились у его ног, заглянуть в окна и услышать тихое бормотание людей, разговаривающих внутри домов.

⁵⁷ Нью-Йорк.

Многие годы спустя, после того как Антон переехал в Черный дом и стал проводить регулярные семинары, у него появилась возможность убедиться в том, насколько искусственный человек действительно может заменить живого. Одна из лекций была посвящена «человеческим жертвам» и должна была заканчиваться «демонстрацией». Одна из женщин, принадлежавших к Магическому кругу, была его ассистенткой. Привлекательная девушка ложилась на камни алтаря и частично скрывалась за белой простыней. Антон поднимал высоко над головой нож и всаживал его глубоко в грудь девушки. Зрители ахали, видя, что белая простыня покрывается пятнами хлынувшей крови.

Приходившие в ужас зрители не знали, что Антон демонстрирует им крайне эффектную технику профессиональных фокусников и спиритуалистов. Девушка заменялась переделанным манекеном, который Антон тщательно готовил к демонстрации. Антон менял манекен так, чтобы он был похож на «добровольца». Изменял до такой степени, что люди, присутствовавшие на лекции, не могли осознать, что девушку подменяют. Под простыню Антон клал мешочек с краской, который и разрывал острием ножа. Подобные же эффекты он демонстрировал на лекции «Физическая хирургия», когда он удалял «больные» органы у добровольца так, что тот мгновенно выздоравливал.

«Дэриел Фитцки в своей книге "Хитроумный мозг" объясняет использование "подмены" сценическими магами. Это именно то, чему надо обучить американскую публику. Вместо того чтобы считать подмену чем-то низкопробным, как это утверждает вся коммерческая пропаганда, требующая, чтобы мы не "принимали заменители", люди должны отнестись к этому по-новому, осознав, что "заменитель" зачастую бывает лучше, чем то, что он подменяет».

Еще доктор Сесил Никсон пытался заинтересовать Антона созданием нового автомата для игры на скрипке по имени «Галатей», построенного по типу «Исиды», игравшей на цитре. Вместо того чтобы склоняться над инструментом, подобно «Исиде», «Галатей» должна была стоять во время исполнения музыки. Антон работал с доктором Никсоном над «Исидой», обучаясь различным технологиям конструирования и анимирования. Говорят, что Антон сказал, будто доктор Никсон «провел половину жизни, создавая женщину, которую нельзя уложить [в постель]».

До 1960-х годов Антон всерьез не занимался созданием реалистических заменителей людей, пока не взялся за испытание исходных материалов, которые должны были быть вполне подходящими на вид и на ощупь, устойчивыми к растяжению, но пластичными и прочными. Иногда он начинал с манекенов и изменял их так, что они уже совершенно не походили на себя. В своей мастерской он срезал с них лица и делал новые, используя лейкопластырь, стеклопластик и другие виды пластика. Он привлекал некоторых своих учеников и сотрудников в качестве моделей, с помощью гипса или латекса снимая отливки с их лиц, чтобы получить исходную модель для дальнейших модификаций.

О своих экспериментах с гуманоидами Антон написал в *Cloven Hoof*, где даже приводил свои соображения по поводу использования материалов и технологий в духе *Popular Mechanics*. Если чья-либо потребность в гуманоиде была почти видна невооруженным глазом, можно было создать подходящую модель с использованием пластичной резины, стеклопластика, применяя соответствующие краски цвета плоти и доводя модель до совершенства с помощью нужной одежды, макияжа и парика.

Тем сатанистам, которые были наиболее тактильно ориентированными, ЛаВей советовал изготавливать

что-то типа скелетной конструкции с использованием штырей, металлических или пластиковых трубок, соединенных шариковыми или цокольными шарнирами, покрывая все это полиуретановой пеной для создания ощущения человеческой плоти. Антон предлагал использовать виниловое или резиновое покрытие, крашеную и наклеенную ткань, которая давала бы наиболее естественное ощущение кожи. Лица можно было отливать с реальных людей или с керамических моделей, используя обычные муляжные технологии. Получающуюся в результате латексную маску можно было натянуть на лишенную лица модель черепа, а затем надеть на нее парик. Лицо после этого можно было легко заменять в зависимости от требуемого результата. Проблема того, чтобы искусственный человеческий компаньон стал «анатомически завершенным», была самой простой. Искусственные половые органы можно было купить в любом секс-шопе.

Это трудоемкая работа. Те, кто принимался за такую сатанистскую практику, должны были столкнуться с сомнительным удовольствием горбиться над заготовками из полиуретана, вдыхать испарения растворителей и смол, пилить, строгать и полировать части тела в облаке пластмассовой или гипсовой пыли. ЛаВей провел огромное количество времени, экспериментируя с самыми различными материалами и, несмотря на хорошую вентиляционную вытяжку и респираторы, пострадал оттого, что вдыхаемые им опасные вещества попали ему глубоко в легкие.

Интересным побочным результатом создания ЛаВеем своих гуманоидов оказалось то, что многие копии его «людей» уже в человеческом облике внезапно обнаруживались в жизни, подобно пигмалионовской Галатее, через некоторое время после того, как ЛаВей заканчивал свои творения. И уже не гуманоид становился

подобием живого человека, но живой человек оказывался смоделирован по образу и подобию гуманоида. Антон не пытается объяснить эти «чудеса» как-то иначе, но лишь ссылаясь на те методы которые он использует в магических ритуалах и называет «космическим наложением», понятием, позаимствованным у Вильгельма Райха.

Немногие получили привилегию видеть странную экспозицию работ Антона. Комната, попасть в которую можно, спускаясь по головокружительно крутой лестнице, которая купается в серовато-янтарном свете, отраженном от зеркальных стен и потолка, – легко узнаваемый интерьер придорожного бара 1940-х годов. Неоновая вывеска гласит: «Логово несправедливости». Настоящая музыкальная машина играет «Узника любви» и «Объезд, впереди размытая дорога». Ударная установка и старый хаммондский орган сиротливо стоят с другой стороны комнаты. За стойкой бара на полках ряды бликующих бутылок и коллекции призов, выигранных в боулинг. Резкие пивные и табачные запахи бара атакуют ваши чувства. Все именно так, как и должно быть.

Творения ЛаВея тоже соответствуют моде и духу военных лет. Жгучая брюнетка по имени Бонита проводит время с таксистом, делая грубый жест в сторону другой женщины, которая осуждающе смотрит с другой стороны бара. Сильвия, не вполне трезвая роскошная женщина, устала на свой стакан, как будто она забыла что-то важное. Ее сигарета бесконечно тлеет и не сгорает. Полуприкрыв глаза, Гвен слушает музыку, пьяно привалившись к матросу, который стоит позади нее. Бармен Альфонс, чья красота не тронута временем, пытается оторвать взгляд, но Гвен почти сползла со своего стула, платье ее задралось почти до талии, ляжки выпирают из верхушек чулок, и под ней натекла лужица. За одиноким столиком в углу блондинка с грустными

глазами наблюдает за входом, ожидая кого-то, кто никогда не придет. Сильвестр, бесстыдно выглядящий парень в скаутском кепи, стоит в фойе, похотливо наблюдая за всей этой сценой, а его мать сгорбилась на стуле, сумка с продуктами стоит у нее в ногах, и она явно потрясена тем, что видит. Все эти создания относятся к личному миру ЛаВея.

Антон ЛаВей предусмотрел место и для себя в этой отвратительной живой картине, среди его неподвижных творений. Синие и оранжевые аргоновые и неоновые лампы из-под хаммондского синтезатора мягко подсвечивают его лицо, а он, создавая атмосферу праздника, наигрывает припев «Зип-а-ди-ду-да». Это тот самый инструмент, который ездил с ним по деревенским дорогам, когда он играл в балаганах. Как любой художник, ЛаВей любит наблюдать за реакцией людей, разглядывающих его творения: «Я видел, как людям делалось нехорошо, когда они спускаются сюда. Им либо нравится, либо вызывает отторжение – ничего среднего». Зайчики света от вращающегося шара под потолком медленно плывут по комнате, и, по мере того как магия этой комнаты становится осязаемой, сознание все больше поддается всем этим фокусам. Музыка, свет и бесконечные отражения дьявольски смешиваются и способны дезориентировать неосмотрительного визитера, добавляя фигурам ЛаВея движение и изменчивые выражения лиц. У наблюдателя возникает неловкое чувство, как будто он прервал течение вечеринки. ЛаВей не только создал своих «людей», он создал целое окружение, которое являет собой дикий триумф пробуждения чувств.

К началу 1970-х годов, когда мир истекал слюной по поводу суперреализма необычных фигур ЛаВея, к нему обратились из «Галереи Кори» в Сан-Франциско и предложили выставить у себя его «людей». Не-

смотря на требования Дианы и друзей, ЛаВей наотрез отказался. Он сказал, что создал своих «людей» как эксперимент, исключительно для магических целей, а не в качестве музейных экспонатов. Было ясно, что некоторые зрители могут счесть его фигуры крайне оскорбительными, что создаст вокруг него дополнительную шумиху именно в тот период, когда он старался как можно меньше «светиться». Позднее Дуэйн Хансон, Джордж Сигал, Джон ДеАндреа и другие вышли на художественный рынок с подобного же рода реалистическими фигурами, завоевав публичное признание и внимание критики.

Антон поддерживал контакт с производителями гуманоидов из Японии, Англии и других стран. После того как он пообщался с лидерами в сфере робототехники, производства андроидов и искусственного интеллекта, Антон обнаружил, что, как он и подозревал, наиболее важная работа до сих пор находится под секретом. «Создатели гуманоидов сейчас должны скрывать свои идеи за технологической болтовней и напыщенными речами, иначе на людей не произведет впечатления их работа. Как уже неоднократно случалось со многими великими открытиями прошлого, настоящие секреты слишком просты, – и потому их нельзя раскрывать».

Кроме отторжения искусственных людей-компаньонов по религиозным соображениям, существует врожденная нелюбовь, почти страх, который ЛаВей описывает как страх, обычно испытываемый людьми в отношении всего того, что связано с репродуктивной функцией человека и слишком похоже на реальность. Жак Валле, близкий личный друг и помощник ЛаВея, отметил этот феномен и описал его в своей книге «Сетевая революция»: «В нескольких голливудских фильмах 1970-х годов были показаны автоматы, используемые в качестве личных компаньонов, и сатанист ЛаВей

предположил, что коммерческое развитие подобных альтернативных существ неизбежно... Однако те же самые эксперты, которые восторгаются мощными способностями запрограммированных существ, боятся того, что машины выглядят как люди. Их коробит, когда они слышат разговоры о том, что компьютер, способный говорить, сочинять поэмы, считать и даже играть музыку, мог бы быть облечен во что-нибудь более элегантное, чем стальной ящик с пластиковыми кнопками, поставленный на четыре штанги и жестко закрепленный на месте с помощью толстых черных кабелей. Такая боязнь понятна – это реакция обезьяны, смотрящей на себя в зеркало; это содрогание, которое охватывает любое существо, когда он узнает самого себя в мире, принадлежащем другим».

Невзирая на эти природные страхи, ЛаВей утверждает, что конструирование гуманоидов могло бы стать логичной эволюцией первых анатомически правильных кукол «Бетси-Ветси» и «Болтливых Кэти» по направлению к более продвинутым, говорящим и двигающимся куклам. Искусственные домашние животные, созданные на основе подходящих микрочиповых технологий, могут быть запрограммированы на то, чтобы «приходить» или «говорить» по команде, но выгодно отличаются от живых животных чистотой и бесшумностью. Куклы в стиле «Медвежонок Ракспин», которые рассказывают сказки – их губы явно артикулируют, произносятся слова, а тела и глаза дружелюбно шевелятся, – основаны на анимационных технологиях, разработанных студией Дисней. «У Диснея, безусловно, было правильное представление о реалистическом образе гуманоидов. Дети ценят это – они готовы получить заменителя человека уже давным-давно», – говорит Антон. Феномен одной из недавних кукол «Капустная прядка» может быть понят как симптом растущей зависимости от искусственных

компаньонов. Миллионы взрослых платят огромные деньги за искусственных «детей», которые пока еще даже не говорят, не двигаются, но уже имеют имена, свидетельства о рождении и какую-то личность. Ныне процесс «смягчения» [отношения к гуманоидам] дошел от кукол до фильмов, книг и даже телевизионных сериалов о гуманоидах. Признаем мы их или нет, но, похоже, гуманоиды просачиваются в нашу культуру.

Самые темные причины, по которым ЛаВей выступает за создание искусственных человеческих компаньонов, лежат в его мизантропии. «Большинство людей слишком зажились, стали просто зрителями и их с легкостью можно заменить гуманоидами, – говорит ЛаВей, рассуждая с крайне сатанистской точки зрения. – Некоторые люди считают идею искусственных компаньонов весьма угрожающей. Те, кто больше всего противится этой идее, втайне боятся, что сами являются гуманоидами по своей природе, важности в жизни или потенциалу. Если они такие тусклые, настолько лишены стимулирующего начала, что их можно с легкостью заменить машиной, то да будет так. Их надо заменить».

Глава 17. Проклятия и совпадения

Мир, в котором мы живем, может показаться мешком, полным странных кусков и фрагментов, напиханных туда случайным образом, но маги верят в то, что на самом деле он целостен – как узор или механизм – и что все его части обязательно связаны все вместе определенным образом. Человеческие существа являются организмами именно такого рода... Так же как все грани человеческого характера и поведения являются аспектами одной индивидуальности, так и все явления вселенной являются аспектами некоего единого, лежащего за их пределами и их объединяющего. Этим единым является бытие, сила, вещество, принцип или нечто, что вовсе невозможно описать словами.

Ричард Кавендиш. Темные искусства

Антон ЛаВей воплощает бескомпромиссное чувство справедливости. Разговоры о том, что у него есть способность проклинать людей, окружают его постоянно. Когда его спрашивают об этих слухах напрямую, Антон

довольно туманно говорит о том, что любая магия включает в себя некий «фактор равновесия». «Вселенная настаивает на равновесии, – заявляет ЛаВей, – требуя и устанавливая правила взимания платы. Возможно, я являюсь катализатором этого процесса».

Ниже перечислены примеры «совпадений», выбранные из разговоров с ЛаВеем, – несколько инцидентов, о которых он был готов говорить. СМИ, охотящиеся за Сатаной, выискивающие повсюду страшные заговоры, каким-то образом проглядели эти гораздо более явные связи, а ведь они гораздо убедительнее, чем истории, сфабрикованные ведущими телешоу для повышения своих рейтингов.

1947 год. Работая в цирке Клайда Битти, ЛаВей стремится улучшить свое искусство игры на клавишных инструментах, практикуясь на принадлежащей цирку каллиопе. Он просит у старого музыканта, игравшего на инструменте, пьяного ханыги, разрешения полчаса поиграть на инструменте, и тот отказывает. Антон проклинает пьяную свинью за упрямство. Буквально через несколько дней ЛаВей занимает место этого человека и начинает играть на каллиопе в цирке.

1948 год. Когда ЛаВею исполняется 16 лет, он затевает драку с другом из-за девушки, с которой Антон в то время встречался. ЛаВей получает удар ножом, остается со шрамом, который был виден на его правой щеке в течение многих лет. Двумя годами позже парня забирают в полицию по другому обвинению. Находясь в камере предварительного заключения, он закрепляет ремень на трубе, оборачивает свободный конец вокруг своей шеи и вешается.

1960 год. Диана прижимается к Антону, который ведет машину. Полицейский на мотоцикле останавливается рядом с ними на светофоре, заглядывает в их машину и приказывает Диане занять свое место на си-

день. «Держите обе руки на руле», – кричит он предупреждая. Антон машинально поднимает руку, творя полицейскому наговор. Спустя некоторое время, Антон и Диана обнаружили его распостертым на мостовой, – он стал жертвой ужасного дорожного столкновения.

1960 год. Кинотеатр «Фокс» в Сан-Франциско считается самым великолепным сооружением такого рода из всех когда-либо построенных. Предполагалось, что он должен был простоять две тысячи лет. Однако было принято решение, что это место можно более прибыльно использовать для строительства офисного небоскреба, а кинотеатр – снести. ЛаВей был в числе тех, кто должен был выступать на последнем торжественном вечере, после которого кинотеатру предстояло навсегда закрыть двери. Беря последние аккорды, которые эхом разносились по всему зданию, Антон проклял этот земельный участок, сказав, что ни с каким другим строением на этой земле никогда ничего хорошего не будет. Офисное здание, ныне занимающее это место, «Фокс Плаза», переживает проблему за проблемой, говорят, что оно проклято...

1966 год. Разозленный планами разрушить легендарные купальни Сутро в Сан-Франциско для застройки этого ценного прибрежного участка, ЛаВей проклял эту территорию, заявив, что до тех пор, пока там не найдется хотя бы небольшого места, посвященного Дьяволу, на этой земле никогда ничего не будет построено. 36 часов спустя после проклятия, одновременно с начавшимся разрушением зданий, они загорелись.

1967 год. Широко известное проклятие ЛаВеем Сэма Броди, излишне рьяного адвоката Джейн Мэнсфилд, унесло не только его, но и ее жизнь, несмотря на то, что ЛаВей предупреждал Джейн об опасности.

1968 год. Тогаре, любимый нубийский лев ЛаВея, которого вынудили перевести из дома ЛаВея в зоопарк

Сан-Франциско, вызывает ярую нелюбовь директора зоопарка, и льва отправляют в Южную Калифорнию в сафари-парк «Львиная страна» на развод. Тогаре тайком среди ночи вывезли из зоопарка, не дав ЛаВею даже возможности попрощаться с другом. Антон сконцентрировал свое раздражение и злость на великолепном хрустальном египетском бабуине в ритуальной комнате друга.

Вскоре после этого в газетах было рассказано о странной трагедии, происшедшей с директором зоопарка, который как-то вечером вошел в клетку с обезьяной. Никто не мог объяснить, что он там делал и почему обычно послушные животные кинулись на него, но их атака была молниеносной и убийственной. Обезьяны стали рвать его когтями и клыками. К тому времени, как подоспела помощь, – демонические крики кровожадных обезьян разносились по всей округе – директор зоопарка уже потерял сознание.

1969 год. 8 августа ЛаВей проводит Ритуал Хиппи в Церкви Сатаны, в котором он горько прокликает «психоделических паразитов», заражающих мир. Он призывает к очищению и роспуску рабов с плантаций, которым они принадлежат, что послужило бы катализатором новой эры сатанистского самосознания. На следующий день участники Ритуала Хиппи прочли об ужасах, случившихся в Каньоне Бенедикта, в доме Шарон Тейт и Романа Полански.

1969 год. ЛаВей соглашается появиться в скандальном телевизионном шоу Лу Гордона в Детройте, несмотря на то что происходит это в ночь на Хэллоуин и у Антона есть еще другие дела. Продюсер обещает доставить Диану и Антона в аэропорт так, чтобы они успели попасть на свой самолет. Шоу начинается с опозданием, тянется долго, и, по мере того как время отлета приближается, Гордон начинает насмехаться над странными

верованиями ЛаВея. В конце концов Диана врывается на съемочную площадку с криком: «Пора ехать, мы опаздываем на самолет» — и вытаскивает ЛаВея из студии. Один из друзей с риском для жизни мчит их через ужасающую бурю, чтобы успеть доставить их в аэропорт вовремя. Персонал авиакомпании уже готовится отвести трап, когда ЛаВеи вбегают в самолет и прыгают на свои места. Когда самолет взлетает, ЛаВей дает волю своему гневу. Город исчезает далеко внизу под ними. Несколько дней спустя, вернувшись в Сан-Франциско, ЛаВей пишет формальное проклятие на кроваво-красном бланке Церкви Сатаны и посылает его мистеру Гордону, который зачитывает его на следующей передаче, смеясь и подшучивая. Гордон умирает в течение года.

1970 год. ЛаВей дает согласие появиться на популярном реакционном радиошоу Джо Пайна. Во время эфира Пайн насаждает на ЛаВея, делая его объектом своих необыкновенно едких нападок. Через несколько месяцев после шоу Пайн умирает.

1972 год. Отцы города решают, что настало время разрушить еще одно памятное место в Сан-Франциско — Игровой городок на побережье, парк отдыха, который тянулся вдоль восьми кварталов превосходных вилл. Именно там ЛаВей встретил свою первую жену Кэрол, неподалеку от этого места они и жили. Когда ЛаВей узнает о судьбе своего любимого парка отдыха, он заклинает, чтобы никто никогда не добился успеха в любом здании, построенном на этой земле. К моменту написания этого текста дорогой комплекс кондоминиумов, построенный на этой территории, остается большей частью не занятым, а район быстро становится все более криминальным, что, естественно, мешает его дальнейшему развитию.

1984 год. Вечером 18 июля ЛаВея вызывают в суд, для того чтобы в первый раз в жизни официально

предстать перед представителями правосудия. Ордер был выписан под давлением Дианы, женщины, с которой он прожил 24 года. Перед слушанием ЛаВей шлет в Амстердам письмо Карле, утверждая, что не явится на суд, что он осуществил некие магические действия, что он собирается «лететь на горячих ветрах Сантаны» и что «весь Ад обрушится на их голову». ЛаВей предупреждает Карлу, чтобы она сохранила письмо в надежном месте.

В назначенный вечер, точно в тот час, когда ЛаВей должен был предстать перед судом (а он не явился на заседание), Джеймс Хьюберти входит в Макдоналдс в Сан-Исидро в Калифорнии в день, проклятый раскаленными ветрами Сантаны. Вооруженный автоматом, револьвером, несколькими лентами патронов и самодельными взрывателями, Хьюберти пулями разносит в щепки ресторан фаст-фуда, стреляя по всему, что движется. Перед этим он поцеловал на прощание свою жену и сказал ей, что идет охотиться на людей. Это было самое ужасное побоище такого рода в истории. Отца Дианы зовут Джеймс Хегарти.

ЧАСТЬ IV
**СОВРЕМЕННЫЙ
САТАНИЗМ**

Глава 18. Вторая волна сатанизма

Гиббл, гоббл, гоббл, габбл, будешь ты один из нас, один из нас, один из нас, – сделаем тебя одним из нас.

Речитатив гнома из сцены свадебного пира из фильма «Уроды»

«Я занимаюсь преподаванием “Черной истории” сатанизма, – говорит ЛаВей, рассказывая о своих текущих зловещих занятиях. – Я рассматриваю корни сатанизма в исторической ретроспективе, в философии Макиавелли, Мильтона, Герберта Спенсера, Рабле, Дж. Б. Шоу, Мозма, Ницше, film noir... Всегда существовало генетическое течение сатанистов, но только сейчас оно подошло к той точке, где находимся мы, чтобы идентифицировать себя и наших предшественников. Молодые люди жадно тянутся к философии, лежащей в основе сатанизма. Ныне, с 1984 года, стала подниматься вторая волна». Расширяя свою философию, зафиксированную в «Сатанинской Библии», которую ЛаВей считает столь же актуальной, как и во время ее создания, он рассматривает свою нынешнюю роль в расширении принципов

сатанизма через их приложение. «Мы будем следовать указаниям Хью Лонга: “Когда фашизм придет в Америку, он примет форму американизма”. Я беру совершенно американский образ мыслей и рассматриваю его, пытаюсь увидеть в нем то, чем он всегда являлся. Когда сатанизм станет главной религией США, он будет дополнен красными, белыми и синими знаменами, которым станут аккомпанировать трубящие тромбоны Джона Филиппа Сузы»⁵⁸.

В качестве доказательства поднимающейся волны сатанизма, ЛаВей указывает на непринужденное, даже щегольское отношение, которое исповедуют молодые люди в отношении образов Дьявола. В то время как их испуганные родители пытаются понять, какое языческое чудовище они вырастили, их дети поклоняются Сатане в качестве своего Восставшего Короля. «В мире существует огромное количество людей, подростков и людей от двадцати до тридцати лет, которые говорят, что поклоняются Дьяволу, потому что сейчас это круто, а многие их друзья называют их сатанистами. Многие из них понимают ненамного больше, чем то, что видят по MTV, но суть состоит в том, что они воздают должное Дьяволу, а не Богу. Больше нет необходимости приносить человеческие жертвы и заключать договоры с Дьяволом. Эти дети уже являются союзниками сатанинских сил. Теперь они участвуют в ритуальных плясках возле алтаря на рок-концертах, не обращая внимания на гнев своих родителей или как раз его и имея в виду.

Они могут с восторгом носить изображения Бафомета, просто чтобы шокировать окружающих. Люди, которые носят этот символ постоянно, говорят, что они входят с ним в гораздо более сильное взаимодействие, чем когда они носят, например, нацистскую символику.

⁵⁸ Известный американский композитор.

Людей, носящих свастику, могут по праву обидеть. Человек, носящий ее, хочет, чтобы его называли сторонником арийского превосходства, крайне правым, в общем чем-то в этом роде. На него немедленно навешивают ярлык. Однако Бафомет не имеет никакого конкретного исторического контекста. Вы не можете классифицировать сатанистский символ или самого сатаниста. Они просто вызывают темные, необъяснимые и сильные первичные страхи. Реакция обычно бывает такая: “Мы не очень много об этом знаем, но мы знаем, что этого надо бояться”. И речь идет не только о молодых людях, принимающих участие в мейнстримовом сатанизме. Хэллоуин ныне стал более популярным и широко празднуемым праздником, чем Рождество. Рождество вызывает только депрессию, чувство вины, самоубийства, одиночество и смерть. Хэллоуин – это развлечение, совершенно не обязательно связанное с семейными торжествами, на Хэллоуин вы встречаетесь с друзьями, устраиваете вечеринку, пьете и наряжаетесь в костюмы.

Существуют целые системы мысли, вроде Неотехнологического Открытия (Neo-Tech Discovery), которые предлагают вам сатанизм в костюме из серой шерсти, обещают разбогатеть за одну ночь и никогда не упоминают ужасное слова на букву С. “Мегамозг” применяет ритуалы, почерпнутые у ранней Церкви Сатаны, в мире бизнеса и добавляет техники медитации, которые должны хорошо пойти на рынке мягкотелых течений типа “нюу эйдж” и у яппи. Континентальная Ассоциация Надежды Сатаны (просто посылайте чеки в КАНС⁵⁹!), основанная в Канаде, начала с перепечатки глав из “Сатанинской Библии” и распространения образа Бафомета еще до того, как их предупредили о том, что они нарушают авторское право. Еще один канадец, некий доктор Лоуренс

⁵⁹ Здесь игра слов: аббревиатура этой организации – CASH – означает «наличные деньги».

Пацдер, заявил, что он никогда не слышал о всемирно известной Церкви Сатаны, до того как опубликовал свою якобы основанную на достоверных фактах книгу "Мишель вспоминает", собравшую все оскорбления в адрес сатанизма. Доктор Пацдер в конце концов женился на главной героине своей книги, Мишель Смит, и они до сих пор собирают доверчивые аудитории на своих сатаноненавистнических семинарах.

В действительности наше влияние на мейнстрим является только верхушкой айсберга. Ибо на каждого из тех ребят, которых вы видите на рок-концертах, показывающих знак рогов и ничего в этом не понимающих, приходится, возможно, в пять раз больше тех, кто читал "Сатанинскую Библию", знающих, что такое сатанизм, и достигших ныне такой ступени, когда они приобретают определенную силу и оказывают реальное влияние на мир вокруг нас. В киноиндустрии, в искусстве, в бизнесе, в академической науке, в политике – они не носят знаки принадлежности на рукаве, так что вы, вероятно, даже и не знаете, что они сатанисты. Но можно догадаться, что тем, кто родились между 1955 и 1960 годами, выросли и прожили большую часть своей жизни в сатанистскую эпоху после 1966 года, сейчас от 27 до 32 лет. Они утверждают в тех областях, которые избрали для себя, и их философия обязательно отразится на том, как именно они действуют. Они начинают уставать от собачьего бреда. Сейчас у нас уже есть те, кого я называю сатанистами второго поколения. Церковь Сатаны существовала на протяжении большей части их жизни, и они относятся к воздействию, оказываемому на жизнь сатанизмом, скорее, как к правилу, а не исключению. Они выбирают сатанизм в качестве руководства к жизни, потому что его никто не запикивал им в горло, подобно тому как родители-христиане делают это со своей религией».

«Ребенок учится ходить, и к первому Рабочему Году для своего возраста, то есть 1984-му, он уже твердо сто-

ит на ногах, а к следующему – 2002-му – он уже заматерееет и его правление будет исполнено мудрости, смысла и наслаждений» (последний пассаж из «Сатанинских ритуалов»).

ЛаВей описывает сатанизм как секулярную философию рационализма и самосохранения (закон природы и животного состояния), красиво используя религиозные уловки, чтобы придать им дополнительное очарование. Сатанист входит в область сверхъестественного по своему выбору, глаза его широко открыты, а сердце чисто. Он не принимает сверхъестественные верования за данность, подобно предрассудкам и примитивным верованиям, которые пытаются объяснить молнию, или подобно тому, как христиане объясняют рождение Христа Богородицей. «Сатанисты должны иметь твердое основание, уметь рационально мыслить, – на этом они стоят. Без этого вы будете пытаться достичь неба или даже стоять на небе, не имея под собой никакой лестницы. Христиане не рассматривают логику как союзника, они относятся к ней как к чему-то опасному.

При христианской пастырской системе вам постоянно приходится платить, чтобы оставаться безгрешным. Если вы перестанете платить, вы не попадете на небо. Вы должны посещать большие здания, чтобы молиться. Если же мы поставим в своих домах алтари, они не будут законными; и деньги на них нельзя собирать. Сатанизм выводит религию за пределы потребительской сферы. А если бы мы узнали правду, то оказалось бы, что одной из главных угроз, исходящих от шабашей, на которых поклоняются дьяволу, является только то, что они независимы, не организованы в четкую структуру. Пытаться обнаружить сатанистов, настоящих сатанистов, – это все равно, что пытаться прибить к стене гвоздями заварной крем. Вам придется вламываться в дом к каждому и искать там сатанистский алтарь. Но

даже если у них и нет алтаря, они *все равно* могут быть сатанистами!

Люди пишут в Церковь письма, отчаянно спрашивая: „Что я могу сделать, чтобы стать активным членом Церкви?“, „Что я должен сделать, чтобы стать сатанистским священником?“. Конечно, на самом деле они спрашивают вот что: „Куда надо пойти, чтобы встретиться с другими сатанистами? Дайте мне адрес, по которому я могу встретиться с другими людьми“ или „Как я могу стать официальным лицом?“. Я бы ответил на это так: „Если вы спрашиваете, вы уже им не являетесь“. Это как тот анекдот о цене яхты – если вы спрашиваете, значит, вы не можете себе позволить купить ее. Если вы уже являетесь священником – мужчиной или женщиной – во внешнем мире, мы узнаем об этом. Пять степеней сатанизма по-прежнему действенны, но в гораздо более практическом смысле, они основываются на уровне вовлеченности сатаниста во внешний мир. То, что я называю „мейнстримовыми“ или сатанистами „первого уровня“, – это эквивалент того, что мы обычно называли „учениками“. Они ходят на работу с девяти до пяти, зарабатывают хорошие деньги, носят обычную одежду, исполняют формальные ритуалы, водят машины, которые выглядят так же, как у большинства других людей, смотрят телевизор. Тем не менее они соглашались с сатанизмом и позитивно используют его в своей жизни. На другом конце спектра мы по-прежнему имеем Магистров обоего пола, которые максимально возможно отделяют себя от мейнстрима и организуют свою жизнь так, чтобы зарабатывать деньги, так, чтобы иметь необходимое минимальное количество контактов с толпой, – это художники, режиссеры, писатели, исполнители, различные предприниматели... Если вы хотите получить титул и носить мантию, это организация не для вас. Мы хотим использовать сатанизм себе на пользу, а не в качестве опоры для ложных достижений».

Как правило, ЛаВей не раскрывает имена тех, кто является членами Церкви. «Если это были бы слишком незаметные люди, нас бы восприняли как малозначительную организацию, а если слишком заметные, в нас увидели бы слишком большую угрозу, и сразу появилась бы причина нас уничтожить. Если вас можно сосчитать, значит, вас можно израсходовать, и тогда от вас можно избавиться. Кроме того, спустя 25 лет, сейчас уже трудно сосчитать количество наших членов. Члены Церкви являются таковыми пожизненно, им не надо каждый год платить взносы, поэтому наш рост с 1966 года является кумулятивным. Том Ведж объясняет этот феномен в своей книге 1987 года «Охотник за Сатаной»: «Однако надо осознавать, что огромное большинство последователей Церкви Сатаны никогда формально не делали попыток действительно “присоединиться” к этой Церкви. Тысячи людей, которые следуют каким-то аспектам учения Антона ЛаВея и его соратников, не являются теми, кто [...] становятся членами-вкладчиками. Большинство последователей идей Церкви Сатаны – это те тинейджеры, которые платят по 3,95 доллара за экземпляр “Сатанинской Библии” в мягкой обложке».

ЛаВей полагает, что именно так и должно быть. Что касается настоящих членов Церкви, «они либо с нами, либо нет. Ничего не изменится спустя десять или двадцать лет. Идея состоит в том, чтобы сформировать людские умы и потом послать этих людей к другим людям, а не в том, чтобы держать их толпой в одном загоне, подобно овцам. Если их глаза открыты, возврата не будет. Ничто не будет для них таким, как прежде. Это люди, которым не нужно ходить на групповые ритуалы, чтобы чувствовать свою связь с источником – истинно тайное общество для магов, которые творят продвинутую Черную магию и влияют на внешний мир. Какая радость быть большой рыбой в маленьком пруду, если вы можете быть

большой рыбой в большом пруду? Когда вы являетесь кем-то значительным „там“, у вас нет необходимости кричать о своих связях. Это хорошо для тех людей, которые только начинают, – это забавно, увлекательно, и если они хотят собраться с новыми друзьями, чтобы с помощью моих книг проводить ритуалы, это чудесно. Но в конце концов они захотят применить магию так, что это продвинет их вперед в реальном мире».

Точно так же, как появилось новое поколение сатанистов, которые находятся на поверхности движения, появилось и новое поколение «экспертов» по сатанизму, которое довершает картину. ЛаВей с негодованием относится к этим самозванным «специалистам по оккультному». «Совершенно ясно, что они не знают самого главного о том, что я написал или за что я выступаю. Если бы они прочитали мои книги, вместо того чтобы просто размахивать ими в воздухе, они бы узнали что-нибудь о сатанизме. Но они просто предпочитают все выдумывать. Даже в 1975 году было больше основанных на фактах, более информированных источников, чем сейчас. Конечно, если быть профессиональным истериком, как сейчас, получишь больше денег и вызовешь большее внимание, зарабатывая на жизнь тем, что рассказываешь о своих мастурбационных фантазиях по телевидению. На карусели ток-шоу попадают люди, которые уверяют, что они когда-то были членами или священниками сатанистской организации, а ведь они даже не могут продемонстрировать, что читали книги, которые я написал, не говоря уже о том, что не могут аккуратно изложить ход наших ритуалов и философию. Смешно, что все они – „Высшие Священники“, никогда не попадетя „Низших священников“ или просто „Священников“. До того как появился я, „Высших Священников“ не существовало вовсе, разве что в операх Пуччини.

В Чикаго есть Центр по изучению раздвоения личности, в котором занимаются „взрослыми, выжившими, после того как были подвергнуты сатанистским ритуалам в детстве“. Ну и что же это должно означать? Пока не появился я, не существовало современного организованного сатанистского движения, и вот, пожалуйста, перед вами все эти женщины среднего возраста, рассказывающие о том, как их насиловали и пытали, когда они были детьми, когда их родители принадлежали сатанистскому культу. Это должно было произойти в 40-х годах. Кльта тогда не было! Видит Бог, я его искал. Продюсеры не посылали съемочные группы, чтобы найти родителей этих женщин и взять у них интервью, никто не занимался психическими анамнезами этих женщин. Если бы настоящие психотерапевты фрейдистской школы еще оставались, они бы смогли разобраться в ситуации.

Но грохот сенсации заглушает звук падающих рейтингов. Когда дело доходит до рейтингов, настает время поговорить о сатанизме. И, к сожалению, выходит так, что они и хотели бы поговорить о сатанизме, но говорить о *настоящих* сатанистских идеях слишком опасно».

После выхода в 1985 году в эфир фильма «Город» вокруг сатанизма выросла новая мифология. Каталог сворачивающих кровь и покрывающих спину мурашками «правдивых историй» о сатанистах напомнил по стилю и содержанию антиеврейскую пропаганду Юлиуса Штрайхера, где евреи высасывали кровь христианских младенцев с помощью соломинки.

Вот как ЛаВей отвечает своим обвинителям, проясняя обвинения в темных сатанинских деяниях:

«Невозможно выйти из сатанинского культа иначе, чем через смерть».

«Все, что надо сделать, – это просто написать письмо и выйти. Никого не вышвыривают, если только этот

кто-то не сделает что-то вопиюще противоречащее нашим убеждениям или не потребует, чтобы его имя вычеркнули из списков».

«Существуют три категории сатанистов: 1) традиционные сатанисты, 2) религиозные сатанисты и 3) сатанисты свободного стиля».

«Сатанисты не делятся на категории – они либо сатанисты, либо психи. Всезнайки от сатанизма пытаются сфабриковать какое-то разделение просто для того, чтобы на них не подали в суд. Говоря о разных категориях, они могут сказать: “О, мы, конечно, не имели в виду вас. Мы имели в виду тех, других ребят (которые в реальности не существуют). Вы – хорошие сатанисты!” Нет такой вещи, как “хорошие сатанисты”. В сущности, я бы разделил сатанистских позеров на три группы – сатанисты, христианские сатанисты и психи. Я бы определил христианских сатанистов как тех, которых привлекает сатанизм, но они не могут полностью оторваться от христианства. Они продолжают существовать внутри примитивной схемы “Добро против Зла”, принимая сторону Зла вместо того, чтобы занимать сторону Добра. Во всех случаях, когда вы сталкиваетесь с осторожными намеками на подземелья и драконов и с мифами о Добре или Зле, можете быть уверенными – они не много знают об истинном зле. Для того чтобы раздавить ориентированность на христианство, надо впустить Сатану внутрь себя».

«Надо продать душу Сатане и подписать контракт кровью».

«Да бросьте! В наши дни души ничего не стоят. Миф подогревается христианскими сатанистами, которые идут по следам средневековых охотников на ведьм. Сатана требует выполнения гораздо более тяжелой работы, чем подписание контракта о продаже души кровью.

Он требует, чтобы вы жили свою жизнь так полно, как можете, чтобы смогли добиться процветания своим умом и избежать несчастья и бедности. Вы и не поверите, каким непосильным заданием это является для большинства людей!»

«Для того чтобы верить в Сатану, надо верить в Бога. Сатана – миф, выдуманный христианами, поэтому нельзя верить в одного и не верить в другого».

«Люди, даже те, кто называют себя „практикующими Старую Религию“, не могут постичь философию вне Христианства, вне добра против зла. Это похоже на „поклонение Дьяволу“. Мы не поклоняемся Сатане, мы поклоняемся сами себе, используя метафорическое представление качеств Сатаны. Сатана действительно является именем, которое используют иудео-христиане для обозначения этой силы индивидуализма и гордыни внутри нас. Но саму эту силу называют различными именами. Мы включаем в свою идеологию христианские легенды о Сатане и Люцифере, равно как и сатанические коннотации в греческой, римской, исламской, шумерской, сирийской, фригийской, египетской, китайской или индийской мифологиях (называя только несколько). Мы не ограничены одним божеством, но включаем в свою философию все персонификации Обвинителя⁶⁰ или того, кто выступает за свободомыслие и разумные альтернативы, под каким бы именем он ни выступал в конкретное время или в конкретном месте. Так случилось, что мы живем в рамках культуры, которая по преимуществу является иудео-христианской, поэтому мы делаем акцент на Сатане. Если бы мы жили во времена Римской империи, центральная фигура, а возможно, и название нашей религии были бы другими.

⁶⁰ Ангелом-Обвинителем называют Сатану в иудаистской традиции.

Но название выражало и передавало бы те же вещи. Главное – смысл».

• • •

Более существенные обвинения, выдвигавшиеся против сатанизма, касались жертв – как человеческих, так и животных – во время ритуалов, похищений, растления детей, пыток, изнасилований... А это уже не теология, а обвинения в преступной деятельности. ЛаВей остается спокойным. «Когда христианин совершает преступление, это почему-то не называется „христианским культовым убийством“. Чем больше „Сатанинских Библий“ продается, тем больше существует шансов, что одну из них найдут на месте совершенного убийства или среди личных вещей убийцы. Это неизбежно – у нас так много прихожан, что вскоре преступник или жертва будут иметь при себе настоящий членский билет Церкви Сатаны. И разве не здорово это будет!

Происходящее не делает подобные убийства „ритуальными“. Это просто смещение причинно-следственных связей. Я бы хотел дожить до того дня, когда увижу заголовок „Убийца оказался замешанным в христианскую группу“, а в статье указывались бы в качестве отягчающих обстоятельств находки в квартире убийцы – картинки со святыми по стенам, Священная Библия и другие христианские книги на полках, крестики в ларчиках для драгоценностей. Во всех этих предположительно сатанистских преступлениях „улики сатанистского происхождения“ не имеют никакого отношения к самому преступлению, и могут не иметь отношения к сатанизму! Однако их упоминают, потому что это возбуждает низменные интересы людей».

Полицейские чиновники с самого начала пытались большей частью приглушить истерию, быстро изменив

свои первоначальные инструкции по этому вопросу, в которые входили керамические кошки, витражи и круги в качестве сатанинских символов, которые надо было искать на местах совершения преступлений. Хотя некоторые по-прежнему пытаются прославиться как «Полицейские за Христа», большинство многочисленных статей в полицейских журналах довольно ровно относятся к этому вопросу. Хотя в каждом городе есть те, кто ищет сатанистов и проводит дорогостоящие семинары по оккультным преступлениям, но Лавей всегда был в дружеских отношениях с полицией и следователями, он всегда помогал им, когда его просили об этом.

Инспектор полиции Сан-Франциско Санди Галлант, один из самых известных авторитетов в области оккультных преступлений, инструктирует коллег-следователей концентрироваться на идее «преступлений или нападений, связанных с ритуалами», а не выделять какую-то конкретную религию. «Человек, замешанный в преступлении, может использовать определенные элементы конкретной религиозной ориентации, чтобы оправдать свое преступление, будь то христианство, католицизм, растафарианство, сантерия, сатанизм или какая-то их смесь. Вы не можете просто оглядеть комнату, найти в ней что-то похожее на перевернутую звезду или плакат с Оззи Осборном и сказать: „Это сатанистское преступление“.

Теперь, когда следователи расследуют какое-то преступление, они вынуждены отнести его к одной из двух категорий – выяснить, является ли преступление *требованием* какой-то конкретной религии (подобно принесению в жертву животных, как в сантерии или вуду), или религия используется как оправдание преступлений, которые, ввиду их собственного психологического настроения, произошли бы в любом случае».

За последние несколько лет все как-то поглупело. Беглый обзор словаря «экспертов» показывает, что не

каждая женщина, которая делает короткую стрижку «под фокстрот» в стиле оккультного следователя, настолько же хорошо владеет вопросом, как мисс Галлант. Ведущие ток-шоу по всей Америке настаивают на том, чтобы мы беспокоились по поводу «Праздника Зверя», неоязычества Викки, инициаторов, детей на алтарях, любителей, каменщиков, традиционных сатанистов, ортодоксальных сатанистов, сатанистов свободного стиля, религиозных сатанистов, ритуальных злоупотреблений, людей, выживших после общения с Сатаной, ритуала Черной дыры, кислотных ванн и переносных крематориев (которые используют для того, чтобы избавляться от тел принесенных в жертву людей; ведь именно так часто отвечают на вопрос: «Где тела?»), свидетелей на местах (это те, кто действуют как наблюдатели, обычно это садовники или мусорщики, работающие в центрах по уходу за детьми, где укрываются сатанисты), ритуалистов, черных трактатов-гримуаров, тренеров, вербовщиков и дьявольских танцев (это то, чем занимаются дети до школы, когда их подвергают ритуальному посвящению).

К числу симптомов того, что ваш ребенок может увлекаться сатанизмом, могут отнести его желание проводить время в одиночестве, ношение футболки с предосудительными рисунками, требование черных простыней или занавесок, желание завести в качестве домашнего животного змею... все это – безусловные знаки того, что тут поработал Дьявол. Когда Папа Иоанн-Павел проводил турне по США и выступал в конгресс-зале университета Аризоны, символы университета – красные дьяволята – были закрыты, чтобы не оскорбить Его Святейшество. Команды старшеклассников по всей стране, в названия которых входило слово «дьяволы», поменяли свои названия на что-то менее сатанистски звучащее. Номера домов, автомобильные номера и

телефонные префиксы, в которых были пресловутые три шестерки, были наконец-то опознаны как содержащие демоническое влияние и немедленно изменены, включая номер дома, в который переехала семья Рейганов, после того как оставила Белый дом. 666-й номер законопроекта Сената (февраль 1986 года) тоже был изменен – на номер 649, потому что возникло опасение, что на законодателей повлияет нехорошее число.

Все это было бы смешно, если бы из-за этих иррациональных, необоснованных страхов и обвинений люди не теряли работу, жилье и свое положение или доверие родителей. Использование сатанизма в качестве оправдания тоже оказалось прекрасным предлогом для рьяных учителей и школьных администраторов, которые бросились обыскивать личные вещи старшеклассников в надежде увидеть там что-то сатанистское. Любого ребенка с пентаграммой могли притащить в кабинет директора и подвергнуть душеспасительной беседе с местным священником. В журналах писали о том, что школьные библиотекари просматривали формуляры читателей, чтобы обнаружить опасные (читай: подрывные) книги, которые находятся в школьных фондах.

«И тем не менее все это в конце концов работает на нас, – говорит ЛаВей. – Все эти евангелисты с телевидения сделали свой последний вдох. Они страждут. Так к кому же еще им обращаться, как не к Дьяволу? Он всегда был их настоящим Спасителем. Люди устали от шума. Они начинают уставать от истерии. Мы бы и сами лучше не спланировали. Когда сатанинская истерия дойдет до абсурда, люди начнут подвергать сомнению все накопившееся дерьмо. Все это рано или поздно приведет к тому, что никто больше не будет верить в то, что говорят христианские священники. Когда люди будут опять слышать о Дьяволе и о том, какой он поганец, им станет интересно, какова точка зрения сатанистов по этому вопросу.

Уже существует много людей, которые подвергают сомнению дикие претензии. В книге Артура Лайона „Ты нужен Сатане“ (Warner, 1988) разбираются рассказы обвинителей и выясняется, что они не могут предоставить никаких четких улик. В октябре 1989 года Комитет по научному исследованию религии выпустил доклад о различных „основателях культов“ и „людях, выживших после сатанистских ритуалов“. После тщательного расследования в докладе был сделан вывод о том, что „наиболее шокирующие обвинения, в число которых входит обвинение в похищениях и ритуальных убийствах детей, с легкостью отметаются как фальшивые. Утверждения о существовании крупномасштабных сатанинских заговоров являются полностью необоснованными. Собственно, все доступные свидетельства оставляют нас с единственным разумным выводом: *они не существуют!*“ [Выделено составителями отчета. – Примеч. автора]. Разные журналы, включая *The Skeptical Inquirer*, с тех пор посвящали редакционные статьи разоблачению сатанистской истерии.

Нам пропаганда не нужна. Просто дайте сатанистам возможность говорить о себе самим – у них нет необходимости быть необъективными. Меня раздражает, что даже когда продюсеры телевизионных шоу стараются пригласить настоящего, а не псевдосатаниста, они все равно отводят гораздо больше времени на выступления самозванных „экспертов“, чем на выступления истинных сатанистов. А как они могут лучше разбираться в вопросах сатанизма, чем сами приверженцы учения? Вы же не будете задавать Гитлеру вопросы о радостях Пасхи? Все, что надо сказать о сатанизме, – это правду, а она не сможет не изменить образ мыслей людей. Если они когда-нибудь осознают, что такое настоящий сатанизм, – да поможет им Господь».

Глава 19. Невидимая революция

А, впрочем, знаете что: я убежден, что нашего брата подпольного нужно в узде держать. Он хоть и способен молча в подполье сорок лет просидеть, но уж, коль выйдет на свет да прорвется, так уж говорит, говорит, говорит...

Ф. М. Достоевский. Записки из подполья

В 1967 году Антон ЛаВей разработал «Одиннадцать правил на Земле», которые должны были дополнить «Девять положений Сатанизма», которые он уже к тому времени опубликовал и распространял среди своих последователей. ЛаВей считал, что «Правила» слишком brutальны для неинициированных, и поэтому предварил «Сатанинскую Библию» только «Положениями». Однако он решил, что настало подходящее время для их публикации. «Правила» являются указами, разработанными для человеческого животного, представляя закон джунглей, «Lex Talionis»⁶¹. ЛаВей, в частности, *запрещает*:

⁶¹ Lex Talionis – закон равного воздаяния: око за око, зуб за зуб.

причинять зло детям, убивать животных в целях, отличных от добывания пищи или самозащиты, рассказывать о своих заботах или давать советы, когда тебя не спрашивают, и делать предложения сексуального характера в отношении тех, кто их не желает. Два правила, которые вызывают недоумение среди несатанистски ориентированной аудитории, заключаются в следующем: «Если гость в вашем доме вас беспокоит, обойдитесь с ним жестоко и без сожаления» и «Когда вы идете по открытой территории, никого не беспокойте. Если же кто-то побеспокоит вас, попросите его перестать. Если он не перестанет, уничтожьте его».

В 1990-х годах ЛаВей настаивает на этих, порой насильственных, предписаниях все больше. «Если люди просто были бы вынуждены отвечать за свои поступки, за свою эволюцию и приноравливаться к своему собственному прогрессу, население сократилось бы в половину в течение одного поколения. Вместо этого мы разработали законы и судебные прецеденты, которые защищают людей от самих себя. Если бы хлипкие современные люди-выродки были бы вынуждены жить своим умом и заботиться о себе сами, им было бы слишком страшно выходить из домов. Они бы вымерли. Они бы не смогли достаточно быстро двигаться и достаточно быстро думать, и поэтому они бы исчезли.

Любое существо – человек или нет – является важным только в той мере, в какой оно делает себя таковым по отношению к другим существам. Что бы произошло, если бы в дикой природе одна дурная обезьяна без конца кричала, или раздирала бы логова других обезьян, или царапала других обезьян в стае, или нападала бы на них? Ей бы досталось, ее бы стали царапать и кусать. Если бы она не остановилась, эту обезьяну выгнали бы или задрали. Вот что должно происходить, если слушаться наших инстинктов. И однако до

настоящего времени нам внушали, что мы должны позволять чужие глупые выходки – уступать дорогу всем, кому только можно, помещать предупреждающие знаки, чтобы люди не падали в колодцы или не поскользнулись на мокрых полах; мы же и будем ответственны, если они упадут. Все в наше время заточено под дурака. Что бы произошло, если бы эти люди однажды проснулись и обнаружили, что им придется расплачиваться за последствия своих собственных выходок, хулиганства или хамства?»

Помимо прочего, ЛаВея раздражает неравенство, которое он видит в Америке. Но это не тот тип неравенства, о котором разглагольствует большинство. «В нашем обществе людей награждают за то, что они не могут сделать, а не за то, что могут. На мой взгляд, это ужасная несправедливость. Кажется, что все – законы, школы и университеты, экономика, рынок рабочей силы – рассчитано так, чтобы поддерживать низшие элементы общества, а не высшие».

Чтобы как-то противостоять этому неравенству, ЛаВей предлагает новые сатанистские решения. В 1988 году Антон публикует в *Cloven Hoof* эссе, озаглавленное «Пятиугольный ревизионизм: программа из пяти пунктов», в котором излагает «современный подход к защите идей сатанизма». Его платформа строится на стратификации, на строгом обложении церковью налогами, на восстановлении «Закона воздаяния» на правовом и юридическом уровнях, разработке и производстве андроидов и на возможности развития «общей окружающей среды». Большинство пунктов этой программы уже были рассмотрены более подробно в других главах этой книги, *стратификация* же должна быть понята, как краеугольный камень современного сатанизма по ЛаВею.

«Стратификация является той базой, на которой так или иначе основывается все остальное. Больше нет

места мифу о „равенстве“ для всех – он ведет только к посредственности и поддерживает слабых за счет сильных. Воде надо позволить найти свой собственный путь, и никаким защитникам не следует вмешиваться в этот процесс. Никого не надо защищать от последствий своей собственной глупости». Далее в том же журнале ЛаВей пишет: «Идет третья мировая война: люди-саранча, которые правят миром так, чтобы истребить население, потому что Закон Дурака в первый раз в истории стал угрожать уничтожить цивилизацию и эволюцию. Это не должно случиться! Технология обратила человеческую цивилизацию в пыль. Безусловно, проще и более практично с точки зрения экономики продолжать обработку потребителей за счет эволюции. Но тогда Земле не выжить. Отделить и развивать только генетически превосходящих людей и является великой задачей стратификации».

«Я говорю, что прямо сейчас в нашей стране идет невидимая война, – объявляет ЛаВей, – экономическая война. Война не приходит ниоткуда, она придет от людей, у которых есть наибольшее количество денег, чтобы приобрести права здесь, в этой стране. Идут великие потребительские войны. Все остальные „причины“ – это просто средства отвлечь внимание. Всякое предполагаемое сопротивление является бережно пестуемым восстанием. Иначе люди выступали бы на улицах, когда им приходится платить по 30 тысяч долларов за трехдневное пребывание в больнице. Но война, которая идет сейчас, гораздо более сложна, чем то, что когда-либо могли предположить авторы-фантасты. Абсурдно думать, что исследования в области химического, ультразвукового или биоэлектрического оружия остановлены. Я понимаю, что определенные вещи должны быть сделаны для блага общества, чтобы держать экономику на плаву и сдерживать население, но я не люблю, когда меня держат за дурака».

В настоящее время изоляция, отречение и стратификация являются оружием, которое ЛаВей предлагает использовать в вездущейся невидимой войне. ЛаВей уже дал название – сатанизм – небольшому проценту населения, которое он полагает хромосомно другим и, возможно, хромосомно резистентным к контролю. Стратификация является магическим процессом очищения – скорее процессом вычитания, чем сложения. ЛаВей говорит: «По мере того как война разрастается, а население увеличивается до еще более невыносимого уровня и до невероятной степени напрягаются ресурсы, сильные начинают бороться просто за свое выживание. Именно это мы и видим прямо сейчас. Общество станет все более и более разделенным на людей, которые не дают этому обществу вешать себе лапшу на уши, и на тех, кто идет туда, куда их ведут. Сатанисты, свободные мыслители, являются почками на ветках, меньшинством. Мы страдаем от того, что тоже надо признать болезнью, как алкоголизм, инвалидность, нездоровые зависимости и СПИД. Мы страдаем от болезни, которая называется независимостью – патологическим извращением любой регламентации и институционализма, что мешает нам получать „нормальные“ рабочие места и жить „нормальной“ жизнью».

Вместо того чтобы вдохновлять «размножение слабых», ЛаВей полагает, что важнее отделить и лелеять возникающую новую ветвь сатанистов. После выхода «Абсолютной ведьмы» в 1970 году (позже эта книга стала называться «Сатанистской ведьмой») ЛаВей устраивает презентацию своего руководства по селективному отбору. 16 августа 1971 года в статье «Кому порок?» журнал *Newsweek* опубликовал фотографию ЛаВея, благословляющего свою дочь Зину, «...строить „лучшую расу“», и цитировал Антона, который описывал свою сатанистскую цель в «создании полицейского государства,

в котором слабых вырывают с корнем, как сорняки, а „лидерство, ориентированное на достижения“, разрешено для достижения целей таинств черной магии».

Впоследствии ЛаВей включил в книгу «Сатанинские ритуалы» следующее указание своим последователям: «Ныне обязанностью высшего человека является обязанность производить детей будущего. Качество теперь важнее количества. Один взлелеянный ребенок, который может *творить*, будет более важен, чем несколько, которые могут производить, или пятьдесят, которые могут *верить!*» В интервью журналу *Fling* Антон утверждает, что если бы «у него была возможность осуществлять селекцию и отбор», то он стал бы «усиленно способствовать росту новых, более умных поколений. Но это настолько ужасающе похоже на гитлеризм, что обычно я даже не могу об этом говорить».

Когда ЛаВею задавали вопрос о том, какую именно расу господ он представляет себе, он объяснял, что сатанистская стратификация и сегрегация, за которую он выступает, основана на «этике, а не на этнической принадлежности»: «Как я уже говорил, я хочу опознать, выделить и создать новую этику, ту, которая существовала всегда непризнанной, с самого начала существования человека. Всегда существовали лидеры, новаторы, люди риска, – во всех культурах. Их мало. Возможно, одна десятая процента, именно они ведут народ вперед, ведут вперед эволюцию. Сатанизм – это первый случай в истории, когда раса господ может быть создана из генетически предрасположенных к этому, близким образом мыслящих людей, а не на генах, которые делают их белыми, черными, синими, коричневыми или фиолетовыми, однако именно эти гены делают их сатанистами. Нам нужен форум, с которого мы бы говорили о нашей культуре. Все те встречавшиеся мне люди, которые чего-то достигли в жизни, с большим

разочарованием относились к своему „народу“. Они не исполнены ненависти к евреям, немцам, ирландцам или итальянцам как таковым, – нет, они просто ненавидят глупость и стадную ментальность. Они ненавидят идею использовать этническую принадлежность как признак идентичности. Некоторые люди, евреи по происхождению, из семей, где иудаистские традиции серьезно соблюдались, являются наиболее отъявленными антисемитами, которых я знаю. И я не виню их. Если они выросли в давящем окружении, имея родителями правоверных иудеев или правоверных католиков, я не виню их за бегство, за то, что они изменяют имена, полностью меняют свою жизнь и вообще – не хотят даже и видеть своих родителей! Именно так зачастую и рождаются лидеры.

Чтобы понять мою точку зрения, надо быть социопатом. Посмотрите на все изображения Сатаны в исторической ретроспективе, на его сатанистскую грусть и отчаяние при взгляде на этот несчастливый мир, который люди, похоже, задумали построить для себя. Будучи сатанистом, я, естественно, являюсь социопатом. Я люблю жизнь, и я нахожусь в честном негодовании. Поэтому, когда люди меня поддерживают, я бываю подозрительным – мне трудно это принять, потому что этот покров, эта смерть, присутствуют постоянно.

Люди, которые смотрят на сатанизм со стороны, видя только комнаты, завешенные черной тканью, и странные церемониалы, могут подумать, что мы защищаем смерть. Предполагается, что христиане любят жизнь и стремятся к счастью и добру. В реальности же, когда „Бог“ отвечает их молитвам, это становится для них настоящим проклятием. Они не хотят, чтобы их молитвы сбывались. Они на самом деле не хотят удовлетворения. Поэтому они молятся тому богу, которого нет. Правда заключается в том, что те, кто окружают себя

образами смерти и больше всего говорят о ней, вероятно, являются самыми большими жизнелюбами и действительно любят Сатану, потому что они обнаруживают, что их раздражает, когда вещи не могут быть такими чистыми и завершенными, какими они должны быть. Если бы сатанистам было наплевать, они бы не были такими темными и пессимистичными. Огромное количество оптимистов можно найти в сумасшедших домах: только дураки бывают всегда всем довольны».

Наряду с большинством современных предсказателей, ЛаВей предчувствует важнейшие перемены по мере нашего приближения к миллениуму. «Люди ныне принимают важные решения. Мы дошли до той точки, когда вся информация из нашей истории открыта для всех, кто хочет ее получить. Обо всех путях уже сказано. Хотите вы принять сатанизм или нет – это свободный выбор, вы располагаете всей информацией при решении этого вопроса: выбираете ли вы смерть или жизнь. Христиане придумали свой Апокалипсис, и мы, безусловно, не хотим их разочаровывать. Конец тысячелетия приближается с большой скоростью».

Селекция, элитная стратификация, защита полигамных отношений с целью селекции и в результате всего этого создание коммун людей, которые мыслят схожим образом, – все это является сатанистскими программами, входящими в полное противоречие с эгалитаристским идеалом. Начиная с 1966 года эти идеи стали «духом времени» для большого количества экстремистов, и в результате стало ясно, что ЛаВей и Церковь Сатаны должны быть признаны их предвестниками.

«Экстремизм в любой форме укрепляет, – говорит ЛаВей. – Это все, на что обращает внимание американская общественность. Они не видят оттенков серого. Экстремизм вызывает перемены, которые происходят более быстро и более полно. Сатанизм – это не просто

атеистическая, но и антитеистическая позиция. Мы предпочитаем разрушение мистически ориентированных религий скорее путем активной оппозиции, чем простым неучастием».

Вследствие того что фотография ЛаВея висит в московском Музее атеизма, его длительным опытом церемоний аутентичной нацистской черной магии и символики, а также в связи с его ранними связями с сионистскими террористами, имя ЛаВея неизбежно ассоциируется с разнообразными экстремистскими группами. «Есть разница между преследованием того, кто тебя тревожит, и тем, чтобы беспокоить того, кто просто занимается своим делом. Слишком просто преследовать людей только за цвет их кожи. Почему бы не сделать что-то действительно продуктивное, с той же энергией и задором нагонять страх на людей, которые продают наркотики, сутенерствуют, насилуют, убивают, грабят, мародерствуют, – ведь речь пойдет не о расе, а об индивидуумах или о типе индивидуумов. Есть действующая магическая техника поиска суррогатов для своих мучителей или для вероятных мучителей, и для того, чтобы перевести свой гнев на них с тем, чтобы он перешел на вашего истинного мучителя. Если вы переведете свой гнев и растерянность на заслужившего это человека, связь между вами может оказаться столь очевидной, что она может просто лежать за вашей дверью. В качестве замены, своего рода жертвы, вы можете найти кого-то, кто, может, ничего и не сделал конкретно вам, но вы можете сказать, что он относится как раз к тому типу людей, который, наверное, надувал и других людей. Но это уже очень тонкие аспекты магии, и, будучи в здравом уме, я не могу рекомендовать их большинству людей.

В этом и состоит сила форума, подобного сатанизму. Мы не против евреев, черных или белых... Мы

отказываемся продолжать компрометировать наши стандарты и позволять глупость и леность! Они должны будут подтягиваться до наших стандартов, а не наоборот, и мы не опустим свои планки, чтобы они могли их взять. Если они не могут, им, возможно, впервые в жизни, будет сказано: „Знаете что? Вы глупцы! Вы безобразны“, – вместо того чтобы защищать их от результата их же собственной некомпетентности. Если человек этичен, продуктивен, восприимчив и знает, как вести себя с другими людьми, отлично; если он аморальный паразит, то с ним надо разбираться быстро и жестоко».

ЛаВей отрицает существование или необходимость кажущегося кое-кому настолько очевидным грандиозного сатанистского заговора. «Те перемены, которые я предвижу, не требуют уличных столкновений или революции, разве что политическую клику. Заговор предполагает наличие тщательно разработанного плана наступления, аккуратно расписанного для каждого участника. Политическая клика является группой кажущихся несвязанными друг с другом людей, которые соблюдают глубокую верность и лояльность и делают то, что считают естественным. У них есть телефонные номера, которые не указаны в справочниках, и они будут знать, что делать, когда придет время. О да. У нас есть цели. И мы все знаем, что это за цели. Я верю в любые методы – хитрость, изворотливость и вероломство, – которые помогут нам их достичь».

Вместо революции ЛаВей предлагает сатанистский ревизионизм. «Может быть, эволюция вытащила уже достаточное количество нас из кокона, так что мы можем окружить себя истинной эстетикой, а не стандартами, базирующимися на экономических императивах. Сатанизм возвращает нам дисциплину во всех формах искусства и [художественной] выразительности. Мы настаиваем на возвращении классической основы

в музыке, живописи, скульптуре, литературе, поэзии, – восстанавливаем обычное тело знания и выразительности с тем, чтобы существовали какие-то константы красоты и формы. Сатанистская мысль не поддерживает принцип „разбрызгай и размажь“ и прочие школы разнужданного „художественного самовыражения“.

Сатанист понимает, почему и каким образом определенные экономические и политические императивы должны соответствовать макиавеллистскому пониманию вещей, но он не хочет, чтобы его держали за дурака. По мере того как нас становится больше, мы будем иметь и больший вес в экономике. Продуктивное потребление необходимо и предпочтительно, когда оно ограничено сознанием того, что рост населения на планете ограничен. Но больше не будет этого безудержного, неорганизованного, рваческого, деструктивного консьюмеризма, который происходит непосредственно из иудео-христианского подхода „больше христиан, значит, больше денег“.

Люди по-прежнему боятся ночи. Но сатанисты скоро должны стать достаточно сильной экономической силой и добиться того, чтобы сделать так, чтобы наши магазины и производство работали всю ночь напролет. Мы не только станем основным блоком электората и экономически мощной демографической группой потребителей, но мы уже встали по местам и будем держать за ниточки сами».

ЛаВей начал перемены с себя самого, пытаюсь отразить те изменения, которые происходят на государственном и международном уровнях. «На этой стадии игры у меня нет времени на терпение и терпимость. Десять лет назад, даже пять лет назад, я еще слушал, когда люди задавали вопросы, объяснял им, успокаивал их. Хватит. То время прошло. Ныне, как сказал Норман Мейлер в книге „Обнаженный и мертвый“: „я ненавижу все то, чего нет во мне самом“. Если в том, что мне

говорят, нет явного смысла, касающегося того, что я защищаю, если это не соответствует моей жизни и мыслительному процессу, не стимулирует их, я не хочу этого слышать. То, что я слушаю, должно добавлять что-то к моей жизни. Времени на то, чтобы объяснять и быть экуменистом, больше не осталось. Времени больше нет.

Представление, которое я разделяю с новым поколением сатанистов, лучше всего можно описать так, как оно само назвало себя, – „культура Апокалипсиса“. Не то чтобы они верили в библейский Апокалипсис, окончательную войну между добром и злом. Все совсем наоборот. Но тем не менее время подходит, есть необходимость приноровиться к вещам и перестать ныть, и если все закончится завтра, мы, по крайней мере, будем знать, что жили сегодня. Это философия „игры на скрипке, пока Рим пылает“. Это сатанистская философия. Поколение родившихся в 1950-е годы выросло в тени бомбы и было вынуждено смириться с возможностью постоянно идущего саморазрушения планеты, но не по причине бомбы, а по причине бессмысленного, неконтролируемого перенаселения. Мы как-то сами по себе поняли, глядя на все то, чему учила нас история, что никакое количество криков, протестов, размахивания плакатами, маршей, причитаний – или даже более конструктивного поведения типа беготни по правительственным офисам или попыток писать книги, чтобы разбудить людей, – не принесет ничего хорошего. Большинство людей не готовы так жить. Им проще отступить в комфорт мистицизма „New Age“. Это нормально. Все, чего мы хотим, те немногие из нас, у кого есть сила осознать, что происходит, – иметь свободу творить, развлекаться и делиться этим друг с другом, сохранять и ценить то, что мы можем, пока мы можем это сделать, а также строить наши маленькие замки подальше от бесчувствия остального мира».

Возможно, реагируя на угрозы прихода нового тысячелетия, некоторые люди делают больше, чем просто строят убежища. Создается впечатление, что все чаще люди берут пистолеты и убивают невинных людей. Следователи, вне зависимости от их объективности, начинают беспокоиться по поводу увеличивающегося количества «Сатанинских Библий», которые они находят на местах преступлений или в личных вещах маньяков. Может статься, что сатанистская мысль ЛаВея выпускает на волю силы, которые нестабильные люди не в состоянии контролировать.

ЛаВей настаивает на том, что мы никогда не узнаем со всей достоверностью, до какой степени сатанизм имел значение в случаях с маньяками. «Если честно, то в СМИ попадает слишком мало информации. Я же должен быть тем, кто получает информацию из первых рук! СМИ будут смотреть на сатанизм с совершенно определенной точки зрения. Подобно тому парню из Нью-Джерси [Томми Салливан], которого подозревают в том, что он убил собственную мать бойскаутским ножом по причине своего растущего интереса к сатанизму. Он был примерным мальчиком из католической семьи и вот внезапно его „переклинило“ из-за сатанизма. Чушь! В некоторых статьях правду все же прочитать можно, если вы, конечно, умеете читать между строк. Парень был умницей. Он хотел познавать новое, он тянулся умом и воображением к идеям, которые его родители, в особенности его мать, не могли терпеть. Он запутался и становился все более враждебным по мере того, как мать затягивала удавку, подавляя его. Все это длилось месяцами, а до того, по всей видимости, были долгие годы материнского давления якобы для защиты сына. И вот наконец после интенсивной антисатанинской проповеди и мессы в местной католической церкви парень дошел до предела. Может быть, все просто перестало

иметь для него значение. Может быть, он был хорошим парнем, который просто устал слушать это дерьмо и стремился восстановить справедливость. Он знал, что с ним обращаются несправедливо, чувствовал, что выхода у него нет, и сделал то, что было для него единственно возможным в тот конкретный момент, – перерезал горло матери, вместо того чтобы вскрыть свое собственное. Какая ненужная трагедия! Если бы ему просто разрешили свободно заниматься тем, что ему было интересно, возможно, ничего подобного никогда не произошло бы».

У сатанистов второй волны есть точное представление о том, что правильно и неправильно, и они используют «Сатанинскую Библию» как руководство для установления демонической справедливости. Шон Селлерс, которого цитирует Том Ведж, явно формулировал необходимые основания для допустимого жертвоприношения. «Приносимыми в жертву людьми должны быть те люди, которые бьют своих жен, обижают детей, пинают своих собак и т. д. Мы делаем миру одолжение, избавляя его от них. В конце концов люди, подобные им, не имеют права жить в любом случае». Селлерс был приговорен к смерти за убийства своей матери, отчима и служащего универмага, соответственно в 1985 и 1986 годах. С тех пор Селлерс отрекся от своих сатанинских верований и теперь христиане воздают ему должное пением в хоре в церкви Оклахомы. Дэвид Сен-Клер в своей книге «Скажи, что ты любишь Сатану», умело демонстрирует свободу, которую может предложить «Сатанинская Библия», так, как это видит тинейджер: «Если то, что говорится в этой книге, правда, если то, что эта книга обещает, можно осуществить, тогда нет ничего невозможного. Никто не должен мириться с тем дерьмом, в котором родился. Если парень, который это написал, действительно знает, что говорит, тогда Сата-

на – это то, что надо. У дьявола есть ответы на вопросы жизни и смерти. Дьявол и есть тот, с кем стоит иметь дело, тот, кто может сделать то, что человек хочет. Герой книги Сен-Клера Рикки Кассо убил одного из своих одноклассников, а потом и себя.

Антон ЛаВей говорит, что он не очень озабочен, когда обвиняют людей, которые убивают других людей во имя Сатаны. Он клянется, что каждый раз, когда он читает о новых массовых убийствах, его единственной реакцией является: «Что? 22 человека? И все?» Антон гораздо больше озабочен теми «посредственностями», в головы которых он вкладывал свою совершенную философию. «Некоторым людям нравится воспринимать церемониальную сторону, методы и решительную философию сатанизма, но они не желают принимать мою идею об „ответственности за ответственных“. Они просто выбирают то, что им больше нравится, что-то меняют по-своему, дабы оправдать свои действия, что-то выдумывают и избегают того, что они находят слишком сложным. Как книга, продающаяся большим тиражом, „Сатанинская Библия“ взращивает претензии в низших – каждый верит, что он супермен. Это, конечно, меня раздражает, поскольку противоречит основным принципам сатанизма, раздувая „я“ недостойных людей. Но в реальности, я должен признать, – это эффективный путь к стратификации. Я скорее готов, чтобы меня объединили с группой убийц, чем с группой зануд. Не думаю, что вы сочтете претенциозными людей типа Рамиреса, или Стэнли Дина Бейкера, или Хьюберти, или Мэнсона, – и не стоит обращать внимание на шум, который производят всякие раздутые пустопорожние псевдосатанисты». В 1986 году в статье, посвященной «Ночному сталкеру», убийце Ричарду Рамиресу, обвиненному в совершении 13 убийств в Калифорнии, ЛаВей написал: «Когда я встретил Ричарда Рамиреса, он был самый

милый, крайне вежливый молодой человек, которого вы когда-либо захотели бы встретить... образец хороших манер».

ЛаВей хорошо помнит этот случай и сожалеет, что встреча с юным Рамиресом была такой короткой. «Он остановил меня на улице и сказал: „Извините, мистер ЛаВей, не мог бы я недолго поговорить с вами?“ Ну, я вообще-то не очень люблю, когда люди подходят ко мне вот так, поэтому я просто его отбрил: „Я не делаю дела на тротуаре. Можете написать мне письмо“. Он извинился за то, что потревожил меня, сказал, что просто хотел задать мне пару вопросов, но видит, что я занят, поэтому он пожелал мне счастливого солнцестояния и ушел со своим другом, я думаю, он был из Техаса. Я смотрел, как он уходит, и когда он был уже почти на углу, я чуть не окликнул его, чтобы вернуть и поговорить с ним. Потом, думая об этой встрече, я чувствовал себя очень гадко. Он производил впечатление такого вежливого парня».

ЛаВей не берет на себя ответственность за то, чему могут способствовать его книги. «Если „Сатанинская Библия“ дает какую-то другую перспективу и выпускает каких-то демонов, какую-то силу в мир, то так тому и быть. Должны пройти многие-многие века кровопролития, прежде чем мы хотя бы приблизимся к тому террору, который обрушило на человечество христианство. Безусловно, будет еще больше мотивированных сатанизмом убийств и преступлений в том смысле, что „Сатанинская Библия“ говорит вам: „Вы больше не должны поддаваться на это дерьмо“. Но если бы иудео-христианское общество не придерживалось аморальной практики засахаривания слабых и не сделало похвальным спасение бесполезных, тогда и не было бы столь явной нужды как-то реагировать. Конечно, такой отлет маятника к противоположному полюсу, такая бдительность

будут расценены как „просто анархия, которую выпустили в мир“, но на самом деле они и будут, впервые с пещерных времен, справедливостью».

ЛаВей указывает, что случай с Джеймсом Хьюберти является хрестоматийным примером антихристианского отыгрывания⁶². В первых сводках из Сан-Диего проскальзывало, что «Второе пришествие», типичная книга Артура Лайонса по сатанизму, была найдена среди книг Хьюберти, когда полиция обыскала его дом после выстрелов в Макдоналдсе. «Джеймс Хьюберти был уволен с высокооплачиваемой работы из-за нашей необъявленной экономической депрессии. Пытаясь получить работу, он путешествовал по калифорнийскому побережью и закончил свои путешествия в маленькой Мексике, где едва ли можно услышать хоть слово по-английски. Хьюберти знал, что находится в сильном стрессе. Он обратился в психиатрическую клинику. Из-за закручивания гаек в отношении валиума в то время достать его могли только люди на улице и пушеры, продавцы наркотиков. Те, кто использовал валиум умеренно, были полностью отрезаны от него, поэтому Хьюберти не мог добыть того единственного препарата, который мог привести его в чувство. И в довершение всего работники Макдоналдса не могли починить чертову машину для мороженого в течение двух недель! Он устал от некомпетентности, он устал от наплыва иностранцев, он устал от того, что к нему относились как к гражданину второго класса в его же собственной стране, он устал от того, что слабые получали все задаром, а те, которые пытались стоять на своих двух ногах, не получали ничего. Он просто устал. Через какое-то время все

⁶² Психоаналитический термин, обозначающий освобождение от напряжения, вызванного подавляемыми эмоциями, при помощи проигрывания (устного или ролевого) конфликтной ситуации.

это выводит человека из себя, и обязательно что-то происходит. И открою вам секрет. В течение следующих лет у нас будет гораздо больше таких Хьюберти, которые дойдут до края. Нам еще далеко идти.

Так может произойти, если ребенка тащат в церковь против его воли, если его родители рвут его „Сатанинскую Библию“ – единственную книгу, в которой он видит какую-то правду за пределами узких рамок христианской веры – „асоциальный подросток“ может быть этим спровоцирован. „Сатанинская Библия“ говорит ему: „Я буду сам творить справедливость. Я чувствую, что несправедливость должна быть устранена, и я чувствую в себе силу это осуществить“. Подобные соображения придают ему уверенность в том, что если нужна справедливость, он должен *установить* ее сам, никто ему не преподнесет ее на блюдечке.

Сатанисты – *истинные* реформаторы, точно так же как мы являемся истинными экологами. Мы верим в превосходство законов природы. Портрет антигероя в film noir – Зеленый Шершень, Тень, Мститель, Бэтмен, – великолепные манифестации сатанистской этики, герои, которые действуют в тени, делая то, что официальные власти не могут сделать или не хотят делать. „Сатанинская Библия“ не говорит: „Мщение принадлежит мне, говорит Господь“. Она учит вас не ждать внешнего вмешательства от Бога или государства, которые действовали бы от вашего лица. У нас нет ни протекционизма, ни чрезмерно формализованных законов. Сатанизм защищает личную справедливость, соблюдаемую личными усилиями.

Сатанинский Большой План хуже, чем любые церковные выдумки, которые существовали за последние 500 лет. Похоже, что вся наша жизнь была подчинена руководству Дьявола с самого рождения. Все, что требуется, – это горстка людей, которые находятся в пра-

вильных местах. 23 человека совершили русскую Революцию».

Когда слушаешь ЛаВея, невозможное становится возможным. В своем «Гимне Сатанинской Империи» ЛаВей проясняет его намерения: «Когда-то были нужны простые умы, когда-то было нужно спасти людские души. Дураков заставляли стоять по линейке, проповедники и библии могли служить этим целям. С помощью своих святых писаний и своих основных грехов они могли посадить своих бумажных демонов в картонные тюрьмы, в бумажную клетку, – но больше они не смогут этого сделать!.. Потому что наша утренняя звезда воссияет из глубины ночи и разmozжит обваливающийся крест, ибо Правда в Силе. Пусть копошащиеся зомби ощупью ищут источник света – мы будем править во веки веков!»

Глава 20. Самый злой человек во Вселенной

Я всего лишь пытался перехитрить смерть. Я просто пытался протянуть еще чуть-чуть, до тех пор пока тьма, к которой, как я знал наверняка, идет моя жизнь, не накатится на меня и не уничтожит меня. Я просто пытался остаться живым еще какое-то время, до тех пор пока окончательно не исчезну. Хотел остаться в мире света, побыть с живыми еще немного, пока мое время не пришло.

Корнелл Вульрих. Ночные сети (фронтиспис книги)

«Когда я смотрю в зеркало, я вижу затравленный взгляд, такой же, какой можно было увидеть в глазах Тревена, Вульриха или Гришэма. Это взгляд одновременно и хищника и жертвы. Подобные черты проще анализировать в других, чем в себе».

Если ЛаВей читает по чужим лицам лучше, чем по собственному отражению, обратное заключение столь же верно. Антон Шандор ЛаВей – не тот человек, которого стоит спрашивать о его талантах. О преимуществах сатанизма – сколько угодно. О достоинствах его

предшественников в сфере дьяволизма – пожалуй-ста, но какие конкретно качества отличают Антона ЛаВея... «Я стараюсь об этом не думать. Я не могу думать о себе как о человеке, который действует как-то уникально (а так, похоже, думают обо мне другие): если я буду так думать, я могу внезапно засмущаться. Мне надо думать о себе из какой-то весьма отдаленной перспективы, иначе я становлюсь опасно подавленным. Могу стать невыносимым мегаломаньяком и стану невменяем, или у меня случится коллапс, я впаду в паралич, не смогу действовать вовсе. Для меня гораздо безопаснее и более продуктивно видеть себя как во сне, действуя и наблюдая это действие со стороны одновременно. Мне кажется нереальным, что когда я был молод, я сидел в большой клетке. Я знаю, что так поступал, но кажется, что это был другой человек. Мне нужна дистанция. Это все равно что играть на клавишных инструментах – я могу заниматься этим, только не думая об этом».

В этом смысле ЛаВей зависит от других людей, чтобы получить картину или оценку своей деятельности, которую он не может – не хочет – не в состоянии дать сам. Два самых искренних сторонника ЛаВея – это его собственные дочери, Карла и Зина. Карла, стройная красавица с иссиня-черными волосами, выступает с лекциями о сатанизме с начала 1970-х годов, во всем мире она уже давно стала героиней фотосессий, фантазий и эротических фиксаций. Зина, блондинка с мучительно волнующей фигурой, взяла на себя большую часть ответственности за внешние связи Церкви: в последнее время она представляла организацию в национальных теле- и радишоу. Как совершенно законченная обольстительница, Зина написала предисловие к книге ЛаВея «Сатанинская ведьма». И Карла и Зина используют свои уникальные чары, чтобы

расширить сферу влияния ЛаВея не только среди динамичных молодых новаторов, но и среди людей, уже близких к власти. Сын Зины, Стэнтон Захарофф, который родился в 1978 году во время одного из самых жутких ураганов в истории Сан-Франциско, уже демонстрирует решительный и независимый дух – он сам взялся читать «Сатанинскую Библию» и при каждом удобном случае стремится получить личный урок у деда. У всех троих характерные глаза и циничный ум ЛаВея. Хотя Верховный Священник ценит признание и поддержку, на табличке, стоящей на его рабочем столе, отражено характерное для него опасение, касающееся слишком увлекающихся типов: «Остерегайтесь тех, кто падает к вашим ногам: они могут тянуться к углу ковра»⁶³. Но больше всего он не любит тех, кто норовит погреться в лучах его славы или ворует его идеи, претендуя на оригинальность или откровение, – в лучшем случае он с ворчливым недовольством признает сам факт их существования.

Последние несколько лет ЛаВея обвиняли в том, что с ним невозможно встретиться, он почти не дает интервью, даже когда предлагаемые гонорары за съемки достигают шестизначных сумм. Телекомпании предлагали по 10 тысяч долларов тем, кто мог помочь снять на пленку интервью с ЛаВеем. В свете этих отказов, слухи о плохом здоровье, смерти или передаче бразд правления в Церкви Сатаны дочерям его не удивляют. «Когда я думаю о том, как много раз я играл со смертью, я понимаю, что, наверное, был сумасшедшим. Я ведь мог и пораниться. Когда мне было 16 лет, я не ожидал, что доживу до 21. Потом я подумал, что вряд ли дотяну до 30. У меня всегда было такое чувство, что прямо за углом рядом со мной всегда была моя смерть.

⁶³ Чтобы потянуть его и опрокинуть вас.

Болтовня о моей преждевременной кончине меня не удивляет. С того момента, как мне исполнилось 45 лет, об этом начали ходить слухи. Однако, как некогда сказал Марк Твен, „слухи о моей смерти сильно преувеличены“. Даже внутри нашей организации есть люди, которые праздно интересуются, что случится с Церковью Сатаны, когда я умру, кто будет ею заправлять, – хорошая поддержка! Они почти уже потирают руки, ожидая, что будет потом. Об этом я не беспокоюсь – сатанизм существует, он никуда не денется, и Церковь Сатаны об этом позаботится. Меня забавляют расползающиеся обо мне мрачные сказки. Сначала они говорили: „Он умер молодым“ или „Он пошел на компромисс и отказался от своих идей“. Потом, когда они обнаружили, что я все еще жив: „Ну, вы знаете, он не так хорошо себя чувствует“. Я думаю, по мере того как я буду становиться старше, они начнут говорить что-то типа: „Ну, вы знаете, он сошел с ума. У него уже плохо с памятью, и вообще он уже долгие годы не в себе“. Это уже смешно. Некоторые люди, действительно, предпочли бы купаться в славе после моего ухода».

ЛаВей говорит, что построил свою жизнь так, чтобы общаться только с небольшим кругом людей, которые готовы быть полностью преданными демоническому руководству ЛаВея. ЛаВей шутит, что те, у кого с ним самые близкие отношения, в знак уважения называют его «доктор ЛаВей», «док» или «герр доктор», тогда как люди, с которыми он едва знаком и, вероятно, даже и не собирается узнать ближе, с самого начала обращаются просто – Антон. Для тех, кто входит в ближайший круг его помощников, ЛаВей становится требовательным хозяином. Хотя, похоже, что его личные демоны еще более безжалостны. Для такого человека, как ЛаВей, времени никогда не хватает, он считает, что можно позволить себе спать не больше четырех часов. Ведь так

много книг, которые надо прочитать, так много следует написать, столько музыки сыграть и послушать. ЛаВей признает, что его аудитория всегда будет ограничена, и говорит, это ничего, иного он бы и не хотел. Смеясь, он вспоминает, что некоторые из его наиболее доброжелательных друзей и родственников никогда не могли вполне смириться с его сатанинскими занятиями, говоря, что, мол, «позор, что Антон свернул на эту дорогу. Он мог бы быть таким блестящим (художником, музыкантом, органичным мастером – это лишь несколько альтернатив, которые они предлагают), если бы только постарался!»

«Я больше не пытаюсь удовлетворять кого-либо помимо себя самого. Возможно, когда я был моложе, все было по-другому, но теперь я сыт по горло тем, что думают обо мне люди. Меня обвиняли в том, что для пущего драматического эффекта я изменил свою внешность – отрастил бородку и выбрил голову. Однажды я сбрил бороду, просто чтобы посмотреть, как буду выглядеть. Без бороды я расстраиваю людей еще больше – я становлюсь более недоступным. Стало ясно, что с бородкой я выгляжу дьявольски, но без нее – злобно по существу. Тут уж ничего не поделаешь. Я ношу бороду и брею голову, потому что считаю, что именно так выгляжу лучше всего. Люди ожидают от вас определенных вещей и порвут вас на части, если вы не дадите им того, чего они от вас ожидают».

То, чего мы ожидаем от ЛаВея, что мы проецируем на него, – смесь его природных качеств и его собственного раннего представления о себе как о самом главном бунтовщике, Сатане. Не таким уж и преувеличением будет сказать, что ЛаВей совпадает с нашим представлением об этом персонаже. Если использовать сократовскую идею, то, чем сильнее мыслительная волна или чем больше волн направлено на образ, тем

сильнее становится архетип. Архетип Сатаны возник и развивался под разными именами еще в древности. Антон ЛаВей столь многими чертами соответствует этому архетипу, что врос в эту роль – в идеал, в метафору Сатаны. Может быть, ЛаВей стал настолько созвучен образу Сатаны, что приобрел и метафизические силы, присущие самому архетипу? Тогда ЛаВей может распоряжаться определенными силами, но для соблюдения естественного баланса необходимо и отдавать что-то взамен – испытывать беды и горести Сатаны.

Как и предсказывал ЛаВей в «Сатанинских ритуалах», 1984 год стал важным как для его психологии, так и для его жизни. Несмотря на увеличившиеся возможности для выражения своих взглядов и получения обратной реакции, ЛаВей пережил ужасную эмоциональную драму: «Если чувство удовлетворения ведет к размягчению ума, а боль и возрастающий цинизм – это именно то, что требуется для заострения вербальных и ментальных умений, то мои умения весьма обострились за последние несколько лет». Кажется, что ЛаВей, постоянно верный своему сатанистскому архетипу, обречен оставаться в одиночестве, без возможности разделить свои воспоминания или прошлое с какой-либо женщиной. Мэрилин и Джейн уже нет. Первая жена ЛаВея, Кэрол, умерла в 1975 году. В 1984 году, после 24 лет, наполненных событиями и проведенных вместе с ЛаВеем, Диана решила, что она больше не хочет быть частью мира ЛаВея. Диана не только обвинила ЛаВея в физическом насилии и попыталась добиться продажи и раздела имущества ЛаВея, но и нашла себе работу офисного служащего, поменяла имя и попыталась полностью порвать со своим прошлым.

ЛаВея преследует повторяющийся кошмар о том, что он ищет в огромном, полном народа кинотеатре или на карнавале «Марди Гра» женщину, с которой он туда

пришел, и не может найти ее. Его сон отражает почти детский страх остаться одному. И все же ЛаВей проводит очень четкое различие между желанием быть с людьми вообще и желанием быть с тщательно отобранными людьми. В действительности ему обычно нужнее всего оставаться одному, чувствовать свое уединение, отойти от мейнстрима. «Я никогда не был против того, чтобы увидеть себя стариком, бродящим в одиночестве по большому старому дому или замку, идущему по длинным темным коридорам, в компании одного только эха своих шагов. Похоже, это было моей тайной мечтой с того самого времени, когда я был ребенком».

Мир ЛаВея – это мир, несущий ему наслаждение, гедонистичный, элитистский... и в то же время brutальный, враждебный, экстремальный. Ему не нужны близкие люди, поэтому любой, кто входит в его непосредственное окружение, должен принимать эмоциональную и психологическую недоступность ЛаВея и соблюдать дистанцию. ЛаВей не терпит никаких праздных фантазий в рядах своих последователей. Выше уже говорилось о том, что ЛаВей склонен считать свой собственный опыт, свои верования и свои фетиши универсальными и проецировать их на окружающий мир, но сам он полагает, что эти взгляды должны разделять только близкие ему люди. Притом что обычно он всегда готов оказать поддержку окружающим его людям, он может стать патологически критичным по отношению к ним, что некоторые могут счесть непоследовательностью. Прежде чем кто-либо это осознает, ЛаВей становится почти грубым пуританином в своем собственном пуризме. Он дает строгие, детальные указания и ожидает, что его приказы будут выполнены буквально, даже ценой личного физического, психологического или финансового благополучия человека. Хотя ЛаВей требует от своих учеников и добровольцев непосильных (и ломающих

свое «я») вещей, ожидая все больше и больше полезных результатов при выполнении каждого задания, он признает: «если этого не сделаю я, то это сделает кто-то другой, возможно, хуже». Но, как тут же добавляет ЛаВей, никто никому не угрожает пистолетом. Если с ЛаВеем остаются и он поддерживает отношения по несколько десятков лет, то это происходит вследствие верности и лояльности, которые он внушает. ЛаВей признает, что, возможно, его истинная сила, которую люди ожидают от него и питает их собственные жизни, и есть в точности вот эта сила – его власть, руководство и дисциплина. «Я никогда не сожалел о том, что был слишком крут с кем-то. Только о том, что был слишком мил».

По мере того как ЛаВей становится старше, он позволяет себе роскошь становиться более жестким и более требовательным к людям, более избирательным. «Каждый день я все меньше и меньше думаю о том, что могут подумать остальные. Мне наплевать на то, что обо мне говорят люди. Что они могут обо мне сказать? Что я безумец? Что я ошибаюсь в отношении того, чем в действительности является мир? Что я – злобный убийца, лидер огромного заговора? Что я слишком экстремален? Что я грязный и липкий еврейско-цыганский циркач, который смотрит на мир глазами балаганного служки? Они могут думать все, что угодно. По крайней мере я не претенциозен и не глуп. А если на моем горизонте появляется человек, который исполняет музыку в стиле, схожем с моим, он может прийти навестить меня после ужина, и мы об этом поговорим. Что же касается всего остального, я взял себе за правило никогда ничего не отрицать. Я являюсь худшим людским кошмаром... и даже больше. Я никому не даю удовлетворения понять меня, решить, что они все обо мне знают и у них есть ответы на все вопросы. Если бы люди только знали... Я всегда любил это рекламное объявление компа-

нии Джонсона-Смита: „Представьте их лица!..“ Именно этот мотив побуждал меня совершать большую часть тех гнусных, злобных или дурных для репутации вещей, которые я творил. Представьте себе реакцию людей, если они когда-нибудь узнают об этом. Но они никогда не узнают. Все это началось как тайна, и я хочу, чтобы это так и закончилось».

Никто никогда не «узнает» Антона ЛаВея. Если вам повезет, то вы сможете увидеть достаточно, чтобы понять, что вы знаете о нем немного. Если вам не повезет и он сочтет вас недостойным доверия, вам придется уйти, самодовольно полагая, что вы что-то нащупали в глубине. В обоих случаях вы уходите после встречи с Антоном Шандором ЛаВеем, зная, что у вас был уникальный опыт – нечто, исходящее из самого факта его присутствия. Обычно так бывает, когда восходит солнце, и вы готовы с горячностью признать, что он заставил вас задуматься о жизни, пустив вас в свою жизнь. Ваш разум снова и снова возвращается к тем особым секретам, которыми он поделился только с вами, потому что он знал, что вы можете понять. Но когда все уже сказано и сделано, человек все равно будет знать о ЛаВее только то, что он решил открыть. Он последний таинственный человек в стиле Говарда Хьюза, Тревена, Бэзила Захарофф. Он одновременно парадокс и согласие, загадка и ответ на нее. Вы знаете, что должны ненавидеть этого человека, но каким-то образом, встречая его, слушая, как он играет, отпускает шутки и излагает свои идеи, которые так давно были вам близки, вы понимаете, что называть ЛаВея злобным чудовищем как-то странно. И каждый шаг, который вы делаете, уходя от него в холодный рассвет, несет вам все большее успокоение, но оставляет вас все более опустошенным.

Антон ЛаВей хочет больше не править миром, получать признание за то, что он сделал, или привлекать

новых последователей, но чтобы его оставили в покое. Это вообще все, чего он когда-либо хотел. Когда вы узнаете его лучше, вы понимаете, что он не подстрекатель, задира или оратор. Он хочет писать, играть и творить так, как ему этого хочется. Он хочет наслаждаться обществом некоторых людей и уникальными вещами, доставляющими ему удовольствие, которые он собрал вокруг себя за всю жизнь. Это простые желания, которые вызвали бы симпатию в любом человеческом сердце. И тогда вы останавливаетесь, очень точно припоминая древнюю восточную пословицу, тайно переданную Девяти Неизвестным людям:

Солги лжецу, ибо ложь – его монета;
Укради у вора, ты увидишь, что это просто;
Перехитри хитреца, и выиграй в первый раз,
Но берегись человека, у которого нет
топора для заточки.

ЧАСТЬ V
ПРИЛОЖЕНИЯ

Словарь терминов ЛаВея

Аутоэротические барабаны возбуждения – замкнутые полости, в которых человек может кувыряться и крутиться без последствий для здоровья, разряжая таким образом избыток энергии и снимая напряжение, происходящее от подавленных сексуальных порывов.

Бойкот недоверию – готовность временно отказаться от ожиданий, чтобы установилась более благоприятная атмосфера для магических экспериментов.

Большая магия – церемониальная или ритуальная магия, осуществляемая при особых условиях строго определенными средствами для достижения четкой цели, в противоположность Малой или Сценической магии.

Девять Неизвестных – многие писатели – Шекспир, Джон Драйден, Тэлбот Манди, Ричард Джонсон – косвенно ссылались на эту таинственную клику, которая является архетипической ячейкой, чья структура отражается сегодня в Совете Девяти и девяти судьях, назначаемых на место абсолютной

власти на заседаниях Верховного суда Соединенных Штатов⁶⁴.

Демоническая личность – тип личности, расположенный прямо напротив вашего положения на Часах-синтезаторе, тип, который вы с наибольшей вероятностью притянете к себе и к которому будете притянуты сами.

Добавь того же самого – полезное практическое правило для разработки соответствующего архетипа и ведения дел с другими людьми: давай им в точности то, чего они ждут, а по возможности – даже больше, чтоб знали, что почем.

Доминантная масса – громадная визуальная (а потому магическая) мощь, которая подавляет и заслоняет все окружающее.

Закон запретного – то, что не должно быть увидено или обретоено как опыт, хранит в себе сильнейшие чары.

Закон невидимости – психологический трюк, благодаря которому некто или нечто остается невидимым, несмотря на зрительные подсказки, если смотрящий не ожидает увидеть подобный объект в данной конкретной обстановке.

Закон трапецоида – вновь и вновь возникающая в истории магическая форма (похожая с виду на пирамиду с отрубленным верхом – математики называют ее «усеченной фигурой»), которая из-за врожденно присущей ей доминантной массы как магнит притягивает гигантские и подчас ужасающие феномены. Лавей писал в 1976 году: «Углы и плоскости пространства, пробуж-

⁶⁴ В число писателей стоит включить (среди тьмы прочих) и Дж. Р. Р. Толкина, а Девять Неизвестных уподобить, соответственно, Девяти Назгулам, чтобы все встало на свои места (включая Десятого Неизвестного – впрочем, вполне известного под множеством имен на букву С – от Сатаны до Саурана).

дающие беспокойство – то есть не гармонирующие с визуальной ориентацией, – порождают и аберрантное поведение, читай: перемены».

Искусственные компаньоны – важнейшая отрасль американской промышленности ближайшего будущего; гуманоиды, предназначенные для личного, сексуально-го и эмоционально позитивного использования публикой, ориентированной на массовый рынок.

ИЭК (Инерция эротической или эмоциональной кристаллизации) – точка во времени и личном опыте, в которой формируются и застывают эмоционально-сексуальные фетиши личности.

Малая магия – прикладная психология и обыденная ворожба, применяемые для достижения желаемых целей.

Музыка фрустрации – музыка, будучи часто неистовой и (или) диссонантной, лишена прापесенной твердости и формы.

Музыка-без-вранья – музыка, наделенная формой, лиризмом и динамичностью, что вызывает прापесенный эмоциональный отклик. Мелодии и гармонии в ней обычно предсказуемы, а потому отвергаются и очерняются многими музыкальными псевдоснобами.

Орден Трапецоида – Внутренний круг Церкви Сатаны, упоминаемый в Шестом Енохиевом Ключе Сатанской Библии и выросший из первоначального Магического круга ЛаВея конца 1950-х годов еще до основания Церкви Сатаны. В согласии с изысканиями ЛаВея в демонической геометрии (см. «Закон трапецоида») члены этой неформальной магической мастерской начали носить черно-красный трапециевидный медальон «от ЛаВея», украшенный изображением демона с крыльями как у летучей мыши, которое можно было вынуть, явив на свет божий лежащий под ним узор – перевернутую пентаграмму с числом 666. Когда их

магические эксперименты организационно оформились, участники группы назвали себя «Орденом Трапецоида» и в итоге стали членами-основателями Церкви Сатаны. Орден Трапецоида действует по сей день как направляющая сила организации.

Прапесня – набор архетипических вибраций и резонансов, которые со времен первобытной музыки вызывают (а зачастую – просто пробуждают от спячки) неудержимые эмоции – радость, печаль, отчаянье, энтузиазм и т. д.

Пребывает, не действует – превосходство драматичных, вневременных, архетипически устойчивых образов над движением (действием) в смысле глубины визуального воздействия (термин из книги «Управление взглядом»).

Принцип «трости с серебряным набалдашником» – из числа методов, практикуемых артистами странствующих цирков. Суть принципа в том, чтобы дать кому-либо титул, должность или знак отличия, которые выглядят «круто», но на самом деле выдают некомпетентность или претенциозность своего обладателя. Вариация на тему «надуть чванливца посильнее, чтоб увидеть, какими дырочками оный засвистит».

Психический вампир – термин, изобретенный Лавеем и ныне широко используемый для описания манипулирующих индивидуумов, отсасывающих у других жизненную энергию, внушающих чувство вины и навязывающих ложные обязанности, но при этом ведущих очевидно бесцельное существование.

Ритуал шибболета – психодраматический ритуал, исполнявшийся на заре Церкви Сатаны, в ходе которого участники примеряли на себя «маски» тех людей, которые вызвали у них глубочайшее презрение или создавали для них проблемы, таким образом «изгоняя» этих людей из себя.

Секс, сантименты и удивление – определены в «Управлении взглядом» как три общие категории, на которые можно разбить все образы-архетипы; позднее подробно описаны в «Сатанинской Библии» и в «Сатанинской ведьме».

Синдром «НПНЗ» – аббревиатура означает «Ничего подобного не знал!». Термин используется для описания позиции невежества по отношению к определенным способностям или талантам, которые остаются незамеченными и непризнанными, пока не проявятся с ошеломляющей силой.

Совет Девяти – правящий орган Церкви Сатаны.

Сценическая магия – притворение, ловкость рук, демонстрируемая для публики без претензий на обладание сверхъестественными способностями. Сценическая магия может вполне эффективно использоваться в сочетании с Большой и Малой магиями для создания убедительной атмосферы, способствующей достижению магических целей.

Тотальная обстановка – принадлежащая частным лицам и единолично ими используемая и управляемая обстановка, чье назначение – точно скопировать какое-либо место или период истории; все соучастники и посетители подобной обстановки подчиняются жестко заданным визуальным и поведенческим иллюзиям, характерным для мира, послужившего прообразом копии.

Трансмогрификация – изменение физической формы и внешности, достигаемое либо собственными усилиями, либо через влияние другого сильного мага.

«Управление взглядом» – название книги об искусстве фотографии, написанной Уильямом Мортенсенем и опубликованной в 1937 году, а также приемы, применяемые в Малой магии, чтобы околдовать намеченную вами жертву с помощью определенных методик остановки взгляда, управления вниманием и склонения к согласию.

Хлещущая музыка – музыка, в которой «бит» доминирует над лиризмом или мелодией, копирующая неотступную, гипнотическую барабанную музыку, с помощью которой викинги некогда заставляли рабов грести на своих кораблях.

Часы-синтезатор – метод типизации людей, сформулированный ЛаВеєм в «Сатанинской ведьме». Согласно своему положению на циферблате, то есть «3-часовой тип», «9-часовой тип» и т. д., личность идентифицируется как обладающая определенными душевными качествами, которые соответствуют ее физическому облику.

Черная месса – ритуал, практикуемый Церковью Сатаны, который свершается для богохульства и высвобождения его участников из тисков того, что обычно становится сакральным, – не только из тисков организованной религии, как в случае традиционной Черной мессы, задуманной как богохульство против католицизма.

KISS – не рок-группа, но скорей «Keep It Simple, Stupid!» («Делай все проще, тупица!»). Полезная формула, применимая к широкому спектру ситуаций.

Lex Satanicus – «дьявольский закон», как он описан в «Одиннадцати Законах Земли», включая Lex Talionis и «Поступай с другими так же, как и они с тобой».

Lex Talionis – «закон джунглей» (букв. «закон когтя»); естественный порядок вещей, при котором слабым дозволено гибнуть, а сильные торжествуют. Описан в иудео-христианской ветхозаветной мифологии как «око за око» и Чарльзом Дарвином как «естественный отбор», ставший основой его теории эволюции.

Qui bono? – «Кому выгодно?» (лат.); кто что от этого выиграет? – подоплека вопроса такова, что никто ничего не делает, кроме как в своих собственных интересах.

Девять положений сатанизма

1. Сатана означает потакание взамен воздержания.
2. Сатана означает полноценное существование взамен духовных мечтаний.
3. Сатана означает непорочную мудрость взамен лицемерного самообмана.
4. Сатана означает милость к тем, кто ее заслуживает, взамен любви, растроченной на неблагодарных.
5. Сатана означает отмщенье взамен подставленья другой щеки.
6. Сатана означает ответственность для ответственных взамен сочувствия к психическим вампирам.
7. Сатана означает человека в качестве всего лишь еще одного животного – подчас лучшего, гораздо чаще худшего, чем те, что ходят на всех четырех, животного, которое из-за собственного «божественного духовного и интеллектуального развития» стало самым порочным из всех.
8. Сатана означает все так называемые грехи, ибо все они ведут к телесному, умственному или эмоциональному наслаждению.

9. Сатана всегда был самым лучшим другом Церкви, ибо он не давал ей выйти из бизнеса все эти годы.

Одиннадцать сатанинских правил на Земле

1. Не высказывай своего мнения и не давай советов, если тебя не просят.
2. Не говори другим о своих проблемах, если ты не уверен, что другие хотят о них услышать.
3. Когда ты в чужом логове, покажи хозяину свое уважение, либо не ходи туда вообще.
4. Если гость в твоём логове раздражает тебя, обойдись с ним жестко и без милосердия.
5. Не делай сексуальных авансов, если тебе не дан сигнал к спариванию.
6. Не бери того, что тебе не принадлежит, если только это не бремя для своего хозяина, и он не вопиет, чтобы оно было снято.
7. Признай силу магии, если успешно ее применил для добычи того, что желанно. Если ты вздумаешь отрицать силу магии после того, как с успехом воззвал к ней, ты утратишь все, что приобрел.
8. Не сожалей о том, в чем тебе нет нужды участвовать.
9. Не вреди малым детям.

10. Не убивай животных, не принадлежащих к человеческому роду, если они не нападают на тебя или если ты не голоден.

11. Когда идешь через открытое пространство, никого не тревожь. Если кто беспокоит тебя, попроси его прекратить. Если он упорствует, уничтожь его.

Девять сатанинских грехов

Долгие годы люди спрашивали представителей Церкви Сатаны: «Хорошо, договорились: ваша философия основана на потакании человеческим инстинктам, – но есть ли у вас понятие хоть о каких-нибудь грехах, как в других религиях?» Нашим ответом всегда было «нет». Но настало время исправить этот ответ. Двадцать один год мы неуклонно росли и теперь считаем, что нам стоит иметь более четкие принципы не только касательно того, к чему мы стремимся, но и того, что мы стремимся избежать, что мы *не одобряем*. Наше отличие в том, что другие религии изобретают грехи, которые люди с неизбежностью совершат, в то время как мы полагаем «грешными» некоторые вещи, которых люди смогут с легкостью избежать, если чуть-чуть поработают над собой.

1) **Тупость**. Вершина списка сатанинских грехов. Смертный грех сатанизма. Очень жаль, что тупость не причиняет тупицам боли. Невежество – это особая статья, но наше общество все больше наживает на тупицах. Ему нужны люди, которые будут делать то, что им

велено. Медиа пропагандируют *намеренную* тупость в качестве позиции не только приемлемой, но и достойной всяких похвал. Сатанисты должны научиться видеть все трюки насквозь и не могут позволить себе быть тупыми.

2) **Претенциозность.** Пустое позерство бывает просто невыносимо и всегда несовместимо с кардинальными принципами Малой магии. Идет рука об руку с тупостью, в наши дни способствуя круговороту денег в природе. Каждому дают почувствовать себя «большой шишкой», вне зависимости от того, могут ли он или она породить хоть что-нибудь стоящее.

3) **Солипсизм.** Может быть очень опасен для сатанистов. Быть солипсистом — значит проецировать свои реакции, отклики и чувства на кого-то другого, кто, возможно, *гораздо* менее «настроен на волну», чем вы. Ошибкой будет ждать от людей, что они проявят по отношению к вам такие же внимание, вежливость и уважение, какие вы, что для вас естественно, проявляете по отношению к ним: этого не случится. Сатанисты должны стремиться жить в согласии с правилом «поступай с другими так же, как и они с тобой». Для большинства из нас это требует внутренней работы и постоянной бдительности, чтобы не соскользнуть в комфортную иллюзию, что все на свете такие же, как мы. Как было сказано, некоторые утопии идеально воплотятся в государстве философов, но, к несчастью (а может, и к счастью, если смотреть глазами Макиавелли), мы далеки от этой точки истории.

4) **Самообман.** Насчет него ясно сказано в «Девяти положениях сатанизма», но стоит повторить и здесь. Еще один Смертный Грех. Мы не должны благоговеть ни пред какими «священными коровами», которых навязывают нам, не говоря уже о тех ролях, что выбираем себе сами. Самообман допустим лишь тогда, когда он

несет радость и осознается как таковой. Но тогда это будет уже не самообман!

5) **Подчинение стаду.** Сатанисту этого объяснять не нужно. Абсолютно нормально подчиняться чьим-то желаниям, *если от этого в конечном счете выиграете вы.* Но только дураки плетутся вслед за стадом, позволяя безличному бытию диктовать свои условия. Ключ к решению – мудро выбрать наставника, вместо того чтобы быть рабом изменчивого большинства.

6) **Затуманенный взгляд.** Это тоже может причинить сатанисту массу страданий. Вы должны никогда не терять из виду, *кто вы и что вы такое и какой угрозой вы можете быть в силу самого своего существования.* Мы творим историю – прямо сейчас, каждый день своей жизни. Всегда держите в уме широкую историческую и социальную картину. Это важный ключ как к Малой, так и к Большой магии. Прозревайте узоры и стыкуйте события, чтобы головоломка сложилась так, как вам нужно. Не давайте стадным ограничениям задушить вас – знайте, что вы работаете на уровне, совершенно отличном от остального мира.

7) **Забвение ортодоксий прошлого.** Помните, что это один из главных методов промывки мозгов, которым людей заставляют принять нечто в качестве «нового» или «иногое», тогда как в реальности это то, что некогда было принято повсеместно и ныне всего лишь поновому упаковано. От нас ожидают, что мы будем брызгать слюной от восторга по поводу «гениальности» некоего «творца» и забудем про первоисточник. Так создается одноразовое общество, где нет незамеченных.

8) **Непродуктивная гордыня.** Здесь важно первое слово. Гордыня – великая вещь до тех пор, пока вы не начнете вместе с водой выплескивать и ребенка. Закон сатанизма таков: если нечто работает на вас, замечательно.

Если оно прекращает работать на вас, если вы загнали самого себя в угол и единственный выход – это сказать: «Мне очень жаль, я сделал ошибку, я не против пойти на известные компромиссы», – ну так *скажите и сделайте это*.

9) Отсутствие эстетики. Здесь речь идет о физическом применении фактора равновесия. Эстетика очень важна в Малой магии, и ее стоит всячески культивировать. Очевидно, что никто не может постоянно зарабатывать на ней деньги, и потому ее презирают в потребительском обществе, но эстетика – важнейшее сатанинское орудие и должна использоваться для эффективной магии. Эстетично не то, что, *как предполагается*, должно приносить удовольствие. Эстетично то, что его *приносит*. Эстетика – чрезвычайно личная вещь, отражающая уникальный характер хозяина, но существуют универсально приятные и гармоничные конфигурации, которые не следует отвергать.

Это первая прокламация доктрины спустя более чем десять лет, и в ней очерчены некоторые важные правила для практикующих сатанистов. Вы должны ясно понимать, что она никоим образом не главней Девяти Сатанинских Утверждений или Одиннадцати Законов Земли, но предназначена для того, чтобы еще сильнее развить эти принципы.

Церковь Сатаны, Глашатай Космической Радости

В Одна Тысяча Девятьсот Шестьдесят Шестом, году рожденья Церкви Сатаны, ведьма Сивилла протекла на Америку, и над этой страной начала плотнеть плацентарная плева, впоследствии прозванная «оккультным движением». Конечно, всегда были те, что слали озабоченных судьбой человечества к толмачам-розенкрейцерам с задних обложек журналов, посещали съезды по летающим блюдцам, держали друг друга за руки в «закрытых кружках» спиритов и ежедневно вслух читали свои гороскопы. Был Деннис Уитли, британский писака, настолько пугавший пудинголицы английских красавиц, что те засыпали, храпя от ужаса в своих светлых гостиных. Вероотступник по фамилии Сибрук писал о темных проделках оборотней и дам-кровопийц (и между прочим, его «Психушка» была прототипом «Гнезда кукушки»), а двое парней по фамилиям Саймондз и Мэнникс протоколировали соответственно подвиги «главного мирового злодея» и скандалы Клуба Адского Огня. Человек мог добыть «Шестую и Седьмую Моисеевы Книги» и «Albertus Magnus» на бумаге еще до того, как они

приобрели бумажные обложки. Старик Рой Хайст неплохо нажился, продавая «прах мумий» доверчивым знахарям. Конечно, и до Года Первого было оккультное движение – движение, сходное с дремлющим пьяницей, чешущим пузо в дверном проеме.

Для иллюстрации событий последнего десятилетия не нужна никакая подробная хронология. Параллельно все более либеральному климату 60-х упразднилось и множество старых табу. Темная Грань дерзко высветилась в вежливом обществе, и там, где недавно блистали поэты-битники и бродяги, бившие в бонги, воцарились ведьмы и знатоки карт Таро. Для большинства теологов лишь одно существо было в ответе за все – от медитаций до пророчеств. Как безобидно бы не было эзотерическое деяние и как бы громко не звучало отречение его участников, во всем винили Дьявола. Заглавия передовиц, вещавших об оккультном, завлекали «Сатаной», презрев привычные приманки. ТВ-экранизации классических готических историй с привидениями объявлялись «сатанинскими» – отличная реклама! Несмотря на гневные попытки отделить колдовство от сатанизма, публика упорно путала их, добровольно и охотно объявляя «бойкот недоверию». Несмотря на то что *curanderas*⁶⁵ бормочут о собственных «богоданных силах», фундаменталисты по-прежнему осуждают их как участников оккультного движения и прихвостней Сатаны.

Отсутствие воображения и стойкости – вот что виднеется сквозь внешний лоск тех дилетантов, что заполнили ряды оккультного движения. Но лак имеет свойство облезать, и образ оккультиста стал не менее нелеп, чем образ проповедника, бьющего в Библию тяжелым кулачищем, будто в бубен. Ныне Церковь Сатаны легко

⁶⁵ Колдуны (исп.).

могла бы превратиться в психический Остров Эллиса⁶⁶ для эмигрантов и беженцев с оккультной сцены. Перемещенных лиц, что бросили свои шабаши, девяностолетних магов, уставших расшифровывать Енохиевы Ключи и всякую кроулившину, педиков в ризах, не нашедших счастья в лоне католической церкви, удрученных чернокнижников, обнаруживших, что грудь Богини иссякла, египтоидов, коим до смерти хочется заделаться храмовниками или сыграть в «Сыновьях Пустыни» вместе с Харди и Лорелом⁶⁷ завсегдааев пирамид, не заработавших ничего, кроме клаустрофобии, искателей Атлантиды, страдающих от морской болезни, НЛО-шников, пересмотревших закон всемирного тяготения, но не могущих подтянуться на турнике до подбородка, безмозглых ведунов, оголодавших без секса колдуний, промотавшихся прорицателей, близоруких ясновидцев – всей этой громоздящейся куче отбросов феномена, который *в силу самой своей популярности НЕ МОГ не утратить магии, на обладание коей претендовал.*

«Сатана» в переводе значит «противоположность», да не будет забыта «Сатанинская Библия». Суть сатанизма

⁶⁶ Здесь ЛаВей довольно тонко играет словами, что вообще ему свойственно: Островами Эллиса (Ellice) до 1975 года называлось нынешнее Тувалу, страна на юго-западе Тихого океана, состоящая из девяти коралловых островов; в 1892 году она была основана как британский протекторат, с 1915 по 1975 год острова были частью британской колонии Островов Гилберта и Эллиса; полной независимости Тувалу добилось в 1978 году. На физических Островах Эллиса поначалу действительно было полно всяких беженцев и эмигрантов. Однако ЛаВей пишет Эллис как Ellis, видимо иронически намекая на (Генри) Хэвлока Эллиса (1859–1939), британского эссеиста, автора книг по психологии секса.

⁶⁷ Лорел и Харди – «Тонкий и Толстый», знаменитый дуэт американских кинокомиков: Стэн Лорел (1890–1965) – «Тонкий», Оливер Харди (1892–1957) – «Толстый»; «Сыновья Пустыни» (1933) – культовая комедия режиссера Уильяма Сейтера.

в том, что он склоняет чашу весов и толкает маятник в обратную сторону. Вот почему фактическая сторона сатанизма столь часто жестче наиготичнейших мелодрам и всякой выдуманной научно-страшной фантастики. Эта настоящая жесткость заметна в смятении некоторых новых кандидатов [в сатанисты], коих угораздило запутаться в сетях идущей на ущерб оккультной сцены. Интерес к Церкви Сатаны никогда не был более велик, чем сейчас, но я не дурачу себя иллюзией, будто это из-за того, что люди стали начитанны, как никогда: они же стали всего лишь разочарованы и пресыщены, как никогда. Вместе с тем я признаю, что упадок оккультного движения как надежного источника самобытности благословил нас приливом небезнадежного человеческого потенциала из вышеупомянутых категорий, равно как и «колеблющимися», которые просто ждали, пока уляжется пыль. Таким образом, элитарность, установку на которую я взял с самого начала, воплотилась четырехкратно.

За десять лет существования Церковь Сатаны вскормила философскую контркультуру, которая, если б ее не контролировать, вместе с водой выплеснула бы плод. Она призывала к творческой вседозволенности и рациональному своекорыстию и вынудила гибнущую теологию к нелепым и смехотворным жестам утопающего («ведьмобилям», папским прокламациями и т. д.) и выдающим ужас спешным перетолкованиям (внезапному желанию «не отставать от социальных перемен»). Еще она позволила напыжиться от гордости ордам подонков, пока их новоявленные «божества» не зашвистели от давления накачанной гордыни и не лопнули. Рекламные разделы журнала *Fate* («Судьба») являют столь же изобильное болото одаренных экстрасенсов, институтов, изучающих вселенское сознание, и продавцов откровения, какие можно обнаружить среди объявлений в газетенках для свингеров и в подпольных

газетах. Добавьте ко всему паразитарных маргиналов: этих бывших, ищущих признания в качестве экс-ведьм, экс-колдунов, экс-сатанистов, экс-зорцистов или любых других ублюдков типа «кабы моя воля, я бы раньше завязал». О да, оккультное движение привело с собой толпу одержимых иллюзорной адекватностью.

Так почему же сатанизм преуспел? Да потому, что ни в самых ранних наших текстах, ни в «Сатанинской Библии» и никогда в дальнейшем мы не давали грандиозных обещаний с гарантией просветить кого угодно и всегда подчеркивали, что каждый должен стать своим собственным личным исповителем. Что степень превосходства личности (если она им *вправду* обладает) определяется лишь ее личностным потенциалом. Что «Сатана» – наглядная концепция, принимаемая каждым в соответствии с его или ее нуждами. Так было в начале. Так остается и сейчас. Мы все время отбрасывали то, что могло стать очередной новой модой, первопроеходчески отстаивая старомодное. Когда проявляется синдром «обезьяна видит, обезьяна копирует» – даже на Тропе Левой Руки! – тогда мы *не делаем этого*. Мы извлекли все лучшее из худших и сумели увидеть все худшее в лучших и выиграли на каждом. Мы бросаем вызов классификациям и ставим в тупик обожателей ярлыков, зная, что единственный наш ярлык – *Сатана* – противоречив сам по себе.

Оглядываясь на прошедшие десять лет, легко выделить каждую фазу нашего развития. Это не только послужит достойным уроком по поведенческой психологии, но и послужит в качестве того, что социологи называют «внебюджетным исследовательским проектом».

Фаза Первая, *Возникновение*, кристаллизовала *Zeitgeist*⁶⁸ в реальность – вбросила мудрость сатанинского

⁶⁸ Дух эпохи (нем.).

политического тела в подготовленную, но все равно ошарашенную общественную атмосферу.

Фаза Вторая, *Развитие*, привела к усилению и расширению организации в результате ее стимулирования индуцированной эксплуатации и привлекла разнообразнейшие человеческие типы, из коих предстояло выделить сатанинский «идеал».

Фаза Третья, *Уточнение*, предоставила достаточно толкований для утверждения принципов современного сатанизма в противовес предшествовавшим или бытовавшим неверным интерпретациям. Многим было бы удобно «не заметить» выхода «Сатанинской Библии», «Сатанинских ритуалов» и «Сатанинской ведьмы», но эти книги мог легко добыть каждый, кто решал побольше узнать о нашей доктрине и методологии. Превалировала аура респектабельности, зачастую приводя к сверхкомпенсации; она была нужна, чтобы нейтрализовать ошибочные домыслы извне.

Фаза Четвертая, *Контроль*, поощряла разброд и Принцип Питера⁶⁹ как способ изолировать тот «идеал», что был определен во время второй фазы. Де-институционализация отделила создателей от простых участников, таким образом отфильтровав и стратифицировав то, что начиналось как организация для посвященных (или секта), во вполне определенную общественную структуру.

Фаза Пятая, *Применение*, идет сейчас, неся с собою ощутимые плоды – ведь это, так сказать, начало жатвы. Отточенные приемы готовы к использованию. Мифы XX столетия распознаются и используются в качестве первичных стимулов. Людские слабости учитываются в целях радикального прогресса.

⁶⁹ Принцип продвижения посредственностей, один из так называемых «Законов Паркинсона»: каждого работника повышают до уровня его некомпетентности.

Мартовские иды истощили свое сумасшествие, и равенство привело к кульминации. В закатных сумерках накануне нового Сатанинского века я опустил свою бритву в воды Замзама и принял на себя новую роль. Мне порой интересно: как бы все вышло без Церемонии? Помог ли ритуальный катализатор убедить сего пирронического⁷⁰ Дьявола в том, что его программа будет выполнена как должно?

Символика, ритуал, церемония, тотем и табу всегда будут жить и расти – или вянуть и умирать – при определенных условиях. Будучи сатанистами, вы должны прочувствовать эти вещи, а прочувствовав, выбрать или отвергнуть в соответствии с вашими нуждами. Контркультура неизменно заканчивает тем, что становится правящей культурой. Когда оккультное (скрытое) становится модным, оно перестает быть оккультным. Однако Темная Сторона пребудет вовеки. Истинный сатанист – это тот, кого неодолимо влечет к себе бездна *иного*, будь оно абстрактным или конкретным. Те, кто пребывали этот последний период под властью застывших абстракций, ощущают тепло, выделяемое их остывающими бренными личностями. От страха они не знают, какие образа целовать, они одурманены обесцененными доктринами и скованы запрограммированными допущениями. «Сатанистами» станут многие, некогда трепетавшие от одного Его имени. Другие продолжают сторониться его, но будут кормиться побочными продуктами сатанизма, как неумышленно (или умышленно) поступали в прошлом. Для тех, кто Потерян, Бесправен, Утомлен, Расщеплен – для всех для вас мы приготовили место.

Прошедшее десятилетие было отрадным. Я благодарен всем тем, кто годами хранил мне верность и

⁷⁰ Сомневающийся во всем, скептический.

держал со мною обратную связь, в чем нуждается каждый символический лидер. Тем из вас, кто были со мною в самом начале, когда наше шоу только начиналось, и тем, чей разум с тех пор стал нашей частью, – я говорю вам спасибо за вашу поддержку. «Evil» по-прежнему – «Live» наизнанку⁷¹, и коль скоро мы будем злыми, мы будем жить. Жить лучше всех – по-прежнему лучшая месть всем напастям. Любите, смейтесь, фантазируйте, творите, изобретайте, пожинайте плоды и пируйте – как сатанисты – в этом лучшем из всех миров, Мире без конца. Помните: первые 99 лет – всегда самые трудные.

*Rege Satanas!*⁷²

⁷¹ «Зло; злой» и «жить; живой» (*англ.*) соответственно; на то, что «Зло» – это «Жить» наоборот, первым обратил внимание Льюис Керролл (1832–1898) в своем романе «Сильвия и Бруно» (1889).

⁷² Правь, Сатана! (*лат.*)

Как стать оборотнем: Основы ликантропического⁷³ метаморфоза (принципы и их применение)

Каждый человек – потенциальный оборотень. Под воздействием эмоционального стресса качества цивилизованного человеческого существа регрессируют до уровня основных животных реакций, и так достигается порог потенциальных физических перемен.

Темперамент

Про людей, для которых нормой является грубая и хамская манера поведения, принято думать, что они живут на границе животного состояния, а это будто бы позволяет им с относительной легкостью совершить окончательный переход. Это софистика, ибо невежи считают себя как людей наивысшей и благороднейшей формой жизни. Они *все время* ведут себя *почти* как животные,

⁷³ Ликантроп – букв. «волк-человек» (греч.); научный синоним «оборотня». Ликантропия – не только предполагаемое магическое превращение человека в волка, но и нарушение психики, при котором человек верит в то, что он – волк.

а потому не осмелятся «перейти черту», ибо сие для них было бы мерзостно.

Тот, кто только что вскарабкался к бордюрному камню, не рискнет опять скатиться в канаву. Лишь высший человек способен на метаморфоз, так как его «я» позволит ему пройти весь путь до конца. Он знает, что настрожен и культурен большую часть своей жизни, а потому без угрызений совести сможет насладиться переходом к животному состоянию. Манифестации этого феномена встречаются в изобилии. Самые лощеные личности становятся самыми страшными выродками при появлении подходящей возможности. Ни единый пьяница не сравнится по части свинства с богатым пьяницей. Примеры подобной полярности бесконечны: «напился как лорд»⁷⁴, доктор Джекилл и мистер Хайд, граф Дракула, Джек Лондон и т. д. Практически во всех литературных, сценических и киношных трактовках ликантроп в его нормальном состоянии изображается как человек, наделенный душевной теплотой, пониманием, чувствительностью и разумностью.

Три основные эмоции – секс, сантименты и удивление – можно рассматривать как спусковые механизмы, что будет показано в нижеследующем рецепте, с помощью коего можно добиться превращения человека в зверя.

Обстановка

Каждый хотя бы раз в жизни забредал на территорию, где буквально чувствуется угроза, чувствуешь, что кто-то или что-то прячется в тени, следит за каждым твоим

⁷⁴ В русской ментальности можно напиться в лучшем случае «как сапожник». При желании можно напиться «в жопу». А вот «как князь», например, напиться нельзя. Обидно за нацию.

шагом, выжидая, чтобы прыгнуть и сожрать. Возможно, это был пустой дом или одинокая тропа меж деревьев, или, к примеру, заброшенный карьер. Во многих случаях было известно – или выяснялось – это место было свидетелем внезапной и (или) необычной смерти или, возможно, нанесения увечий, изнасилования, иной жестокости. За любыми актами, связанными с интенсивным или выходящим за пределы нормы выделением адреналина жертвой или злоумышленником (вследствие похоти, ужаса, агрессии, защиты и т. д.), следует образование своего рода засасывающего вакуума в форме различных степеней восприимчивости (шок, полная покорность, обморок, смерть и т. д.).

Место, атмосфера коего подверглась такой поляризации, можно уподобить территории, где многократно скапливались и разряжались мощные заряды электричества, вследствие чего воздух был циклически, хаотически и нестабильно ионизирован. Первоначальный «заряд» и притяжение такой территории обуславливаются ее пространственным расположением и геометрической структурой. Ее можно сравнить со сплошь и рядом наблюдаемыми в природе местами охоты, к коим животные стекаются со многих миль округи, чтоб полакомиться трупами своих предшественников.

Дихотомия садомазохизма, из-за своей потребности в претворении, в изобилие снабжает такие места как охотниками, так и дичью. Дичь *затягивает* туда из-за пугающего, но вызывающего покорность трепета, коим пропитана обстановка. Затем туда являются хищники, привлеченные *идеальными условиями для охоты* и обилием дичи. Зачастую, однако, охотники проникают в «заповедник» изначально не как охотники, а как вдохновленные страхом искатели ужаса.

Если вам кажется, что все, что здесь говорится, притянуто за уши, рассмотрите феномен, обычный для

детей в канун дня Всех Святых или в любую другую ночь, при соответствующих условиях. Ребенок нарочно выходит в темень, чтоб его напугали, успешно пугается, а потом задумывается: как весело, должно быть, пугать других! – ибо он очистился от нужды быть напуганным. После чего он становится охотником, а следующий ребенок, вышедший в темень, – его добычей. В целом этот феномен сродни известному в психологии явлению, когда человек, на словах боящийся некоей ситуации, своими действиями всячески поощряет ее возникновение.

Подготовка

Эта детская игра дает нам ключ к пониманию роли, которую необходимо сыграть для превращения в ликантропа. Коротко говоря, все обстоит таким образом: войдите на психически травмирующую территорию с непреклонным намерением напугаться. Позвольте себе напугаться. Если необходимо, наденьте одежду, создающую имидж максимальной покорности и уязвимости. «Случайные» жертвы всегда так одеты. Прочувствуйте место как жертва, перепугайтесь как можно сильнее. Будет еще лучше, если вы сможете дополнить свой страх сексуальным возбуждением. Позвольте своим поджилкам буквально трястись от страха и, если возможно, добейтесь оргазма любыми необходимыми средствами, ибо это облегчит ваше последующее ликантропическое перерождение.

Высвободив весь страх и удрав со сцены своего ужаса (экстаза), вернитесь домой и поразмыслите над тем, что вы чувствовали. Вскоре вы обнаружите появление своего рода магнитного притяжения, манящего вас назад, на проклятое место. Это неуютное ощущение будет с каждым днем все сильнее и в идеале

превратится в настоящую манию. Когда окажется, что вы не способны более противостоять искушению вернуться в опасную для вас точку, повторите там все свои действия тем же манером. Ваша вторая «экспедиция» окажется еще более ужасающей из-за тревоги и предвкушения, развившихся за истекшие дни.

В самом истинном смысле вы исполнили ритуал, излучая свою энергию в живую, дышащую среду. Эта среда *из-за непрерывного похищения ее жизненных сил* действует как вампир, высасывая энергию из приречных ею, и ловит их в свою заразную ловушку как припасы на будущее. Вильгельм Райх назвал такие зоны *SOP*⁷⁵, что указывает на стойкое истощение оргона или ослабленность атмосферы. Атмосфера подобных зон голодна. Их нагота вопиет, чтоб ее накормили. Все так называемые дома с привидениями и долины ужаса подкрепляются энергией, которую накапливают тревоги их обитателей, ожидающих того, что «гости» вернуться, то есть питаются навязчивыми страхами тех, кто подпал под их чары.

При втором проникновении в выбранную зону вам, возможно, не удастся задержаться там, как в первый раз, из-за того, что страх ваш вырос и вместе с ним – потребность быстрее испытать и изгнать его, а потом «сделать ноги». Теперь вы готовы к метаморфозу – если, конечно, второй заход не показался вам «прелестью» и вы не возжаждали вознести свой страх на более экзотичную высоту: в этом случае вы либо не очень-то и напугались, либо шансов сыграть нужную роль у вас просто нет. Другими словами, прежде, чем стать охотником, вы должны сперва пробудить, а затем изгнать из себя потребность быть жертвой. Если вы – закоренелая «жертва», то будет мудро проявить осторожность. Ваше

⁷⁵ «Смертельная оргонная радиация».

страстное желание напугаться и его проявления могут свергнуть вас в ситуацию, в коей вы будете жестоко покалечены или убиты. Однако если вы в состоянии ответить на свою потребность в страхе и изгнать ее из себя, переходите к следующему этапу.

Метаморфоз

Облачитесь в одежды, благоприятствующие переменам, которые нужно вызвать. Легенды о берсерках, носивших шкуры волков и медведей, исполнены смысла, если иметь в виду важность костюма для ритуала. Оденьтесь самым стереотипным, «банальным» образом, так как вторая кожа, кою вы носите, – мощный фактор в деле полной трансмогрификации. Это – пример герметической, или симпатической, магии («что в горнем, то и в дольном»). Если на вас надета маска волка или шкура дикого зверя, предпочтительнее, чтобы она *не была* настоящей, ибо вам будет легче вселить свою личность в подобие избранного животного, вдохновляясь известными признаками изображенного вида. Шкура, или маска, послужит катализатором, макетом того, чем вы станете, когда с нею сольетесь.

Войдите в проклятую зону с жадным предвкушением. Когда вы приблизитесь к тем местам, где недавно сильнее всего напугались, позвольте себе насладиться мыслью о том, как ужасно было бы для кого-то другого почувствовать пережитый вами страх плюс добавочный ужас от реального присутствия незнакомой и гротескной твари. Короче, теперь ваша роль – внести свою лепту в ужас этого места.

Сцена обставлена, и все необходимые компоненты задействованы. Вы пережили интенсивный страх. Теперь ваша очередь стать интенсивным ходячим страхом в форме чистой звериности. Крадитесь, время

от времени позволяя себе припадать на все четыре конечности. Дети вполне профессионально подражают животным. Помните, в каких ситуациях? Ребенком вы тоже рычали на кошку или собаку, стоя на четвереньках, – хотя бы раз, никаких сомнений. Задумывались ли вы о скрытом смысле своего поведения?

Нюхайте воздух, смакуйте его и запахи места, в котором находитесь. Если поблизости есть деревья, подкрадитесь к ним, прикоснитесь к ним, хватайте их лапами, лезьте на них и трясите. Делайте все возможное, чтоб сравниться с животным. Если вы внутри здания, помочитесь на пол или на стену. Помните: дикие звери не приучены проситься на улицу! Фыркайте, хрюкайте, рычите, ревите – издавайте любые противные звуки, какие хотите.

Все сильней проникаясь верою в то, что вы – зверь, вы на самом деле почувствуете, что определенные части вашего тела реагируют на сигналы мозга способом, чуждым человеческой анатомии. Ваши ноги превратятся в задние конечности животного. Руки – в передние конечности, увенчанные лапами с когтями, жаждущими сцапать все, до чего они могут дотянуться. Ваше лицо изменится. Ваши лицевые мышцы станут кривиться гримасами зверя. Все ваши чувства обострятся. Вы почувствуете, что мочиться надо чаще. Вас околдует лик луны, особенно в полнолуние. Если вы внутри помещения, вам захочется сдвигать предметы, совать нос в трещины, взламывать доски пола. Вы ощутите желание разнюхать, что происходит в закрытых пространствах, втиснуться в них головой и телом.

Если вы ощутите сексуальное желание, оно будет ненасытным, и если вы увидите другого человека, который при нормальных обстоятельствах не кажется вам сексуальным, характер вашей трансформации возместит его или ее недостатки. Возникнет страстное желание

наброситься, но ваш *высший* разум должен воздержаться, возобладать и приковать вас к месту, оставив жгучее стремление разрядиться. В этой фазе трансформации жизненно необходим контроль, если только вам не сопутствует готовый на все партнер, который может войти в Игру в роли жертвы и *насладиться* своей ролью. Если все так, тогда возможно откровенное сексуальное насилие. Если нет, то нужно проявить необходимую сдержанность и добиться оргазма без нападения на «жертву».

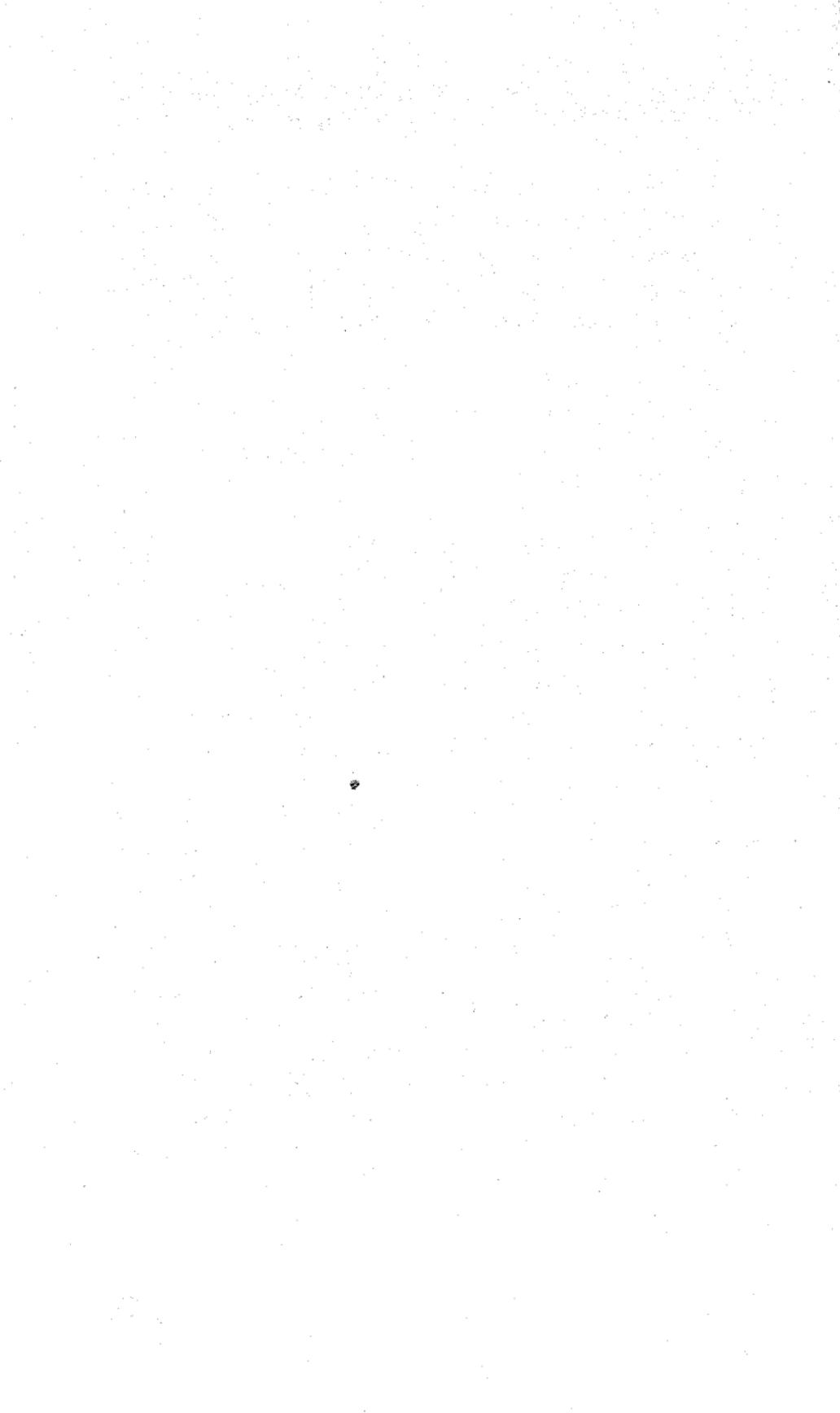
В момент оргазма должно свершиться полное и необратимое торжество вашего внутреннего зверя, что приведет к самым разнузданным последствиям. Именно в этот момент и произойдет превращение, и если кому-то не повезет (или все же *повезет?*) оказаться свидетелем вашего метаморфоза, – можете быть уверены, они не забудут этого никогда.

В целом весь этот принцип, осуществляемый как ритуальное упражнение для заранее избранных «охотника» и «добычи», конечно, лежит в основе таких детских игр, как прятки, в которых один ребенок упивается собственным страхом, в то время как другой ликует, пугая его, причем зачастую полностью меняясь ролями в пределах одного эпизода игры. Так как дети естественным образом ближе к животному состоянию, они вполне компетентны учить нас средствам, коими мы могли бы приблизить себя к животным. Именно переходная сущность детей и делает их идеальными учителями.

Теперь, когда ваша трансформация завершилась (помните, что глубочайшая манифестация может случиться лишь после необходимого разгона), позвольте себе «очухаться», скрывшись, если необходимо, в таком месте, где вы можете, никого не стесняясь, рухнуть на пол или на землю. Если вы достойно проделали свое

упражнение, вы должны, вернувшись в нормальное состояние, почувствовать желание как следует подкрепиться.

Невероятный разгон и выброс энергии при достижении этого состояния сожжет огромную массу калорий. Таким образом, очевиднейшим эпилогом к вашему ритуалу – и завершением животного цикла – будет набить свое брюхо едой и отправиться спать.

Пентагональный ревизионизм: Программа из пяти пунктов

В последние годы мы бездарно потратили слишком много времени на объяснение того, что сатанизм не имеет ничего общего с похищением людей, наркоманией, растлением малолетних, жертвоприношениями животных или детей и любыми другими деяниями, которые идиоты, истерички обоего пола или оппортунисты хотели бы приписать нам. Сатанизм – жизнелюбивая, рациональная философия, коей привержены миллионы людей. Теперь мы готовы к тому, чтобы пойти значительно дальше простого объяснения наших принципов. Каждому ревизионистскому движению нужны цели и руководящие принципы – четкие, ясные и конкретные, и при этом способные вызвать значимые перемены.

Нижеследующая Программа из пяти пунктов отражает установки, которые позволят прочим решить, желают они примкнуть к сатанизму или нет. Каждая из них необходима для совершения сатанинских перемен. Когда нас спрашивают, что мы «делаем», вот наш ответ:

1. **Стратификация.** Пункт, на котором в конечном счете зиждутся все остальные. Больше нет места мифу о «равенстве» для всех – оно претворяется только в «посредственность» и поддерживает слабых за счет сильных. Воде должно быть позволено установиться на нужном ей уровне, без вмешательства тех, кто извиняется за свою некомпетентность. Никто не должен быть защищен от последствий своей собственной тупости.

2. **Жесткое налогообложение всех церквей.** Если бы церкви облагались налогом на все доходы и собственность, они в одну ночь обрушились бы под тяжестью собственной старости и столь же быстро был бы возмещен государственный долг. Продуктивные, креативные, изобретательные должны получать субсидии. Пока бесполезным и некомпетентным платят, они должны облагаться суровым налогом.

3. **Никакой терпимости к религиозным верованиям, секуляризованным и инкорпорированным в сферу закона и порядка.** Чтобы вновь установить «Lex Talionis», потребуется полный переворот в нынешней системе неправосудия, основанной на иудео-христианских идеалах, в которой жертва и защитник стали преступниками. Амнистию должны получить все сидящие в тюрьмах за вменяемое им и зачастую мнимое «влияние» на *подлинных* преступников. *Каждый* действует под чьим-то влиянием. Поиск козлов отпущения стал образом жизни и способом выживания неприспособленных. Если расширить иудео-христианское обыкновение во всем винить Дьявола, то преступники смогут получать снисхождение и даже хвалу, валя вину на подходящего «гада». Следуя сатанинскому кредо «ответственность для ответственных», в сатанинском обществе каждый должен испытать на себе последствия своих действий, будь то к худу или к добру.

4. Разработка и производство искусственных компаньонов человека. Запретная отрасль промышленности! Экономическая «манна небесная», которая позволит каждому «властвовать» над кем-то другим. Вежливое, изощренное, технологически осуществимое рабство. И самая доходная отрасль промышленности со времен появления ТВ и компьютеров.

5. Возможность для каждого жить в целостном окружении со своим личным выбором, с обязательным строгим соблюдением эстетических и поведенческих норм. Принадлежащее частным лицам и единолично ими используемое и контролируемое окружение как альтернатива гомогенной и многоязычной обстановке. Свобода изолировать себя от социальной среды, благоприятствующая личному здоровью. Возможность чувствовать, видеть и слушать то, что приносит максимум эстетического удовольствия, без вмешательства тех, кто все оскверняет или умаляет достоинства подобной свободы.

Гимн Сатанинской Империи,

или

Боевой Гимн Апокалипсиса

Слушай: гремят барабаны из тьмы.
Барабаны гремят, словно Ада грома.
Трубы ревут, пробил черный час, –
Сатана явился отмстить за нас!

Припев:

Зелена и свободой полна Земля,
Хватит места на ней для тебя и меня.
Не дадим! – обливаются кровью сердца.
Значит, нам они не нужны!

Львы и тигры пускай их порвут к чертям.
Вся арена жаждет крови христиан.
Разжуют их пусть и плюют костями –
Не нужны они больше нам!

Было время дурить тупарям башку,
Было время души людей спасать.
Проповедники с Библией на боку
Этим целям были вполне под стать.

Припев:

И Писаньем Святым, первородным грехом
Они гнали бумажных демонов в дом –
В картонный острог и в бумажную клеть –
Но прошли те времена!

С неба рушится фурий из Ада град!
«Lex Talionis»! – они кричат!
И пускай закон – обман ловкачей,
Правосудье – дело клыков и когтей!

Припев:

Они клювом железным пьют кровь христиан,
Иудеев, буддистов и мусульман;
Из-за них – чума, так начнем с нуля –
Не нужны они больше нам!

Чу! Гремят, гремят барабаны из тьмы.
Барабаны гремят, словно Ада громы.
«Rege Satanas!» – пробил наш черный час,
Сатана явился отмстить за нас!

Финальный припев:

Мы звездою утра с ночного дна
Ветхий крест собьем, ибо Сильный – Свят.
Пусть тупые зомби поищут свет –
Будем править мы всегда!

Антон Шандор ЛаВей
18–19 ноября 1988 года

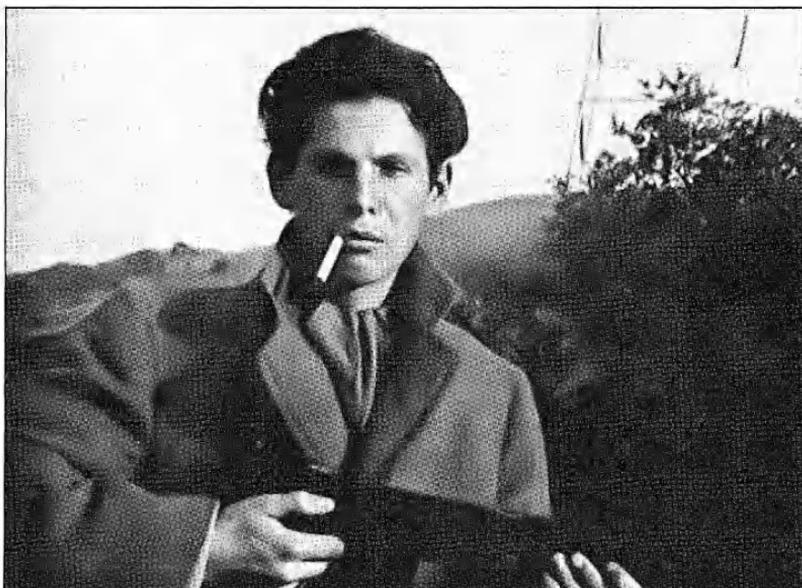
Почтовый адрес Церкви Сатаны:
Church of Satan
PO Box 210082
San Francisco, CA 94121

Вверху слева: Юный Антон позирует в шарфе, который позже был «украден» Мэрилин Монро.

Вверху справа: ЛаВею нравилось одеваться в стиле «зут», и его иронически называли «гангстером» или «пачуко».

Внизу: ЛаВей всегда интересовался огнестрельным оружием с тех пор, как побывал в строившемся тогда Лас-Вегасе с «партнерами по бизнесу» своего дяди, Багси Сигелом и Мейером Лански.

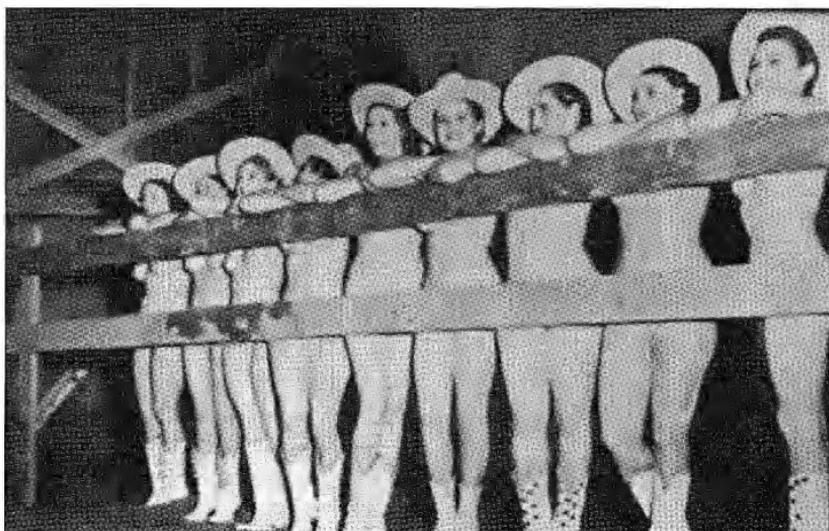

С 1948 года, когда Лавей играл в бурлескных театрах, таких, как «Театр Майя», где он познакомился с Мэрилин, он выработал свой фирменный стиль — смесь сатанизма и фильмов «нуар».

Вверху: Двадцатилетний Лавей за театральным органом «Wurlitzer».

Внизу: Сцена одного из самых ранних эротических впечатлений Антона — «Голое ранчо» Салли Рэнд на Всемирной ярмарке 1939 года на острове Сокровищ.

ЛаВей с другом.

Антон играет на одном из своих пятничных ночных собраний, через год он обреет голову и создаст Церковь Сатаны в Вальпургиеву ночь 1966 года.

Вверху: Первые сатанистские похороны. Хоронят Эварда Олсена. Колдун в черной накидке в центре фото — режиссер Кеннет Энгер.

Внизу: Доктор Сесил Никсон со своей статуей-автоматом «Исидой», игравшей репертуар из 3000 мелодий по команде голосом. Никсон, один только знавший точные способы включения автомата, передал свои секреты Антону.

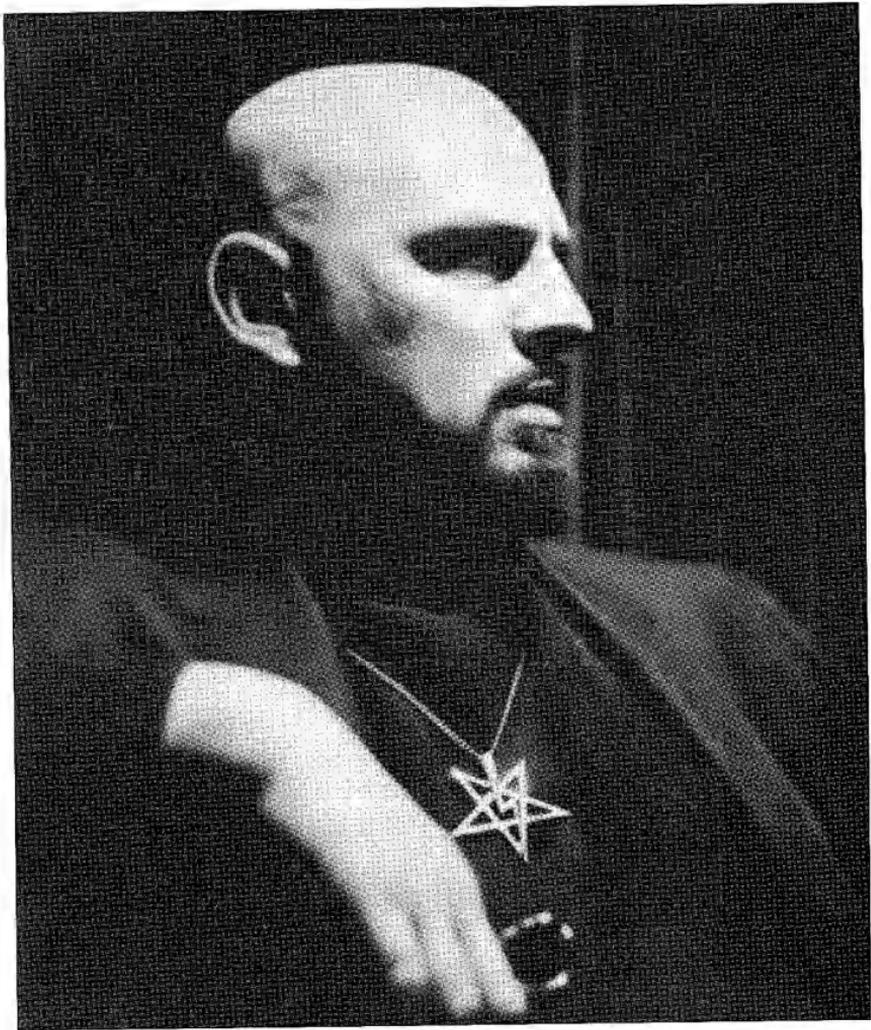
ЛаВей и друг, который жил вместе с ним.

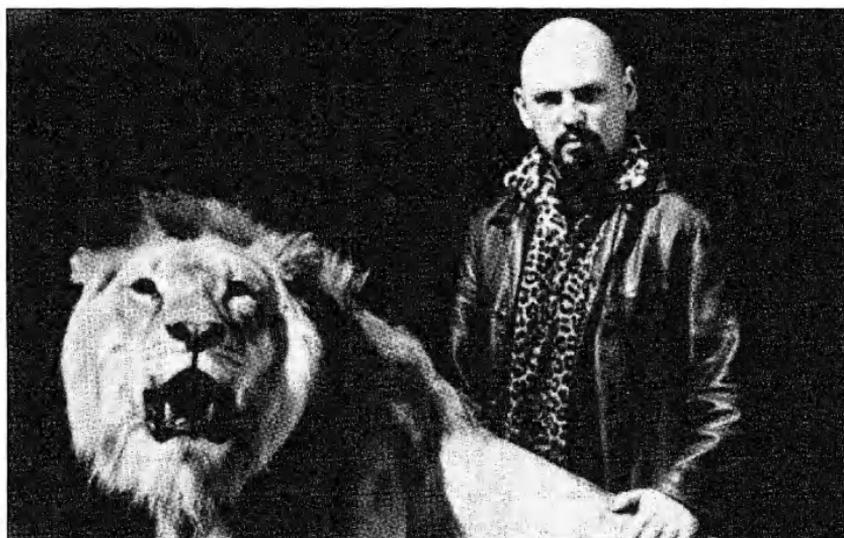
Вверху: Будущая убийца и соратница Чарльза Мэнсона, Сюзан Аткинс, восстает из гроба в образе вампира в ревю ЛаВея «Ведьмы с обнаженной грудью».

Внизу: Главный представитель дьявола.

ЛаВей со своим личным магическим символом: перевернутая пентаграмма, пронзенная молнией.

Вверху: ЛаВей перед своим Черным домом с Тогаре, нубийским львом, его постоянным спутником в первые годы истории Церкви Сатаны.

Внизу: Типичная фотография, сделанная ЛаВеєм во время его краткой карьеры полицейского фотографа в полицейском департаменте Сан-Франциско.

Черный Папа подбадривает сексапильную помощницу земной индульгенцией. Многочисленные подобные фотографии печатались в мужских журналах в ранний период истории Церкви Сатаны.

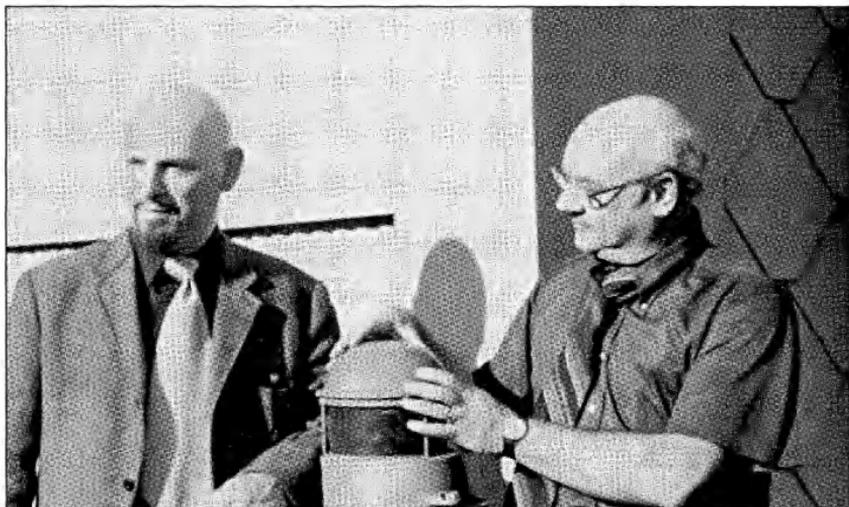
Вверху: Знаменитый посмертный рисунок Джона Бэрримора работы Джона Деккера на куске коричневой оберточной бумаги. Деккер и Бэрримор были членами тайной группы писателей, актеров и бездельников, в которую также входили У. Филдс, Бен Хехт и Джин Фаулер, писавший оды во славу Сатаны и использовавший в качестве псевдонимов имена различных демонов.

Внизу: Хотя настоящая его фамилия была Бем, чиновники острова Эллис переименовали деда Антона по последнему месту его проживания — ЛеВей (Франция). Он сохранил новую фамилию, изменив первое «е» на «а».

Антон и его посвященная последовательница, Джейн Мэнсфилд.
Внутри: ЛаВей и Джейн с семьей (фото Уолтера Фишера).

Вверху: ЛаВей на студии «20th Century Fox» с соратником и писателем Уиллом Фаулером (сыном Джина Фаулера), который на этой фотографии, кажется, практикуется во френологии.

Внизу: Первосвященник сидит между уфологом, ученым-компьютерщиком и борцом с предрассудками Жаком Валле (слева) и французским издателем (книги «Утро магов»), спелеологом и королем гномов, Эме Мишелем.

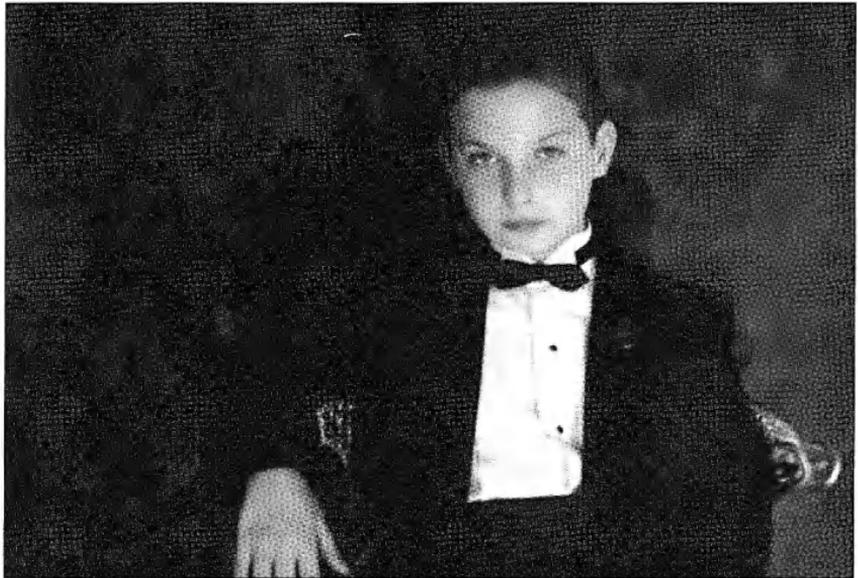

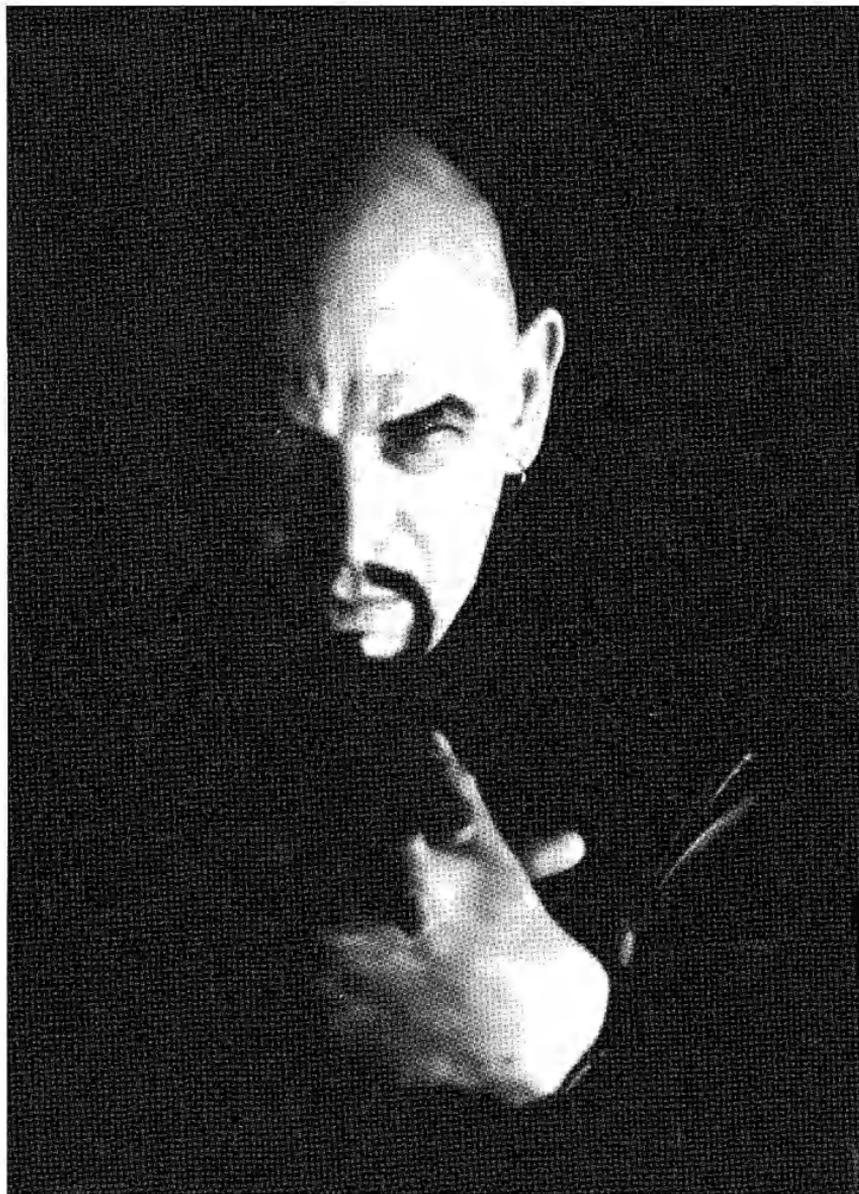

Вверху справа: Первая жена Антона, Кэрол.

Вверху слева: Зина Галатея ЛаВей (фото Ника Бугаса).

Внизу: Стентон Захарофф ЛаВей, внук Антона, родился в 1978 году (фото Гизелы Гетти).

На этом, одном из последних, портрете Антон Шандор Лавей противостоит силам в «невидимой войне» (фото Ника Бугаса).

Содержание

Вступление. Каков сей человек?	9
ЧАСТЬ I. ПРЕДЫСТОРИЯ	17
Глава 1. Сатанистами рождаются, а не становятся	19
Глава 2. Никогда не помогай лилипуту тащить слоновью лохань	43
Глава 3. «Мистер, я был создан для этого»	53
Глава 4. Ночи с Мэрилин Монро	65
Глава 5. Твари, что крадутся в ночи	79
Глава 6. Вальпургиева ночь, 1966	95
ЧАСТЬ II. ЦЕРКОВЬ САТАНЫ	121
Глава 7. Двор Красного короля	123
Глава 8. Дьявол и святая Джейн	139
Глава 9. Адвокат Дьявола	169
ЧАСТЬ III. ДЬЯВОЛЬСКОЕ ЗНАНИЕ	189
Глава 10. Жизнь на краю мира	191
Глава 11. Музыка как некромантия	211
Глава 12. Ад на бобинах	221
Глава 13. Углы безумия	237
Глава 14. Ведьминский шабаш	249
Глава 15. Мазохистская Америка	265
Глава 16. Гуманоиды грядут!	279
Глава 17. Проклятия и совпадения	295
ЧАСТЬ IV. СОВРЕМЕННЫЙ САТАНИЗМ	301
Глава 18. Вторая волна сатанизма	303
Глава 19. Невидимая революция	319
Глава 20. Самый злой человек во Вселенной	339

ЧАСТЬ V. ПРИЛОЖЕНИЯ	349
Словарь терминов ЛаВея	351
Девять положений сатанизма	357
Одиннадцать сатанинских правил на Земле	359
Девять сатанинских грехов	361
Церковь Сатаны, Глашатай Космической Радости	365
Как стать оборотнем: Основы ликантропического метаморфоза (принципы и их применение)	373
Пентагональный ревизионизм: Программа из пяти пунктов	383
Гимн Сатанинской Империи, или Боевой Гимн Апокалипсиса	386

Бланш Бартон
Тайная жизнь сатаниста:
Авторизованная биография
Антонa ЛaВея

Ответственный редактор В. Харитонов
Корректор М. Кузнецова
Компьютерная верстка В. Милич
Художники К. Иванов, А. Касьяненко, К. Прокофьев

Подписано в печать 01.11.2005. Формат 84x108/32.
Бумага газетная пухлая. Печать офсетная.
Гарнитура «Прагматика».
Усл. печ. л. 21,0 + 0,84 вкл.
Тираж 1 500 экз. Заказ № 41

ООО «Издательство «Ультра.Культура».
620142, Екатеринбург, ул. Большакова, 77,
оф.205
Отдел продаж: 8 (343) 251-42-92, 257-85-35
<http://www.ultraculture.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

ДЭВИД П. ЧЭНДЛЕР
БРАТ НОМЕР ОДИН

ПОЛ ПОТ

АЛЛА ДУДАЕВА
МИЛЛИОН ПЕРВЫЙ

ДЖОХАР ДУДАЕВ

ДЖИН ШАРП

ОТ ДИКТАТУРЫ К ДЕМОКРАТИИ

КОММЕНТАРИИ:

- АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ
- ЭДУАРД ЛИМОНОВ
- ИСРАЭЛЬ ШАМИР
- ИЛЬЯ ЯШИН

Книга Джина Шарпа «От диктатуры к демократии», которую называют «библией ненасильственной революции», стала источником вдохновения для победившей оппозиции в Югославии, Грузии и Украине. Главная идея автора в том, что мобилизация оппозиции и свержение антидемократического режима возможна как массовое политическое неповиновение населения. Оно же является и методом борьбы с угрозой недемократического переворота.

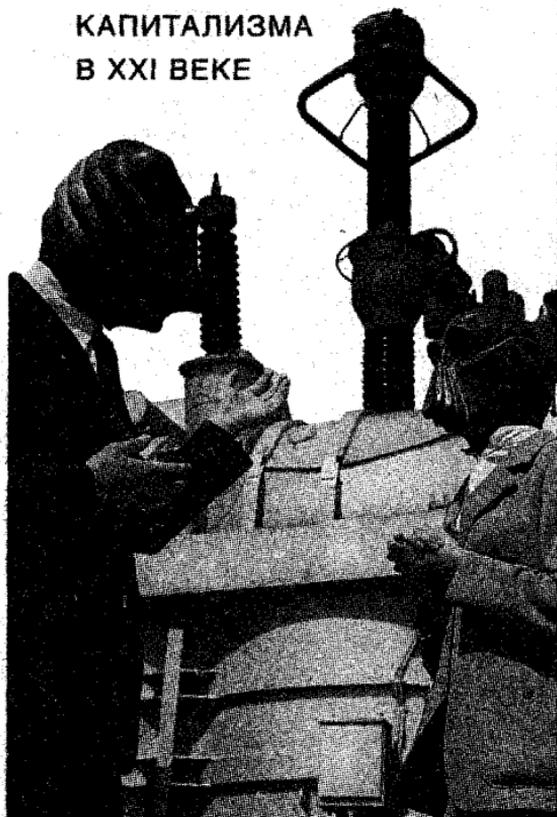
JIM SHARP
FROM DICTATORSHIP
TO DEMOCRACY

ИМПЕРИВМЕНТИ

СЬЮЗАН ДЖОРДЖ

ДОКЛАД ЛУГАНО

О СОХРАНЕНИИ
КАПИТАЛИЗМА
В XXI ВЕКЕ

LUGANO REPORT

«Доклад Лугано», опубликованный Сьюзан Джордж, сразу же стал сенсацией.

Это комплексное исследование убедительно, подробно и обоснованно доказывает, что капиталистическая система во всём хороша, а её перспективы выглядят блестяще.

Единственное, что мешает успешному функционированию нынешней, практически безупречной экономической системы – это люди.

Авторы досконально изучили способы, с помощью которых экономика свободного рынка сможет свести к минимуму количество подобных вредоносных существ.

УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Если вы действительно уверены, что **капитализм** пришел к нам на века, если вы твердо убеждены, что **рабочее и левое движение** заведомо неспособны не только победить систему, но и реформировать ее в своих

интересах, если, наконец, **демократические свободы** не имеют для нас самостоятельной ценности, а Россия воспринимается как страна, для которой **просвещенный абсолютизм** является

пределом мечтаний; тогда, безусловно, есть все основания поддерживать режим с его программой буржуазной модернизации и авторитарного порядка. **Господам и товарищам**, рассуждающим подобным образом, надо расслабиться и получать удовольствие.

Тем, кто рассуждает иначе, **не остается иного пути, кроме борьбы.**

ВЛАДИМИР

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ВСЕРЬЕЗ

Квазиреволюционеры существуют ровно столько времени, сколько существуют революции. Они морочат всем – и своим, и чужим – голову, путаются под ногами у революции, отравляют общественную атмосферу мелким честолюбием, своим сектантством, мещанской трусостью или же мелкобуржуазным авантюризмом, склочничеством, догматизмом, демагогией, умственной ограниченностью – кто чем может, тот тем и отравляет. Словом, виснут на ногах у революционного субъекта в периоды революционного подъема, паразитируют на революции в дни успехов и побед, сеют панику и неуверенность в годы реакции.

A F F L U E N Z A

THE ALL-CONSUMING EPIDEMIC
JOHN DE GRAAF DAVID WANN THOMAS H. NAYLOR
ILLUSTRATIONS BY DAVID HORSEY

ДЖОН ДЕ ГРААФ ДЭВИД ВАНН ТОМАС Х. НЭЙЛОР

Болезненное, заразное, передающееся внутри общества состояние пресыщения, обремененности долгами, тревоги и опустошенности, которое является результатом упрямой погони за новыми и новыми приобретениями.

ПОТРЕБЛЯТСТВО **БОЛЕЗНЬ, УГРОЖАЮЩАЯ МИРУ**

Цель этой книги – не в том, чтобы люди перестали делать покупки, а в том, чтобы покупки делались сознательно и осторожно, с вниманием к истинной стоимости приобретения и пользе от него.

От образа жизни, нацеленного на достижение Богатства и Славы, мы можем сделать шаг к более достойному образу жизни, ведущему нас к Удовлетворению и Здоровью.

WWW.ULTRACULTURE.RU

ВСЕ ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ - ЛОЖЬ

О Л Е Г К И Р Е Е В

ПОВАРЕННАЯ КНИГА МЕДИА-АКТИВИСТА

Информатор передает с максимальной точностью все имеющиеся данные. При передаче информатор ничего не изменяет и не дополняет. При наличии противоречивых источников информатор сообщает все данные с указанием источника. Информатор не создает информационных поводов. Информация передается с минимальными обобщениями. Информация

четко привязывается ко времени. Любая информация, не соответствующая действительности, должна быть опровергнута, при этом главное — опровергнуть неверную информацию, а уже потом — мнения. Любая избыточная и несвоевременная информация — информационный шум. Производитель такого шума осуждается так же, как и производитель сфабрикованной информации.

DAS NEUE SCHWARZBUCH MARKENFIRMEN
KLAUS WERNER/HANS WEISS

КЛАУС ВЕРНЕР/ГАНС ВАЙС

ЧЕРНАЯ КНИГА КОРПОРАЦИЙ

Транснациональные корпорации говорят, что создают рабочие места, двигают вперёд экономическое развитие и повышают уровень жизни в странах, где они работают.

Не верьте.

На каждое созданное ими рабочее место приходится несколько ими же разрушенных.

Они тратят миллионы на свой пиар, но жалеют лишний цент рабочим. Реализуя свой товар на мировом рынке, корпорации заинтересованы, чтобы зарплата в странах, где они разворачивают производство, оставалась предельно низкой.

Государство, экономика которого находится под контролем корпораций, никогда не победит бедности.

WWW.ULTRACULTURE.RU

ВСЕ ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ – ЛОЖЬ

По вопросам
оптовой покупки книг
издательства
«УЛЬТРА.КУЛЬТУРА»
обращаться по адресу:
620142, Екатеринбург, ул.Большакова, 77
ООО «Издательская группа
«У-Фактория»
Телефоны:
8 (343) 257-85-35, 251-42-92
Факс:
8 (343) 257-85-35
e-mail: kniga@ufactory.ru

ООО «Торговый дом «Фактория»
г. Москва
телефоны: 8 (495) 543-94-99, 602-64-42

Московский офис
ООО «Издательская группа «У-Фактория»
г. Москва
телефоны: 8 (495) 710-08-66

ЗАО «Книжный клуб 36,6»
г. Москва,
телефон: 8 (495) 540-45-44

ООО «Торговый дом Амадеос»
г. Москва,
телефон: 8 (495) 513-59-85

ООО «Фирма «Столица-Сервис»
г. Москва
телефон: 8 (495) 370 -71-92

ООО «Издательство «Симпозиум»
г. Санкт-Петербург
телефон: 8 (812) 314-46-13

АНТОН ШАНДОР ЛАВЕЙ (ГОВАРД СТЭНТОН ЛЕВЕЙ)

ДАТА РОЖДЕНИЯ

11 апреля 1930 года

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Чикаго, США

ГРАЖДАНСТВО

США

ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Органист, дрессировщик,
фотограф, писатель

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

(ВЕРСИЯ «ОФИЦИАЛЬНАЯ»
И «НЕОФИЦИАЛЬНАЯ»)

Еще в детстве был приобщен к Темной стороне своей бабушкой, трансильванской цыганкой (по другой версии, бабушкой Говарда была еврейка с Украины). Работал дрессировщиком в цирке Клайда Битти (этот факт «официальной» биографии опровергается документами). В 1948 году работает органистом в Лос-Анджелесе, где знакомится и переживает бурный роман с Мэрилин Монро (и этот яркий факт биографии опровергается свидетелями и документами). В 1950-х годах работает фотографом полицейского управления Лос-Анджелеса (что, впрочем, не подтверждают архивы).

В 1960-х, после приобретения Черного дома (который, согласно свидетельству его родственников, всегда принадлежал его родителям), начинает проводить семинары по оккультизму и становится городским органистом Сан-Франциско (должность, которой в Сан-Франциско никогда не существовало). 30 апреля 1966 года проходит традиционный езидистский ритуал обритуа головы и объявляет себя Верховным Священником Церкви Сатаны. Вскоре после этого деятельность Церкви Сатаны становится постоянной темой СМИ, ее популярность растет, и Лавей приобретает многочисленные знакомства среди влиятельных и знаменитых личностей. В 1969 году он публикует «Сатанинскую Библию», в 1972 — «Сатанинские ритуалы», а затем и «Записки Дьявола» (в этих книгах многочисленные критики Лавей обнаруживают множество фрагментов, заимствованных в других оккультных трактатах). В 1979 году объявляет главной задачей сатанизма подготовку к производству «искусственных компаньонов». Скончался 31 октября 1997 года, в ночь Хэллоуина (в свидетельстве о смерти зафиксирована другая дата — 21 октября 1997 года).

WWW.ULTRAC...

УФ. Тайная жизнь сатаниста

9

9785968100818

19.06.08